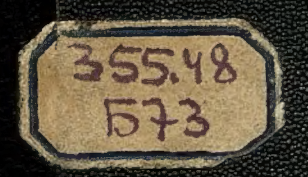

355.48
Б73

Цена
5 руб.

ПРОВЕРЕНО 54 г.

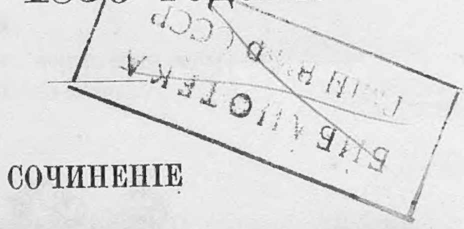
ПРОВЕРЕНО 51 г.

ПРОВЕРЕНО 1960 г.

Проверено 2015
ПРОВЕРЕНО 1935 г.

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

1853—1856 годовъ.



СОЧИНЕНІЕ

ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА

М. И. Богдановича.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Томъ III.

Р. С. Ф. С. Р.
„Центральная библиотека"
I городской район
Стремянная 10,
тел. № 23-75.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

1877

1274
947.422 Б 733
9133
94 Х 422

355.48
Б73

(296)

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Глава XX. Высадка Союзной арміи и сраженіе на Алмѣ.

Составъ и число Союзныхъ войскъ. 1. — Занятіе Евпаторіи. 3. — Высадка. 4.

Составъ русскихъ войскъ. 7.—Позиція на Алмѣ. 7—9.—Расположеніе русскихъ войскъ. 9—11.—Расположеніе Союзниковъ на р. Булганакѣ. 14.—Дѣло 7-го (19) сентября. 14.—Расположеніе Союзныхъ войскъ для боя. 15.—*Сраженіе на Алмѣ.* 16—30.—Отступленіе русскихъ войскъ. 31.—Уронъ обѣихъ сторонъ. 31—32. Разборъ дѣйствій. 32—39.

Глава XXI. Движеніе Англо-Французовъ на южную сторону Севастополя и приготовленія къ бомбардированію.

Затопленіе русскихъ кораблей на рейдѣ. 40—43.—Прибытіе войскъ князя Меншикова къ Севастополю. 44.—Выступленіе князя Меншикова. 45.—Расположеніе остальныхъ войскъ для защиты Севастополя. 46.—Укрѣпленія на Сѣверной сторонѣ. 47—49.

Нерѣшительность Союзниковъ. Движеніе ихъ къ р. Качѣ и къ р. Бельбеку. 49.—Движенія войскъ обѣихъ сторонъ: князя Меншикова на р. Качу, а Союзниковъ къ Ѳедюхинымъ высотамъ и къ Балаклавѣ. 50—56.—Принятіе начальства надъ войсками въ Севастополѣ адмираломъ Корниловымъ. 58.—Укрѣпленія Южной стороны. 59.—Расположеніе севастопольскаго гарнизона. 60.

Занятіе Англичанами Балаклавы. 61.

Приготовленія Корнилова къ оборонѣ Севастополя. 62.—Прибытіе арміи князя Меншикова. 63.—Характеръ первоначальной обороны. Инженерныя работы съ 13-го (25) по 17-е (29) сентября. 64—67.—Отзывъ иностранца о защитѣ Севастополя. 67.

Союзники не рѣшаются на штурмъ. 68.—Число и расположеніе ихъ войскъ. 70.—Раздѣленіе Южной оборонительной линіи на 4 отдѣленія и размѣщеніе войскъ гарнизона. Инструкція начальникамъ отдѣленій. 71—73.—Инженерныя работы по 4-е (16-е) октября. 73—78.—Осадныя работы. 79—80.

Глава XXII. Первое бомбардированіе Севастополя. Бой 5-го (17) октября. 82.—Смерть Корнилова. 85.—Бомбардированіе съ моря.

89.—Результаты бомбардированія съ сухаго пути и съ моря. 96.—Бомбардированіе въ слѣдующіе дни, съ 6-го (18) по 13-е (25) октября. 99—104.—Письма Императора Николая I князю Меншикову и князю М. Д. Горчакову. 105—107.—Высочайшій Приказъ 12-го октября. 107.

Глава XXIII. Сраженіе при Балаклавѣ (при Кадикіой).

Прибытіе подкрѣпленій къ войскамъ обѣихъ сторонъ. 109.—Расположеніе англійскихъ войскъ. 110—111.—*Дѣло 13-го (25) октября.* 112—122.—Расположеніе войскъ послѣ боя. 122.—Потери. 123. — Разборъ дѣйствій. 123—124.

Глава XXIV. Сраженіе при Инкерманѣ.

Оборонительныя распоряженія Союзниковъ. 125.—Вылазка 14-го (26) октября. 125—127.—Инженерныя работы обѣихъ сторонъ. 127.—Прибытіе 10-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій. 128.—Расположеніе войскъ обѣихъ сторонъ. 129—130.—Позиція на Сапунъ-горѣ. 131.—Диспозиція для нападенія на Союзниковъ. 132.—Генералъ Данненбергъ. 134.—Прибытіе Великихъ Князей. 135.—Измѣненіе Данненбергомъ первоначальной диспозиціи. 135—137.—Наступленіе Соймонова. 138. — Наступленіе Павлова. 139. — Движеніе Боскè въ помощь Англичанамъ. 143.—Бездѣйствіе князя Горчакова 3-го. 146.—Отступленіе войскъ Данненберга. 148.—Удачная вылазка генерала Тимофеева. 150.—Потери обѣихъ сторонъ. 152.—Разборъ дѣйствій. 154—158.

Письма Императора Николая I князю Меншикову и князю М. Д. Горчакову. 159—160.

Глава XXV. Отъ сраженія при Инкерманѣ до начала атаки Малахова кургана.

Буря въ ночи на 2-е (14-е) ноября. Положеніе войскъ обѣихъ сторонъ. 162—166.—Инженерныя работы. 166. — Вспомогательныя преграды. Завалы и контръ-апроши. 168.—Нападенія Союзниковъ на завалы. Вылазки. Ложементы. 169—175.—Устройство на Городской сторонѣ второй оборонительной линіи: *Чесменскій, Ростиславскій* и *Язоновскій* редуты. 175.—Усиленіе обороны Малахова кургана. 176.—Устройство контръ-минъ. 178.—Вылазки въ ночь на 30-е ноября (12-е декабря). 180. — Морская вылазка 24-го ноября (6 декабря). 182.—Вылазки Бирилева. Матросъ Шевченко. 183—184.

Глава XXVI. Положеніе войскъ обѣихъ сторонъ зимою 1854—1855 г.—Продовольствованіе.—Госпитали.

Бѣдственное положеніе Союзныхъ войскъ. 186—187.—Императоръ Николай I требуетъ рѣшительныхъ дѣйствій. 188.—Каждый мѣсяцъ въ Севастополѣ—годъ службы. 189.—Генералъ-адъютантъ Сакенъ назначенъ начальникомъ Севастопольскаго гарнизона. 190.—Сравненіе положенія обѣихъ сторонъ въ ноябрѣ 1854 года. 191.—Распоряженія генерала Сакена. 192.

Продовольствованіе русскихъ войскъ. Количество припасовъ осенью 1854-го и весною 1855-го годовъ. 194.—Затруднительность добыванія и доставленія къ войскамъ фуража. 198.—Неудачные опыты сѣнокошенія и прессированія сѣна. 201—203.

Призрѣніе больныхъ и раненыхъ. Постоянный недостатокъ въ помѣщеніяхъ и средствахъ. 203—210. Подвиги добра. 210—213.

Глава XXVII. Штурмъ Евпаторіи.

Обозрѣніе Евпаторіи. Войска, собранныя противъ Евпаторіи. 217.—Войска Омера-паши. 219.—Диспозиція для штурма. 220.—Предварительныя приготовленія. 221.—*Штурмъ* 5 (*17*) *февраля.* 223.—Потери обѣихъ сторонъ. 226.

Письма Государя Наслѣдника (нынѣ благополучно царствующаго Императора) князю Меншикову и князю М. Д. Горчакову. 227—230.

Переговоры. Нота князя А. М. Горчакова графу Буолю, отъ 28 ноября н. ст. 1854 года, о согласіи Императора Николая I на принятіе предложеній Австріи. 230. — Трактатъ между Австріею, Франціею и Великобританіею, 2 декабря н. ст. 1854 г. 233.—Мнѣніе Императора Николая I о предстоявшихъ переговорахъ въ Вѣнѣ. 234.—Высочайшій Манифестъ 14 декабря 1854 г. 234 — 236. Мѣры, принятыя для обороны Государства. 236—237.

Глава XXVIII. Сооруженіе Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ и Камчатскаго люнета. Силы обѣихъ сторонъ въ февралѣ 1855 года. 238—239.—Открытіе постепенной атаки на Малаховъ курганъ. 240.—Постройка Селенгинскаго редута. 241—248.—Постройка Волынскаго редута. 248—250.—Постройка Камчатскаго люнета. 251—252.—Образованіе контръ-параллели. 253.—Заложеніе непріятелемъ 1-й параллели атаки Викторіи. 253.—Приказъ Нахимова. 254—255.

Бой въ ложементахъ впереди Камчатскаго люнета. 256.—Смерть Истомина. 257.—Вылазка 3-го (15) марта. 259.

Прибытіе князя М. Д. Горчакова. 260.—Письма къ Государю Императору князя Горчакова. 261.

Вылазка въ ночи на 11-е (23) марта. 262—267.

Положеніе дѣлъ къ 28-му марта (къ 9-му апрѣля). 268—274.

Глава XXIX. Второе бомбардированіе Севастополя.—Контръ-апроши на правомъ флангѣ оборонительной линіи.

Второе, десяти-дневное, бомбардированіе Севастополя. 275—288.—Потери обѣихъ сторонъ. 289.—Результаты бомбардированія. 291.

Устройство контръ-апрошей впереди 4-го бастіона. 294.—Занятіе ихъ Французами въ ночи на 20-е апрѣля (на 2-е мая). 298.—Вылазка Охотцевъ и празднованіе ими полу-годоваго юбилея обороны Севастополя. 302—303.

Расположеніе и число войскъ обѣихъ сторонъ въ началѣ (въ половинѣ) мая. 305—310.

Устройство контръ-апрошей у кладбища и у Карантинной бухты. 311—314.—Взятіе ихъ Французами, въ ночи съ 11-го (23) на 12-е (24) мая. 314—323.

Глава XXX. Экспедиція Союзниковъ въ восточную часть Крыма.

Керченскій полуостровъ. Войска тамъ расположенныя. 324.—Союзныя войска, назначенныя для экспедиціи. 327.—Распоряженія генерала Врангеля. 327.—Высадка Союзниковъ. Занятіе ими Керчи. 328—331.—Отступленіе Врангеля. 332.

Распоряженія князя Лобанова для защиты Геническа. 333.

Союзная эскадра въ Азовскомъ морѣ. Непріятели у Бердянска, у Арабата, у Геническа, у Таганрога, у Маріуполя, у Ейска, и пр. 333—

337.—Появленіе Союзниковъ въ Анапѣ. 338.—Результаты ихъ экспедиціи. 338—339.

Вторичное нападеніе на Бердянскъ и Таганрогъ. 340—342.

Усиленіе русскихъ войскъ на сѣверномъ берегу Азовскаго моря. 342.—Дѣло при Кирпичевѣ. 343.—Кавалерія Сухотина. 344.

Глава XXXI. Штурмъ передовыхъ укрѣпленій лѣваго фланга Севастопольской линіи. — Отбитіе штурма на Корабельную сторону.

Расположеніе русскихъ войскъ внѣ Севастополя. 347.—Наступленіе Французовъ на правую сторону р. Черной. 347.—Диспозиція для штурма нашихъ передовыхъ укрѣпленій. 348.—Число орудій на оборонительной линіи и на осадныхъ батареяхъ. 349.—Составъ и распредѣленіе севастопольскаго гарнизона. 349—351.—Канонада и бомбардированіе 25-го мая (6 іюня). 351.—Взятіе Французами Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ и Забалканской батареи. Обратное взятіе батареи княземъ Урусовымъ. 352—354.—Занятіе Французами Камчатскаго люнета и отбитіе его Хрулевымъ. Окончательное занятіе Французами люнета. 354—356.—Дѣйствія нашихъ пароходовъ. 359.—Потери обѣихъ сторонъ. 360.—Предположеніе князя Горчакова — оставить Севастополь. 362.—Письмо Государя Императора князю Горчакову. 364.

Передѣлка непріятелемъ взятыхъ ими укрѣпленій. 365.—Наши инженерныя работы. 368.—Усиленіе внутренней обороны. 368.—Раздѣленіе 4-го отдѣленія на 4-е и 5-е. 369.—Сравненіе вооруженія артиллеріей нашихъ и осадныхъ батарей. 369—370.—Составъ и распредѣленіе гарнизона. 370—373.—Распоряженія на случай штурма. 373—374.

Штурмъ назначенъ на 6-е (18-е) іюня. Число и составъ штурмовыхъ колоннъ. 374—376.

Усиленное бомбардированіе Севастополя, 5-го (17) іюня. 376—379.—Диспозиція для штурма. 380—382.—Атака на 1-й и 2-й бастіоны. 382—384.—Атаки на бастіонъ Корнилова и на батарею Жерве. Генералъ Хрулевъ отбиваетъ батарею. 384—388.—Атака Англичанъ на 3-й бастіонъ и на батареи на Пересыпи. 388—391.—Перемиріе. 392.—Уронъ обѣихъ сторонъ на штурмѣ 6-го (18) іюня. 393—394.—Причины неудачи штурма. 394.—Награды. 395—397.—Письмо Государя Императора князю Горчакову. 397.—Князь Горчаковъ послѣ отбитаго штурма. 397—399.

Глава XXXII. Осада Севастополя отъ перваго штурма до сраженія на рѣкѣ Черной.

Тотлебенъ раненъ. 400.—Предположенія Союзныхъ инженеровъ. Цѣль ихъ дѣйствій. 402.—Осадныя работы. 403—404.—Жизнь на бастіонахъ. 405.—Смерть адмирала Нахимова. Характеръ его. 406—413.—Смерть Раглана. 413.

Положеніе Севастополя. 414.—Успѣхи осадныхъ работъ. 415—416.—Усиленіе внутренней обороны Севастополя. Мостъ на Большой бухтѣ. 417—419.—Борьба артиллеріи и перестрѣлка. 419.—Начальники частей севастопольскаго гарнизона. 422.—Сравненіе вооруженія нашихъ и осадныхъ батарей. 422—425.

Прибытіе въ окрестности Севастополя 4-й, 5-й и 7-й резервной пѣхотныхъ дивизій. 425.

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ НА РѢКѢ АЛЬМѢ

8/20 Сентября 1854 года.

ГЛАВА XX.

Высадка Союзной арміи и сраженіе на Алмѣ.

(Со 2-го (14-го) по 8-е (20-е) сентября 1854 г.).

Для первоначальной высадки въ Крымъ были назначены со стороны Французовъ 4 пѣхотныя дивизіи, въ составѣ 40 баталіоновъ, и два эскадрона, всего около 30 тысячъ человѣкъ, съ 68-ю полевыми орудіями (1), а со стороны Англичанъ: 5 пѣхотныхъ дивизій и часть кавалерійской дивизіи, въ составѣ 32-хъ баталіоновъ и 10-ти эскадроновъ, и въ числѣ 18,000 чел. пѣхоты и 2,000 кавалеріи, всего 22,000 чел. съ 54-мя полевыми орудіями (2); кромѣ того, турецкая дивизія, въ числѣ до 7,000 чел. пѣхоты съ 12-ю полевыми орудіями. Вообще же союзная армія, вмѣстѣ съ прислугою артиллеріи и инженернымъ корпусомъ, простиралась до 60,000 челов. съ 134-мя полевыми и 73-мя осадными орудіями (3).

До того времени, теорія, основанная на примѣрахъ прежнихъ высадокъ, не допускала возможности подобныхъ предпріятій въ значительныхъ силахъ, и смѣлое предположеніе Наполеона—произвести высадку полутораста-тысячной арміи на бе-

рега Англіи, не будучи приведено въ исполненіе, нисколько не поколебало убѣжденія военныхъ людей въ трудности высадокъ свыше тридцати-тысячнаго корпуса. Да едвали бы и могла быть исполнена высадка Наполеона въ Англію, судя по сложности условій, которыя требовались для успѣха этой экспедиціи. Но развитіе пароходства, сдѣлавъ морскія экспедиціи несравненно менѣе зависимыми отъ направленія и силы вѣтровъ, способствовало двумъ могущественнымъ морскимъ державамъ предпринять и совершить съ успѣхомъ одновременно высадку 60-ти тысячъ человѣкъ, со всею находившеюся при нихъ матеріальною частью. Кромѣ полевой артиллеріи и парковъ, артиллерійскаго и инженернаго, Союзная армія имѣла при себѣ 11 тысячъ туровъ, 9,600 фашинъ, 180 тыс. земляныхъ мѣшковъ, 30 тыс. кирпичей, 50 мантелетовъ и 21,600 штукъ шанцоваго инструмента. Французское интендантство, принявъ на себя обязанность продовольствовать, какъ свои войска, такъ и турецкую дивизію, заготовило 1,000,000 раціоновъ муки, сухарей и соли; 1,500,000 рису, кофе и сахара, 240,000 говядины, 450,000 сала, 800,000 вина, 300,000 водки, а также значительное количество дровъ и угля. Французы также озаботились облегченіемъ участи своихъ больныхъ и раненыхъ: число военныхъ медицинскихъ чиновъ было увеличено; при каждой дивизіи находились: походный госпиталь и часть легкаго госпиталя, прибывшаго изъ Алжиріи, 50 паръ носилокъ и лазаретныя фуры, а также госпитальныя палатки, матеріалы для постройки большаго барака, тюфяки и все нужное бѣлье. Обозъ госпитальной части вообще состоялъ изъ 40 повозокъ и 350 вьючныхъ муловъ. Англійскія войска были снабжены всѣми запасами хуже французскихъ и вовсе

не имѣли обоза, а снаряженіе и снабженіе турецкихъ войскъ были весьма неудовлетворительны ([4]).

Перевозка въ Крымъ французскихъ войскъ, со всѣми находившимися при нихъ запасами и обозами, потребовала 172-хъ морскихъ судовъ разной величины ([5]), а перевозка англійскихъ войскъ—до полутораста паровыхъ и парусныхъ транспортовъ. Турецкая же дивизія была посажена на 9-ти турецкихъ корабляхъ, присоединившихся къ англо-французскому флоту ([6]).

Въ продолженіи 1-го (13-го) сентября, Союзники были заняты сборомъ отставшихъ судовъ у Евпаторіи и приготовленіями къ высадкѣ. Въ тотъ же день, около полудня, пароходы *Карадокъ*, подъ парламентерскимъ флагомъ, *Симпсонъ* и *Фридландъ* подошли къ городу, а 36-ти-пушечный винтовый фрегатъ *Трибунъ*, ставъ еще ближе къ берегу, готовился открыть огонь по городскимъ строеніямъ. Исправлявшій должность коменданта, маіоръ Браницкій, съ командою слабосильныхъ Тарутинскаго егерскаго полка, въ числѣ до 200 человѣкъ, отступилъ по дорогѣ на Симферополь. Непріятель, занявъ городъ отрядомъ въ 3 тысячи человѣкъ съ 12-ю орудіями, оставилъ для поддержанія ихъ нѣсколько судовъ. Въ городѣ найдено Союзниками 60 тысячъ четвертей пшеницы, принадлежавшей мѣстному купечеству ([7]). Такимъ образомъ непріятельская армія была обезпечена этимъ провіантомъ на четыре мѣсяца.

На слѣдующій день, 2-го (14-го) сентября, въ два часа пополуночи, поданъ былъ сигналъ къ отплытію отъ Евпаторіи. Союзники ожидали встрѣтить сопротивленіе при высадкѣ, но войска князя Меншикова оставались, по прежнему, на Алмѣ и Качѣ, да и едва ли имѣли возможность дѣйствовать съ успѣхомъ на совершенно открытой мѣстности,

противъ войскъ, поддержанныхъ канонадою несмѣтнаго множества морскихъ орудій. Тѣмъ не менѣе однако же появленіе въ виду непріятеля даже незначительнаго нашего отряда замедлило бы и весьма затруднило бы высадку Союзниковъ. Одинъ изъ адъютантовъ генерала Боске́ пишетъ: „Assurément, les bâtiments des flottes auraient eu raison des batteries de campagne que les Russes auraient pu amener sur la côte; mais l'on eût perdu beaucoup d'hommes par la confusion et le feu, et notre effectif n'était pas fort élevé". (Конечно, судовая артиллерія одержала бы верхъ надъ полевыми батареями, которыя могли Русскіе подвезти къ берегу; но мы потеряли бы много людей отъ суматохи и огня непріятельскихъ орудій; а войскъ у насъ было мало). На разсвѣтѣ, французскія транспортныя суда и флотъ подошли къ мѣсту, указанному для высадки. Первая линія, составленная изъ кораблей, въ промежуткахъ между которыми находились пароходы, стала на якорь въ двухъ-стахъ саженяхъ отъ берега; на этихъ судахъ были размѣщены войска 1-й дивизіи, а на судахъ второй и третьей линіи—2-й и 3-й дивизій; позади расположились транспортныя суда и турецкая эскадра; а на флангахъ первой линіи—легкіе пароходы, назначенные для обстрѣливанія впереди лежащей мѣстности, въ случаѣ появленія русскихъ войскъ. Между тѣмъ было отправлено нѣсколько пароходовъ, съ посаженною на нихъ 4-ю дивизіей, для демонстраціи, къ устью Качи, откуда они должны были возвратиться вечеромъ къ Евпаторіи. Нѣсколько спустя англійскія суда, подойдя постепенно къ мѣсту высадки, построились въ линіи лѣвѣе Французовъ ([8]).

Въ 8-мъ часу утра, по сигналу, поданному съ корабля *Городъ Парижъ*, французскія войска стали

садиться на гребныя суда; въ 9 часовъ началась высадка, въ полдень уже вышла на берегъ почти вся первая дивизія; въ три часа высадилась 2-я, а къ вечеру и 3-я дивизія; вмѣстѣ съ тѣмъ выгружалась полевая артиллерія. Къ ночи 2-го (14-го) сентября, три дивизіи съ 59-ю орудіями уже были расположены по восточную сторону Кичикъ-бельскаго озера, примкнувъ правый флангъ къ морю. Англичане высадились позже, потому что не успѣли прибыть во̀время къ назначенному пункту: такъ говорятъ союзники ихъ Французы. По свидѣтельству же Кинглека, причиною тому было перемѣщеніе влѣво бакеновъ, долженствовавшихъ служить чертою раздѣла между французскими и англійскими войсками, что̀ заставило адмирала Лайонса, для избѣжанія безпорядка, могшаго произойти отъ столпленія на одномъ мѣстѣ войскъ обѣихъ націй, избрать для высадки совершенно отдѣльный пунктъ, еще болѣе влѣво (сѣвернѣе) отъ Стараго-форта, близъ озера Камишлу. Но какъ бы ни было, Англичане, затрудняемые поднявшимся къ вечеру сильнымъ волненіемъ, успѣли высадить въ тотъ день только двѣ первыя дивизіи ([9]). Къ ночи, 4-я французская дивизія, исполняя данное ей приказаніе, обратилась отъ устья Качи къ мѣсту высадки, и хотя сильный шквалъ съ дождемъ затруднялъ плаваніе гребныхъ судовъ, однакоже на разсвѣтѣ 3-го (15-го) успѣли выдти на берегъ всѣ войска 4-й и турецкой дивизій. Затѣмъ съ большимъ трудомъ были выгружены обозъ, жизненные и военные припасы, и наконецъ лошади. 4-го (16-го) сентября, французскія войска были обезпечены продовольствіемъ до 11-го (23-го) включительно. Французы провели первую ночь послѣ высадки довольно сносно, благодаря имѣвшимся при нихъ небольшимъ палаткамъ (tentes-abris); напро-

тивъ того, Англичане, которымъ довелось простоять до утра на низменной мѣстности въ лужахъ, подъ проливнымъ дождемъ, безъ палатокъ и безъ бивачныхъ огней, терпѣли невыносимыя бѣдствія и успѣли окончить высадку не прежде 6-го (18-го) сентября. На счетъ продовольствованія, Англичане также находились въ невыгодномъ положеніи, хотя и получали ежедневно по полтора фунта мяса, между тѣмъ какъ дача Французовъ была втрое менѣе. Но, за то, первые готовили пищу поодиначкѣ, каждый для себя, а Французы—артелями. Отъ этого случалось, что англійскіе солдаты, возвратясь въ лагерь, усталыми и иззябшими, послѣ суточной стоянки въ траншеѣ, должны были отправляться за дровами, разводить огонь и на̀-скоро жарить свою мясную порцію. Впослѣдствіи они стали готовить пищу сообща; но, вмѣсто небольшихъ котелковъ, употреблявшихся во французскихъ артеляхъ, завели огромные ротные котлы, весьма неудобные къ перевозкѣ съ мѣста на мѣсто. Отъ недостатка въ горячей пищѣ, въ англійскомъ лагерѣ развились въ сильной степени холера и другія повальныя болѣзни ([10]). Все это убѣждаетъ въ несомнѣнной истинѣ, что въ дѣлѣ продовольствованія и гигіены десятковъ тысячъ людей, поставленныхъ въ исключительное положеніе условіями походной жизни, нѣтъ ничего маловажнаго.

Командующій войсками въ Крыму, князь Меншиковъ, сосредоточивъ главныя силы на рѣкѣ Алмѣ, донесъ Государю, что 1-го сентября, въ виду Евпаторіи, появился многочисленный англо-французскій флотъ, и что вслѣдъ затѣмъ значительное число непріятельской пѣхоты съ частью кавалеріи высажено на берегъ между Евпаторіей и дер. Кюн-

тоуганомъ (*). Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь Меншиковъ доносилъ, что: „не признавъ возможнымъ атаковать высаженныя войска на плоскомъ берегѣ, обстрѣливаемомъ съ флота, сосредоточилъ бо́льшую часть своихъ силъ на выгодной позиціи, въ которой готовится встрѣтить противника", и что „состоящія подъ его начальствомъ войска, одушевленныя рвеніемъ и преданностію престолу и отечеству, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ минуты сразиться съ непріятелемъ" ([11]).

Нѣсколько дней спустя, князь Меншиковъ донесъ Государю, что непріятель, совершивъ высадку въ значительныхъ силахъ, оставался на мѣстѣ, и что наши войска занимали позицію по рѣкѣ Алмѣ, при деревнѣ Бурлюкѣ ([12]).

Войска эти, въ составѣ 42½ баталіоновъ, 16-ти эскадроновъ и 11-ти казачьихъ сотенъ, съ 10-ю батареями, находились въ числѣ до 35-ти тысячъ человѣкъ съ 84-мя орудіями ([13]).

Позиція, ими занятая, находилась на лѣвомъ берегу рѣки Алмы, образующемъ плато́, высотою отъ 150-ти до 350-ти футовъ. Начиная отъ устья рѣки въ море до восточной оконечности селенія Алматамакъ, возвышенія лѣваго берега Алмы обрывисты и доступны только по крутымъ и узкимъ оврагамъ. Далѣе—высоты поворачиваютъ къ югу, отходя отъ рѣки и простираясь по обѣ стороны большой дороги, ведущей изъ Евпаторіи въ Севастополь: на этомъ пространствѣ онѣ болѣе доступны и имѣютъ видъ покатыхъ терассъ. Дорога проходитъ вдоль балки, спадающей почти подъ прямымъ

(*) Кютоуганъ, имѣніе, принадлежавшее помѣщику Ревеліоти.

угломъ къ рѣкѣ противъ селенія Бурлюкъ. Къ востоку отъ балки и большой Севастопольской дороги, возвышается гора, на сѣверо-восточномъ склонѣ которой, въ разстояніи не болѣе 300 саженъ отъ берега рѣки, находится довольно высокій холмъ, за коимъ пролегаютъ двѣ дороги отъ Тарханларскаго трактира къ рѣкѣ Качѣ. На всемъ пространствѣ отъ устья Алмы до трактира, правый берегъ покрытъ виноградниками, садами и строеніями деревень: Алматамакъ, Бурлюкъ и Тарханларъ; далѣе-же къ сѣверу, правая сторона рѣки представляетъ обширную равнину, весьма удобно обозрѣваемую съ лѣваго берега, на которомъ сады и виноградники находятся только влѣво отъ большой дороги, а также противъ селенія Бурлюка и нѣсколько ниже по теченію рѣки. На всемъ пространствѣ теченія Алмы былъ только одинъ деревянный мостъ, у селенія Бурлюка; но, за то, встрѣчались броды на многихъ пунктахъ.

Лѣвый флангъ нашей позиціи находился на высотѣ противъ селенія Алматамакъ, а правый флангъ на высокой горѣ, у дороги, ведущей отъ Тарханларскаго трактира къ рѣкѣ Качѣ; на оконечности праваго фланга стояли казаки. Эта позиція представляла важныя выгоды: во 1-хъ, господство надъ правымъ берегомъ рѣки; во 2-хъ, удобство обозрѣвать впереди лежащую мѣстность, чтò не позволяло непріятелю дѣлать какія-либо скрытыя движенія, тогда какъ онъ могъ видѣть только нашу первую линію, прочія-же войска были отъ него скрыты и могли быть обозрѣваемы только съ марсовъ его кораблей, и наконецъ, въ 3-хъ, мы были заслонены отъ непріятельскаго флота высокимъ морскимъ берегомъ, чтò препятствовало непріятелю вредить намъ съ моря прицѣльными выстрѣлами, а навѣсная стрѣльба могла

быть производима имъ только на-удачу. Невыгоды же нашей позицiи состояли: во 1-хъ, въ ея растянутости почти на семь верстъ, чтó отчасти вознаграждалось недоступностью лѣваго крыла ея, гдѣ для обороны достаточно было небольшаго числа войскъ, и во 2-хъ, въ прикрытiи, которое непрiятель могъ прiобрѣсти, занявъ на правомъ берегу Алмы селенiя съ ихъ садами и оградами: эту невыгоду легко было устранить, разрушивъ ограды и вырубивъ сады и виноградники; но наши частные начальники не имѣли на то разрѣшенiя, и боясь навлечь на себя отвѣтственность въ разоренiи мирныхъ жителей, запрещали рубить даже ракитникъ у садовыхъ оградъ, чтобы не подать повода къ истребленiю фруктовыхъ деревьевъ. Впослѣдствiи, войска нацiй, кичащихся своимъ просвѣщенiемъ, не выказали такого снисхожденiя къ туземцамъ и не щадили нисколько ихъ имуществъ. Нельзя также оставить безъ замѣчанiя, что, предположивъ принять бой на заранѣе избранной позицiи, мы должны были усилить ее искусственными средствами: на это мы имѣли довольно времени, а въ матерiалахъ для укрѣпленiя не было недостатка. Но, къ сожалѣнiю, мы не воспользовались этими выгодами.

Войска наши были расположены на позицiи слѣдующимъ образомъ: на лѣвомъ крылѣ, примыкая флангомъ къ дорогѣ, ведущей изъ сел. Алматамакъ въ сел. Аджибулатъ (Улюколь или Лукуллъ), стояли 5-е и 6-е баталiоны Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ, въ ротныхъ колоннахъ; за ними, во второй линiи, Тарутинскiй полкъ, въ колоннахъ къ атакѣ, а въ резервѣ Московскiй полкъ и легкая № 4-го батарея 17-й артиллерiйской бригады. 2-й баталiонъ Минскаго полка былъ поставленъ лѣвѣе и позади первой линiи, у деревни Аклезъ, въ разстоянiи около

версты отъ морскаго берега. Въ центрѣ, лѣвѣе евпаторійской дороги, для обстрѣливанія ея, находились легкія №№ 1-го и 2-го батареи 16-й артиллерійской бригады, а за ними, въ колоннахъ къ атакѣ, Бородинскій Наслѣдника Цесаревича (нынѣ Лейбъ-Бородинскій Его Величества) полкъ. Правѣе евпаторійской дороги, въ 350-ти саженяхъ отъ рѣки, были расположены въ одну линію, въ колоннахъ къ атакѣ, 4 баталіона Казанскаго, Великаго Князя Михаила Николаевича, полка, а впереди ихъ, на картечный выстрѣлъ отъ Бурлюкскаго моста, стояла за эполементомъ батарейная № 1-го батарея 16-й артиллерійской бригады. Еще далѣе вправо находился Суздальскій полкъ, частью въ ротныхъ колоннахъ, частью въ колоннахъ къ атакѣ, съ легкими батареями №№ 3-го (въ эполементѣ) и 4-го 14-й артиллерійской бригады. На южномъ скатѣ большой горы, во второй линіи, стояли, въ колоннахъ къ атакѣ, Владимірскій и Углицкій полки, а позади Владимірскаго полка, въ лощинѣ, донскія батареи: батарейная № 3-го и легкая резервная № 4-го. Впереди первой линіи, въ садахъ деревень Бурлюкъ и Алматамакъ, были разсыпаны 6-й стрѣлковый, 6-й саперный и сводный морской баталіоны; у моста стояла саперная команда. Въ главномъ резервѣ, по обѣ стороны большой дороги, находились: Волынскій полкъ и три баталіона Минскаго полка, съ легкою № 5-го батареей 17-й артиллерійской бригады, и гусарская бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи (полки: Кіевскій князя Николая Максимиліановича и Ингерманландскій гроссъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго), съ конно-легкою № 12-го батареею. Казачьи донскіе полки: 57-й Тацына и 60-й Попова, сперва были высланы на правый берегъ Алмы, для охраненія нашего

праваго фланга, а потомъ расположены на большой горѣ, между дорогами, ведущими отъ Тарханларскаго трактира къ рѣкѣ Качѣ.

Правымъ крыломъ и центромъ (полками 16-й пѣхотной и 1-й бригады 14-й дивизіи) командовалъ генералъ-отъ-инфантеріи, князь Петръ Дмитр. Горчаковъ, а лѣвымъ крыломъ (полками 17-й и резервными баталіонами 13-й дивизіи) генералъ-лейтенантъ Кирьяковъ. Первый изъ нихъ, участвовавшій съ отличіемъ въ походахъ 1812 и 1813 годовъ, а второй, также старый служивый, получившій георгіевскій крестъ въ польскую войну, были оба люди испытанной храбрости. Войска состояли изъ молодыхъ солдатъ, ни разу не бывшихъ въ огнѣ. Вооруженіе нашей пѣхоты, въ сравненіи съ непріятельскою, было крайне неудовлетворительно. Кромѣ 6-го стрѣлковаго и своднаго морскаго баталіоновъ, у насъ имѣли штуцера только по 24 стрѣлка въ баталіонѣ, слѣдовательно штуцерныхъ всего-на-все было около 2,200 человѣкъ; къ тому-же полковые штуцерные не были сведены въ одинъ или два баталіона, а оставались при своихъ ротахъ, и потому въ бою принимали участіе штуцерные только тѣхъ ротъ, коихъ были разсыпаны застрѣльщики: такимъ образомъ до 700 отличныхъ стрѣлковъ не выпустили ни одного патрона. Напротивъ того, у Англичанъ всѣ полки, а у Французовъ девять баталіоновъ, были вооружены нарѣзными ружьями, да и остальные французскіе баталіоны, стрѣляя изъ гладко-ствольныхъ ружей коническими пулями, имѣли преимущество надъ нашею пѣхотою. Даже въ турецкой дивизіи по одному баталіону въ каждомъ полку было вооружено штуцерами, слѣдовательно четвертая часть всего числа людей состояла изъ хорошихъ стрѣлковъ ([14]).

Извѣстіе о появленіи сильнаго непріятельскаго флота у Евпаторіи было получено въ Севастополѣ, 30-го августа (11-го сентября) ввечеру, во время присутствія князя Меншикова въ Лейбъ-Бородинскомъ полку, на балѣ, данномъ въ день тезоименитства Высокаго его шефа. Съ этимъ же извѣстіемъ былъ отправленъ тотъ же фельдъегерь въ Аргинъ, (въ 45 верстахъ отъ Керчи), гдѣ находились 1-й и 2-й баталіоны Московскаго пѣхотнаго полка, и прибылъ туда уже 4-го (16-го) сентября, въ восемь часовъ вечера. Командиръ полка, задержанный хозяйственными распоряженіями, выслалъ эти баталіоны не прежде трехъ или четырехъ часовъ по-полудни слѣдующаго дня, и потому Московскій полкъ, пройдя въ шестьдесятъ пять часовъ болѣе 150-ти верстъ, успѣлъ присоединиться къ прочимъ войскамъ князя Меншикова, стоявшимъ на Алмѣ, 8-го (20-го) числа, лишь къ восьми часамъ утра, передъ самымъ сраженіемъ ([15]).

Появленіе у Крымскихъ береговъ сильнаго непріятельскаго флота, со множествомъ транспортныхъ судовъ, несомнѣнно угрожало высадкою. Надлежало устроить, какъ можно скорѣе, обозрѣніе за непріятелемъ, слѣдить—такъ сказать—каждый его шагъ, возложивъ эту обязанность на офицеровъ генеральнаго штаба, тѣмъ болѣе, что въ числѣ ихъ были даровитые люди: Жолобовъ, И...ъ, и проч. Но главнокомандующій питалъ безотчетное недовѣріе ко всѣмъ вообще штабамъ, хотя и самъ служилъ въ нихъ въ отечественную войну 1812 года. Вмѣсто того, чтобы поручить занятія по исполненію своихъ соображеній свѣдущимъ офицерамъ, возложивъ на нихъ и должную отвѣтственность, онъ исполнялъ почти все непосредственно самъ, чрезъ состоявшаго при немъ полковника Вунша, и потому многія изъ

его распоряженій были несвоевременны. Такъ, получивъ свѣдѣніе о прибытіи непріятельскаго флота къ берегамъ Крыма, еще 30-го августа (11-го сентября), онъ не прежде принялъ мѣры для наблюденія за нимъ, какъ чрезъ полторы сутки, утромъ 1-го (13-го) сентября. Посланный, съ этою цѣлью, изъ Севастополя, около полудня, лейтенантъ Стеценковъ, прибылъ къ Евпаторіи уже въ сумерки, и успѣлъ донести князю Меншикову только то, что „непріятель остановился близъ Евпаторіи со всѣми своими силами, и вѣроятно тамъ сдѣлаетъ высадку", а Корнилову, что „флотъ стоитъ въ такой тѣснотѣ и безпорядкѣ, что присылка сюда брандера не есть дѣло невозможное и можетъ надѣлать много вреда непріятелю" ([16]). Эти свѣдѣнія были получены въ Севастополѣ 2-го (14-го) на разсвѣтѣ, въ то время, когда непріятель только лишь приступилъ къ высадкѣ. Сами Союзники сознаются, что они совершили это дѣйствіе съ чрезвычайными затрудненіями, и что для выгрузки артиллеріи и снарядовъ потребовалось нѣсколько дней. Одинъ изъ участниковъ англо-французской экспедиціи говоритъ: „La traversée, le débarquement étaient assurément deux des éventualités les plus redoutables qu'offrait une entreprise presque sans précédents, eu égard aux distances, à la saison, aux incertitudes sans nombre qui l'entouraient. Je juge que l'ennemi, qui laisse s'accumuler à quelques lieues de lui un pareil orage, sans rien faire pour le dissiper à son origine, se met dans une situation fâcheuse, dont le moindre inconvenient est de paraître frappé d'impuissance vis-à-vis des populations". (Плаваніе флота и высадка, безъ сомнѣнія, были подвержены такимъ случайностямъ, какія до того времени почти не встрѣчались, въ отношеніи къ разстоянію, времени года

и недостатку необходимѣйшихъ свѣдѣній. По моему мнѣнію, тотъ, кто допускаетъ собраться вблизи такой грозѣ, ничего не предпринявъ для ея разсѣянія въ самомъ началѣ, ставитъ себя самъ въ невыгодное положеніе и признаетъ себя безсильнымъ въ глазахъ туземцевъ) ([17]). Ежели даже допустимъ, что невозможно было не позволить непріятелю произвести высадку, то, по крайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что мы имѣли средства затруднить ее, выиграть время и усилить позицію на Алмѣ, устроивъ ложементы для стрѣлковъ и вырубивъ на правомъ берегу сады и виноградники, впослѣдствіи облегчившіе наступленіе союзниковъ. 2-го (14-го) сентября, на позиціи уже находились полки: Владимірскій, Суздальскій, Бородинскій, Тарутинскій, Минскій, Волынскій, Казанскій, резервные баталіоны Бѣлостокскаго и Брестскаго полковъ и часть сапернаго баталіона, которые вообще могли выставить болѣе 20-ти тысячъ рабочихъ.

Утромъ 7-го (19-го) сентября, непріятельская армія построилась на лѣвой сторонѣ рѣчки Булганака. Союзный флотъ слѣдовалъ вдоль морскаго берега наравнѣ съ движеніемъ войскъ. Какъ только Союзныя войска стали тѣснить бывшихъ впереди казаковъ, князь Меншиковъ выслалъ въ подкрѣпленіе имъ гусарскіе полки съ конно-легкою № 12-го и донскою № 4-го батареями, за коими слѣдовала 2-я бригада 17-й пѣхотной дивизіи ([18]). Подполковникъ французскаго генеральнаго штаба Ла-Гонди (La Gondie), производившій рекогносцировку нашей позиціи, принявъ нашихъ гусаръ за своихъ, былъ захваченъ въ плѣнъ унтеръ-офицеромъ гусарскаго Е. И. В. Николая Максимиліановича полка Зарубинымъ. Съ нашей стороны тоже не обошлось безъ ошибки: принявъ бывшихъ въ кителяхъ Кіевскихъ

гусаръ за французскихъ кирасиръ, нашъ авангардъ открылъ по нимъ огонь изъ орудій. Нѣсколько гусаръ было ранено. Вслѣдъ затѣмъ, наша кавалерія, не завязывая дѣла, отошла за Алму ([19]).

Союзники рѣшились атаковать нашу позицію, 8-го (20-го) сентября, всѣми своими силами, въ числѣ около 60-ти тысячъ человѣкъ съ 96-ю орудіями. На правомъ крылѣ ихъ арміи находились четыре французскія дивизіи: генераловъ Канробера и Боскѐ, принца Наполеона и генерала Форѐ (бригады Лурмеля и д'Ореля), и турецкая дивизія, подъ начальствомъ французскаго генерала Юсуфа, а на лѣвомъ—пять англійскихъ дивизій: легкая генерала Броуна, 1-я герцога Кембриджскаго, 2-я генерала Леси-Эвенса, 3-я Энгленда и 4-я Каткарта, а еще лѣвѣе—кавалерія Кардигана. Положено было, пользуясь значительнымъ превосходствомъ союзниковъ въ числѣ войскъ, атаковать насъ съ фронта, обойдя одновременно съ обоихъ фланговъ. Для обхода нашего лѣваго фланга назначена 2-я дивизія, генерала Боскѐ, и турецкія войска; прочія французскія дивизіи были направлены съ фронта; рѣшительный же ударъ въ правый нашъ флангъ былъ предоставленъ Англичанамъ. Сообразно тому, назначено выступить съ мѣста ночлега: колоннѣ Боскѐ—въ 5½ часовъ утра, (чтобы отвлечь наши резервы къ лѣвому флангу), англійскимъ войскамъ—въ 6 часовъ, а прочимъ—въ половинѣ 7-го ([20]).

Съ перваго шага Союзниковъ обнаружились затрудненія, не дозволившія имъ исполнить предположенный планъ дѣйствій. Англійскимъ войскамъ, для достиженія назначеннаго имъ пункта въ общей линіи боеваго порядка, пришлось пройти несравненно бóльшее пространство, нежели разсчитывали главнокомандующіе, незнакомые съ мѣстностью, на кото-

рой имъ довелось дѣйствовать; къ тому же Англичане удалились на значительное разстояніе отъ Французовъ и образовался въ боевой линіи промежутокъ, что̀ заставило лорда Раглана двинуться фланговымъ маршемъ вправо на соединеніе съ французскими войсками и вмѣсто предположеннаго обхода нашей позиціи справа, атаковать ее съ фронта ([21]).

8-го (20-го) сентября, около 6-ти часовъ утра, генералъ Боскѐ съ своею дивизіей двинулся вдоль морскаго берега; за нимъ слѣдовала въ резервѣ турецкая дивизія. Подойдя къ Алмѣ и видя, что Англичане еще не были готовы къ совокупному дѣйствію съ Французами, Боскѐ съ своимъ штабомъ выѣхалъ впередъ, чтобы осмотрѣть доступы къ рѣкѣ, и замѣтилъ, что можно было взобраться на утесистый лѣвый берегъ ея, хотя и съ большимъ трудомъ, по двумъ доступамъ: одинъ изъ нихъ, еще прежде усмотрѣнный съ моря, находился близь устья Алмы, гдѣ, по образовавшейся отъ прибоя воды узкой полосѣ наноснаго песку, можно было пройти только въ одинъ рядъ, а другой — около версты выше перваго. Переправясь черезъ рѣку, надлежало подняться на почти отвѣсный берегъ, вышиною въ 150 футовъ. Очевидно, что, при малѣйшемъ сопротивленіи нашихъ войскъ, высоты нижней Алмы были неприступны; но генералъ Боскѐ не открылъ даже ни одного русскаго разъѣзда, и, не смотря на то, войска его, офицеры и солдаты, сомнительно посматривали на подмытыя теченіемъ рѣки крутыя скалы, не надѣясь взобраться на нихъ ([22]).

Между тѣмъ, англійскія войска, которыя, на основаніи диспозиціи, должны были выступить съ бивуаковъ въ 6-ть часовъ, простояли на мѣстѣ до 9-ти часовъ. Сами Англичане сознаются, что генералъ

Броунъ, получивъ вечеромъ 7-го (19-го) приказаніе—выступить къ Алмѣ, неизвѣстно почему, ожидалъ утромъ вторичнаго приказанія, и что англійскія войска вообще двигались медленно. Французы, въ ожиданіи содѣйствія своихъ союзниковъ, были принуждены останавливаться нѣсколько разъ, и даже дивизія Боске успѣла изготовить кофе, и подойдя къ устью Алмы, оставалась на мѣстѣ почти до полудня. Не взирая на то, что появленіе значительныхъ силъ на этомъ пунктѣ очевидно обнаруживало намѣреніе Союзниковъ — обойти позицію на Алмѣ съ лѣваго фланга, съ нашей стороны не было принято никакихъ мѣръ для противодѣйствія обходу и наши войска оставались неподвижно на занятой ими позиціи ([23]).

Какъ только генералъ Боске узналъ, что Англичане тронулись съ мѣста, то, выславъ впередъ цѣпь изъ зуавовъ и алжирскихъ стрѣлковъ, двинулъ свои войска двумя колоннами: въ лѣвой, подъ непосредственнымъ начальствомъ Боске, бригада д'Отмара шла по тропинкѣ, пролегавшей въ оврагѣ, а въ правой, бригада Буа — по песчаной отмели въ устьѣ Алмы ([24]). За послѣднею вдали слѣдовала турецкая дивизія. Въ нѣсколько минутъ, зуавы, перейдя черезъ рѣку и цѣпляясь за крутыя скалы, появились на гребнѣ утесовъ лѣваго берега. Самъ Боске, изумленный тѣмъ, что по войскамъ его не было сдѣлано ни одного выстрѣла, сказалъ окружавшимъ его офицерамъ: „Эти господа рѣшительно не хотятъ драться“. Затѣмъ, полагая, что наши войска заняли разрушенную деревню Улюколъ, вблизи дорожки, по которой Французы могли взобраться на высоты, приказалъ одному баталіону зуавовъ осмотрѣть эту деревню, и когда они миновали ее, вся бригада д'Отмара направилась къ броду. Саперы тотчасъ устроили

1274

спускъ для переправы орудій, и начальникъ артиллеріи Барраль, найдя, что было возможно взвезти орудія по оврагу, приказалъ идти туда же за первою батареей и другой, находившейся при бригадѣ генерала Буà. Легко представить себѣ, какъ трудно было бы непріятелю взойти на эти высоты, если-бы мы заняли оба доступа къ нимъ ротою стрѣлковъ, поддержанныхъ однимъ или двумя баталіонами съ нѣсколькими орудіями. Правда — атака Французовъ была произведена подъ огнемъ пароходовъ, но эта канонада не могла имѣть замѣтнаго вліянія на успѣхъ боя, какъ по значительному разстоянію пароходовъ отъ нашего лѣваго фланга, такъ еще болѣе потому, что высокій морской берегъ совершенно заслонялъ наши войска (25).

Одновременно съ появленіемъ дивизіи генерала Боскè на высотахъ лѣваго берега Алмы, построились къ бою прочія Союзныя войска: дивизіи Канробера и принца Наполеона противъ деревни Алматамака, въ двухъ линіяхъ, частью въ развернутомъ строѣ, частью въ колоннахъ; а дивизіи Форè и турецкая— въ резервѣ. Еще лѣвѣе и на значительныхъ между собою интервалахъ, противъ селенія Бурлюка и бурлюкскаго моста, стали въ двѣ линіи, въ развернутомъ строѣ, Англичане: въ первой линіи дивизіи Эвенса и Броуна, а во второй—Энгленда и герцога Кембриджскаго. За лѣвымъ флангомъ послѣдней дивизіи, въ резервѣ, расположились дивизія Каткарта и кавалерійская бригада Кардигана. Впереди боеваго порядка находились три батареи: двѣ французскія и одна англійская, и были разсыпаны штуцерные (26).

Бой начался на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи. Какъ только зуавы, взойдя на высоты, разсыпались и внезапно очутились въ тылу стоявшаго у деревни Аклеса 2-го баталіона Минскаго полка, то открыли

по немъ мѣткій огонь. Командиръ баталіона, подполковникъ Раковичъ, подвергаясь перекрестному огню съ нѣсколькихъ сторонъ и угрожаемый опасностью быть отрѣзаннымъ отъ прочихъ войскъ, отступилъ, подъ прикрытіемъ застрѣльщичьей цѣпи, по долинѣ Улюколъ, за деревню Орта-Кисекъ ([27]).

Между тѣмъ, князь Меншиковъ, еще около 8-ми часовъ, замѣтя движеніе непріятеля къ устью Алмы, приказалъ лейтенанту Стеценкову отправиться на лѣвый флангъ и передать генералу Кирьякову, что противъ него спустились къ рѣкѣ семь или восемь баталіоновъ, и чтобы онъ былъ остороженъ. Кирьяковъ отвѣчалъ: „Вижу, но не боюсь ихъ“. Получивъ такой отвѣтъ, главнокомандующій, находившійся на высотѣ у праваго крыла, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ на лѣвое крыло. Его сопровождали: Грейгъ, Сколковъ, Комовскій, Гротъ, Вуншъ, Жолобовъ, князь Меншиковъ (сынъ главнокомандующаго), Панаевъ, и проч. Прибывъ на лѣвое крыло въ то время, когда непріятель вразсыпную взбирался на высоты, князь Меншиковъ послалъ за подкрѣпленіемъ штабсъ-ротмистра Грейга и другихъ своихъ адъютантовъ, съ различными приказаніями, а самъ остался на лѣвомъ флангѣ въ страшномъ огнѣ; въ самомъ началѣ сраженія, оторвало ногу ядромъ ѣхавшему подлѣ князя, генеральнаго штаба капитану Жолобову, а флигель-адъютанту Сколкову, посланному съ какимъ-то приказаніемъ, оторвало руку. Какъ, вскорѣ послѣ того, французскія войска сблизились съ нашимъ центромъ, то князь поѣхалъ туда, сказавъ: „Такъ пойдетъ дѣло еще часъ или полтора, потомъ дойдетъ до штыковъ, а тамъ—что̀ Богъ дастъ“ ([28]).

Прибывшій, по распоряженію главнокомандующаго, въ помощь Минскому баталіону, 4-й баталіонъ Московскаго полка ([29]), съ 4-ою и 5-ою легкими бата-

реями 17-й артиллерійской бригады, способствовалъ подполковнику Раковичу не только отступить въ порядкѣ, но и удержаться на позиціи у Орта-Кисекъ. Но въ то время, когда подходилъ туда Московскій баталіонъ, его встрѣтили всѣ пять баталіоновъ бригады д'Отмара, за которыми уже начала всходить на высоты бригада Буà. Когда же князь Меншиковъ направилъ на лѣвый флангъ остальные баталіоны Минскаго полка, они встрѣтились съ десятью баталіонами дивизіи Боскѐ. Войска наши двинулись на Французовъ, но, засыпанные снарядами съ пароходовъ, пришли въ разстройство. Генералъ Кирьяковъ, желая остановить непріятеля, обходившаго нашъ лѣвый флангъ, выдвинулъ изъ резерва впередъ батареи: конную № 12-го и донскую № 3-го, которыя открыли огонь по дивизіямъ Канробера и принца Наполеона ([30]). Несмотря на превосходство непріятеля въ силахъ, Московскій баталіонъ и Минскій полкъ, построясь подъ тупымъ угломъ съ прочими войсками, лѣвымъ флангомъ за селеніемъ Орта-Кисекъ, а правымъ къ дорогѣ, ведущей отъ деревни Алматамака къ рѣкѣ Качѣ, покушались ударить въ штыки, но Французы, уклоняясь отъ рукопашнаго боя, встрѣчали наши войска на дальнемъ разстояніи картечью и ружейнымъ огнемъ, и наносили огромный уронъ русской пѣхотѣ, вооруженной гладкоствольными ружьями. Не успѣвъ сбросить штыками непріятеля съ вершины высотъ, мы лишились выгодъ, которыя представляла намъ мѣстность на лѣвомъ крылѣ нашей позиціи: такимъ образомъ судьба сраженія уже была рѣшена прежде, нежели бой завязался въ центрѣ и на правомъ крылѣ ([31]).

Какъ только раздались первые выстрѣлы дивизіи Боскѐ, маршалъ Сентъ-Арнó двинулъ впередъ прочія французскія войска съ фронта противъ лѣ-

ваго крыла нашей позиціи. 1-й зуавскій полкъ, состоявшій въ дивизіи Канробера, атаковалъ штуцерныхъ 3-го баталіона Московскаго полка, въ Алматамакѣ. Наши стрѣлки, вытѣсненные несравненно сильнѣйшимъ непріятелемъ изъ тамошнихъ садовъ, отошли на лѣвую сторону Алмы, предавъ пламени селеніе. Чтобы удержать дивизіи Канробера и принца Наполеона, самъ главнокомандующій приказалъ Московскому полку спуститься по скату высотъ, обращенному къ рѣкѣ, и открыть пальбу по наступавшимъ французскимъ колоннамъ; но наши пули не долетали до непріятеля, который, стрѣляя коническими пулями и будучи поддерживаемъ огнемъ батарей, поражалъ Московцевъ. Резервные баталіоны Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ, имѣвшіе старыя кремневыя ружья, изъ которыхъ не могли стрѣлять далѣе 250 шаговъ, также теряли много людей, не нанося Французамъ вреда (32).

Англичане вступили въ бой позже Французовъ. Причиною тому были напрасныя передвиженія англійскихъ войскъ: сперва для обхода нашей позиціи съ праваго фланга, потомъ вправо, чтобы не разобщиться съ французскими войсками, и наконецъ — влѣво, когда легкая дивизія Броуна, по близорукости своего начальника, столкнулась съ дивизіей Эвенса и должна была принять обратно влѣво (33). Обѣ англійскія дивизіи, вмѣсто предположенной фланговой атаки нашей позиціи, направились съ фронта на селенія Бурлюкъ и Тарханларъ. Стрѣлки ихъ, почти одновременно съ дивизіями Канробера и принца Наполеона, атаковали сады, занятые нашими стрѣлками и моряками. Послѣ полу-часовой перестрѣлки, оба наши баталіона отступили на лѣвую сторону Алмы: саперы и моряки—за вторую боевую линію, а 6-й стрѣлковый баталіонъ по-полу-баталіонно въ

первую линію: 1-й полу-баталіонъ къ правому флангу нашихъ войскъ, гдѣ и разсыпалъ цѣпь впереди Суздальскаго полка, между холмомъ и большою горою, а 2-й полу-баталіонъ, отойдя на лѣвый флангъ баталіоновъ Брестскаго полка, разсыпался въ интервалѣ между этими баталіонами и правымъ флангомъ Московскаго полка. При отступленіи изъ садовъ, наши стрѣлки зажгли селеніе Бурлюкъ, чтобы не позволить непріятелю укрываться въ тамошнихъ строеніяхъ (34).

По занятіи садовъ въ селеніяхъ на правой сторонѣ Алмы, Союзники двинулись противъ нашей позиціи.

Дивизія Канробера, въ составѣ 10-ти баталіоновъ, имѣя впереди 1-й полкъ зуавовъ полковника Бурбаки и два стрѣлковыхъ баталіона, и дивизія принца Наполеона, также въ составѣ 10-ти баталіоновъ, овладѣвъ садами Алматамака, перешли въ бродъ черезъ Алму и взошли на высоты. Здѣсь они были встрѣчены жесточайшею пальбою нашихъ стрѣлковъ, поддержанныхъ Московцами 2-го и 3-го баталіоновъ и мѣткимъ огнемъ 4-й легкой батареи 17-й артиллерійской бригады, подполковника Кондратьева. Самъ Канроберъ былъ легко раненъ въ плечо осколкомъ гранаты. Командиръ 7-го линейнаго полка Тройю (Troyou) убитъ; многіе изъ офицеровъ ранены. Какъ между тѣмъ артиллерія Канробера еще не успѣла взобраться на плато, то, по просьбѣ его, генералъ Боскѐ послалъ ему въ помощь одну изъ своихъ батарей. Маршалъ Сентъ-Арнò, видя затруднительное положеніе своего праваго крыла, разобщеннаго отъ прочихъ войскъ, поддержалъ его всѣми войсками резервной дивизіи генерала Форѐй: бригада Лурмеля была послана въ помощь дивизіи Боскѐ, а бригада Орель-де-Паладина быстро устремилась къ высотамъ, занятымъ Канроберомъ; артиллерія,

высланная въ головѣ обѣихъ бригадъ, подскакавъ къ берегу, перешла черезъ рѣку въ бродъ, причемъ канонеры, по поясъ въ водѣ, подвигали орудія, взявшись за колеса ([35]). По всей вѣроятности, мы могли бы устоять здѣсь, еслибы заблаговременно были къ тому приняты надлежащія мѣры. Но, къ сожалѣнію, въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ не было надлежащей связи, и благопріятная для насъ минута прошла невозвратно. Около двухъ часовъ по-полудни, дивизія Канробера, а потомъ и дивизія принца Наполеона, сильнымъ огнемъ своихъ батарей и штуцерныхъ, заставили наше лѣвое крыло отойти за телеграфъ съ большою потерею. Командиры полковъ: Минскаго полковникъ Приходкинъ и Московскаго генералъ-маіоръ Куртьяновъ были ранены; большая часть баталіонныхъ и ротныхъ командировъ убиты или ранены. Тарутинскій полкъ, сообразуясь съ движеніемъ впереди стоявшихъ войскъ, также отошелъ за телеграфъ. Затѣмъ, все наше лѣвое крыло, именно полки: Московскій, Минскій, Тарутинскій и резервные баталіоны Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ продолжали отступать, несмотря на то, что на правомъ флангѣ первое нападеніе Англичанъ было отбито ([36]).

Въ половинѣ втораго, войска лорда Раглана также подошли къ правому берегу Алмы. Англичане, въ развернутомъ строѣ, наступали медленно, но стройно, къ объятому пламенемъ селенію Бурлюку, между тѣмъ какъ высланные впередъ стрѣлки заняли сады между Бурлюкомъ и Тарханларомъ. Наши саперы кинулись разорять бурлюкскій мостъ, но не совершенно успѣли въ томъ. Между тѣмъ батарейная № 1 и легкая № 1 батареи 16-й артиллерійской бригады, дѣйствуя съ господствующихъ высотъ, громили картечью Англичанъ, стоявшихъ на правомъ берегу.

Штуцерные Бородинскаго и Казанскаго Великаго Князя Михаила Николаевича полковъ сосредоточили свой огонь на войска, расположенныя по обѣ стороны большой дороги. Непріятельская артиллерія покушалась противодѣйствовать огню нашихъ батарей, но была принуждена прекратить стрѣльбу. Пѣхотныя дивизіи Эвенса и Броуна, понеся значительный уронъ, получили приказаніе лечь на-земь. Но и тамъ они были поражаемы картечью и пулями штуцерныхъ ([37]). Напрасно бригада Кодрингтона (легкой дивизіи Броуна) приблизилась къ мосту, чтобы, перейдя черезъ рѣку, броситься на наши батареи; потерпѣвъ огромную потерю, Англичане обратились назадъ и отступили за бурлюкскій трактиръ. Но непріятельскіе стрѣлки, скрываясь за каменными оградами садовъ и въ виноградникахъ, на лѣвомъ берегу Алмы, страшно вредили намъ, и въ особенности 1-й и 2-й легкимъ батареямъ 16-й артиллерійской бригады, стоявшимъ лѣвѣе большой дороги. Эти батареи и стоявшій позади ихъ Бородинскій полкъ были принуждены отступить ([38]).

Въ 3-мъ часу, англійскія войска, получивъ снова приказаніе наступать, двинулись въ двухъ развернутыхъ линіяхъ, противъ праваго крыла нашей позиціи. Эта мѣстность, наиболѣе доступная, была усилена укрѣпленіями и занята цѣлою половиною арміи князя Меншикова. Англичане могли бы удобно переправиться въ бродъ между селеніями Бурлюкомъ и Тарханларомъ, гдѣ наши войска (Суздальскій полкъ) стояли въ разстояніи болѣе полуторы версты отъ берега рѣки, либо у Тарханларскаго трактира, гдѣ могли встрѣтить ихъ только двѣ роты 6-го стрѣлковаго баталіона. Переправясь здѣсь, а также ниже моста, гдѣ было нѣсколько бродовъ, Англичане овладѣли бы эполементомъ у евпаторій-

ской дороги, въ которомъ стояла батарейная батарея № 1-го 16-й артиллерійской бригады, но они упорно стремились къ мосту, и, поражаемые огнемъ нашихъ батарей, долго не могли переправиться. Наконецъ пяти англійскимъ баталіонамъ удалось перейти на лѣвый берегъ Алмы. Генералъ Кодрингтонъ тотчасъ направилъ ихъ противъ стоявшей въ эполементѣ батарейной батареи. Для встрѣчи непріятеля, по распоряженію князя Горчакова, были высланы впередъ наименѣе потерпѣвшіе отъ огня штуцерныхъ 3-й и 4-й баталіоны Казанскаго, Великаго Князя Михаила Николаевича, полка, а четыремъ баталіонамъ Углицкаго полка приказано стать за Владимірскимъ полкомъ. 4-й и за нимъ 3-й баталіоны Великаго Князя быстро устремились къ мосту на встрѣчу Англичанамъ и заслонили собою батарею, которая, чтобы не стрѣлять по своимъ, прекратила весьма дѣйствительный картечный огонь; а между тѣмъ непріятель, пользуясь превосходствомъ своего огнестрѣльнаго оружія, встрѣтилъ Казанцевъ пальбою стрѣлковъ и развернутаго фронта. Командиръ полка, полковникъ Селезневъ, и оба баталіонные командиры были убиты; большая часть офицеровъ и нижнихъ чиновъ выбыла изъ фронта; остатки баталіоновъ, лишась своихъ начальниковъ, отступали въ безпорядкѣ прямо на эполементъ. Какъ только наши солдаты подошли къ самому укрѣпленію, то раздались въ стороны и батарея тотчасъ открыла огонь. Но уже было поздно. Въ головѣ Англичанъ, 23-й пѣхотный полкъ (Royal Welsch), преслѣдуя по пятамъ отступавшихъ егерей, появился въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ нашей батареи; за нимъ двигались другіе непріятельскіе полки, подъ личнымъ начальствомъ Кодрингтона. Батарейная № 1-го батарея, оставшись съ весь-

ма слабымъ прикрытіемъ, состоявшимъ изъ совершенно разстроенныхъ 3-го и 4-го баталіона Казанскаго полка и изъ прочихъ баталіоновъ того же полка, стоявшихъ правѣе эполемента на открытой мѣстности и весьма ослабленныхъ мѣткимъ огнемъ непріятеля, была принуждена отступить. Два нашихъ орудія, одно съ подбитымъ передкомъ и другое, у котораго были убиты коренныя лошади, не могли быть увезены и достались Англичанамъ вмѣстѣ съ эполементомъ. Непріятельское красное знамя появилось на валу батареи (39).

Въ эту рѣшительную минуту, князь Горчаковъ двинулъ къ эполементу 1-й и 2-й баталіоны Владимірскаго полка, подъ личнымъ предводительствомъ начальника 16-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта Квицинскаго. Храбрые Владимірцы, не давъ непріятелю времени осмотрѣться въ занятомъ имъ укрѣпленіи, пошли въ штыки сначала безъ выстрѣла, но, подойдя близко къ эполементу, пріостановились, и изъ переднихъ взводовъ нашихъ колоннъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, на которые непріятель, отойдя на обращенную въ поле сторону вала, отвѣчалъ столь же безпорядочною пальбою. Но вслѣдъ затѣмъ Владимірцы снова пошли въ штыки такъ рѣшительно, что Англичане, не выждавъ удара, стали быстро отступать къ рѣкѣ, и, устроившись наскоро, открыли штуцерный огонь и канонаду. Здѣсь раненый въ грудь на вылетъ пулею командиръ полка, полковникъ Ковалевъ, былъ вынесенъ съ мѣста побоища Владимірскаго полка поручикомъ Горбуновымъ (40).

Между тѣмъ, лордъ Рагланъ, переѣхавъ въ бродъ черезъ рѣку ниже бурлюкскаго моста, направилъ въ помощь Броуну прочія англійскія дивизіи. Князь П. Д. Горчаковъ, пѣшкомъ, въ прострѣленной нѣ-

сколькими пулями шинели, лично повелъ въ дѣло 3-й баталіонъ Владимірскаго полка и приказалъ идти за нимъ 4-му. Но непріятельскія войска, выйдя изъ сферы дѣйствія гладкоствольныхъ ружей и подвергаясь выстрѣламъ только горсти Владимірскихъ штуцерныхъ, стали строиться для новой атаки. Чтобы остановить ихъ, необходима была артиллерія, а въ эполементѣ оставалось одно подбитое орудіе (другое было увезено Англичанами). Батарейная № 1-го батарея 16-й бригады, по случаю огромной убыли въ прислугѣ и лошадяхъ, не могла вступить въ дѣло. Донскія батареи были отправлены въ помощь лѣвому крылу. Батарея № 3-го 14-й бригады, стоявшая въ эполементѣ на большой горѣ, нужна была для обороны этого важнаго пункта, и, кромѣ того, чтобы прибыть къ эполементу у евпаторійской дороги, не могла спуститься прямо съ горы, а должна была сдѣлать значительный объѣздъ; что же касается до батареи № 4-го 14-й бригады, почти безполезно стоявшей впереди Суздальскаго полка, то ей также предстоялъ трудный объѣздъ по дну оврага, въ тылу этого полка. Несмотря однакоже на малочисленность штуцерныхъ Владимірскаго полка, которые одни лишь могли поражать непріятеля, строившагося въ двухъ-стахъ шагахъ впереди рѣки, Англичане, по собственному ихъ признанію, здѣсь потерпѣли весьма чувствительный уронъ, и особенно легкая дивизія Броуна; въ 23-мъ полку: убиты одинъ полковникъ, семь оберъ-офицеровъ и 43 нижнихъ чиновъ; ранено пять офицеровъ и 148 нижнихъ чиновъ; въ 33-мъ полку: убиты одинъ оберъ-офицеръ и 55 нижнихъ чиновъ; ранены два штабъ-офицера, пять оберъ-офицеровъ и 188 нижнихъ чиновъ; въ 19-мъ полку: убиты два оберъ-офицера и 39 нижнихъ чиновъ; ранены пять оберъ-офицеровъ и 174

нижнихъ чиновъ; въ 95-мъ полку, дивизіи Леси-Эванса: убиты шесть оберъ-офицеровъ и 45 нижнихъ чиновъ; ранены одинъ полковникъ, 11 офицеровъ и 128 нижнихъ чиновъ ([41]).

Для поддержанія дивизіи Броуна, были направлены противъ эполемента отборные полки: гвардейскіе гренадеры, шотландскіе фузелеры и Cold-stream; самъ герцогъ Кембриджскій находился при послѣднемъ полку. Съ нашей стороны, генералы князь Горчаковъ и Квицинскій лично повели въ штыки Владимірскіе баталіоны. Увлеченные примѣромъ офицеровъ, шедшихъ въ головѣ колоннъ, Владимірцы, съ крикомъ „ура", частью бросались прямо чрезъ насыпь эполемента, частью, обѣжавъ его съ фланговъ, быстро смыкали ряды на походѣ. Пораженные ужасомъ англійскіе баталіоны, стоявшіе въ первой линіи, бросились назадъ къ мосту, какъ вдругъ съ мѣста, прежде занятаго Бородинскимъ полкомъ, загремѣла канонада въ лѣвый флангъ Владимірскаго полка. По свидѣтельству Кинглека, это были два англійскія орудія, которыя приказалъ поставить тамъ самъ Рагланъ, выѣхавшій впередъ съ своимъ штабомъ и очутившійся вблизи нашихъ резервовъ. Неожиданное дѣйствіе этихъ орудій остановило наши наступавшіе баталіоны, пользуясь чѣмъ, Англичане открыли по нимъ батальный огонь въ разстояніи не болѣе ста саженъ. Подъ княземъ Горчаковымъ была убита лошадь, но онъ продолжалъ пѣшкомъ приводить въ порядокъ разстроенныя боемъ колонны и направлять ихъ лично въ атаку. Его шинель была прострѣлена нѣсколькими пулями ([42]). Всѣ окружавшіе его были перебиты. Перекрестный огонь нѣсколькихъ тысячъ штуцерныхъ и французской батареи Туссена (Toussaint), въ нѣсколько минутъ, вырвалъ изъ рядовъ Владимірскаго полка почти всѣхъ

офицеровъ. Ближайшее подкрѣпленіе, состоявшее изъ 4-хъ баталіоновъ Углицкаго полка, находилось въ верстѣ отъ эполемента; Казанскій же полкъ, ослабленный боемъ, отступилъ на прежнюю позицію Владимірскаго полка. Въ такомъ безнадежномъ положеніи, генералъ Квицинскій, отведя остатки полка въ эполементъ, встрѣтилъ непріятеля пальбою и удерживался противъ англійской гвардіи, поддержанной цѣлою дивизіей Броуна и огнемъ французской батареи, двадцать минутъ. Наконецъ, видя наступленіе съ обоихъ фланговъ нѣсколькихъ свѣжихъ англійскихъ баталіоновъ и подвергаясь явной опасности быть отрѣзаннымъ, генералъ Квицинскій приказалъ Владимірскому полку отступать, подкрѣпивъ цѣпь и поручивъ прикрывать съ нею отступленіе поручику Брестовскому. Едва лишь успѣлъ Квицинскій сдѣлать эти распоряженія, какъ подъ нимъ была убита лошадь, и вслѣдъ затѣмъ онъ раненъ пулею въ ногу. Уже на носилкахъ изъ ружей, отдалъ онъ послѣднее приказаніе Брестовскому ускорить отступленіе, указавъ на обходившіе Владимірцевъ съ обоихъ фланговъ англійскія войска. Въ это время, другая пуля раздробила ему лѣвую руку и ребро ([43]). Такъ оставилъ мѣсто побоища Квицинскій—истый рыцарь безъ страха и упрека. Владимірскій полкъ вышелъ изъ боя всего съ 2-мя штабъ-офицерами и 9-ю оберъ-офицерами; убыль же нижнихъ чиновъ оказалась такъ велика, что полкъ былъ разсчитанъ въ одинъ баталіонъ 4-хъ-ротнаго состава ([44]). Суздальскій полкъ также началъ отступать, а вслѣдъ затѣмъ и Углицкій полкъ, прикрывъ остатки Владимірскаго и Великаго Князя Михаила Павловича полковъ, сталъ подыматься въ гору, по дорогѣ, пролегавшей за его правымъ флангомъ. Непріятель между тѣмъ успѣлъ взвезти на вершину большой горы ба-

тарею Турнера и открылъ по отступавшимъ войскамъ канонаду и штуцерный огонь, отъ которыхъ Углицкій полкъ, до того времени потерпѣвшій незначительный уронъ, отъ случайно попавшихъ въ него штуцерныхъ пуль, потерялъ болѣе ста человѣкъ (45).

Одновременно съ отступленіемъ нашего праваго крыла, войска лѣваго крыла отступали вдоль долины Улюколъ и уже находились за деревнею Аджи-Булатъ. Чтобы занять интервалъ, образовавшійся въ центрѣ, и прикрыть общее отступленіе, начальникъ артиллеріи въ Крыму, генералъ-маіоръ Кишинскій, поставилъ, подъ прикрытіемъ Волынскаго полка, на небольшой высотѣ, нѣсколько назади бывшей позиціи главнаго резерва, три наименѣе пострадавшія батареи: конно-легкую № 12-го и легкія № 3-го и 4-го 14-й артиллерійской бригады, всего 24 орудія. Правѣе ихъ построилась развернутымъ фронтомъ гусарская бригада, а еще правѣе стали казаки (46).

Союзныя войска, подойдя къ позиціи, занятой нашимъ арріергардомъ, остановились и прекратили преслѣдованіе. Кавалерія лорда Кардигана сначала была выдвинута впередъ и захватила нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ; но Рагланъ, желая сохранить свою малочисленную кавалерію, приказалъ ей обратиться назадъ и прикрывать пѣшія батареи. Получивъ это приказаніе, лордъ Луканъ отошелъ къ артиллеріи, отпустивъ всѣхъ захваченныхъ имъ плѣнныхъ. Нѣкоторые приписываютъ бездѣйствіе Англичанъ послѣ одержанной Союзниками побѣды ослабленію ихъ арміи холерою и другими болѣзнями. Французы также не преслѣдовали нашу армію, какъ по неимѣнію въ достаточномъ числѣ кавалеріи, такъ по утомленію войскъ и незнанію края; главною же причи-

ною нерѣшительности дѣйствій Союзниковъ послѣ занятія ими нашей позиціи, безъ сомнѣнія, было упорное сопротивленіе русскихъ войскъ и потери, понесенныя въ сраженіи на Алмѣ. Къ тому же, болѣзнь маршала Сентъ-Арнó не позволяла ему лично распоряжаться дѣйствіями ввѣренныхъ ему войскъ, а начальникъ его штаба, генералъ Мартенпрей, не осмѣлился взять на себя отвѣтственности преслѣдованія арміи на мѣстности, совершенно ему неизвѣстной ([47]).

Отступленіе было исполнено безъ всякой суеты, въ совершенномъ порядкѣ; только одинъ изъ полковъ (Углицкій), по недоразумѣнію, пустился-было бѣглымъ шагомъ, но тотчасъ остановился, какъ только настигшій его князь Меншиковъ приказалъ остановить полкъ и продолжать отступленіе съ музыкою ([48]). Сраженіе окончилось въ половинѣ пятаго часа, а войска собрались за рѣкою Качею уже къ ночи. Непріятельская же армія провела ночь на позиціи, прежде занимаемой нашими войсками, и оставалась на мѣстѣ двое сутокъ ([49]).

Въ сраженіи на Алмѣ мы потеряли: *убитыми:* 6 штабъ-офицеровъ, 40 оберъ-офицеровъ и 1755 нижнихъ чиновъ, всего же 1,800 человѣкъ; *ранеными:* 4-хъ генераловъ (Квицинскаго, Куртьянова, Гогинова и Щелканова), 8 штабъ-офицеровъ, 76 оберъ-офицеровъ и 2,611 нижнихъ чиновъ, всего 2,700 человѣкъ; *контуженными:* 1 генерала, 9 штабъ-офицеровъ, 47 оберъ-офицеровъ и 417 нижнихъ чиновъ, всего 474 человѣка; *безъ вѣсти пропавшими:* 7 оберъ-офицеровъ и 728 нижнихъ чиновъ, всего 735 человѣкъ, вообще же уронъ нашъ простирался до 5,709 человѣкъ. Наибольшія потери понесла 16-я дивизія, именно:

	шт.-офиц.	об.-офиц.	нижн. ч.
Во Владимірск. полку	5	42	1,260
Въ полку В. К. Мих. Никол	3	25	1,124
Въ Суздальск. полку.	1	12	407
Въ Углицкомъ . . .	„	5	137

Всего же въ 16-й дивизіи выбыло изъ строя: генераловъ 2, штабъ-офицеровъ 9, оберъ-офицеровъ 84, нижнихъ чиновъ 2,928, вообще же 3,023 человѣка ([50]).

Союзники понесли слѣдующій уронъ:

Французы: убитыми:	6 офицеровъ,	253	нижн. чин.
ранеными:	59 „	1,033	„ „
всего же выбыло изъ фронта. . .		1,351	человѣкъ.
Англичане: убитыми:	25 офицеровъ,	337	нижн. чин.
ранеными:	81 „	1,540	„ „
безъ вѣсти проп.—	„	19	„ „
всего же выбыло изъ фронта. . .		2,002	человѣка.

Слѣдовательно, уронъ Союзной арміи вообще простирался до 3,353-хъ человѣкъ ([51]).

Потерю нами сраженія на Алмѣ легко объяснить какъ значительнымъ, почти двойнымъ, превосходствомъ непріятеля въ числѣ войскъ, такъ и плохимъ вооруженіемъ нашей пѣхоты; но, кромѣ того, были и другія, стольже несомнѣнныя, причины неудачи, понесенной нашею арміей. Отлагая впредь ихъ изложеніе, считаю весьма важнымъ, прежде всего, рѣшеніе по возможности вопроса: слѣдовало ли принять бой на избранной нами позиціи? Конечно, эта позиція представляла выгоду господствующихъ высотъ, для овладѣнія которыми непріятель долженъ былъ сперва перейти съ нѣкоторыми затрудненіями рѣку Алму, а потомъ взобраться на кручи, почти неприступныя на нашемъ лѣвомъ крылѣ и обороняе-

мыя сильнымъ огнемъ артиллеріи на правомъ. Обходъ лѣваго крыла позиціи, по свойствамъ тамошней мѣстности, казался невозможнымъ, а обходъ нашего праваго фланга требовалъ отъ непріятеля, чтобы онъ удалился отъ своего флота и подвергъ себя опасности быть отброшеннымъ отъ моря въ безводную и скудную средствами часть Крымскаго полуострова. Самъ Рагланъ, принявъ во вниманіе это обстоятельство, не отважился направиться въ обходъ нашей позиціи, какъ условлено было между Союзными полководцами, а двинулся противъ нашего праваго крыла съ фронта. Но, къ сожалѣнію, выгоды позиціи, избранной княземъ Меншиковымъ, не вознаграждали главнаго недостатка ея—несоразмѣрности ея протяженія съ числомъ занимавшихъ ее войскъ. Не считая даже двухъ-верстнаго пространства по Алмѣ, ниже Алматамака, (считавшагося неприступнымъ, и которое дѣйствительно было такимъ, если бы мы имъ воспользовались), длина позиціи отъ Алматамака до Тарханларскаго трактира не менѣе шести верстъ, и потому едвали могла быть упорно обороняема 35-ю тысячами человѣкъ съ 84-мя орудіями. Слѣдовательно, по всей вѣроятности, надлежало, отказавшись отъ фронтальнаго прикрытія Севастополя, занять фланговую позицію между Качею и Бельбекомъ. Ежели Союзники, и послѣ побѣды при Алмѣ, не осмѣлились атаковать Сѣверное укрѣпленіе, то едва-ли бы они рѣшились на то въ виду еще не разстроенной нашей арміи. Еще затруднительнѣе для нихъ было бы движеніе мимо русской арміи, на южную сторону Севастополя. Въ такихъ обстоятельствахъ, болѣзнь и отбытіе вскорѣ маршала Сентъ-Арно́ и нерѣшительность его преемника могли усилить и безъ того уже существовавшее несогласіе между Союзными полководцами и замедлить

ихъ дѣйствія, что̀ послужило бы въ пользу князю Меншикову, ожидавшему прибытія подкрѣпленій.

Если же князь Меншиковъ считалъ необходимымъ для спасенія Севастополя сразиться съ сильнѣйшею почти вдвое Союзною арміей и рѣшился принять бой на Алмѣ, то слѣдовало не только изслѣдовать свойства избранной позиціи во всей подробности, но и по возможности усилить ее искусственными средствами. Рекогносцировка мѣстности по теченію Алмы была поручена генеральнаго штаба подполковнику Залѣсскому, и на основаніи его донесенія лѣвое крыло позиціи отъ морскаго берега до селенія Алматамака признано неприступнымъ. Должно ли приписать такую оплошность небрежности этого обозрѣнія, или неопытности офицера, впервые участвовавшаго въ кампаніи? Такой вопросъ не имѣетъ особенной важности, лишь только сообразимъ, что главнокомандующій, посѣдѣлый въ бояхъ, долженъ былъ самъ объѣхать позицію и удостовѣриться лично въ безошибочности свѣдѣній, собранныхъ офицеромъ, производившимъ рекогносцировку. Быть-можетъ и онъ призналъ бы лѣвое крыло позиціи неприступнымъ, но съ условіемъ, чтобы оно было обороняемо небольшою частью его арміи; совершенно же оставить безъ обороны, и даже безъ наблюденія какую-либо часть позиціи, надѣясь на ея неприступность, похоже на то, какъ еслибы кто оставилъ безъ вооруженія крѣпость, надѣясь на силу ея верковъ. Утвердительно можно сказать, что еслибы для обороны мѣстности ниже селенія Алматамака были поставлены хотя двѣ стрѣлковыя роты, поддержанныя однимъ или двумя баталіонами съ нѣсколькими орудіями, то дивизія Боскѐ не взошла бы на высоты и не появилась бы у насъ во флангѣ. Что же касается до вреда, который могли нанести намъ непріятели съ моря, то

примѣръ дѣйствій батареи Щеголева подъ Одессою показываетъ, что пальба морскихъ судовъ по войскамъ, стоящимъ на берегу, можетъ быть выдержана съ успѣхомъ.

Какъ только нашъ главнокомандующій положилъ принять бой на Алмѣ, (и должно полагать, что онъ рѣшился на то заблаговременно, потому что туда стали собираться войска съ половины августа), то надлежало усилить позицію искусственными средствами и уничтожить по возможности прикрытія, подъ защитою которыхъ непріятель могъ приблизиться къ позиціи. Такъ, напр., слѣдовало вырубить сады въ селеніяхъ, лежащихъ по правую сторону Алмы, соорудить батареи на удобнѣйшихъ къ тому пунктахъ, устроить рвы для стрѣлковъ, уничтожить мостъ у селенія Бурлюка, испортить главные броды на Алмѣ. Для всего этого было довольно времени: восемь баталіоновъ (1-я бригада) 16-й пѣхотной дивизіи пришли на Алму 17-го (29-го) августа, за три недѣли до сраженія, а 1-го и 2-го (13-го и 14-го) сентября, за недѣлю до сраженія, прибыли на позицію: сперва четвертые баталіоны полковъ 2-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи и Минскій полкъ, а потомъ остальные баталіоны полковъ 2-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи, Волынскій полкъ, резервные баталіоны Бѣлостокскаго и Брестскаго полковъ и Казанскій Великаго Князя Михаила Николаевича полкъ, всего 24 баталіона, а вмѣстѣ съ прежними 32 баталіона.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что вырубка садовъ на правомъ берегу Алмы послужила бы для защиты нашей позиціи въ бо̀льшую пользу, нежели занятіе этихъ садовъ стрѣлками въ видѣ передовой позиціи, замедлившее успѣхи непріятеля лишь на весьма короткое время. Что же касается до усиленія позиціи искусственными средствами, то польза, при-

несенная батареей, стоявшею по правую сторону евпаторійской дороги, убѣдительно показываетъ, какъ трудно было бы непріятелю овладѣть нашею позиціей еслибы она была укрѣплена надлежащимъ образомъ. Построивъ нѣсколько батарей на большой горѣ и расположивъ впереди ихъ ровики для стрѣлковъ, мы, по всей вѣроятности, устояли бы на этомъ пунктѣ, либо, по крайней мѣрѣ, нанесли бы непріятелю страшную потерю.

Обращаюсь къ расположенію нашихъ войскъ на позиціи.

На оконечности лѣваго фланга, за деревнею Аклесъ, въ верстѣ отъ морскаго берега и съ небольшимъ въ верстѣ отъ берега Алмы, стоялъ 2-й баталіонъ Минскаго полка, *для наблюденія той части позиціи, которая казалась неприступною.* Но это не помѣшало непріятелю ни взобраться на высоты безъ выстрѣла, ни взвезти туда артиллерію и открыть канонаду, прежде нежели мы успѣли перевести на этотъ пунктъ 4-ю и 5-ю легкія батареи 17-й артиллерійской бригады. Какъ только непріятель утвердился противъ нашего лѣваго фланга, то наше положеніе сдѣлалось крайне невыгоднымъ: полки Московскій и Минскій были принуждены построиться фронтомъ къ морю, почти подъ прямымъ угломъ съ резервными баталіонами Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ, чтó подвергло войска нашего лѣваго крыла перекрестному огню французской артиллеріи. Тарутинскій же полкъ, стоявшій за резервными баталіонами Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ, въ колоннахъ къ атакѣ, не принялъ почти никакого участія въ бою, потому что непріятель поражалъ наши войска издали, уклоняясь отъ рукопашной схватки.

Да и вообще тогдашнее обычное построеніе на-

шей пѣхоты въ баталіонныхъ колоннахъ противъ непріятеля, у котораго первая линія была построена частью въ ротныхъ колоннахъ, частью въ развернутомъ строю, подвергало насъ значительнымъ потерямъ и уменьшало силу нашего огня.

Въ центрѣ, Бородинскій, Его Высочества Наслѣдника (нынѣ Его Величества) полкъ, стоявшій въ колоннахъ къ атакѣ, на горныхъ склонахъ, обращенныхъ къ сторонѣ непріятеля, съ самаго начала боя терпѣлъ большой уронъ отъ огня непріятельскихъ штуцерныхъ, не имѣя возможности наносить имъ вредъ изъ своихъ гладкоствольныхъ ружей; а стоявшія впереди легкія № 1-го и 2-го батареи 16-й артиллерійской бригады, поражаемыя на такомъ разстояніи, на какомъ онѣ еще не могли дѣйствовать картечью, потерявъ большую часть прислуги и лошадей, принуждены были удалиться.

На правомъ нашемъ крылѣ были расположены въ первой линіи Казанскій егерскій и Суздальскій пѣхотный полки, съ батарейною № 1-го батареей 16-й артиллерійской бригады и легкими № 3-го и 4-го батареями 14-й артиллерійской бригады, а во второй линіи, на южномъ скатѣ большой горы, Владимірскій полкъ, принявшій рѣшительное участіе въ оборонѣ батареи, сооруженной близъ евпаторійской дороги. Углицкій полкъ стоялъ въ резервѣ, лѣвѣе Владимірскаго, и, не участвуя вовсе въ бою, отступилъ въ концѣ сраженія.

Значительное протяженіе вправо нашего боеваго порядка имѣло цѣлью противодѣйствовать обходу съ праваго фланга; но какъ только обнаружилось, что непріятель отказался отъ намѣренія обойти нашу позицію съ этой стороны, то слѣдовало поставить Суздальскій и Углицкій полки лѣвѣе, что̀ далобы имъ возможность поддерживать Владимірскій и Казанскій полки.

Наконецъ—въ главномъ резервѣ, по обѣ стороны большой дороги, находились: семь баталіоновъ Волынскаго и Минскаго полковъ, съ легкою № 5-го батареей 17-й артиллерійской бригады, и 16 эскадроновъ гусаръ 6-й легкой кавалерійской дивизіи, съ конно-легкою № 12-го батареей. Изъ этихъ войскъ, въ самомъ началѣ сраженія, были посланы три баталіона Минскаго полка, съ легкою № 5-го батареей, въ помощь лѣвому крылу, а Волынскій полкъ, съ отведенными назадъ, въ концѣ сраженія, легкими батареями № 3-го и 4-го 14-й артиллерійской бригады, и гусарская бригада, съ конно-легкою батареей № 12-го, прикрывали отступленіе нашей арміи.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что какъ только войскамъ Боске удалось взойти на высоты лѣваго берега Алмы, то мы уже не могли удержаться на позиціи. Самъ главнокомандующій поспѣшно прибылъ на лѣвое крыло и направилъ туда часть резерва. По мѣрѣ усиленія нашихъ войскъ, непріятель также усиливался. Впрочемъ — Французы принуждены были ввести въ дѣло весь свой резервъ, за исключеніемъ турецкой дивизіи, и одержали перевѣсъ на этомъ пунктѣ единственно благодаря преимуществу вооруженія своей пѣхоты, которая не только постоянно уклонялась отъ удара въ штыки, но дѣйствовала исключительно на такомъ значительномъ разстояніи отъ нашихъ войскъ, что они, будучи поражаемы пулями Минье, не могли вредить непріятелю стрѣльбою изъ своихъ гладкоствольныхъ ружей. Это заставило насъ отвести лѣвое крыло назадъ, и какъ, по всей вѣроятности, войска наши здѣсь были предоставлены распоряженію частныхъ начальниковъ, то отступленіе ихъ продолжалось далѣе, нежели было необходимо. Такимъ образомъ снялся съ позиціи лѣвый нашъ флангъ, что́, въ свою

очередь, повлекло отступленіе войскъ, стоявшихъ въ центрѣ. Между тѣмъ наше правое крыло упорно удерживалось на позиціи; Англичане понесли чувствительный уронъ, и храбрые Владимірцы продолжали отстаивать батарею, стоявшую за эполементомъ, даже и тогда, когда съ нея были свезены орудія. Но этотъ превосходный полкъ не былъ своевременно поддержанъ резервами, и когда французская батарея Туссена, занявъ одну изъ высотъ въ центрѣ нашей позиціи, стала громить во флангъ войска нашего праваго крыла, то они стали отступать подъ сильнымъ огнемъ англійской артиллеріи. Союзныя войска заняли нашу позицію, но не преслѣдовали отступавшую армію. Итакъ, главными причинами потери нами сраженія, кромѣ двойнаго превосходства непріятельскихъ силъ, были: во 1-хъ, превосходство непріятеля въ вооруженіи пѣхоты, которой бо̀льшая часть имѣла нарѣзныя ружья, между тѣмъ какъ у насъ вообще было 2,200 штуцерныхъ; во 2-хъ, недостаточное укрѣпленіе позиціи; въ 3-хъ, несообразное съ свойствами мѣстности расположеніе войскъ, и въ 4-хъ, отсутствіе взаимной связи въ дѣйствіяхъ войскъ. Князь Меншиковъ, которому были хорошо извѣстны общія, почти неизбѣжныя, неудобства большихъ штабовъ, старался замѣнить ихъ временнымъ порученіемъ штабныхъ обязанностей даровитымъ офицерамъ; но на самомъ опытѣ оказалось, что для исполненія соображеній главнокомандующаго и для направленія къ общей цѣли дѣйствій войскъ невозможно обойтиться безъ устроеннаго по надлежащему штаба.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ сраженія на Алмѣ было отступленіе нашей арміи, 9-го (21-го) сентября, къ Севастополю.

ГЛАВА XXI.

Движеніе Англо-Французовъ на южную сторону Севастополя и приготовленія къ первому бомбардированію.

(Съ 11-го (23-го) сентября по 5-е (17-е) октября 1854 г.).

Въ самый день сраженія на Алмѣ, 8-го (20-го) сентября, во время отступленія нашихъ войскъ къ рѣкѣ Качѣ, князь Меншиковъ, полагая, что наибольшая опасность Севастополю угрожала съ моря, приказалъ генералъ-адъютанту Корнилову затопить нѣсколько кораблей на рейдѣ. Утромъ 9-го (21-го) сентября, Корниловъ, собравъ на совѣтъ флагмановъ и капитановъ, объявилъ имъ, что непріятель легко можетъ занять высоты праваго берега Бельбека, распространиться къ Инкерману и къ Голландіи, и, дѣйствуя съ высотъ по кораблямъ эскадры Нахимова, принудить нашъ флотъ оставить настоящую позицію, съ перемѣною которой облегчится доступъ на рейдъ непріятельскому флоту, и если въ то же время Союзная армія овладѣетъ сѣверными укрѣпленіями, то ничто не спасетъ Черноморскаго флота отъ гибели и позорнаго плѣна. На основаніи этихъ соображеній, Корниловъ, не объявляя въ совѣтѣ полученнаго приказанія, предложилъ выдти въ море

и атаковать суда, столпившіяся у мыса Улюкола. По словамъ адмирала, при успѣхѣ, уничтоживъ непріятельскую армаду, мы лишили бы Союзную армію продовольствія и подкрѣпленія, а при неудачѣ— если абордажъ не одолѣетъ—могли взорвать на воздухъ непріятельскіе корабли, съ нами сцѣпившіеся, и, отстоявъ честь русскаго флага, спасти и родной свой портъ, ибо Союзный флотъ, даже одержавъ побѣду, былъбы такъ обезсиленъ гибелью большой части своихъ кораблей, что не осмѣлился бы атаковать приморскія батареи Севастополя, а безъ содѣйствія флота непріятельская армія не овладѣла бы городомъ, если бы наши войска укрѣпились и держались въ немъ до прибытія подкрѣпленій. Безпорядочное расположеніе Союзнаго флота на якорѣ во время высадки и у мыса Улюкола, а равно безпечность непріятельскихъ крейсеровъ, не успѣвшихъ подстеречь ни одного изъ нашихъ пароходовъ, появлявшихся въ разныхъ мѣстахъ Чернаго моря, въ продолженіи всего лѣта, казалось, подавали намъ надежду на успѣхъ морской битвы. Корабль *Святославъ* стоялъ цѣлыя сутки, 9-го (21-го) сентября, на мели, внѣ выстрѣловъ нашихъ батарей, и непріятель упустилъ случай атаковать его, а пароходъ *Тамань*, на которомъ капитанъ-лейтенантъ Поповъ былъ высланъ, въ ночь на 7-е (19-е) сентября, на сообщенія Союзниковъ съ турецкими портами, не встрѣтилъ ни одного крейсера и, истребивъ турецкій купеческій бригъ, прибылъ благополучно въ Одессу, въ полдень 9-го (21-го) сентября. Но, съ другой стороны, принявъ во вниманіе, что нашъ флотъ былъ парусный и могъ быть застигнутъ штилемъ, частью еще въ бухтѣ, частью въ открытомъ морѣ, нельзя было не усомниться въ успѣхѣ предпріятія, предложеннаго Корниловымъ. Безмолвно приняли флагманы и капитаны

предложенiе уважаемаго адмирала. Хотя оно выражало свойственную черноморскимъ морякамъ рѣшимость—отважиться на все для спасенія роднаго имъ города, однакоже лишь немногіе голоса выразили согласіе; прочіе же всѣ предпочитали другое средство—затопить входъ на рейдъ, о чемъ въ послѣднее время уже поговаривали въ Севастополѣ; но какъ истребить собственные корабли, доведенные усиліями незабвеннаго Лазарева и его сподвижниковъ до высокаго совершенства во всѣхъ отношеніяхъ? Нѣсколько минутъ длилось гробовое молчаніе; наконецъ — капитанъ 1-го ранга Зоринъ прервалъ его, высказавъ необходимость пожертвовать для загражденія фарватера старѣйшими по службѣ кораблями и обратить экипажи съ нихъ и съ другихъ кораблей на подкрѣпленіе гарнизону. Всѣ заранѣе готовились услышать это предложеніе, многіе раздѣляли убѣжденіе въ необходимости такого средства, но всѣ были какъ-бы возмущены жестокимъ приговоромъ родному флоту; у нѣкоторыхъ навернулись на глазахъ слезы; раздались громкіе неодобрительные возгласы. Самъ Корниловъ отвергнулъ предложеніе Зорина, и хотя видѣлъ, что большинство не находило другаго рѣшенія дѣлу, однакоже не далъ высказаться членамъ совѣта и прекратилъ совѣщаніе словами: „готовьтесь къ выходу; будетъ данъ сигналъ, чтò кому дѣлать“. Распустивъ совѣтъ, адмиралъ отправился къ князю Меншикову и изъявилъ свое намѣреніе—выдти въ море. Когда же князь повторилъ отданное наканунѣ приказаніе—затопить фарватеръ, Корниловъ отвѣчалъ, что онъ этого не сдѣлаетъ. Раздраженный противорѣчіемъ подчиненнаго, Меншиковъ сказалъ: „Ну, такъ поѣзжайте въ Николаевъ къ своему мѣсту службы“, и приказалъ ординарцу позвать вице-адмирала Станюковича, чтобы чрезъ

него сдѣлать дальнѣйшія распоряженія. „Остановитесь—вскричалъ Корниловъ.—Это—самоубійство... то, къ чему вы меня принуждаете... но чтобы я оставилъ Севастополь, окруженный непріятелемъ—невозможно! Я готовъ повиноваться вамъ“ (1).

Для обстрѣливанія Сѣверной стороны, въ случаѣ атаки ея непріятелемъ, было поставлено въ большой бухтѣ десять новыхъ кораблей (2), а остальные четыре корабля, портовой корабль *Силистрію* и два фрегата (3) положено затопить, поперегъ рейда, между Константиновскою и Александровскою батареями. Приступая противъ собственной воли къ исполненію этой мѣры, Корниловъ медлилъ снимать орудія съ осужденныхъ на гибель судовъ и подалъ сигналъ къ ихъ затопленію уже 10-го (22-го) сентября, въ 6 часовъ вечера. Вслѣдъ затѣмъ, прибывъ на корабль *Ростиславъ*, онъ приказалъ командирамъ этихъ судовъ свезти на берегъ все, что можно было убрать въ теченіи вечера и ночи, а на разсвѣтѣ—срубить мачты и затопить корабли. Командиры, съ своей стороны, все еще надѣясь на отмѣну даннаго имъ приказанія, приступили неохотно къ его исполненію и не успѣли убрать не только орудій, но снарядовъ и пороха; вся провизія, койки, даже офицерская посуда, пошли ко дну вмѣстѣ съ судами. Съ разсвѣтомъ 11-го (23-го) сентября, на мѣстѣ, занятомъ *Сизополемъ*, *Варною* и *Силистріею*, плавали обломки рангоута; къ 8-ми часамъ утра, за ними послѣдовали *Уріилъ*, *Селафіилъ* и *Флора*. Корабль *Три Святителя* долго держался, какъ-бы отказываясь разстаться съ жизнью; несмотря на широкія отверстія, прорубленныя въ его подводной части, онъ погружался весьма медленно, и потому было велѣно пароходу *Громоносецъ* бросить въ подводную часть его нѣсколько ядеръ; наконецъ, въ 3/4 пер-

ваго часа, корабль зашатался и исчезъ въ волнахъ рейда (4).

Наканунѣ этого тяжкаго для нашихъ моряковъ дня, капитанъ Ла-Ронсіеръ (La Roncière), посланный адмираломъ Гамеленемъ, на пароходѣ *Роландъ*, для обозрѣнія Севастополя, усмотря на рейдѣ семь судовъ, стоявшихъ между Константиновскою и Александровскою батареями, донесъ адмиралу, что Русскіе готовились выдти въ море; но, къ изумленію Союзниковъ, на слѣдующее утро, всѣ эти суда исчезли (5).

Между тѣмъ войска князя Меншикова отступили въ большомъ безпорядкѣ на Качу и расположились на правомъ берегу этой рѣки, у главной Севастопольской дороги и близъ сел. Эфенди-кіой, 8-го (20-го) около полуночи. Оттуда князь Меншиковъ отправилъ къ Государю одного изъ своихъ адъютантовъ, ротмистра Грейга, съ донесеніемъ, что армія оставила занятую ею позицію на Алмѣ, причиною чему была недостаточная стойкость войскъ, и что она отступаетъ къ Севастополю. Напрасно панегиристы князя Меншикова увѣряютъ, будто бы онъ, избравъ это направленіе, имѣлъ въ виду привлечь Союзниковъ на южную сторону Севастополя; такое намѣреніе не имѣло бы никакого дѣльнаго основанія, потому что Севастополь тогда еще не былъ укрѣпленъ съ этой стороны и непріятель легко могъ овладѣть открытымъ городомъ. Отступленіе нашихъ войскъ, неполучавшихъ, послѣ сраженія на Алмѣ, въ теченіи цѣлыхъ сутокъ, никакихъ приказаній изъ главной квартиры, было чисто-случайное. Точно такъ же они продолжали движеніе 9-го (21-го) сентября, послѣ привала на Бельбекѣ, въ долину Черной рѣчки, и перейдя ее по инкерманской гати, под-

нялись на Сапунъ-гору и къ вечеру, 9-го (21-го), прибыли въ Севастополь. Тарутинскій егерскій полкъ занялъ Сѣверное укрѣпленіе; 4 баталіона резервной бригады 13-й дивизіи (5-е и 6-е баталіоны Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ) поступили въ составъ гарнизона, а остальныя войска стали бивуакомъ, въ виду Севастополя, на Куликовомъ полѣ, между Карантинною и Сарандинакиною балками, отрядивъ, для наблюденія за непріятелемъ, къ монастырю Св. Георгія, два эскадрона гусаръ Кіевскаго, Е. И. Высочества Николая Максимиліановича, полка.

11-го (23-го) сентября, въ тотъ день, когда уже были затоплены корабли на рейдѣ, князь Меншиковъ сообщилъ Корнилову свое намѣреніе—оставя для непосредственной обороны Севастополя моряковъ, саперъ и резервные баталіоны 13-й пѣхотной дивизіи, выступить съ прочими войсками въ поле къ Бахчисараю, чтобы обезпечить сообщеніе съ Перекопомъ и занять фланговую позицію, для угроженія непріятелю, въ случаѣ его наступленія къ Севастополю. Напрасно Корниловъ представлялъ главнокомандующему опасное положеніе города, въ случаѣ нападенія Союзниковъ на Сѣверное укрѣпленіе, по взятіи котора́го многочисленною непріятельскою арміей, нельзя было долго держаться въ Севастополѣ. „Непріятель не можетъ повести рѣшительную атаку на сѣверныя укрѣпленія, имѣя у себя на флангѣ и въ тылу нашу армію“—отвѣчалъ князь Меншиковъ, и приказалъ тогда-же сформировать изъ корабельныхъ командъ баталіоны для защиты города. Удаляясь изъ Севастополя, онъ поручилъ командованіе тамошними войсками начальнику 14-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Моллеру 2-му; оборона сѣверной стороны была возложена на ге-

нералъ-адъютанта Корнилова, а завѣдываніе морскими командами, расположенными для защиты южной стороны—на вице-адмирала Нахимова ([6]).

Послѣдующія событія вполнѣ оправдали мѣру, принятую княземъ Меншиковымъ—выдти на дорогу, ведущую къ Перекопу, откуда могли подходить къ арміи подкрѣпленія изъ южныхъ областей Россіи, и занять фланговую позицію, для угроженія непріятелю, въ случаѣ его наступленія къ Севастополю. Тѣмъ не менѣе однако же положеніе Корнилова было весьма опасно, и еслибы Союзники рѣшительно атаковали Сѣверное укрѣпленіе, то едвали-бы намъ удалось отстоять его. Для отпора 60-ти-тысячной Союзной арміи, у насъ было всего-на-все 17 баталіоновъ, сформированныхъ изъ моряковъ ([7]), и 9 баталіоновъ сухопутныхъ войскъ ([8]), въ числѣ 17.867 строевыхъ нижнихъ чиновъ, и кромѣ того нѣсколько морскихъ командъ на укрѣпленіяхъ южной стороны и на приморскихъ батареяхъ. По всей вѣроятности, только тяжкая болѣзнь маршала Арно́ и нерѣшительность его преемника, генерала Канробера, не дозволили Союзникамъ воспользоваться выгодами ихъ положенія. Во всякомъ случаѣ, съ нашей стороны, было бы гораздо лучше занять, неотлагательно послѣ сраженія на Алмѣ, фланговую позицію впереди Бахчисарая, что̀ послужило бы къ охранѣ Севастополя отъ нападенія Союзниковъ и давало возможность князю Меншикову прикрыть сообщеніе съ Перекопомъ.

13-го (25-го) сентября, войска, назначенныя для непосредственной защиты Севастополя, были размѣщены слѣдующимъ образомъ: 1) на *сѣверной сторонѣ*: въ Сѣверномъ укрѣпленіи, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Бартенева, около 6,000 строевыхъ нижнихъ чиновъ; у праваго ретраншемента, подъ на-

чальствомъ капитана 1-го ранга Варницкаго, до 2,200 нижнихъ чиновъ; у лѣваго ретраншемента и въ балкѣ сѣверной пристани, подъ начальствомъ вице-адмирала Новосильскаго, 3,200 нижнихъ чиновъ; на Константиновской батареѣ, около 800 нижнихъ чиновъ; кромѣ того, прислуга у орудій батарей: Константиновской, Карташевскаго, Волохова, Пестича и № 4-го; 2) на *южной сторонѣ*, 5,800 нижнихъ чиновъ и прислуга батарей: легкой № 4-го 14-й артиллерійской бригады, 2-й морской подвижной и 4-хъ орудій, сформированныхъ при резервной бригадѣ 13-й пѣхотной дивизіи (9).

Какъ, повидимому, наибольшая опасность Севастополю угрожала съ сѣверной стороны, то, съ самаго дня непріятельской высадки, 2-го (14-го) сентября, подполковникъ Тотлебенъ, при содѣйствіи контръ-адмирала Истомина, приступилъ къ оборонительнымъ работамъ, имѣя въ виду усилить на-скоро позицію на линіи Сѣвернаго укрѣпленія. Это былъ первый шагъ, сдѣланный молодымъ инженеромъ, предпринявшимъ и славно исполнившимъ великое дѣло— защиты Севастополя. Благодаря его находчивости и самоотверженію, почти открытый городъ, облекшись въ броню, сопротивлялся почти круглый годъ всѣмъ усиліямъ новѣйшей поліорцетики, и принявъ на свой щитъ удары, направленные на Россію, заставилъ нашихъ враговъ купить успѣхъ дорогою цѣною. Сроднясь душею съ *знаменитымъ городомъ*, Тотлебенъ, Гекторъ новой Трои, проводилъ дни и ночи въ траншеяхъ и подкопахъ, постоянно въ первыхъ рядахъ защитниковъ Севастополя, и запечатлѣлъ собственною кровью свой незабвенный подвигъ.

Сѣверное укрѣпленіе почти нисколько не прикрывало доступа къ порту: только лишь 12 орудій были обращены прямо въ поле, да и тѣ, будучи

разбросаны по всему протяженію передоваго фронта, не могли дѣйствовать сосредоточеннымъ огнемъ. Западный, восточный и юго-восточный скаты плато, на которомъ расположено Сѣверное укрѣпленіе, не были обстрѣливаемы огнемъ нашей артиллеріи. Непріятельскія суда, приблизясь къ берегу, угрожали дѣйствовать почти безнаказанно по нашему укрѣпленію.

Для противодѣйствія имъ и для обстрѣливанія мѣстности по направленію къ устью Бельбека, совершенно закрытой отъ выстрѣловъ съ Сѣвернаго укрѣпленія, на окраинѣ сѣвернаго плато, близъ обрыва морскаго берега, были построены двѣ батареи: № 1-го на восемь и № 2-го на шесть 24-хъ-фунтовыхъ орудій. Обѣ эти батареи были соединены съ Сѣвернымъ укрѣпленіемъ двумя траншеями, изъ коихъ передняя приспособлена къ ружейному огню, а задняя назначалась для помѣщенія резервовъ. Правѣе Сѣвернаго укрѣпленія сооружена батарея на двѣнадцать 24-хъ-фунтовыхъ орудій, соединенная съ укрѣпленіемъ брустверомъ и рвомъ полевой профили, для ружейной обороны. Для прикрытія позиціи отъ обхода съ праваго фланга, была трасирована батарея на скатѣ, упирающемся въ берегъ рейда близъ батареи № 4-го, которую приспособили къ обстрѣливанію юго-восточныхъ скатовъ плато и вооружили, кромѣ бывшей прежде тамъ артиллеріи, шестью пудовыми единорогами, поставленными на барбетахъ, присыпанныхъ къ оборонительной стѣнкѣ горжи. Въ самомъ-же Сѣверномъ укрѣпленіи едва успѣли довести полуразвалившійся брустверъ до полевой профили, чтобы закрыть стрѣлковъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ; при насыпкѣ бруствера, старыя эскарповыя стѣны, не выдерживая давленія земли, обрушивались, засыпая узкій ровъ, отъ чего

въ западномъ бастіонѣ образовался готовый обвалъ, въ то самое время, когда появились непріятельскія колонны на пространствѣ между Качею и Бельбекомъ. Съ позиціи, занимавшей въ длину около полуторы версты, могли дѣйствовать по непріятелю, наступающему съ фронта, только двадцать девять орудій, а для отвѣта на канонаду сильнаго непріятельскаго флота было, кромѣ береговыхъ батарей, всего-на-все девять орудій, изъ числа стоявшихъ на батареяхъ №№ 1-го и 2-го ([10]).

Но не обращая вниманія — ни на слабость артиллерійской обороны, ни на малочисленность гарнизона, Севастопольскіе герои рѣшились отстаивать до послѣдней крайности священный залогъ имъ ввѣренный. Не въ надеждѣ побѣдить сильнаго врага, но въ готовности пасть въ борьбѣ съ нимъ, ожидали нападенія: Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ. И они всѣ пали славною смертью, затѣмъ чтобы жить вѣчно, во славу Россіи, въ примѣръ будущимъ поколѣніямъ.

Пока защитники Севастополя, руководимые Тотлебеномъ, работали денно и нощно, усиливая и возводя вновь укрѣпленія, Союзные военачальники теряли время въ преніяхъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Рагланъ полагалъ, что „какъ вся экспедиція была предпринята безъ точныхъ, положительныхъ свѣдѣній о силахъ и средствахъ непріятеля, и имѣла характеръ нечаяннаго вторженія въ страну, то надлежало, пользуясь побѣдою на Алмѣ, довершить одержанный успѣхъ рѣшительнымъ и быстрымъ взятіемъ Сѣвернаго укрѣпленія“. На основаніи такихъ соображеній, Рагланъ предложилъ маршалу Сентъ-Арно „немедленно идти къ Бельбеку, переправиться черезъ эту рѣчку и атаковать Сѣверный фортъ“ ([11]).

Но маршалъ отклонилъ предложенiе англiйскаго полководца и остался на Алмѣ, отговариваясь чрезвычайною усталостью войскъ. Впослѣдствiи французскiе историки Восточной войны оправдывали маршала, приводя многiя причины его бездѣйствiя: совершенное незнанiе края, служившаго театромъ войны; отступленiе въ порядкѣ и безъ большаго урона русской армiи, со всею находившеюся при ней артиллерiею; потери, понесенныя Союзниками въ сраженiи на Алмѣ; недостатокъ въ кавалерiи; неимѣнiе обозовъ; необходимость призрѣнiя раненыхъ; трудность согласить дѣйствiя французской и англiйской армiй. Повидимому, главною изъ всѣхъ этихъ причинъ была послѣдняя (12).

Лордъ Рагланъ, полагая, что маршалъ не приступалъ къ дальнѣйшимъ дѣйствiямъ изъ опасенiя штурмовать Сѣверное укрѣпленiе, составилъ другой планъ, состоявшiй въ томъ, чтобы атаковать Севастополь съ юга. Такъ пишетъ уважаемый англiйскiй историкъ Кинглекъ; но въ журналѣ маршала Сентъ-Арнó положительно сказано, что онъ, намѣреваясь предпринять переходъ на южную сторону Севастополя, выжидалъ согласiя Англичанъ на это движенiе. Впрочемъ, какъ бы ни было, такой переходъ замедлилъ дѣйствiя Союзниковъ, которымъ, предпринявъ его, надлежало принять мѣры для отправки на суда больныхъ и раненыхъ, не оставляя ихъ на Алмѣ, отдѣльно отъ армiи. Французы успѣли убрать своихъ раненыхъ въ продолженiи однихъ сутокъ; Англичанамъ же предстояло несравненно болѣе затрудненiй, при полуторномъ числѣ раненыхъ, да и переносить ихъ съ мѣста битвы къ берегу пришлось гораздо далѣе: все это задержало Союзниковъ на Алмѣ до утра 11-го (23-го) сентября и подало маршалу Сентъ-Арнó поводъ жаловаться на медленность

англійскихъ войскъ. „Англичане все еще не готовы—писалъ онъ—и не позволяютъ мнѣ тронуться съ мѣста, точно также какъ у Бальчика, какъ у Стараго форта. Правда, что у нихъ больше раненыхъ и что они далѣе отъ моря. Какая медленность въ ихъ движеніяхъ! Возможно ли такъ вести войну? Время стоитъ прекрасное, и я не пользуюсь имъ. Выхожу изъ себя“ ([13]).

11-го (23-го), въ семь часовъ утра, Союзная армія двинулась къ рѣчкѣ Качѣ; солдаты имѣли при себѣ семидневный запасъ продовольствія. Часть войскъ перешла черезъ рѣчку въ бродъ; остальныя, вмѣстѣ съ артиллеріей и походнымъ лазаретомъ, двигались по мосту. Послѣ ночлега на Качѣ, Союзники предполагали переправиться черезъ Бельбекъ и все еще имѣли намѣреніе атаковать Сѣверное укрѣпленіе; но маршалъ Сентъ-Арно́, получа, утромъ 12-го (24-го), свѣдѣнія о расположеніи сильной русской батареи на лѣвомъ флангѣ Сѣверной позиціи и о затопленіи кораблей на рейдѣ, лишавшемъ Союзную армію при нападеніи на Севастополь содѣйствія флота, сперва отложилъ, а потомъ и вовсе отмѣнилъ нападеніе съ сѣверной стороны. Лордъ Рагланъ оставался при своемъ прежнемъ мнѣніи, однакоже, уступая желанію французскаго главнокомандующаго, согласился обойти Севастополь, овладѣть Балаклавою и повести атаку съ юга. Фланговое движеніе съ сѣверной на южную сторону Севастополя представляло много затрудненій и опасностей: надлежало направиться по незнакомой, лѣсистой, весьма пересѣченной мѣстности, причемъ Союзники могли встрѣтиться съ русскою арміей и быть принуждены пролагать себѣ дальнѣйшій путь къ морю оружіемъ; затѣмъ предстояло имъ занять крутыя высоты Сапунъ-горы, не овладѣвъ коими нельзя было присту-

пить къ атакѣ южныхъ укрѣпленій Севастополя, почти совершенно имъ неизвѣстныхъ. Но, послѣ отказа Французовъ атаковать Сѣверный фортъ, Раглану оставалось только принять предложеніе маршала Сентъ-Арно́, либо отказаться отъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Къ тому же, инженеръ-генералъ Бургоэнъ, старый, опытный воинъ, удостоенный совершеннымъ довѣріемъ британскаго полководца, также совѣтовалъ атаковать Севастополь съ южной стороны, полагая, что: во 1-хъ, вмѣсто позиціи, сильной мѣстностью и небольшой протяженіемъ, обороняемой укрѣпленіями „Константиновскаго форта" (*)—прочной постройки, Русскимъ придется защищать на южной сторонѣ весьма длинную линію, изрѣзанную глубокими балками и, по всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ, весьма плохо укрѣпленную; во 2-хъ, какъ Союзныя войска двигаются съ сѣвера, то нападеніе съ южной стороны будетъ неожиданно; въ 3-хъ, овладѣніе „Константиновскимъ фортомъ" (Сѣвернымъ укрѣпленіемъ) не доставитъ взятія важныхъ военныхъ сооруженій, устроенныхъ на южной сторонѣ бухты; въ 4-хъ, судя по имѣющимся картамъ, можно вывести заключеніе, что между Балаклавою и долиною рѣчки Черной есть позиція, которая, по обширности своей, не можетъ быть занята войсками севастопольскаго гарнизона и послужитъ для выгоднаго расположенія Союзной арміи; въ 5-хъ, сообщеніе съ флотомъ, базою Союзныхъ войскъ, можетъ быть устроено надежнѣе и удобнѣе, занявъ Балаклаву и Херсонесскія бухты, нежели вдоль открытаго берега къ сѣверу отъ Севастополя, и въ особенности проложивъ хорошія дороги отъ Балаклавы и прочихъ бухтъ къ мѣсту расположенія арміи, для со-

(*) Такъ называли Союзники Сѣверное укрѣпленіе.

общенія съ флотомъ, который, одновременно съ фланговымъ движеніемъ арміи, перейдетъ къ югу отъ Севастополя (14).

Хотя Сентъ-Арно̀, еще находясь на полѣ сраженія въ долинѣ Алмы, одобрилъ движеніе на южную сторону Севастополя, однакоже рѣшился исполнить его не прежде 12-го (24-го) сентября, въ то время уже, когда, къ вечеру этого дня, авангардъ Союзной арміи расположился на высотахъ лѣваго берега Бельбека по дорогѣ къ Инкерману (15).

Вице-адмиралъ Корниловъ, ожидая на слѣдующій день, 13-го (25-го) сентября, нападенія на сѣверную сторону, счелъ нужнымъ, чтобы не позволить непріятелю—въ случаѣ овладѣнія имъ этою позиціей—дѣйствовать по городу изъ нашихъ же укрѣпленій, сбросить съ батарей всѣ орудія, обращенныя къ бухтѣ, и разрушить ихъ амбразуры, а для прикрытія войскъ—на случай отступленія за Сухую балку—поставить пароходы: *Бессарабія*, *Одесса*, *Громоносецъ* и *Эльборусъ* у сѣверной пристани, а *Херсонесъ*, *Грозный*, *Владиміръ* и *Крымъ* возлѣ батареи № 4-го. Окончивъ всѣ свои приготовленія, Корниловъ писалъ: „Вчера непріятель дневалъ за Бельбекомъ; наша армія снялась ему во флангъ, по высотамъ Инкерманскимъ. Я взялъ на себя защиту Сѣверной стороны и теперь поселился въ домикѣ Меншикова у № 4-го. У меня 10,000 нашихъ моряковъ, взятыхъ съ кораблей. Укрѣпленія въ надежномъ видѣ, и я, если армія сдѣлаетъ свое, надѣюсь отдуться. Берегъ этотъ, кромѣ войска, защищается кораблями и пароходами; съ моря же мы недосягаемы“... (16).

Между тѣмъ, еще въ ночи съ 11-го на 12-е (съ 23-го на 24-е) число сентября, авангардъ войскъ князя Меншикова, въ числѣ около 13 тысячъ человѣкъ (17), подъ начальствомъ генералъ-маіора Жабокритскаго,

прибывшаго съ небольшимъ отрядомъ съ восточной части Крыма, выступилъ съ Куликова поля къ хутору Мекензи, откуда, по окончаніи варки пищи, ему назначено было идти къ деревнѣ Отаркой 12-го (24-го), въ 4 часа пополудни; по слѣдамъ авангарда, долженъ былъ двинуться генералъ Кирьяковъ съ 17-ю пѣхотною дивизіею, а за нимъ приказано слѣдовать князю Петру Дмитр. Горчакову съ остальными войсками. Обозы, бо́льшею частью, были отправлены въ Севастополь.

При движеніи на хуторъ Мекензи, наши войска тянулись въ одной колоннѣ, въ разстояніи не далѣе 4-хъ верстъ отъ непріятельскихъ аванпостовъ, такъ что, въ ночи съ 12-го на 13-е, намъ ясны были видны огни бивуаковъ Союзной арміи. Князь Меншиковъ, направя свои войска по единственному пути, выходящему на бахчисарайскую большую дорогу, не имѣлъ возможности прикрыть свое движеніе съ фланга особымъ отрядомъ, и потому долженъ былъ, избѣгая встрѣчи съ непріятелемъ, совершить фланговый маршъ скрытно, со всевозможною быстротою. Но генералъ Кирьяковъ, слѣдовавшій за авангардомъ въ головѣ прочихъ войскъ, сбился съ дороги, потерялъ много времени и замедлилъ движеніе колонны князя Горчакова. Съ прибытіемъ нашихъ главныхъ силъ къ селенію Черкесъ-Керменъ (верстахъ въ 3-хъ отъ хутора Мекензи), авангардъ двинулся съ привала у Мекензи къ Отаркой, а Кирьяковъ, въ третьемъ часу пополуночи, выступилъ за нимъ вслѣдъ, подошелъ на разсвѣтѣ 13-го (25-го) къ Отаркой, и, сдѣлавъ тамъ получасовой привалъ, по недоразумѣнію, опередилъ авангардъ и, перейдя Качу, расположился на высотахъ праваго берега этой рѣчки. Войска же князя Горчакова, послѣ привала у Черкесъ-Кермена, перешли, утромъ 13-го (25-го), къ Отаркой и располо-

жились верстахъ въ 15-ти отъ Сѣвернаго укрѣпленія. Князь Меншиковъ, узнавъ, что генералъ Кирьяковъ, безъ приказанія, ушелъ на Качу, приказалъ ему возвратиться къ Отаркой и примкнуть къ главнымъ силамъ. Войска этого отряда, двигавшіяся съ небольшими привалами, въ теченіе 11-го (23-го) числа, всей ночи съ 12-го на 13-е (съ 24-го на 25-е) число и во весь слѣдующій день, прошли до 80-ти верстъ ([18]).

Въ тотъ же день, около 8-ми часовъ утра, Союзная армія двинулась изъ долины Бельбека къ хутору Мекензи, откуда предположено было идти далѣе, въ долину рѣки Черной. Войска тронулись съ биваковъ эшелонами съ лѣваго фланга, и потому Англичане шли впереди. По достиженіи лѣса, чрезъ который вела дорога къ Мекензи, Рагланъ, по усилившейся болѣзни маршала Сентъ-Арнó, сдѣлавшись на время единственнымъ распорядителемъ дѣйствій, предоставилъ дорогу для движенія кавалеріи и артиллеріи и направилъ пѣхоту чрезъ лѣсъ, въ сторонѣ отъ дороги, (какъ увѣряетъ Кинглекъ), съ пособіемъ бусоли. Солдаты разбрелись въ безпорядкѣ, грабя и опустошая дома, встрѣчавшіеся на маршѣ. Самъ маршалъ, уже на одрѣ смерти, писалъ къ своей женѣ, что „она получитъ маленькій столикъ, принадлежавшій княгинѣ (?) Бибиковой, на память о Крымской войнѣ“. По выходѣ изъ лѣса, близъ хутора Мекензи, кавалерія Раглана внезапно наткнулась на часть нашего обоза, слѣдовавшую въ хвостѣ колонны князя Горчакова, подъ прикрытіемъ Черноморскаго линейнаго баталіона, и захватила 25 повозокъ. Головныя войска Союзной арміи, утомленныя труднымъ движеніемъ по весьма закрытой и пересѣченной мѣстности, при совершенномъ недостаткѣ въ хорошей водѣ, достигли рѣчки Черной и расположились на бивакахъ не прежде 10-ти часовъ вечера; тѣ же, которыя слѣдовали въ

хвостѣ колонны, пришли къ хутору Мекензи уже въ три часа ночи, несмотря на то, что весь переходъ не превышалъ 12-ти—15-ти верстъ ([19]). Маршалъ Сентъ-Арно, изнуренный сильнѣйшими припадками холеры, сдалъ въ ту же ночь начальство надъ войсками генералу Канроберу ([20]).

Утромъ 14-го (26-го), войска обѣихъ сторонъ разошлись въ противныя стороны: князь Меншиковъ, оставя авангардъ Жабокритскаго у Отаркой, отвелъ главныя силы на Качу, гдѣ войска оставались двое сутокъ, въ ожиданіи подвозовъ продовольствія изъ Симферополя; Французы, переправясь черезъ Черную въ бродъ и чрезъ водопроводъ—по мостамъ, построеннымъ саперами, расположились на Ѳедюхиныхъ горахъ; Англичане двинулись къ Балаклавѣ ([21]).

Легко представить себѣ, какую тревогу произвело неожиданное появленіе непріятельской арміи въ виду Севастополя. Утромъ наканунѣ прибылъ туда офицеръ, присланный княземъ Меншиковымъ къ вице-адмиралу Станюковичу, съ приказаніемъ поставить батарею для защиты Инкерманскаго моста и запрудить Черную рѣчку у плотины, чтобы возвысить воду и затруднить переходъ черезъ нее непріятелю. Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій совѣтовалъ укрѣпить по возможности Малаховъ курганъ и Киленъ-балку. Въ первомъ часу по-полудни, другой курьеръ привезъ отъ князя Меншикова извѣстіе о нападеніи Англичанъ на запасный нашъ паркъ, прикрытый Черноморскимъ баталіономъ. „Это происшествіе затрудняетъ наше сообщеніе съ Севастополемъ“—писалъ главнокомандующій. Когда же, на слѣдующій день, 14-го (26-го) сентября, расположилась французская армія на Ѳедюхиныхъ высотахъ, противъ города, Нахимовъ, у котораго для обороны всей южной линіи было $5^1/_2$ резервныхъ баталіоновъ, въ числѣ 4-хъ съ

небольшимъ тысячъ человѣкъ (*), усомнился въ возможности отстоять городъ и отдалъ, въ семь часовъ утра, слѣдующій приказъ:

„Непріятель подступаетъ къ городу, въ которомъ весьма мало гарнизона; я въ необходимости нахожусь затопить суда ввѣренной мнѣ эскадры, а оставшіяся на нихъ команды, съ абордажнымъ оружіемъ, присоединить къ гарнизону. Я увѣренъ въ командирахъ, офицерахъ и командахъ, что каждый изъ нихъ будетъ драться какъ герой; соберется до трехъ тысячъ; сборный пунктъ на Театральной площади. О чемъ по эскадрѣ объявляю". Но уже Корниловъ, убѣдясь въ переходѣ Союзной арміи на южную сторону Севастополя, готовъ былъ идти на встрѣчу непріятеля. Съ разсвѣтомъ 14-го (26-го) приказано перевезти на пароходахъ въ городъ 11 флотскихъ баталіоновъ ([22]), въ числѣ до 6,000 человѣкъ, и самъ Корниловъ отправился на корабль *Двѣнадцать Апостоловъ*, къ Нахимову, поручивъ Сѣверную сторону капитану 1-го ранга Бартеневу, а потомъ поѣхалъ въ городъ, на свою квартиру, гдѣ вскорѣ, по приглашенію его, собрались: командующій войсками генералъ-лейтенантъ Моллеръ, вице-адмиралъ Нахимовъ и подполковникъ Тотлебенъ. Генералъ Моллеръ, по обсужденіи мѣръ для защиты города, съ общаго согласія, распредѣлилъ войска слѣдующимъ образомъ: 1) оборона линіи отъ укрѣпленія № 10-го до бастіона № 5-го поручена генералъ-маіору Аслановичу, съ 6-ю пѣхотными баталіонами ([23]) и 12-ю орудіями, изъ коихъ два баталіона съ 4-мя орудіями, и кромѣ того 3-й Тарутинскій баталіонъ (**) съ 4-мя же ору-

---

(*) 44-й флотскій экипажъ и двѣ роты 6-го резервнаго баталіона Литовскаго егерскаго полка находились на приморской батареѣ № 10-го.

(**) Этотъ баталіонъ, состоявшій въ колоннѣ генерала Кирьякова,

діями, расположенные на Театральной площади, составили главный резервъ. Начальство надъ всѣми батареями этой линіи ввѣрено капитану 1 ранга Иванову; 2) оборона линіи отъ бастіона № 5-го до бастіона № 3-го поручена вице-адмиралу Новосильскому съ 8-ю морскими баталіонами (24) и 8-ю орудіями морской подвижной батареи; артиллеріей командовать предписано контръ-адмиралу Юхарину; 3) начальникомъ войскъ, по линіи отъ бастіона № 3-го до большой бухты, именно 6-ти флотскихъ баталіоновъ (25), съ 8-ю орудіями морской батареи, назначенъ контръ-адмиралъ Истоминъ, а начальникомъ артиллеріи этой линіи—контръ-адмиралъ Вукотичъ 2-й (26). Впослѣдствіи, въ этомъ расположеніи войскъ были сдѣланы нѣкоторыя неважныя измѣненія.

Генералъ-лейтенантъ Моллеръ и вице-адмиралъ Нахимовъ, не обращая вниманія ни на старшинство свое въ чинѣ, ни на власть данную имъ главнокомандующимъ, и имѣя въ виду, что успѣхъ обороны Севастополя требовалъ, чтобы всѣ распоряженія происходили отъ одного лица, просили Корнилова принять на себя высшее начальство, тѣмъ болѣе, что бóльшая часть гарнизона состояла изъ моряковъ. На замѣчаніе Корнилова, что сухопутныя войска не обязаны исполнять его приказанія, генералъ Моллеръ предложилъ отдать приказъ о принятіи Корниловымъ на себя должности начальника штаба всего севастопольскаго гарнизона, и въ тотъ же день отдалъ слѣдующій приказъ:

„Предлагаю всѣмъ гг. Начальникамъ войскъ исполнять всѣ приказанія господина вице-адмирала генералъ-адъютанта Корнилова, принявшаго на себя

былъ отрѣзанъ непріятелемъ отъ прочихъ войскъ и отступилъ въ ночи съ 13-го на 14-е (съ 25-го на 26-е) въ Севастополь.

обязанности начальника штаба всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ городѣ Севастополѣ, какъ утвержденныя распоряженія. Генералъ-лейтенантъ Моллеръ".

Таково было единодушіе защитниковъ Севастополя ([27]).

Вице-адмиралу Корнилову, прежде всего, предстояло усилить наскоро укрѣпленія южной стороны, по крайней мѣрѣ такъ, чтобы непріятель, не осмѣлясь атаковать ихъ открытою силою, приступилъ къ правильной осадѣ, и тѣмъ далъ время гарнизону довершить работы, предпринятыя для прикрытія Севастополя. Со времени высадки Союзниковъ, все наше вниманіе было обращено къ Сѣверной сторонѣ, наиболѣе угрожаемой непріятелемъ, а на Южной сторонѣ работы были почти вовсе прекращены. Въ продолженіе 12-ти дней, со 2-го по 14-е (съ 14-го по 26-е) сентября, *на Городской сторонѣ* насыпаны фасы 5-го бастіона до 7-ми футъ высоты и до 6-ти толстоты и лѣвый фасъ 4-го бастіона до 6-ти футъ высоты и толстоты, съ приспособленіемъ ихъ къ ружейной оборонѣ; для обороны Городскаго оврага вынесена впередъ оборонительная линія; усилена артиллерія праваго фаса 6-го бастіона четырьмя полу-пудовыми единорогами и поставлены восемь 12-ти-фунтовыхъ карронадъ за каменнымъ заваломъ, влѣво отъ 4-го бастіона. *На Корабельной сторонѣ*, надъ берегомъ Лабораторной балки насыпана изъ приносной земли батарея № 5-го (Никонова), вооруженная десятью 24-хъ-фунтовыми пушками-карронадами; а къ батареѣ на мѣстѣ 1-го бастіона пристроенъ, также изъ приносной земли, съ лѣвой стороны, фасъ на пять орудій (три пушки-карронады 24-хъ-фунт. и двѣ 18-ти-фунтовыя); оба фаса батареи, на мѣстѣ 3-го бастіона, удлинены и приспособлены къ ружейной оборонѣ; между Доковою бал-

кою и Малаховымъ курганомъ назначено расположить батарею (Жерве) и предварительно устроенъ завалъ для полевыхъ орудій; наконецъ, для прикрытія башни на Малаховомъ курганѣ, гласисъ ея возвышенъ до 10-ти футъ. Такимъ образомъ вооруженіе Южной стороны, послѣ высадки непріятеля, увеличилось только 27-ю орудіями и состояло къ 14-му (26-му) сентября большею частью изъ артиллеріи незначительнаго калибра. Только правая часть оборонительной линіи, между 5-мъ и 7-мъ бастіонами, въ нѣкоторой степени могла считаться обезпеченною отъ атаки открытою силою; остальная же часть, отъ 5-го бастіона до Большой бухты, на протяженіи болѣе 5-ти верстъ, была совершенно доступна, потому что входившія въ составъ ея укрѣпленія имѣли слабую полевую профиль, были неокончены и большею частью безъ рвовъ, а обширные промежутки между ними оставались открыты ([28]).

Утромъ 15-го (27-го) сентября, гарнизонъ Севастополя былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: на Южной сторонѣ 23 баталіона и $3^1/_2$ роты, въ числѣ до 16,000 штыковъ, съ 32-мя полевыми орудіями; на Сѣверной сторонѣ оставлены 5 баталіоновъ и одинъ взводъ ([29]), въ числѣ до 3,500 штыковъ; а на судахъ въ бухтѣ—около 3,000 человѣкъ. Изъ числа войскъ, стоявшихъ на Южной сторонѣ, для обороны города назначено 12 баталіоновъ, въ числѣ 8,500 штыковъ, съ 12-ю орудіями, а для обороны Корабельной стороны 11 баталіоновъ, въ числѣ 7,500 штыковъ, съ 20-ю орудіями. 6-й саперный баталіонъ былъ распредѣленъ для работъ по всей линіи ([30]).

При наступленіи англійской арміи къ Балаклавѣ, Союзники предполагали придти туда одновременно

съ прибытіемъ эскадры адмирала Лайонса. Балаклавскій портъ не былъ укрѣпленъ, ни со стороны моря, ни съ сухаго пути; но командиръ Балаклавскаго греческаго баталіона, полковникъ Мантò, засѣвъ съ одною изъ своихъ ротъ въ развалинахъ древняго зàмка, господствующаго надъ городомъ, рѣшился обороняться до послѣдней крайности. Подъ начальствомъ его собралось 80 строевыхъ и 30 отставныхъ солдатъ; при этой горсти войскъ были 4 полу-пудовыя мортирки, подъ командою поручика Маркова.

14-го (26-го) сентября, лордъ Рагланъ, по занятіи англійскими войсками деревни Кадикіой, узналъ отъ тамошнихъ жителей, что городъ Балаклава не былъ приведенъ въ оборонительное состояніе; но подойдя къ зàмку и будучи внезапно встрѣченъ нѣсколькими гранатами, брошенными съ батареи Маркова, выдвинулъ впередъ, для занятія высотъ, легкую дивизію съ нѣсколькими конными орудіями. Тогда же раздался съ Южной стороны громъ артиллеріи большаго калибра, чтó возвѣстило о прибытіи къ городу эскадры Лайонса. Небольшой русскій отрядъ былъ осыпанъ снарядами съ моря и сухаго пути; но поручикъ Марковъ продолжалъ пальбу, пока у него не осталось ни одного заряда. Когда же наша батарея прекратила огонь, непріятель, въ 2½ часа по-полудни, съ крикомъ „ура“ взошелъ на высоты и спустился въ городъ, причемъ взяты въ плѣнъ: раненый полковникъ Мантò, командиръ роты, капитанъ Стамати, 5 офицеровъ и до 60-ти израненыхъ солдатъ. Вслѣдъ затѣмъ, непріятельскій флотъ занялъ небольшую, но весьма удобную балаклавскую гавань, впослѣдствіи послужившую англійской арміи основаніемъ дѣйствій. По занятіи города, Англичане ограбили его жителей и совершенно опустошили окрестныя селенія ([31]).

На слѣдующій день былъ перевезенъ изъ лагеря на рѣкѣ Черной въ Балаклаву маршалъ Сентъ-Арно́; оттуда его отправили на пароходѣ *Бертоллетъ* въ Константинополь, но на пути онъ скончался 17-го (29-го) сентября. Между тѣмъ французская армія, занявъ западную часть Херсонесскаго полуострова, устроила основаніе своихъ дѣйствій въ Камышевой бухтѣ ([32]).

Такимъ образомъ, въ виду защитниковъ Севастополя, въ числѣ 16-ти тысячъ человѣкъ, разбросанныхъ на протяженіи болѣе семи верстъ, стали непріятельскія арміи, считавшія въ рядахъ своихъ около 60-ти тысячъ человѣкъ. Начиная съ 13-го (25-го), отъ князя Меншикова не было никакого извѣстія и сообщеніе съ нимъ было прервано. Севастопольскому гарнизону оставалось одно — честная смерть. Рано утромъ 15-го (27-го) сентября, войска наши были размѣщены сообразно общей диспозиціи. По распоряженію Корнилова, духовенство съ образами, хоругвями и крестами совершило крестный ходъ по южной оборонительной линіи; на всѣхъ дистанціяхъ отслужены молебны. „Пусть прежде напомнятъ войскамъ слово Божіе — сказалъ Корниловъ—а потомъ я передамъ имъ слово Царское“. Удостоенный вполнѣ заслуженнымъ довѣріемъ Монарха, счастливый супругъ, отецъ многочисленнаго семейства, Корниловъ готовился дать обѣтъ—пожертвовать жизнью во славу и защиту Россіи. Въ блестящей генералъ-адъютантской формѣ, окруженный многочисленною свитою, онъ объѣхалъ всю линію, привѣтствуя каждую часть войскъ, обращаясь къ каждому баталіону. „Ребята,—говорилъ онъ—Царь надѣется, что мы отстоимъ Севастополь; да и

некуда отступать намъ: позади насъ море, впереди — непріятель. Князь Меншиковъ обошелъ его, и какъ только непріятель насъ атакуетъ, наша армія ударитъ на него съ тыла. Помните же—не вѣрьте отступленію. Тотъ измѣнникъ, кто протрубитъ ретираду!.. И если я самъ прикажу отступать, коли меня!"—„Ваше дѣло—говорилъ онъ пѣхотѣ—сначала строчить непріятеля изъ ружей, а еслибы ему вздумалось забраться на батареи, то примите его порусски; штыковая работа—вамъ знакомое дѣло!" (33) Такъ выражался герой, напоминавшій собою лучшихъ сыновъ Греціи и Рима, и послѣдующія событія показали, что слова его отозвались въ душахъ защитниковъ Севастополя.

Поутру 16-го (28-го) прибылъ въ Севастополь изъ арміи князя Меншикова лейтенантъ Стеценковъ, посланный наканунѣ главнокомандующимъ узнать о состояніи города и извѣстить, что армія дня черезъ два появится въ виду Севастополя. И дѣйствительно, князь Меншиковъ, убѣдясь въ передвиженіи всѣхъ силъ непріятеля на Южную сторону, снова перенесъ свою главную квартиру на рѣчку Бельбекъ и прислалъ вечеромъ 17-го (29-го) Корнилову приказаніе перевести обозы арміи на Сѣверную сторону, извѣщая его, что туда слѣдуетъ вся армія, а съ разсвѣтомъ 18-го (30-го) придетъ авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Жабокритскаго. Съ 5-ти часовъ утра 18-го (30-го) сентября, пароходы *Дунай*, *Турокъ* и *Грозный*, а также боты и гребныя суда, перевозили обозъ съ пристаней: Екатерининской, Адмиралтейской и Ушаковой балки на Сѣверную сторону. По дорогѣ отъ Инкермана къ Сѣверному укрѣпленію потянулись наши войска, что ободрило гарнизонъ Севастополя, неожидавшій столь скораго по-

явленія арміи, а въ два часа по-полудни прибылъ самъ главнокомандующій на батарею № 4-го ([34]).

Между тѣмъ на южной оборонительной линіи закипѣла работа. По приказанію Корнилова, были предоставлены въ распоряженіе подполковника Тотлебена всѣ морскіе запасы доковъ и порта; съ кораблей повезли на батареи: пушки, снаряды, цистерны. Все кинулось къ бастіонамъ; арестанты просились участвовать въ общемъ дѣлѣ и, за исключеніемъ виновнѣйшихъ преступниковъ, получили дозволеніе работать на укрѣпленіяхъ; впослѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ удостоились получить знакъ Военнаго ордена и, переживъ только нѣсколькими днями—иногда нѣсколькими часами—эту высокую награду, гибли, искупивъ прежнія вины свои, на валахъ Севастополя, Въ первые же дни послѣ появленія врага, многія изъ женщинъ копали и носили землю; другія снабжали своихъ мужей и братьевъ водою и пищею; даже дѣти таскали лопаты; у кого была лошадь, тотъ отправлялся съ нею на позицію возить снаряды и землю; матросы передвигали тяжелыя морскія орудія; съ разсвѣта до ночи работали на батареяхъ отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ; другіе смѣняли ихъ на всю ночь. Руководимые Тотлебеномъ и сподвижниками его, инженерами, моряки и пѣхотинцы соперничали между собою въ усердіи. Защитники Севастополя были достойными исполнителями славнаго дѣла. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, южная линія окрѣпла, усилилась новыми постройками ([35]).

Обширность позиціи кругомъ южной стороны Севастополя и ежечасное ожиданіе штурма не дозволяли и думать о прикрытіи города укрѣпленіями долговременной профили. Въ такихъ обстоятельствахъ, все вниманіе главнаго распорядителя инже-

нерныхъ работъ, подполковника Тотлебена, обратилось на извлеченіе въ скорѣйшее время всей пользы, которую могли доставить средства флота, утратившаго свое прямое назначеніе. Съ этою цѣлью, Тотлебенъ приступилъ къ усиленію оборонительной линіи на слѣдующихъ началахъ: избрать кратчайшую и ближайшую къ городу позицію; на главныхъ пунктахъ ея выставить взятую съ флота сильную артиллерію, а въ промежуткахъ между ними расположить отдѣльныя батареи и траншеи для ружейной обороны, чтобы обстрѣливать, по возможности, всѣ доступы къ городу. Какъ въ ожиданіи штурма надлежало быть немедленно въ готовности къ отпору атакующаго, то укрѣпленіямъ сначала давалась профиль, охранявшая прислугу орудій только отъ огня полевой артиллеріи, а усиленіе профили батарей и устройство разнаго рода преградъ откладывались до болѣе благопріятнаго времени. Вообще же работы были предприняты одновременно на всѣхъ пунктахъ оборонительной линіи, чтобы не оставить ни одного изъ нихъ безъ защиты, и производились съ такимъ разсчетомъ, чтобы съ каждымъ днемъ оборона усиливалась необходимѣйшими работами. Орудія устанавливались при первой возможности дѣйствовать изъ нихъ, иногда даже прежде, нежели построеніе батарей было окончено ([36]). Безпрестанно на укрѣпленіяхъ являлся всадникъ на ворономъ конѣ, указывая пункты, требовавшіе усиленной работы. Это былъ знаменитый инженеръ, стоявшій на стражѣ Севастополя ([37]).

Въ продолженіи четырехъ дней, съ 13-го по 17-е (съ 25-го по 29-е) сентября, исполнены слѣдующія работы: на *Городской сторонѣ:* усилены профили 5-го и лѣваго фаса 4-го бастіоновъ, и впереди праваго фланга 5-го бастіона заложена фланкирующая

постройка *(люнетъ Бѣлкина)*. Въ Городскомъ оврагѣ, на всемъ протяженіи между *редутомъ Шварца* и 4-мъ бастіономъ, устроены батареи и траншеи, всего на 14 орудій; а для обороны доступовъ внутрь города заложена батарея на южной оконечности городской высоты. Для обороны Пересыпи, еще 11-го (23-го) сентября, по распоряженію Корнилова, поставленъ 84-хъ-пушечный корабль *Ягудіилъ*, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Кислинскаго, у вершины Южной бухты, лѣвымъ бортомъ къ Пересыпи; кромѣ того, гребныя суда могли, подойдя къ самому берегу, обстрѣливать картечью дороги, ведущія отъ Пересыпи въ городъ и къ госпиталю. Но какъ *Ягудіилъ* не могъ оборонять доступы изъ балокъ Лабораторной, Сарандинакиной и Бульварной, то на Пересыпи заложены три батареи: № 14-го Алексѣева, № 15-го Перекомскаго и № 16-го Крякина. Стоявшія на Пересыпи орудія были сняты, а батареи вооружены 15-ю карронадами. *На Корабельной сторонѣ:* къ батареѣ № 5-го *Никонова* присыпанъ съ правой стороны фасъ на 4 орудія; къ фасамъ батареи на мѣстѣ 3-го бастіона пристроены фланки, вслѣдствіе чего эта постройка получила видъ бастіона, и въ обѣ стороны 3-го бастіона заложены траншеи на всемъ пространствѣ между Лабораторною балкою и Доковымъ оврагомъ; съ обѣихъ сторонъ полукруглаго гласиса *Малаховой башни* заложены батареи, каждая на пять орудій, для фронтальной обороны впереди-лежащаго пространства; а для доставленія флангового огня 3-му бастіону и батареѣ на мѣстѣ 2-го бастіона, на оконечностяхъ гласиса поставлено по двѣ 24-хъ-фунтовыхъ пушки-карронады; отъ Малахова кургана въ обѣ стороны заложены траншеи между Доковымъ оврагомъ и батареей на мѣстѣ 2-го бастіона; батарею № 6-го *(Жерве)* начали обращать изъ каменнаго завала въ

землянную; къ батареѣ на мѣстѣ 2-го бастіона стали пристраивать слѣва флангъ на четыре орудія и между батареями на мѣстахъ 2-го и 1-го бастіоновъ заложена траншея ([38]).

Для сообщенія между Городскою и Корабельною сторонами, былъ сооруженъ мостъ черезъ Южную бухту. Въ городѣ и Корабельной Слободкѣ устроены перевязочные пункты ([39]).

По словамъ историка одной изъ державъ, тогда враждебныхъ Россіи, въ первые шесть дней послѣ появленія Союзниковъ подъ Севастополемъ—„русская армія удалилась и о ней не было никакого слуха. Флотъ стоялъ неподвижно какъ-бы на мели. Войска, оставленныя въ небольшомъ числѣ на защиту города, состояли изъ солдатъ резерва, моряковъ и рабочихъ, бо́льшею частью не обученныхъ дѣйствію на сухомъ пути. Но всѣ эти люди были единоплеменны, подданные одного государя, исповѣдывали одну вѣру, говорили между собою на одномъ языкѣ, одушевлены были жизнью, страстью, волею могучей націи. И вотъ почему отсутствіе собственной арміи, при появленіи непріятеля, не повлекло за собою паденія Севастополя. Народъ твердый и рѣшительный занялъ постъ, оставленный главнокомандующимъ и его арміей. Блистательный фасадъ обрушился, но за нимъ высились гранитныя стѣны. Корниловъ, съ горстью людей различныхъ сословій, но взаимно связанныхъ призывомъ отечества, имѣлъ право сказать, что *защита будетъ русская*“ ([40]).

15-го (27-го) сентября, въ тотъ самый день, когда вице-адмиралъ Корниловъ de facto принялъ начальство надъ всѣми войсками въ Севастополѣ, Союзники произвели въ первый разъ рекогносци-

ровку нашихъ укрѣпленій Южной стороны, съ тою цѣлью, чтобы рѣшить вопросъ: надлежало ли немедленно повести штурмъ, или приступить къ постепенной осадѣ города? На основаніи этой рекогносцировки, пылкій, рѣшительный Лайонсъ предложилъ неотлагательно штурмовать Севастополь и самъ Рагланъ склонялся въ пользу его мнѣнія. И дѣйствительно—многія обстоятельства, повидимому, указывали необходимость такого способа дѣйствій: Союзники знали объ отсутствіи князя Меншикова съ главными силами арміи; укрѣпленія Южной стороны очевидно были слабы и неокончены; множество людей, на нихъ толпившихся, обнаруживало и крайне опасное положеніе гарнизона, и чрезвычайныя усилія его, которыя могли впослѣдствіи затруднить овладѣніе городомъ. Но англійскій инженеръ, генералъ Бургоэнъ, предпочиталъ веденіе правильной осады. По его мнѣнію: „Хотя укрѣпленія, прикрывающія городъ, сами по себѣ совсѣмъ не сильны, однако же они хорошо расположены и вооружены орудіями большихъ калибровъ; фланги оборонительной линіи неприступны. Всѣ балки, спускающіяся въ городъ и *предмѣстье* (Корабельную слободу), обстрѣливаются продольнымъ огнемъ батарей и кораблей. Атакующій долженъ наступать по одной, либо по нѣсколькимъ промежуточнымъ высотамъ; удобнѣйшія къ тому три высоты сильно обороняются: первая—*Мачтовымъ бастіономъ* (*), вторая—*Большимъ редантомъ* (**), третья—*Бѣлою башнею* (***). Войскамъ нашимъ придется двигаться подъ огнемъ русскихъ батарей на протяженіи около двухъ верстъ, причемъ колонны, разобщенныя глубокими оврага-

(*) Бастіонъ № IV.

(**) Бастіонъ № III.

(***) Малаховъ курганъ.

ми, будутъ лишены возможности подавать одна другой взаимную помощь. По всей вѣроятности, гарнизонъ Севастополя, вмѣстѣ съ моряками, простирается отъ 25-ти до 30-ти тысячъ человѣкъ; а въ разстояніи одного перехода расположенъ Меншиковъ съ арміей, которая можетъ направиться намъ во флангъ и въ тылъ и атаковать насъ въ то время, когда мы пойдемъ на штурмъ. Для нападенія на укрѣпленную позицію, обороняемую 25-ю тысячами человѣкъ, и для охраненія насъ съ тыла, мы имѣемъ не болѣе 50-ти тыс. человѣкъ и въ случаѣ неудачи будемъ опрокинуты къ морю. Въ такихъ обстоятельствахъ, рѣшиться на штурмъ—было бы непростительно, почти преступно" ([41]).

По свидѣтельству Кинглека, эти доводы не убѣдили лорда Раглана въ необходимости правильной осады. 17-го (29-го) сентября, Союзники вторично произвели рекогносцировку, и въ тотъ же день англійскій главнокомандующій предложилъ генералу Канроберу штурмовать городъ. Канроберъ сперва не далъ рѣшительнаго отвѣта, а потомъ поставилъ на видъ генераламъ, участвовавшимъ въ совѣщаніи, опасность, угрожавшую Союзникамъ со стороны арміи князя Меншикова, и потери, которымъ подвергались атакующія войска, штурмуя укрѣпленія, прежде нежели будетъ ослабленъ огонь ихъ орудій. Затѣмъ перешелъ онъ къ изложенію другаго способа дѣйствій — правильной осады. Предусмотрительность Союзныхъ правительствъ — сказалъ онъ — снабдила насъ превосходными осадными парками, пользуясь коими можемъ погасить огонь севастопольскихъ укрѣпленій и облегчить войскамъ занятіе города безъ значительнаго урона.

Послѣ этого отзыва, Союзники рѣшились вести правильную осаду, или, по крайней мѣрѣ, не прежде

штурмовать Севастополь, какъ ослабивъ огонь нашихъ укрѣпленій ([42]). 18-го (30-го) сентября, 3-я и 4-я французскія дивизіи, подъ общимъ начальствомъ генерала Форè, расположились между Сарандинакиною балкою и Стрѣлецкою бухтою, въ разстояніи отъ $2\frac{1}{2}$ до 3-хъ верстъ отъ Севастополя, фронтомъ къ бастіонамъ: 4-му, 5-му, 6-му и 7-му; позади бараковъ стали парки, артиллерійскій и инженерный, а еще болѣе назади, за правымъ флангомъ, находилась главная квартира генерала Канробера. Правѣе Французовъ, отъ Сарандинакиной балки до Черной рѣчки, расположилась англійская армія, въ разстояніи отъ 3-хъ до $3\frac{1}{2}$ верстъ отъ нашихъ укрѣпленій: на лѣвомъ флангѣ—3-я дивизія Ингленда; въ центрѣ—4-я дивизія Каткарта и легкая Броуна; на правомъ флангѣ, занимая обрывы Сапунъ-горы, противъ развалинъ Инкермана — 2-я дивизія Леси-Эванса; за легкою дивизіей стояли парки, 1-я дивизія герцога Кембриджскаго и кавалерія. Остальныя двѣ французскія дивизіи (1-я и 2-я), подъ общимъ начальствомъ генерала Боскè, и турецкая дивизія составили обсерваціонный корпусъ, расположенный надъ обрывами Сапунъ-горы, фронтомъ къ Балаклавѣ и Ѳедюхинымъ высотамъ. Этотъ корпусъ долженъ былъ охранять осадную армію отъ нападенія со стороны Черной рѣчки. Французскія войска получали жизненные и боевые запасы изъ Камышевой и Казачьей бухтъ, а войска англійскія—изъ Балаклавы ([43]). Союзная армія къ 1-му октября н. ст. состояла въ числѣ: 28-ми тысячъ Французовъ, (кромѣ прибывшей вскорѣ изъ Варны 5-й дивизіи генерала Левальяна съ двумя кавалерійскими полками, въ числѣ до 13-ти тысячъ человѣкъ), 20-ти тысячъ Англичанъ и 6-ти тысячъ Турокъ, всего же 67-ми тысячъ человѣкъ ([44]).

Наши войска также получили подкрѣпленія: 19-го сентября (1-го октября), подошли къ рѣкѣ Качѣ два сводныхъ маршевыхъ полка, 2-й уланскій и 2-й гусарскій, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Рыжова. На слѣдующій день, вечеромъ, прибыли къ арміи изъ отряда генерала-отъ-кавалеріи Хомутова: Бутырскій пѣхотный полкъ, батарейная № 3-го батарея 17-й артиллерійской бригады, 6-е резервные баталіоны Волынскаго и Минскаго полковъ, 2-й резервный линейный Черноморскій баталіонъ и двѣ сотни Донскаго № 53-го полка. Въ концѣ сентября (въ первой половинѣ октября), введена въ Севастополь часть арміи и всѣ флотскіе баталіоны переформированы въ экипажи, послѣ чего для обороны города состояло: 30 пѣхотныхъ баталіоновъ, 13 морскихъ экипажей и одинъ саперный баталіонъ, всего же 44 баталіона, въ числѣ до 30-ти тысячъ штыковъ, съ 28-ю полевыми орудіями. Одинъ экипажъ (30-й) находился на кораблѣ *Ягудіилъ* и на батареяхъ Пересыпи, а два экипажа (31-й и 42-й) оставлены на Сѣверной сторонѣ.

20-го сентября (2-го октября), Южная оборонительная линія, для бо́льшаго удобства въ управленіи войсками, раздѣлена, вмѣсто трехъ, на четыре отдѣленія: 1-е, отъ моря до редута № 1 (Шварца) включительно, осталось въ завѣдываніи генералъ-маіора Аслановича; 2-е, отъ редута Шварца до Пересыпи, поручено вице-адмиралу Новосильскому; 3-е, батареи на Пересыпи и часть линіи до Доковаго оврага—контръ-адмиралу Панфилову и 4-е, отъ Доковаго оврага до рейда—контръ-адмиралу Истомину ([45]).

По диспозиціи 1-го (13-го) октября, войска гарнизона были размѣщены слѣдующимъ образомъ: *на Городской сторонѣ: на 1-мъ отдѣленіи* 11 баталіоновъ, числомъ въ 7 тысячъ штыковъ съ 4-мя поле-

выми орудіями; *на 2-мъ отдѣленіи* 6 баталіоновъ, числомъ въ 4 тысячи штыковъ; *въ главномъ резервѣ Городской стороны* 5 баталіоновъ въ 3,500 человѣкъ и 16 полевыхъ орудій; *на 3-мъ отдѣленіи* 8 баталіоновъ въ 5 тысячъ штыковъ; *на 4-мъ отдѣленіи* 7 баталіоновъ въ 5 тысячъ штыковъ; *въ главномъ резервѣ Корабельной стороны* 6 баталіоновъ, въ 4 тысячи штыковъ съ 8-ю полевыми орудіями ([46]).

Начальникамъ отдѣленій дана была слѣдующая инструкція:

„При наступательномъ движеніи непріятеля на Севастополь каждому начальнику линіи:

„1) Сосредоточить свои войска и придвинуть резервы къ тѣмъ пунктамъ, которые угрожаются атакою. Войска при этомъ, по возможности, расположить скрытно отъ непріятеля, дабы не подвергнуть ихъ дѣйствію его артиллеріи.

„2) Артиллерія открываетъ огонь ядрами и гранатами, на такомъ разстояніи, на которомъ дѣйствительно можно вредить непріятелю, и при приближеніи его на картечный выстрѣлъ ускоряетъ по возможности пальбу.

„Для вѣрнаго дѣйствія артиллеріи, предварительно, предъ каждою батареею, шагами отмѣрить и опредѣлить разстояніе до окружающихъ предметовъ мѣстности и замѣтить дальность картечи.

„3) Пѣхота, густо разсыпанная по траншеямъ въ двѣ или болѣе шеренги, съ разстоянія 300 шаговъ производитъ частую пальбу. При этомъ первая шеренга стрѣляетъ чрезъ бойницы, а прочія заряжаютъ и подаютъ ружья.

„4) Если непріятель гдѣ-либо прорвется чрезъ нашу траншею, то баталіоны, въ колоннахъ къ атакѣ, встрѣчаютъ его штыками. Въ это же время разсыпанныя роты быстро строются въ ротныя колонны

и также ударяютъ въ штыки. Равно и артиллеристы на своихъ батареяхъ собираются въ кучки и отстаиваютъ орудія штыкомъ (*).

„5) При отбитіи штурма отнюдь не преслѣдовать непріятеля за линію нашихъ окоповъ, дабы не закрыть огня нашей артиллеріи и пѣхоты.

„Прежде разсыпанныя роты снова разсыпаются, и производятъ вслѣдъ за непріятелемъ сильный ружейный огонь. Артиллерія провожаетъ его картечью, а потомъ ядрами и гранатами".

Въ продолженіе двадцати дней, съ 14-го (26-го) сентября по 4-е (16-е) октября, исполнены на Южной линіи слѣдующія работы:

На 6-мъ бастіонѣ поставлены 20 орудій большаго калибра и впереди праваго фаса батарея № 26-го (Шемякина) вооружена шестью 36-ти-фунтовыми пушками. Профиль 5-го бастіона усилена и бастіонъ вооруженъ 16-ю длинными орудіями, 3-мя большими и 11-ю малыми мортирами; правѣе 5-го бастіона, люнетъ № 7-й (Бѣлкина) оконченъ и вооруженъ 5-ю орудіями большаго калибра, а лѣвѣе бастіона устроены двѣ батареи, изъ коихъ на правой поставлены четыре 36-ти-фунтовыя пушки, а на лѣвой—четыре большія и четыре малыя орудія. Значительная часть артиллеріи 5-го и 6-го бастіоновъ и этихъ батарей, именно 28 орудій, были назначены для дѣйствія по французскимъ батареямъ на Рудольфовой горѣ. На редутѣ № 1-го (Шварца) остались прежнія восемь 12-ти-фунтовыхъ пушекъ, изъ коихъ только двѣ могли быть направлены на Рудольфову гору, и вновь поставлены, внутри редута, 4 мортиры. Батареи въ Городскомъ оврагѣ окончены и вооружены двадцатью пушками-

*) Большая часть артиллерійской прислуги состояла изъ матросовъ, вооруженныхъ ружьями.

карронадами 24-хъ-фунтоваго калибра и двумя 10-ти-фунтовыми единорогами. Батареямъ у праваго фланка 4-го бастіона и позади этого бастіона, правѣе бараковъ, дана возвышенная профиль съ амбразурами; на этихъ батареяхъ, направленныхъ на Рудольфову гору, поставлено: на первой, четыре 36-ти-фунтовыя пушки, а на второй, четыре пудовыхъ единорога. На 4-мъ бастіонѣ, вооруженіе праваго фаса и фланка, состоявшее изъ четырнадцати 24-ти-фунтовыхъ пушекъ-карронадъ, осталось прежнее; на лѣвомъ же фасѣ и фланкѣ поставлено шесть 24-ти-фунтовыхъ пушекъ-карронадъ и 11 малыхъ мортиръ, а внутри бастіона—двѣ большія мортиры. Изъ числа 33-хъ орудій 4-го бастіона, противъ батарей Рудольфовой горы было направлено 9 и противъ батарей Зеленой горы 5. На фасахъ 4-го бастіона окончены траверсы чрезъ каждыя два орудія. На батареѣ № 2-го (Грибокъ) прибавлена къ прежнимъ двумъ 24-хъ-фунтовымъ пушкамъ-карронадамъ третья, для фланкированія траншеи между 4-мъ бастіономъ и Грибкомъ, вооруженной восемью 12-ти-фунтовыми карронадами. Батарея, заложенная позади 4-го бастіона, лѣвѣе бараковъ, вооружена двумя 68-ми-фунтовыми пушками, для дѣйствія на Зеленую гору. На Пересыпи сняты стоявшія тамъ карронады и устроены три батареи, изъ коихъ двѣ съ амбразурами: правая, вооружена пятью орудіями, съ корабля *Ягудіилъ*, а лѣвая, №15-го (Перекомскаго), четырьмя; третья же, впереди правой, вооружена шестью 12-ти-фунтовыми карронадами, дѣйствовавшими чрезъ банкъ. Для обороны Пересыпи также былъ назначенъ 84-хъ-пушечный корабль *Ягудіилъ*, подъ флагомъ контръ-адмирала Панфилова и подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Кислинскаго, занявшій позицію лѣвымъ бортомъ къ Пересыпи. Къ батареѣ № 5-го (Никонова)

присыпанъ новый фасъ на четыре орудія, и на ней поставлены 14 орудій большаго калибра и два 10-ти-фунтовыхъ единорога. Изъ числа этихъ орудій, могли дѣйствовать по батареямъ Зеленой горы двѣ 36-ти-фунтовыя пушки и четыре 18-ти-фунтовыя пушки-карронады, а по батареямъ на Воронцовской горѣ—двѣ 24-хъ-фунтовыя пушки. Батарея праваго фланка 3-го бастіона вооружена четырьмя 24-хъ-фунтовыми пушками. Бастіонъ 3-й вполнѣ оконченъ и вооруженъ 22-мя орудіями большихъ калибровъ, назначенныхъ для дѣйствія противъ Зеленой горы, Воронцовской высоты и на курганъ впереди Малахова. На обоихъ фасахъ бастіона устроены траверсы чрезъ каждыя два орудія. Лѣвѣе 3-го бастіона, устроены батареи № 21-го (Яновскаго) и № 3-го (Будищева), съ амбразурами, безъ рвовъ, вооруженныя каждая пятью большими орудіями, для дѣйствія на Воронцовскую высоту и на курганъ впереди Малахова; траншеи въ обѣ стороны отъ 3-го бастіона окончены и приспособлены къ ружейной оборонѣ. Батарея № 6 (Жерве), между Доковымъ оврагомъ и Саперною дорогою, насыпана изъ приносной земли и вооружена 5-ю 18-ти-фунтовыми карронадами. Траншея между батареей Жерве и Малаховымъ курганомъ приспособлена къ ружейной оборонѣ. На Малаховомъ курганѣ, за кремальерами на оконечностяхъ гласиса, поставлено по два орудія, для фланкированія 2-го и 3-го бастіоновъ. Съ обѣихъ сторонъ гласиса пристроено по батареѣ, горизонтной профили, съ амбразурами, вооруженной пятью орудіями. Правая назначена для дѣйствія по Воронцовской высотѣ, а лѣвая—для обстрѣливанія высоты впереди Малахова кургана. Позади первой батареи, устроена кремальерная батарея, вооруженная пятью пудовыми единорогами, для дѣйствія на Воронцовскую

высоту. На платформѣ Малаховой башни оставлены прежнія пять 18-ти-фунтовыхъ пушекъ, направленныхъ на лежащую впереди высоту, а въ верхнемъ ярусѣ башни поставлена 18-ти-фунтовая карронада, для тыльной обороны; за переднею же частью гласиса расположены восемь 10-ти-фунтовыхъ единороговъ, для навѣснаго дѣйствія по кургану. У вершины Ушаковой балки насыпана батарея безъ рва, съ амбразурами, вооруженная четырьмя 24-хъ-фунтовыми пушками-карронадами, также направленными на высоту впереди Малахова.—2-й бастіонъ былъ оконченъ и правый фасъ его вооруженъ тремя 36-ти-фунтовыми и тремя 24-хъ-фунтовыми пушками-карронадами, для обстрѣливанія высоты впереди Малахова и англійской батареи надъ хуторомъ Микрюкова (правой ланкастерской или *Пятиглазой*), а лѣвый фасъ—четырьмя 18-ти-фунтовыми пушками, направленными на Киленъ-балочную высоту. Батарея на мѣстѣ 1-го бастіона, по прежнему, вооружена девятью большими орудіями, изъ коихъ четыре праваго фаса фланкировали 2-й бастіонъ, а пять лѣваго фаса дѣйствовали по Киленъ-балочной высотѣ. Траншеи между Малаховымъ курганомъ и Киленъ-бухтою окончены и приспособлены къ ружейной оборонѣ.

Такимъ образомъ, въ продолженіи двадцати дней съ 14-го (26-го) сентября по 5-е (17-го) октября, у насъ было построено вновь болѣе двадцати батарей; вооруженіе укрѣпленій увеличилось почти вдвое (съ 172-хъ до 341-го орудія), по числу орудій; въ дѣйствительности же сдѣлалось несравненно еще сильнѣе, потому что вновь поставлено на укрѣпленія 206 орудій, почти всѣ большихъ калибровъ. Кромѣ того, для замѣны подбитыхъ орудій, находилось, позади 3-го, 4-го, 5-го и 6-го бастіоновъ и Малахова

кургана, по восьми запасныхъ орудій, 36-ти-фунтоваго калибра, съ прислугою, принадлежностью и снарядами. Для всѣхъ длинныхъ орудій назначено имѣть на батареяхъ по 150-ти зарядовъ, въ томъ числѣ по 30-ти съ картечью, для орудій же, фланкирующихъ рвы, только по 30-ти картечныхъ, а для мортиръ—по 50-ти съ бомбами. Вода на батареяхъ хранилась въ корабельныхъ цистернахъ, врытыхъ въ землю.

Батареи, бо̀льшею частью, строились изъ приносной земли, съ большимъ трудомъ, тѣмъ паче, что земля была смѣшана съ каменьями и легко разсыпалась. Къ тому же присоединился совершенный недостатокъ въ хворостѣ, для туровъ и фашинъ, и дерна для одежды земляныхъ укрѣпленій, что̀ заставило поддерживать внутреннія крутости батарей стѣнками, сложенными изъ камня на-сухо, либо изъ глины, и дѣлать одежды амбразуръ изъ земляныхъ мѣшковъ, или изъ досокъ и глины. Нѣкоторыя амбразуры были снабжены для защиты отъ штуцерныхъ пуль деревянными заслонами, толщиною въ 5 дюймовъ. Постройка прочныхъ пороховыхъ погребовъ была еще затруднительнѣе и требовала болѣе времени, нежели постройка самыхъ батарей. Пороховые погреба покрывались двойнымъ рядомъ накатника и слоемъ земли, толщиною до 7-ми футъ. Съ боковъ обносили ихъ каменными стѣнками, изъ сухой кладки, толщиною отъ $2^1/_2$ до 4-хъ футъ и обсыпали землею, а входъ прикрывали наклоннымъ блиндажемъ, съ люкомъ, для подачи зарядовъ. На тѣхъ же батареяхъ, гдѣ не было пороховыхъ погребовъ, допущенъ по необходимости слѣдующій способъ храненія зарядовъ, придуманный самими матросами: позади каждаго орудія, шагахъ въ десяти, врывали въ землю корабельныя цистерны, помѣщали въ нихъ небольшое число

зарядовъ, чтобы взрывъ ихъ не могъ произвести значительнаго вреда, и покрывали досками и рогожами.

Впереди редута № 1-го (Шварца), а также 4-го и 3-го бастіоновъ, въ разстояніи 50-ти шаговъ, было заложено по шести, а впереди Малахова кургана девять каменометныхъ фугасовъ, и впереди ихъ, въ разстояніи 25-ти шаговъ, устроены засѣки (47).

Такіе результаты работъ могли быть достигнуты только при необыкновенномъ усердіи и постоянной дѣятельностигарнизона; особенною женеутомимостью и расторопностью отличались саперы, подъ руководствомъ Тотлебена, и матросы, одушевляемые примѣромъ своихъ достойныхъ начальниковъ: Нахимова, Корнилова, Истомина и сподвижниковъ ихъ, офицеровъ Черноморскаго флота.

Въ концѣ сентября (въ первыхъ числахъ октября), Союзники занимались устройствомъ войскъ на занятыхъ ими позиціяхъ и приготовленіями къ открытію траншей. Съ нашей стороны было произведено нѣсколько небольшихъ вылазокъ. При одной изъ нихъ, предпринятой 27-го сентября (9-го октября), въ три часа по-полудни, 3-мъ флотскимъ и 6-мъ Виленскимъ резервнымъ баталіонами, со взводомъ саперъ и 4-мя орудіями, подъ начальствомъ маіора Эйсмонта, войска наши, встрѣченныя превосходными силами, отступили въ укрѣпленія, съ потерею нѣсколькихъ человѣкъ убитыми и ранеными. Тогда же на 5-мъ бастіонѣ пораженъ смертельно пулею одинъ изъ лучшихъ флотскихъ офицеровъ, капитанъ-лейтенантъ Тироль. Ночь съ 27-го на 28-е сентября (съ 9-го на 10-е октября), холодная и по временамъ пасмурная, и крѣпкій съ сильными порывами вѣтеръ, дувшій отъ города къ непріятельскому лагерю, спо-

собствовали Французамъ заложить, незамѣтно отъ нашихъ аванпостовъ, первую параллель, на Рудольфовой горѣ, въ разстояніи около 400 саженъ отъ 5-го бастіона. Англичане, еще въ двѣ предшествовавшія ночи, начали, въ разстояніи около трехъ верстъ отъ Малахова, построеніе двухъ батарей, предполагая вооружить ихъ Ланкастерскими орудіями, для дѣйствія издали противъ Малаховой башни и кораблей, стоявшихъ въ Южной бухтѣ; а въ двѣ ночи, 28-го и 29-го сентября (10-го и 11-го октября), они также открыли траншеи на Воронцовской высотѣ и Зеленой горѣ, въ разстояніи около 700 саженъ отъ 3-го бастіона. Съ нашей стороны, для замедленія непріятельскихъ работъ, было тогда же произведено нѣсколько вылазокъ и открыта пальба по траншеямъ, а между тѣмъ приморскія батареи, отъ времени до времени, дѣйствовали по французскимъ и англійскимъ пароходамъ, подходившимъ къ берегу ([48]).

4-го (16-го) октября, Французы уже успѣли построить пять батарей, вооруженныхъ 53-мя орудіями и снабженныхъ значительнымъ количествомъ зарядовъ. Англичане готовились дѣйствовать изъ 73-хъ орудій. Изъ числа батарей, сооруженныхъ Союзниками, французская, стоявшая близъ стараго генуэзскаго форта, и двѣ ланкастерскія англійскія были внѣ главной атаки, въ которой могли принять участіе только 49 французскихъ орудій на батареяхъ Рудольфовой горы, 41 англійское орудіе (лѣвая атака, Чапмана), на Зеленой горѣ, и 26 англійскихъ же орудій (правая атака, Гордона), на Воронцовской высотѣ: всего же 116 орудій ([49]). Союзники, надѣясь на силу своей артиллеріи, предполагали, обезоруживъ севастопольскія укрѣпленія, штурмовать ихъ. При бомбардированіи сухопутныхъ батарей, оба главнокомандующіе считали необходимымъ содѣйствіе флота,

и какъ на корабляхъ было весьма небольшое число зарядовъ (по семидесяти на орудіе), то адмиралы предложили, чтобы флотъ открылъ огонь въ то время уже, когда осадныя батареи ослабятъ дѣйствіе севастопольскихъ укрѣпленій. Но оба главнокомандующіе настаивали на совокупномъ дѣйствіи сухопутной и морской артиллеріи. Наконецъ, на совѣщаніи Союзныхъ адмираловъ, 3-го (15-го) октября, было рѣшено, чтобы огонь съ сухопутныхъ батарей и кораблей былъ открытъ одновременно, 5-го (17-го) октября, въ $6^1/_2$ часовъ утра, по сигналу трехъ бомбъ, пущенныхъ Французами ([50]).

Вечеромъ 4-го (16-го) октября, Корниловъ, отпуская прибывшаго къ нему съ докладомъ по артиллерійской части, капитанъ-лейтенанта Попова, сказалъ ему: „Завтра будетъ жаркій день. Англичане употребятъ всѣ средства, чтобы произвести полный эффектъ; опасаюсь за большую потерю отъ непривычки; впрочемъ, наши молодцы скоро устроятся— безъ урока же сдѣлать ничего нельзя, а жаль; многіе изъ насъ завтра слягутъ“. Поповъ напомнилъ ему приказаніе Государя — „чтобы онъ берегся“. Корниловъ возразилъ: „Не время теперь думать о безопасности; если завтра меня гдѣ-нибудь не увидятъ, то что́ обо мнѣ подумаютъ?“ ([51]).

ГЛАВА XXII.

Первое бомбардированіе Севастополя.

(5-го—13-го (17-го—25-го) октября 1854 г.).

По отступленіи нашей арміи съ рѣки Алмы, Союзники могли немедленно атаковать Севастополь съ сѣверной стороны, либо, перейдя на южную сторону, штурмовать слабыя Севастопольскія укрѣпленія. Правда—при такомъ способѣ дѣйствій, они отказывались отъ облегченія атаки употребленіемъ привезенной ими съ собою осадной артиллеріи, но за то не дали бы намъ времени усилить защиту Севастополя инженерными работами и вооружить на́-скоро возведенныя батареи орудіями большихъ калибровъ съ флота, которыя дали малочисленному севастопольскому гарнизону возможность бороться съ артиллеріей Союзниковъ. По всей вѣроятности, принимая въ соображеніе значительное превосходство въ числѣ войскъ англо-французской арміи, которыя къ тому же могли быть сосредоточены на любомъ пунктѣ, малочисленность войскъ нашего гарнизона, разнородный составъ ихъ и необходимость растянуть наши силы по всему протяженію кое-какъ набросанной оборонительной линіи, Союзники могли,

по переходѣ на южную сторону, взять городъ открытою силою; но, желая предварительно ослабить оборону и избѣжать потерь, неминуемыхъ при атакѣ укрѣпленій, они отложили нападеніе до выгрузки осадныхъ орудій и постройки батарей, и чрезъ то дали время защитникамъ Севастополя усилить оборону и продлить ее на 11 мѣсяцевъ.

Въ теченіе ночи съ 4-го на 5-е (съ 16-го на 17-е) октября, непріятель частью прорѣзалъ, частью открылъ заложенныя земляными мѣшками амбразуры въ устроенныхъ имъ батареяхъ. Союзные главнокомандующіе условились, чтобы въ $6^1/_2$ часовъ слѣдующаго утра, по сигналу трехъ бомбъ, пущенныхъ съ французской батареи № 3-го (*), всѣ 126 орудій, стоявшихъ на осадныхъ батареяхъ, открыли огонь; тогда же адмиралы должны были поставить на шпринги свои эскадры и дѣйствовать по нашимъ приморскимъ укрѣпленіямъ. Но на разсвѣтѣ 5-го (17-го) октября, еще прежде, нежели поданъ былъ условленный сигналъ, Русскіе, замѣтя готовность къ открытію огня непріятельскихъ батарей, открыли по нимъ, какъ и въ прежніе дни, пальбу, на которую отвѣчали нѣсколько французскихъ орудій ([1]). Когда же Французы, около 7-ми часовъ утра, подали условленный сигналъ тремя бомбами, обоюдная канонада раздалась по всей линіи. Несмотря на то, что наши батареи Южной стороны были вооружены болѣе нежели тремя-стами орудіями, мы могли направить противъ непріятельскихъ батарей только 118 орудій (64 противъ Французовъ и 54 противъ Англичанъ); 160 орудій обстрѣливали другіе пункты впереди лежащей мѣстности; остальныя 63 орудія служили для фланговой, тыльной и внутренней обороны ([2]).

(*) Мортирная батарея противъ 5-го бастіона.

Чрезъ нѣсколько минутъ по открытіи общей канонады, густое облако дыма застлало всю окрестность Севастополя и солнце, взошедшее предъ тѣмъ во всемъ блескѣ, приняло видъ блѣднаго мѣсяца. Севастополь былъ какъ-бы опоясанъ двумя огненными дугами, одною—собственныхъ и другою—непріятельскихъ выстрѣловъ. При громѣ орудій едва слышная трескотня барабановъ призывала войска обѣихъ сторонъ на защиту батарей. Самъ Корниловъ, со всѣмъ своимъ штабомъ, поскакалъ на 4-й бастіонъ, которому, казалось, угрожала наибольшая опасность, и оттуда, вдоль оборонительной линіи, поѣхалъ на 5-й бастіонъ, гдѣ Нахимовъ, въ обычномъ своемъ костюмѣ, сюртукѣ съ эполетами, уже раненый (къ счастью легко), наводилъ орудія, становясь въ амбразурахъ, наравнѣ съ моряками-комендорами. Съ обѣихъ сторонъ учащали стрѣльбу; у насъ нѣсколько разъ отдавалось приказаніе: „стрѣлять рѣже", чтобы предупредить разрывъ орудій, но матросы, увлеченные боевою работою, не давали орудіямъ отдыха, поливая ихъ водою. Несмотря на ужасный огонь, женщины-матроски и дѣти ихъ подносили воду раненымъ, томившимся жаждой; арестанты, испросивъ дозволеніе уносить раненыхъ, исполняли съ усердіемъ эту обязанность, а потомъ поступили на батареи и отстаивали Севастополь на-равнѣ съ солдатами и матросами ([3]).

Защитники Севастополя были весьма недостаточно прикрыты отъ дѣйствія непріятельскихъ выстрѣловъ. Брустверà нашихъ батарей, насыпанные на-скоро изъ сухой хрящеватой земли, не успѣвъ окрѣпнуть, осыпàлись, но наши солдаты, подъ градомъ падавшихъ на нихъ снарядовъ, немедленно исправляли разрушенное. Въ особенности-же было обращено вниманіе на расчистку амбразуръ, чтобы, въ случаѣ

штурма, имѣть возможность во всякое время встрѣтить непріятельскія колонны картечью. Несмотря однако же на дѣятельность и самоотверженіе Севастопольцевъ, спустя не болѣе часа по открытіи бомбардированія, уже были сильно повреждены оборонительныя казармы 5-го и 6-го бастіоновъ и Малаховой башни; стоявшія за парапетомъ 5-го бастіона и на башнѣ орудія были принуждены замолчать. Напротивъ того, береговая батарея № 10-го ([4]), противъ которой и бастіона № 6-го Французы, въ девять часовъ, открыли огонь съ 4-хъ-орудійной батареи на Херсонесскомъ мысу, сбила три орудія ([5]).

Въ половинѣ 10-го часа, одна изъ нашихъ бомбъ взорвала пороховой погребъ французской батареи № 4-го (*), на Рудольфовой горѣ. По нашей оборонительной линіи раздался громкій, торжественный возгласъ „ура!“ Разстройство непріятеля послѣ взрыва на батареѣ позволило намъ усилить огонь противъ прочихъ французскихъ батарей. Вслѣдъ за первымъ взрывомъ, черезъ полчаса, былъ взорванъ зарядный ящикъ на батареѣ № 1-го (**). Канонада Французовъ постепенно слабѣла и около половины 11-го всѣ французскія батареи окончательно смолкли, чтó способствовало намъ немедленно приступить къ исправленію пороховыхъ погребовъ и амбразуръ праваго крыла оборонительной линіи ([6]).

На лѣвомъ-же нашемъ крылѣ, гдѣ мы дѣйствовали изъ 54-хъ орудій противъ 73-хъ орудій большаго калибра, стоявшихъ на англійскихъ батареяхъ, непріятель одержалъ перевѣсъ; особенно-же пострадалъ 3-й бастіонъ, гдѣ командовалъ капитанъ 2-го ранга Конст. Егоров. Попандопуло. Его сынъ, мич-

(*) Эта батарея была сооружена въ 425-ти саженяхъ отъ 5-го бастіона.

(**) Демонтиръ-батарея въ 680-ти саженяхъ отъ 6-го бастіона.

манъ, командиръ одной изъ батарей на томъ же бастіонѣ, былъ смертельно раненъ. Отецъ, отойдя только на нѣсколько минутъ къ сыну, чтобы поцѣловать и благословить его, продолжалъ распоряжаться дѣйствіями своихъ людей, пока не былъ самъ тяжело раненъ въ лицо осколкомъ гранаты (7). На этомъ бастіонѣ, въ продолженіи перваго бомбардированія, шесть командировъ, одинъ послѣ другаго, были ранены, либо убиты (8).

По осмотрѣ укрѣпленій Городской стороны, Корниловъ уѣхалъ въ десятомъ часу утра на свою квартиру, въ домѣ Волохова, и распорядился на счетъ снабженія батарей боевыми припасами. „Боюсь— сказалъ онъ капитанъ-лейтенанту Попову,—что никакихъ средствъ недостанетъ для такой канонады“. Тогда же князь Меншиковъ, осмотрѣвъ укрѣпленія Корабельной, переправился на Городскую сторону и, выслушавъ донесеніе Корнилова о дѣйствіяхъ на 1-мъ и 2-мъ отдѣленіяхъ, возвратился на Сѣверную сторону, а Корниловъ, проводя главнокомандующаго до Графской пристани, поѣхалъ на 3-й бастіонъ, гдѣ происходило наиболѣе жаркое дѣло. Между тѣмъ полковникъ Тотлебенъ, обозрѣвъ 1-е и 2-е отдѣленія, отправился на лѣвую сторону оборонительной линіи, нашелъ 3-й бастіонъ въ полномъ разгарѣ боя и посѣтилъ Малаховъ курганъ, гдѣ матросы и саперы, возбужденные примѣромъ своего достойнаго начальника, контръ-адмирала Истомина, соперничали между собою въ усердіи и самоотверженіи. Объѣхавъ 3-е и 4-е отдѣленія и распорядившись дневными работами и, по возможности, безопаснымъ размѣщеніемъ войскъ, Тотлебенъ встрѣтилъ на Пересыпи Корнилова и донесъ ему о дѣйствіи артиллеріи и ходѣ боя на Корабельной сторонѣ. Состоявшій при адми-

ралѣ лейтенантъ Жандръ убѣждалъ его возвратиться домой, представляя, что ему уже было извѣстно все, что̀ дѣлалось на лѣвомъ флангѣ. „Что̀ скажутъ обо мнѣ солдаты, если сегодня они меня не увидятъ?“, возразилъ Корниловъ и, проѣхавъ черезъ Пересыпь, поднялся по крутой тропинкѣ прямо къ 3-му бастіону. Тамъ встрѣтили его: начальникъ артиллеріи 3-го отдѣленія капитанъ 1-го ранга Ергомышевъ, командиръ бастіона капитанъ 2-го ранга Попандопуло и капитанъ-лейтенантъ Наленчъ-Рачинскій, вскорѣ послѣ того пораженный смертельно ядромъ. Всѣ они упрашивали адмирала не подвергать себя явной опасности, обѣщая ему свято исполнить свой долгъ. „Я совершенно убѣжденъ—отвѣчалъ Корниковъ,—что каждый изъ васъ поступитъ, какъ честь и обстоятельства требуютъ, но въ такой торжественный день имѣю душевную потребность видѣть нашихъ героевъ на полѣ ихъ отличія“. Затѣмъ, поскакавъ вдоль траншей по направленію къ Малахову кургану, Корниловъ, на пути туда, приказалъ перевести Московскіе баталіоны за 1-й флигель Лазаревскихъ казармъ, чтобы укрыть людей отъ непріятельскихъ снарядовъ. Когда онъ миновалъ Доковый мостъ и сталъ подниматься со стороны Корабельной, по западной покатости Малахова кургана, 44-й флотскій экипажъ привѣтствовалъ его громкими восклицаніями. „Будемъ кричать ура тогда, когда собьемъ англійскія батареи, а теперь покамѣстъ замолчали только эти“, сказалъ адмиралъ, указывая на французскія батареи. Въѣхавъ на курганъ, Корниловъ сошелъ съ лошади у праваго фланга ретраншамента, прикрывавшаго Малахову башню. Въ то время орудія на верхней площадкѣ башни уже были подбиты; Истоминъ продолжалъ стрѣлять изъ своихъ земляныхъ батарей, но какъ орудія малыхъ калибровъ,

тамъ стоявшія, не могли съ успѣхомъ бороться съ сильною непріятельскою артиллеріей, то Корниловъ приказалъ прекратить ихъ огонь, а самъ оставался у башни еще нѣсколько минутъ. Въ половинѣ 12-го часа, сказавъ: „Ну, теперь пойдемъ", сопровождавшему его лейтенанту Жандру, Корниловъ пошелъ къ брустверу батареи, за которымъ стояли лошади, и въ этотъ самый мигъ былъ раненъ ядромъ въ лѣвую ногу, у самаго живота. „Отстаивайте же Севастополь" — сказалъ онъ окружавшимъ его офицерамъ, и вслѣдъ затѣмъ, потерявъ память, былъ перенесенъ въ морской госпиталь, гдѣ, обратясь къ свидѣтелю послѣднихъ минутъ его, капитанъ-лейтенанту Попову, произнесъ: „Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна"; потомъ, чрезъ нѣсколько времени, продолжалъ: „Благослови Господи Россію и Государя, спаси Севастополь и флотъ". Въ жестокихъ, почти непрерывныхъ страданіяхъ, въ заботахъ объ участи горячо имъ любимыхъ жены и дѣтей, Корниловъ, уже въ предсмертныя минуты, услышавъ говоръ окружавшихъ его офицеровъ, будто бы англійскія батареи были принуждены замолчать, собравъ послѣднія силы, произнесъ: „Ура! ура!" и забылся, чтобы не пробуждаться болѣе (9).

Извѣстія объ успѣхѣ нашихъ дѣйствій противъ Англичанъ не подтвердились. Напротивъ того, 3-й бастіонъ, поражаемый съ англійскихъ батарей, стоявшихъ на Зеленой горѣ и на Воронцовской высотѣ, понесъ огромныя потери. Къ тремъ часамъ пополудни, тамъ уже была сбита треть всего вооруженія, передъ остальными орудіями амбразуры совершенно разрушены, почти всѣ офицеры убиты, либо ранены, и прислуга многихъ орудій замѣщена два раза. Но, несмотря на то, артиллеристы 3-го бастіона, одушевленные примѣромъ своихъ храбрыхъ

начальниковъ, капитана 1-го ранга Ергомышева и капитанъ-лейтенанта Лесли, продолжали обороняться до послѣдней крайности. Къ довершенію ихъ опаснаго положенія, около трехъ часовъ пополудни, непріятельскою бомбою былъ взорванъ пороховой погребъ въ исходящемъ углу бастіона. Когда разсѣялся дымъ, то уцѣлѣвшіе люди увидѣли страшную картину: вся передняя часть бастіона была сброшена въ ровъ и весь бастіонъ обратился въ кучу земли; вездѣ валялись опаленные, обезображенные трупы. При взрывѣ погибло болѣе ста человѣкъ, изъ коихъ отъ многихъ, въ томъ числѣ отъ капитанъ-лейтенанта Лесли, не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ. Несмотря на громъ выстрѣловъ, слышны были громкіе крики „ура“ въ траншеяхъ Англичанъ. Съ нашей стороны, ожидали, что непріятель, пользуясь столь рѣшительнымъ успѣхомъ, пойдетъ на штурмъ. Казалось—дальнѣйшая оборона бастіона сдѣлалась невозможною; но ничто не могло поколебать стойкости его защитниковъ. Прислуга артиллеріи и офицеры были немедленно замѣщены другими людьми, которые тотчасъ начали приводить въ порядокъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ орудій, а, между тѣмъ, для отвлеченія выстрѣловъ непріятеля отъ взорваннаго бастіона, батарея Будищева, съ громкими криками „ура“, участила огонь по англійскимъ батареямъ. Однимъ изъ нашихъ выстрѣловъ былъ взорванъ зарядный ящикъ на англійской батареѣ. Съ корабля *Ягудіилъ* свезена на 3-й бастіонъ команда въ 75 человѣкъ, изъ коихъ на другой день вечеромъ возвратились на корабль только 25, прочіе же всѣ были убиты, или ранены. Для подноски зарядовъ отъ Госпитальной пристани къ бастіону посланы охотники, которые, проходя подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, бо̀льшею частью по-

гибли. Около 4-хъ часовъ пополудни, на Малаховомъ курганѣ взлетѣлъ на воздухъ пороховой ящикъ, не причинивъ значительнаго вреда ([10]).

Между тѣмъ около полудня, Союзныя эскадры приняли участіе въ бомбардированіи Севастополя. Первоначальное предположеніе Союзниковъ — открыть дѣйствія одновременно съ сухаго пути и съ моря—не могло быть исполнено, по случаю штиля, не дозволившаго эскадрамъ прибыть въ условленное время изъ Камышевой бухты и отъ устья Качи къ Севастополю. Корабли, буксируемые пароходами, двигались медленно и потому приняли участіе въ бою гораздо позже сухопутныхъ батарей. По предложенію адмирала Гамелена, Союзныя эскадры построились въ линію, на разстояніи отъ входа на рейдъ около 700—800 саженъ. На правомъ крылѣ, противъ батареи № 10-го и Александровскаго форта стали 14 французскихъ, большею частью парусныхъ, кораблей съ нѣсколькими пароходами и меньшими судами; на лѣвомъ крылѣ, противъ Константиновскаго форта, 11 англійскихъ кораблей и нѣсколько меньшихъ судовъ; а въ промежуткѣ между французскою и англійскою эскадрами два турецкихъ корабля. Вообще же непріятельскій флотъ занималъ охватывающую позицію отъ Херсонесской бухты до Волоховой башни, протяженіемъ около трехъ верстъ. Причина, побудившая Союзниковъ расположиться на значительномъ разстояніи отъ нашихъ укрѣпленій, не позволявшемъ нанести рѣшительный ударъ съ моря, было опасеніе за судьбу флота, составлявшаго основаніе дѣйствій англо-французской арміи, и къ тому же адмиралъ Дундасъ неохотно принималъ участіе въ нападеніи на Севастополь, считая безумнымъ сражаться за деревянными стѣнами противъ Русскихъ, стоявшихъ за стѣнами изъ кам-

ня ([11]). Сами Союзные адмиралы сознавались, что они не имѣли въ виду дѣйствовать рѣшительно, ограничиваясь диверсіею, для облегченія атаки со стороны сухаго пути.

Въ началѣ перваго часа по-полудни, загремѣли первые залпы съ кораблей непріятельскихъ; по мѣрѣ того, какъ входили въ линію отставшія суда, канонада усиливалась. Съ нашей стороны отвѣчали на нее всѣ орудія, обращенныя къ морю съ батарей: № 10-го, Александровской, Константиновской, Карташевскаго и Волоховой башни.

14 французскихъ и 2 турецкихъ корабля, на коихъ было 1490 орудій ([12]), дѣйствовали изъ 745-ти орудій одного борта, съ дистанціи около 800 саженъ, преимущественно по батареямъ № 10-го и Александровской. Имъ отвѣчали: съ батареи № 10-го 33 орудія, съ Александровской 17 и съ Константиновской 23, всего же 73 орудія, слѣдовательно, въ десять разъ меньше противъ числа орудій одного борта на непріятельскомъ флотѣ ([13]).

11 англійскихъ кораблей занимали лѣвое крыло позиціи. Изъ нихъ шесть ([14]), съ 304-мя орудіями одного борта, поражали Константиновскую батарею фронтально, съ дистанціи 650 саженъ. Константиновская батарея отвѣчала имъ только изъ 18-ти орудій, и кромѣ того, противъ нихъ дѣйствовали, съ дистанціи 900 саженъ, 36 орудій батарей № 10-го и Александровской. Три англійскихъ корабля ([15]), съ 124-мя орудіями одного борта, подъ непосредственнымъ начальствомъ контръ-адмирала Лайонса, пользуясь почти необороненнымъ секторомъ къ сѣверозападу отъ Константиновской батареи, приблизились къ ней на 450 саженъ и поражали ее продольными и тыльными выстрѣлами, подвергаясь сами огню только 2-хъ орудій этой батареи, и, кромѣ того, 13-ти орудій батарей

№ 10-го и Александровской, съ дистанціи отъ 900 до 950 саженъ. Корабль *Аретуза*, съ 25-ю орудіями одного борта, сражался противъ батареи Карташевскаго, отвѣчавшей 3-мя орудіями, а корабль *Альбіонъ*, съ 45-ю орудіями одного борта—противъ Волоховой башни, дѣйствовавшей изъ 5-ти орудій.

Слѣдовательно, Союзный флотъ поражалъ наши пять батарей изъ 1243-хъ орудій одного борта, которымъ отвѣчали только 150 (т.-е. въ восемь разъ меньшее число орудій), изъ коихъ 47 стояли въ казематахъ Александровской и Константиновской батарей, остальныя же всѣ дѣйствовали чрезъ банкъ. Къ тому же, какъ наши батареи № 10-го и Константиновская были преимущественно назначены для перекрестной обороны взморья передъ рейдомъ, то орудія, стоявшія на батареѣ № 10-го, должны были дѣйствовать по англійскимъ кораблямъ съ дистанціи 950 саженъ, тогда какъ Англичане стрѣляли по Константиновской батареѣ въ разстояніи отъ 450 до 600 саженъ. Подобно тому, орудія, стоявшія въ закругленіи Константиновской батареи, вмѣсто того, чтобы отвѣчать англійскимъ кораблямъ, дѣйствовавшимъ по батареѣ съ 450 саженъ, принуждены были направить огонь по французской эскадрѣ, въ разстояніи не менѣе 900 саженъ ([16]).

Бомбардированіе Севастополя съ моря началось уже въ то время, когда почти всѣ французскія батареи были принуждены замолчать и когда продолжали дѣйствовать съ сухаго пути только Англичане. Густое облако дыма, образовавшееся отъ непріятельскихъ залповъ и отъ выстрѣловъ съ нашихъ приморскихъ батарей, совершенно закрыло корпуса и мачты кораблей, и потому намъ служили цѣлью только сверкавшіе огоньки непріятельскихъ выстрѣловъ. Такимъ образомъ наши моряки были лишены двухъ

весьма важныхъ указаній для пальбы—опредѣленія въ точности разстоянія непріятельскихъ кораблей и возможности видѣть паденіе собственныхъ снарядовъ. На батареѣ № 10-го печи для каленія ядеръ были такъ неудобно устроены, что пришли въ негодное состояніе черезъ полчаса по открытіи огня съ непріятельскаго флота; погребовъ для зарядовъ было мало, да и тѣ, которые находились на батареѣ, были недостаточной величины и плохо размѣщены ([17]). Несмотря. однакоже, на все это, батареи № 10-го и Александровская, получивъ весьма незначительныя поврежденія, нанесли большой вредъ французской эскадрѣ. Корабль *Городъ Парижъ* былъ пораженъ 82-мя снарядами и въ томъ числѣ многими бомбами и калеными ядрами, причинившими до 50-ти пробоинъ и нѣсколько пожаровъ; разрывомъ одной изъ бомбъ въ капитанской каютѣ снесенъ ютъ, на которомъ тогда находился адмиралъ Гамеленъ съ своимъ штабомъ; нѣсколько офицеровъ и 34 матроса были убиты, либо ранены. Другая бомба, пробивъ всѣ деки на кораблѣ *Шарлеманъ*, разорвалась въ машинѣ и нанесла ей значительныя поврежденія; здѣсь въ продолженіи боя было 2 человѣка убито и тридцать пять ранены. Корабль *Наполеонъ* получилъ подводную пробоину; на прочихъ французскихъ судахъ выбыло изъ фронта 125 человѣкъ ([18]). На батареѣ № 10-го, по недостатку прислуги, въ заряжаніи мортиръ участвовалъ пѣхотный часовой, стоявшій у будки, гдѣ поставили ящикъ съ ручными гранатами, на случай штурма съ сухаго пути. Въ самомъ началѣ боя, непріятельская бомба разбила въ дребезги будку и взорвала гранаты, не причинивъ никакого вреда часовому, стоявшему оттуда въ десяти шагахъ. Хотя такимъ образомъ уничтожился постъ этого часоваго, однакоже, онъ, какъ не снятый своимъ ефрейторомъ,

оставался на мѣстѣ, подъ тысячами пролетавшихъ кругомъ его непріятельскихъ снарядовъ, и помогалъ артиллеристамъ въ стрѣльбѣ. Кромѣ взрыва ручныхъ гранатъ, на батареѣ № 10-го было взорвано два ящика съ снаряженными бомбами, стоявшіе на валгангѣ за орудіями, но, къ счастью, эти взрывы не нанесли никакого вреда ([19]). Не менѣе успѣшно выдержали бой Волохова башня и батарея Карташевскаго противъ англійскихъ кораблей *Альбіонъ* и *Аретуза*, прибывшихъ на буксирѣ пароходовъ къ назначеннымъ имъ мѣстамъ уже въ половинѣ третьяго часа пополудни. Первый изъ нихъ сталъ въ 300 саженяхъ отъ Волоховой башни, а второй—въ 350 саженяхъ отъ батареи Карташевскаго. Четыре бомбы, разорвавшись на палубѣ *Аретузы*, произвели пожаръ и угрожали гибелью кораблю, который обязанъ былъ спасеніемъ единственно хладнокровію собственнаго экипажа и искусству матросовъ парохода *Тритонъ*. Положеніе корабля *Альбіонъ* было еще бѣдственнѣе. Огонь его былъ сперва обращенъ противъ Волоховой башни, но, будучи сильно обстрѣливаемъ съ батареи Карташевскаго, онъ сталъ отвѣчать на ея выстрѣлы и не успѣлъ ей сдѣлать ни малѣйшаго вреда (Her fire was altogether in vain). Батарея, возвышенная на сто футъ надъ поверхностью моря, засыпала корабль бомбами, изъ которыхъ одна попала близъ подводной части, а другія, разорвавшись на кубрикѣ, произвели нѣсколько пожаровъ, что заставило Англичанъ закрыть крюйтъ-камеру и прекратить пальбу. Съ большимъ трудомъ удалось пароходу *Firebrand* отвести корабль на разстояніе внѣ дѣйствія нашей батареи. *Альбіонъ* потерялъ убитыми 10 и ранеными 70 человѣкъ, а *Firebrand* 5 человѣкъ ранеными, въ числѣ коихъ былъ самъ командиръ парохода. Корабли *Альбіонъ* и *Аретуза* были

такъ повреждены, что ихъ отправили починять въ Константинополь ([20]).

Батарея Карташевскаго, отразивъ оба англійскіе корабля, обратила огонь противъ ближайшаго къ ней корабля *Лондонъ* и заставила его удалиться съ потерею 22-хъ человѣкъ. Такимъ образомъ на лѣвомъ крылѣ Союзнаго флота, подъ непосредственнымъ начальствомъ контръ-адмирала Лайонса, остались только два корабля: *Санъ-Парейль* и *Агамемнонъ*. Первый изъ нихъ потерялъ 70 человѣкъ, а на второмъ отъ бомбы произошелъ пожаръ. Самъ Лайонсъ, находившійся на *Агамемнонѣ*, приказалъ командирамъ *Санъ-Парейля* и *Лондона* поддержать свой корабль, остававшійся подъ сильнымъ огнемъ, и пригласилъ капитана ближайшаго изъ прочихъ кораблей *Беллерофонъ* подать ему помощь. Вся англійская эскадра, кромѣ трехъ кораблей, направилась влѣво и открыла огонь частью противъ Константиновскаго форта, частью противъ батареи Карташевскаго и Волоховой башни. *Беллерофонъ* потерялъ колесо паровой машины, загорѣлся отъ разрыва на немъ бомбъ и, лишась 15-ти человѣкъ, отошелъ назадъ. Корабль *Королева* испыталъ такую же участь. Корабль *Родней* нашелъ на мель, но открылъ съ успѣхомъ огонь противъ Константиновскаго форта, и какъ, между тѣмъ, Лайонсъ былъ принужденъ удалиться, то *Родней* оставался подъ выстрѣлами нашего форта болѣе двухъ часовъ, пока, наконецъ, съ помощью двухъ пароходовъ, ему удалось сняться съ мели и отойти къ прочимъ кораблямъ англійской эскадры ([21]). Успѣхъ нашихъ батарей былъ одержанъ ими съ небольшими потерями: на Волоховой башнѣ подбитъ одинъ лафетъ и ранены 23 человѣка, а на батареѣ Карташевскаго не было вовсе ни потерь, ни поврежденій.

Изъ всѣхъ приморскихъ укрѣпленій Севастополя потерпѣлъ значительно одинъ лишь Константиновскій фортъ, который, будучи расположенъ на выдающемся мысѣ дугою, дѣйствовалъ только частью своей артиллеріи; прочія же всѣ орудія, обращенныя къ рейду, не могли принять участія въ отраженіи Союзнаго флота. Платформа форта, не прикрытая отъ продольныхъ и тыльныхъ выстрѣловъ, подвергалась пораженію съ сѣверо-запада, гдѣ находился секторъ, обороняемый только нѣсколькими орудіями. Англичане искусно воспользовались недостатками нашей батареи, поставя свои корабли въ мертвомъ пространствѣ и дѣйствуя съ небольшаго разстоянія по платформѣ продольнымъ и тыльнымъ огнемъ. Изъ 27-ми орудій, на ней стоявшихъ, 22 вскорѣ были приведены въ бездѣйствіе; прислуга, осыпаемая снарядами и осколками отъ камней, принуждена сойти внизъ. Въ казематахъ орудія не понесли поврежденій; изъ шести же калительныхъ печей уцѣлѣла только одна. Потеря въ людяхъ состояла изъ 5-ти убитыхъ и 50-ти раненыхъ ([22]).

На батареѣ № 10-го, орудія, несмотря на частое ихъ смачиваніе, до того разгорячились, что комендантъ батареи, капитанъ-лейтенантъ Андреевъ былъ принужденъ пріостановить на время пальбу, въ 4 часа по-полудни. Съ нашей стороны, наблюдая съ 7-го бастіона за ходомъ дѣла при дымѣ сухопутной и морской канонады, нельзя было видѣть, чтó дѣлалось на батареѣ, и сообщеніе съ нею было прервано тысячами снарядовъ, падавшихъ на пространствѣ между моремъ и 6-мъ бастіономъ. Нѣсколько охотниковъ вызвались доставить о ней свѣдѣнія, но самъ Нахимовъ долго не рѣшался посылать ихъ на вѣрную гибель. Всѣ считали батарею совершенно разрушенною, но въ сумерки возвра-

тился оттуда посланный, съ 40 матросами въ подкрѣпленіе прислуги орудій, адмираломъ Нахимовымъ, лейтенантъ Троицкій, который, къ общему удивленію, донесъ, что батарея потерпѣла весьма незначительныя поврежденія и понесла ничтожный уронъ въ людяхъ. По прекращеніи бомбардированія съ моря, продолжали дѣйствовать до наступленія ночи только англійскія батареи ([23]).

Общія послѣдствія этого дня заключались въ неудачѣ дѣйствій Союзниковъ съ моря и въ частномъ успѣхѣ Англичанъ со стороны сухаго пути.

Наши береговыя батареи выпустили около 16-ти тысячъ снарядовъ, а батареи оборонительной линіи до 20-ти тысячъ. Число снарядовъ, выпущенныхъ Союзнымъ флотомъ, было не менѣе 50-ти тысячъ, а съ батарей сухопутныхъ—до 9-ти тысячъ (Французы около 4-хъ тысячъ, Англичане 4,727). Съ нашей стороны, на береговыхъ батареяхъ выбыло изъ фронта 138, а въ сухопутномъ бою 1,112, всего же 1,250 человѣкъ. Уронъ непріятельскаго флота въ людяхъ простирался, не считая Турокъ, до 520 человѣкъ (203 Француза и 317 Англичанъ), а на сухопутныхъ батареяхъ 348 (204 Француза и 144 Англичанъ) ([24]).

Бомбардированіе съ моря Севастополя несомнѣнно доказало преимущество земляныхъ возвышенныхъ батарей надъ каменными постройками въ уровень съ поверхностью моря. Опасность на открытыхъ земляныхъ батареяхъ была несравненно меньше и самыя дѣйствія гораздо удобнѣе, нежели въ казематахъ. Снаряды, пролетавшіе лишь на одинъ футъ въ сторонѣ, или выше людей, не причиняли имъ никакого вреда, проносились далеко за орудія и разрывались тамъ столь же безвредно. Въ казематированныхъ же фортахъ, снаряды, попадая въ края амбразуръ, по-

ражали людей осколками камней, а бомбы, разрывавшіяся въ казематахъ, и даже во дворѣ форта, по тѣснотѣ пространства, производили губительное дѣйствіе. Къ тому же, въ казематахъ, дымъ отъ собственной стрѣльбы, совершенно застилая амбразуры и наполняя казематы, затруднялъ не только наведеніе орудій, но и самое дыханіе. Ни заряжаніе орудій, ни подноска къ нимъ зарядовъ и снарядовъ изъ пороховыхъ погребовъ, не могли быть такъ ускорены въ казематированныхъ фортахъ, какъ на открытыхъ батареяхъ ([25]). Батарея Карташевскаго и Волохова башня, могшія дѣйствовать противъ кораблей всего-на-все 8-ю орудіями, нанесли непріятелю несравненно бо́льшій вредъ, нежели двухъярусный казематированный съ открытою обороною Константиновскій фортъ.

Неудача дѣйствій съ сухаго пути французскихъ батарей была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ихъ ошибочнаго расположенія: вмѣсто того, чтобы устроить свои батареи по вогнутой линіи и поражать наши укрѣпленія перекрестными выстрѣлами, Французы собрали бо́льшую часть своей артиллеріи на Рудольфовой горѣ и, дѣйствуя оттуда расходящимися выстрѣлами по 4-му, 5-му и 6-му бастіонамъ, подверглись сосредоточенному огню съ этихъ укрѣпленій. Напротивъ того, Англичане искусно воспользовались мѣстностью и расположили свои батареи такимъ образомъ, чтобы, дѣйствуя фронтально по однимъ изъ фасовъ нашихъ укрѣпленій, онѣ могли въ то же время поражать продольно и въ тылъ смежные фасы ихъ ([26]). Несмотря однако же на успѣхъ дѣйствій англійской артиллеріи, цѣль бомбардированія, состоявшая въ совершенномъ ослабленіи обороны Севастополя, не была достигнута. Потери, понесенныя Англо-Французами, были напрасны, и положе-

ніе ихъ, послѣ усиленнаго бомбардированія 5-го(17-го) октября, сдѣлалось затруднительнѣе прежняго. Доселѣ съ нашей стороны какъ-бы признавалось превосходство Союзниковъ въ силахъ: нашъ флотъ, не смѣя искать встрѣчи съ непріятелями, скрывался въ бухтѣ, подъ защитою укрѣпленій, которыхъ сопротивленіе еще не было испытано, а русская армія, послѣ сраженія на Алмѣ, также уклонялась отъ рѣшительнаго боя. Но въ день 5-го (17-го) октября, Русскіе, и прежде готовые пасть въ защиту Севастополя, увѣрились на опытѣ въ возможности успѣха борьбы съ сильнымъ противникомъ, а Союзники были принуждены отказаться отъ надежды легкаго торжества и приступить къ медленному способу дѣйствій—формальной осадѣ Севастополя ([27]).

По прекращеніи огня, вся ночь на 6-е (18-е) октября была употреблена на исправленіе поврежденныхъ укрѣпленій и замѣну подбитыхъ орудій и истраченныхъ снарядовъ, въ особенности же на возстановленіе почти уничтоженнаго 3-го бастіона. Всю ночь тамъ кипѣла усиленная работа: отрывали орудія и станки, настилали вновь платформы, подвозили и ставили новыя орудія, насыпали взорванныя части бруствера, очищали рвы и строили пороховые погребки. Вмѣсто прежнихъ 22-хъ орудій, на бастіонѣ было поставлено только 19, но за то правый фасъ, который долженъ былъ возобновить бой съ англійскими батареями на Зеленой горѣ, былъ вооруженъ орудіями большихъ калибровъ, и съ тою же цѣлью усилено вооруженіе на батареѣ № 5-го (Никонова) и на лѣвомъ фасѣ 4-го бастіона; на фасахъ 3-го и 4-го бастіоновъ, подвергавшихся анфилированію, увеличено число траверсовъ, и проч.

Съ разсвѣтомъ 6-го (18-го) октября, англійскія батареи открыли огонь по 3-му и 4-му бастіонамъ и по Малахову кургану и дѣйствовали усиленно до самаго вечера. Перекрестный огонь, которому подверглась наканунѣ правая ланкастерская (Пятиглазая) батарея, съ бастіона Корнилова и съ судовъ на рейдѣ (*), заставилъ Англичанъ направить, изъ пяти орудій, стоявшихъ на батареѣ, два для обстрѣливанія рейда, а чрезъ нѣсколько дней были сняты съ батареи всѣ орудія, кромѣ ланкастерской 68-ми-фунтовой пушки, продолжавшей стрѣлять по нашимъ судамъ. Съ тѣхъ поръ, у насъ стали называть Пятиглазую батарею *Циклопомъ* ([28]).

Французскія же батареи не открывали огня весь день 6-го (18-го), и потому, съ нашей стороны, по нимъ производились выстрѣлы лишь изрѣдка, чтобы мѣшать работать. Противъ Англичанъ, съ бастіоновъ 3-го и 4-го, продолжалась непрерывная пальба, вообще же въ сей день нами выпущено снарядовъ до 10-ти тысячъ. У насъ выбыло изъ строя, бóльшею частью на 3-мъ бастіонѣ, 83 человѣка убитыми и 460 ранеными. Потери, наносимыя выстрѣлами съ батарей Зеленой горы, продольно лѣвому фасу 3-го и косвенно правому фасу 4-го бастіона, заставили насъ устроить на нихъ траверсы чрезъ каждое орудіе. Французы, въ предшествовавшую ночь и въ день 6-го (18-го) октября, вывели участокъ первой параллели, длиною до 200 саженъ, отъ батарей на Рудольфовой горѣ къ капитали 4-го бастіона ([29]), что̀ открыло главному распорядителю нашихъ инженерныхъ работъ, полковнику Тотлебену намѣреніе Союзниковъ—отказаться отъ неотлагательнаго штурма и приступить къ правильной осадѣ Севастополя.

(*) Пароходы *Владимiръ* и *Крымъ* и корабль *Гавріилъ*.

Неудача Французовъ и упорное сопротивленіе защитниковъ Севастополя навели опасенія на Англичанъ и заставили ихъ усомниться въ успѣхѣ предпріятія Союзниковъ, въ особенности послѣ записки, поданной лорду Раглану г. Каттлеемъ, который, проведя нѣсколько лѣтъ въ Крыму, полагалъ, что зимовка въ этой странѣ могла быть гибельна для англійскихъ войскъ. По странному стеченію обстоятельствъ, Рагланъ получилъ эту записку одновременно съ нумерами Times'а отъ 4-го и 5-го октября н. ст., въ коихъ помѣщено было извѣстіе о взятіи Севастополя Союзными войсками. Редакція знаменитой газеты, не ограничиваясь сообщеніемъ этой важной новости, изъявляла мнѣніе, что нашъ Государь будетъ принужденъ удалиться изъ своей столицы и искать убѣжища „гдѣ-либо между Москвою и Казанью“ ([30]). Наполеонъ III, тогда находившійся въ лагерѣ при Булони, также основываясь на слухахъ, объявилъ войскамъ своимъ о паденіи Севастополя ([31]). Легко вообразить, какъ были недовольны Союзные главнокомандующіе преждевременными торжествами мнимаго успѣха, и въ особенности тогда, когда пришлось отложить надежду на быстрое рѣшеніе дѣла. Защитники Севастополя, борясь въ теченіе цѣлыхъ дней съ непріятелемъ, успѣвали по ночамъ не только исправлять, но и возводить новыя укрѣпленія. 7-го (19-го) октября, съ нашей стороны выпущено зарядовъ 14 тысячъ, и съ 8-го (20-го) по 13-е (25-е) ежедневно отъ 10-ти до 12-ти тысячъ (отъ 1,500 до 2,000 пудовъ пороха). Несмотря на то, что, начиная съ 7-го (19-го) октября, Французы опять содѣйствовали Англичанамъ огнемъ своихъ батарей, потери, понесенныя севастопольскимъ гарнизономъ въ продолженіи 6-ти дней, съ 8-го (20-го) по 13-е (25-е) октября, значительно уменьши-

лись въ сравненіи съ тѣми, которыя понесъ гарнизонъ въ первые три дня бомбардированія, именно ежедневный уронъ среднимъ числомъ простирался всего до 254 человѣкъ ([32]). Причинами тому были: во 1-хъ, сооруженіе новыхъ траверсовъ и другихъ защитъ, и, во 2-хъ, искусство, которое пріобрѣли опытомъ продолжительнаго бомбардированія „сигнальщики“—бóльшею частью матросы—усматривать на полетѣ большіе снаряды и извѣщать объ ихъ направленіи прислугу и прикрытіе орудій. По протяжному крику сигнальщика „пушка-а-а!“ каждый изъ людей, незанятыхъ своимъ дѣломъ, скрывался за сосѣднимъ траверсомъ; по крику: „мартелла!“ или „мартына!“ дающему знать о полетѣ на батарею бомбы, люди ложились, либо уходили въ блиндажъ, но не прежде, какъ по второму крику: „бомба“, потому что, въ продолженіи ея медленнаго полета, сигнальщикъ успѣвалъ оповѣстить о ней вторично. Впрочемъ, паденіе снарядовъ иногда было такъ часто, что сигнальщикъ не имѣлъ возможности слѣдить за ихъ полетомъ, и тогда никто не обращалъ на нихъ вниманія. „Отъ руки Божіей не уйдешь“—говорили наши солдаты ([33]).

Союзники, будучи принуждены отказаться отъ покушенія овладѣть Севастополемъ открытою силою, избрали главнымъ пунктомъ своей постепенной атаки 4-й бастіонъ, капитанъ-лейтенанта Завадовскаго, который былъ окруженъ съ трехъ сторонъ командующими высотами, чтó способствовало осаждающему, расположивъ батареи дугою на пространствѣ трехъ верстъ отъ Рудольфовой до Зеленой горы, охватить ими незначительный фронтъ бастіона, длиною не болѣе версты, и, пользуясь мѣстностью, образующею склоны къ нашей сторонѣ, устроить батареи въ нѣсколько ярусовъ, амфитеатромъ. Мѣст-

ность, на которой находился 4-й бастіонъ, составляя узкую высоту между широкими балками съ весьма крутыми берегами, не дозволяла пристраивать къ бастіону фланкирующія части, для доставленія ему близкой перекрестной обороны, и потому приходилось оборонять впереди-лежащую мѣстность мало-дѣйствительными выстрѣлами съ отдаленныхъ батарей, расположенныхъ позади 3-го и 5-го бастіоновъ. Къ тому же, 4-й бастіонъ, по положенію своему, представлялъ Союзникамъ удобство доставки орудій, снарядовъ и матеріаловъ отъ Камышевой бухты. Вмѣстѣ съ усиленнымъ бомбардированіемъ 4-го бастіона, Французы дѣйствовали по бастіонамъ 5-му и 6-му, какъ для ослабленія стоявшей на нихъ артиллеріи, такъ и для отвлеченія вниманія отъ пункта главной атаки.

Какъ только обнаружилось намѣреніе Французовъ—вести постепенную атаку противъ 4-го бастіона, то приступлено было къ работамъ для противодѣйствія непріятелю: позади 5-го и 3-го бастіоновъ сооружены новыя батареи; за правымъ фасомъ 4-го бастіона насыпанъ эполементъ для 4-хъ мортиръ; устроены траверсы на правомъ фасѣ 5-го бастіона, на батареѣ Никонова и на другихъ пунктахъ (34).

Англичане, съ своей стороны, вели вспомогательную атаку на 3-й бастіонъ и усилили огонь по кораблю *Ягудіилъ*. Каленыя ядра, бомбы и ракеты осыпали корабль и стоявшіе вблизи его два блокшифа, производя безпрестанные пожары. Въ седьмой день бомбардированія, 11-го (23-го) октября, въ кораблѣ уже было 72 пробоины, и потому князь Меншиковъ приказалъ, чтобы онъ оставался на своемъ посту только ночью, а на разсвѣтѣ ежедневно оттягивался къ морскому госпиталю; но и тамъ стоянка

не была безопасна. Одна изъ бомбъ пробила ютъ и разорвалась въ верхней палубѣ каютъ-компаніи, гдѣ находились 7 офицеровъ, но не нанесла имъ никакого вреда (35).

Въ ночь съ 8-го на 9-е (съ 20-го на 21-е), для замедленія непріятельскихъ осадныхъ работъ, были высланы съ 1-го отдѣленія на Рудольфову высоту 212 охотниковъ, отъ Минскаго и Углицкаго полковъ, 5-го резервнаго баталіона Бѣлостокскаго полка и 33-го флотскаго экипажа, въ двухъ отрядахъ, подъ начальствомъ лейтенанта Троицкаго и мичмана князя Путятина. Захвативъ въ расплохъ часовыхъ, наши охотники ворвались въ траншеи, взошли на батареи № 3-го и 4-го, перекололи сонныхъ Французовъ и заклепали 7 (по другимъ свѣдѣніямъ—19) орудій. Прибытіе на батареи непріятельскихъ резервовъ заставило отступить наши небольшіе отряды, съ потерею убитыми 4-хъ и ранеными 15-ти человѣкъ. Въ числѣ убитыхъ находились оба начальника нашихъ отрядовъ (36).

Въ ночи съ 9-го на 10-е (съ 21-го на 22-е) октября, Французы вывели подступы изъ первой параллели, по капитали 4-го бастіона и противъ редута Шварца, и заложили участокъ 2-й параллели. Съ приближеніемъ французскихъ траншей на 200 саженъ къ 4-му бастіону, можно было уже дѣйствовать по нимъ картечью, причемъ требовалось неусыпное наблюденіе за непріятелемъ ночью. Съ этою цѣлью, въ ночи на 13-е (25-е) октября, вмѣсто обыкновенной цѣпи парныхъ часовыхъ, впереди 4-го бастіона, были выставлены два сильные секрета, до 20-ти человѣкъ въ каждомъ, составленные изъ пластуновъ, привычныхъ къ наблюденію за непріятелемъ. По первому донесенію изъ секретовъ о появленіи непріятеля у вершины Городскаго оврага,

секреты были сняты и открытъ сильный картечный и штуцерный огонь въ указанномъ ими направленіи, а чрезъ четверть часа пальба прекращена и снова высланы секреты. Такимъ образомъ дѣйствуя, то высылая секреты, то обращая огонь на указываемые ими пункты, мы замедляли работы непріятеля, который, въ продолженіи всей ночи, успѣлъ вывести только одинъ короткій зигзагъ отъ оконечности второй параллели. Какъ, по мѣрѣ приближенія непріятельскихъ подступовъ, важность ружейнаго огня съ нашей стороны постепенно возрастала, а между тѣмъ 4-й бастіонъ былъ занятъ на всемъ протяженіи своемъ артиллеріею и траверсами, то на контръ-эскарпѣ его праваго фаса устроили банкетъ для помѣщенія около 50-ти стрѣлковъ, отчасти отрывкою уступа, отчасти же присыпкою его изъ земли и плиты; а на верху контръ-эскарпа уложили земляные мѣшки съ образованіемъ бойницъ. Въ случаѣ штурма, стрѣлки должны были немедленно отойти на правый флангъ, чтобы очистить мѣсто для дѣйствія съ бастіона картечью.

Въ продолженіи бомбардированія съ 5-го по 13-е (съ 17-го по 25-е) октября, расходъ зарядовъ съ нашей стороны простирался до 125-ти тыс. (болѣе 20-ти тыс. пудовъ пороха). Опасаясь, чтобы, при такой огромной растратѣ зарядовъ, не истощились вскорѣ боевые запасы, находившіеся въ Севастополѣ, князь Меншиковъ приказалъ, для обсужденія этого важнаго вопроса, составить особый совѣтъ, который счелъ нужнымъ сдѣлать распоряженіе о всевозможномъ сбереженіи зарядовъ на батареяхъ и принять мѣры для немедленной доставки въ Севастополь пороха изъ ближайшихъ складовъ. Тогда же послѣдовало приказаніе главнокомандующаго — перевести больныхъ и раненыхъ изъ помѣщеній, подверженныхъ непрія-

тельскимъ выстрѣламъ, въ болѣе безопасныя мѣста; впослѣдствіи же больныхъ стали перевозить на Сѣверную сторону. Весьма большую пользу въ гигіеническомъ отношеніи принесло распоряженіе князя Меншикова—выдавать войскамъ Севастопольскаго гарнизона ежедневно по фунту мяса и по двѣ чарки водки. Эта мѣра имѣла большое вліяніе на поддержаніе бодрости и здоровья нашихъ солдатъ при тѣхъ чрезвычайныхъ трудахъ, которые они должны были переносить, работая денно и нощно на оборонительной линіи ([37]).

Императоръ Николай, по полученіи перваго донесенія о бомбардированіи Севастополя, писалъ князю Меншикову:

„Сейчасъ получилъ твои два донесенія, любезный Меншиковъ, отъ 5 и 6 чиселъ. Слава Богу, слава героямъ, защитникамъ Севастополя! Первое покушеніе отбито со славой; будемъ надѣяться на милость Божію и впредь.

„Благодарю всѣхъ и каждаго за то, что Мое довѣріе оправдываютъ. Мнѣ ли не знать, что̀ могутъ наши молодцы? Сухопутные и морскіе соперники въ вѣрности долгу, въ христіанской храбрости и въ геройствѣ! Такъ искони было, такъ искони будетъ! Передай Мои слова съ Моей благодарностью, могу сказать отцовскою, потому что ихъ всѣхъ люблю какъ дорогихъ родныхъ дѣтей.

„Славная смерть нашего любезнаго, почтеннаго Корнилова, Меня глубоко огорчила; миръ праху его! Вели положить рядомъ съ незабвеннымъ Лазаревымъ. Когда доживемъ до спокойныхъ временъ, поставимъ памятникъ на мѣстѣ, гдѣ убитъ, и бастіонъ называть по немъ...

„Чисто непонятно Мнѣ, какъ батарея № 10-го могла уцѣлѣть. Думаю, что командиръ ея заслужилъ Георгія 4. Вели собрать при досугѣ думу и опредѣли кому справедливо дать; прислугѣ этой батареи дай по 3 рубля на человѣка, а прочимъ всѣмъ въ дѣлѣ бывшимъ по 2 р. Да сверхъ тобой данныхъ крестовъ нижнимъ чинамъ, дай еще отъ Меня по 5-ти на батарею.

„Богъ съ вами, да хранитъ васъ Господь и да дастъ православнымъ побѣду надъ врагами.

„На вѣки твой искренно доброжелательный".

Нѣсколько дней спустя, Государь писалъ князю Меншикову:

„Донесеніе твое отъ 11-го числа, любезный Меншиковъ, получилъ сегодня вечеромъ. Геройская оборона, столь успѣшно продолжающаяся, и частные случаи молодечества изумительнаго Меня восхищаютъ; тѣмъ было бы Мнѣ горестнѣе, ежелибъ всѣ эти примѣрныя усилія несравненныхъ нашихъ войскъ должны были кончиться тѣмъ, чтобъ мы бросили Севастополь, перейдя на Сѣверную сторону.

„Когда дойдутъ 10-я и 11-я дивизіи, надѣюсь, что ты во всякомъ случаѣ найдешь возможность нанесть ударъ непріятелю, чтобы поддержать честь оружія нашего...

„Благодарю всѣхъ и каждаго за ихъ богатырскій духъ, за ихъ вѣрную службу, и скажи всѣмъ, что одного жалѣю, что Я не съ вами; за то дѣти Мои (*) среди васъ будутъ.

„Обнимаю отъ души" ([38]).

На слѣдующій день, Государь писалъ князю М. Д. Горчакову:

(*) Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ прибыли въ главную квартиру князя Меншикова 22-го октября 1854 года.

..."Вчера вечеромъ получилъ донесеніе Меншикова, отъ 11-го числа. Бомбардировка продолжалась и усиливалась, но мужественная богатырская защита не слабѣла, кромѣ неизбѣжной ежедневной убыли храбрыхъ защитниковъ. Меншиковъ не ручался, но и не отчаявался продлить оборону до прибытія 10-й и 11-й дивизій. Дай Богъ! Грустно несказанно будетъ Мнѣ, ежели столько подвиговъ геройскаго мужества, безусловной преданности и вѣрности долгу пропало бы даромъ! Страшно подумать, но ко всему надо быть готову и покориться волѣ Божіей"... ([39]).

Государь, желая почтить память генералъ-адъютанта Корнилова, повелѣлъ воздвигнуть памятникъ ему на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ погибъ славною смертью, назвать бастіонъ, гдѣ онъ убитъ, по его имени, вдовѣ его производить пенсію по 5-ти тысячъ рублей, независимо слѣдующей изъ Инвалиднаго Комитета, и уплатить оставшіеся по немъ долги, на сумму до 27,000 рублей ([40]).

Тогда же послѣдовалъ на имя вдовы вице-адмирала Корнилова слѣдующій Высочайшій рескриптъ.

"Елисавета Васильевна! Славная смерть вашего мужа лишила Нашъ флотъ одного изъ отличнѣйшихъ адмираловъ, а Меня одного изъ Моихъ любимѣйшихъ сотрудниковъ, которому Я предназначалъ продолжать полезные труды Михаила Петровича Лазарева. Глубоко сочувствуя скорби всего флота и вашей горести, Я не могу болѣе почтить память покойнаго, какъ повторивъ съ уваженіемъ послѣднія слова его. Онъ говорилъ: "Я счастливъ, что умираю за Отечество". Россія не забудетъ этихъ словъ, и дѣтямъ вашимъ переходитъ имя, почтенное въ Исторіи Русскаго флота.

"Пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ" ([41]).

Вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ другой Высочайшій рескриптъ, о принятіи вдовы Корнилова въ число кавалерственныхъ дамъ ордена Св. Великомученицы Екатерины второй степени ([42]).

Въ Высочайшемъ приказѣ 12-го октября было сказано:

„Государь Императоръ, получивъ отъ генералъ-адъютанта князя Меншикова донесеніе о непоколебимомъ мужествѣ, примѣрной стойкости и достохвальномъ самоотверженіи, оказанныхъ всѣми морскими и сухопутными войсками, составлявшими гарнизонъ Севастополя во время бомбардированія этого города Англо-Французами 5 и 6 числа сего октября, объявляетъ искреннюю душевную признательность всѣмъ чинамъ означенныхъ войскъ, отъ генерала до рядоваго, за блистательный ихъ подвигъ, коимъ они вполнѣ оправдали Высочайшее довѣріе къ нимъ Его Величества. Государь Императоръ изволитъ оставаться въ убѣжденіи, что они и впредь не престанутъ отличать себя доблестною храбростію и всѣми достоинствами, одушевляющими истинныхъ сыновъ Россіи“ ([43]).

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ
при
КАДИКІОЙ (БАЛАКЛАВѢ),
13 (25) Октября 1855 года
Условные знаки
Русскіе
Пѣхота
Кавалерія
Союзники
Пѣхота
Кавалерія
Масштабъ
0. 250. 500. 1000. 1500. саженъ
СЕВАСТОПОЛЬ
БАЛАКЛАВА
Кадикой
Трактиръ
Чоргунъ

ГЛАВА XXIII.

Сраженіе при Балаклавѣ (при Кадикіой).

(13-го (25-го) октября 1854 года).

Еще до бомбардированія Севастополя, французская армія была усилена прибывшими изъ Варны кавалерійскою бригадою д'Алонвиля и 5-ою пѣхотною дивизіей Лавальяна, а 6-го (18-го) октября прибыла бригада Базена ([1]). Число французскихъ войскъ возросло до 50-ти тысячъ человѣкъ ([2]). Англичане, получивъ подкрѣпленія, считали въ рядахъ своихъ до 35-ти тысячъ человѣкъ ([3]). Вообще же у Союзниковъ было около 85-ти тыс. (по другимъ свѣдѣніямъ— до 70-ти тыс.) человѣкъ.

Русская армія также значительно усилилась. Съ 19-го сентября по 9-е октября (съ 1-го по 21-е октября), прибыли къ ней: 12-я пѣхотная дивизія, генералъ-лейтенанта Липранди, съ 4-мя батареями, Бутырскій пѣхотный полкъ (17-й дивизіи) съ одною батареею, шестые запасные баталіоны Минскаго и Волынскаго полковъ, 4-й стрѣлковый баталіонъ, 2-й лин. резервн. Черноморскій баталіонъ, Сводная бригада генерала Рыжова (2-й гусарскій и 2-й уланскій маршевые полки), Донской № 53-го и Уральскій казачій

полки: всего же 24 баталіона, 12 эскадроновъ и 12 сотенъ съ 56-ю орудіями, не считая резервной уланской дивизіи генералъ-лейтенанта Корфа, съ двумя конными батареями, отряженной къ Евпаторіи. Силы нашей арміи въ первой (во второй) половинѣ октября простирались до 65-ти тысячъ человѣкъ и въ продолженіи нѣсколькихъ дней, съ присоединеніемъ 10-й и 11-й дивизій, могли возрости до 85-ти или 90 тысячъ. Такимъ образомъ прибытіе ожидаемыхъ нами подкрѣпленій могло бы дать намъ перевѣсъ, или, по крайней мѣрѣ, возстановить равновѣсіе въ силахъ, пользуясь чѣмъ, мы поставили бы въ затруднительное положеніе Союзниковъ, которые, предпринявъ осаду Севастополя, должны были, для прикрытія своихъ работъ отъ нашей арміи, растянуть свои войска на значительномъ пространствѣ. Въ особенности же для насъ было удобно дѣйствовать со стороны Чоргуна по направленію къ Балаклавѣ, основанію дѣйствій англійской арміи. Выгоды такого образа дѣйствій побудили князя Меншикова, не выжидая прибытія остальныхъ дивизій 4-го пѣхотнаго корпуса, предпринять наступленіе на Балаклаву.

Доступъ къ этому городу былъ прикрытъ двойнымъ рядомъ укрѣпленій: внутренній (ближайшій къ городу) состоялъ изъ нѣсколькихъ батарей, соединенныхъ между собою сплошною траншеею, которая, упираясь правымъ флангомъ въ неприступную гору Спилію, простиралась до дороги, ведущей изъ Балаклавы чрезъ Трактирный мостъ къ Симферополю. Другой рядъ укрѣпленій (внѣшній), на холмахъ, отдѣляющихъ Балаклавскую долину отъ долины Черной рѣчки, состоялъ изъ шести редутовъ, изъ которыхъ право-фланговый № 1-го находился на высотѣ, въ разстояніи около двухъ верстъ къ сѣверо-западу отъ селенія Комары (mamelon Canrobert). Остальные ре-

дуты были устроены лѣвѣе перваго, вдоль высотъ, частью близъ Воронцовской дороги, частью—впереди деревни Кадикіой, и вооружены: редутъ № 1-го тремя крѣпостными орудіями; № 2-го—двумя; №№ 3-го и 4-го—3-мя, и № 5-го—5-ю. Эти укрѣпленія были весьма тѣсны и не доставляли взаимной обороны. Городъ Балаклава и обѣ линіи укрѣпленій были заняты 3,350 Англичанъ и 1,000 Турокъ, изъ коихъ 1,100 человѣкъ англійскихъ флотскихъ экипажей находились въ Балаклавѣ и на ближайшихъ батареяхъ; 93-й шотландскій пѣх. полкъ, въ числѣ 650 человѣкъ, и 100 инвалидовъ—впереди селенія Кадикіой, влѣво отъ Симферопольской дороги; драгунская бригада Скерлета (въ составѣ пяти двухъ-эскадронныхъ полковъ, всего 800 чел.), и легкая бригада Кардигана (5 полковъ двухъ-эскадроннаго состава, всего 700 чел.), лѣвѣе Кадикіой: вся эта кавалерія состояла подъ начальствомъ графа Лукана. Передовые редуты были заняты турецкими войсками (4).

Съ нашей стороны, стояли войска въ тылу Англичанъ еще въ началѣ (въ половинѣ) октября. Подполковникъ Раковичъ, съ 3-мя баталіонами, 4-мя орудіями и 2-мя казачьими сотнями, спустившись ночью отъ хутора Мекензи къ Черной рѣчкѣ, занялъ, на разсвѣтѣ 2-го (14-го) октября, деревню Чоргунъ и на слѣдующій день открылъ сообщеніе съ Своднымъ уланскимъ полкомъ, полковника Еропкина, высланнымъ для наблюденія за непріятелемъ въ Байдарскую долину. Вслѣдъ затѣмъ, по прибытіи къ Чоргуну генералъ-маіора Семякина, съ 1-ою бригадою 12-й пѣхотной дивизіи и съ 1-мъ Уральскимъ казачьимъ полкомъ, были произведены, 6-го и 7-го (18-го и 19-го) октября, рекогносцировки непріятельской позиціи, и наконецъ, 11-го (23-го) октября составленъ въ Чоргунѣ отрядъ, подъ начальствомъ

генералъ-лейтенанта Липранди, для нападенія на англійскія войска, занимавшія Балаклаву. Въ Чоргунскомъ отрядѣ находилось: 17 баталіоновъ, 20 эскадроновъ, 10 сотенъ, 48 пѣшихъ и 16 конныхъ орудій ([5]), въ числѣ до 16-ти тыс. человѣкъ.

Нападеніе на Англичанъ предполагалось произвести 13-го (25-го) октября, въ трехъ колоннахъ: лѣвая, подъ начальствомъ генералъ-маіора Гриббе, изъ $3^1/_4$ баталіоновъ, 6-ти эскадроновъ, одной сотни и 10-ти орудій, должна была направиться по ущелью, ведущему въ Байдарскую долину, а потомъ свернуть на дорогу въ Комары и занять эту деревню ([6]). Средняя колонна, генералъ-маіора Семякина, состояла изъ двухъ эшелоновъ: лѣваго, подъ непосредственнымъ начальствомъ Семякина, изъ $5^1/_4$ баталіоновъ съ 10-ю орудіями, и праваго, подъ начальствомъ генералъ-маіора Левуцкаго, изъ 3-хъ баталіоновъ съ 8-ю орудіями; эта колонна была направлена по дорогѣ изъ Чоргуна на Кадикіой ([7]); правая колона, полковника Скюдери, изъ $4^1/_4$ баталіоновъ и 3-хъ сотенъ, съ 8-ю орудіями, должна была двинуться по направленію къ редуту № 3-го ([8]). 14 эскадроновъ и 6 сотенъ, съ двумя конными батареями, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Рыжова, получили приказаніе—по переходѣ черезъ Черную рѣчку, выстроиться въ колонахъ къ атакѣ и дѣйствовать по указанію самого генерала Липранди ([9]). Въ резервѣ оставлены $1^1/_4$ баталіонъ съ одною батареей ([10]). Для содѣйствія войскамъ Чоргунскаго отряда и для прикрытія его со стороны обращенной къ обсерваціонному корпусу Боскѐ, былъ направленъ, правѣе Воронцовской дороги, на Ѳедюхины высоты, отрядъ генералъ-маіоръ Жабокритскаго, въ составѣ $7^3/_4$ баталіоновъ, 2-хъ эскадро-

новъ и 2-хъ сотенъ, съ 14-ю орудіями, въ числѣ до 5-ти тысячъ человѣкъ ([11]).

13-го (25-го) октября, еще до разсвѣта, на основаніи отданной наканунѣ диспозиціи, войска Чоргунскаго отряда двинулись къ редутамъ. Генералы Коллинъ-Кемпбель и Луканъ, выѣхавшіе въ то время по направленію отъ Кадикіой къ холму Канробера, замѣтивъ наступленіе нашихъ колоннъ, выдвинули къ редуту № 4-го всю свою кавалерію, ограничиваясь демонстраціею; только конная батарея, вынесясь впередъ, стала правѣе редута № 3-го ([12]). Въ шесть часовъ, Левуцкій, подойдя къ Кадикіойскимъ высотамъ, открылъ канонаду по редутамъ №№ 2-го и 3-го, и атаковалъ ихъ Украинскими баталіонами. Тогда же генералъ Гриббе, вытѣснивъ непріятельскіе аванпосты изъ селенія Комары, выставилъ свою артиллерію на высотахъ и открылъ огонь противъ редута № 1-го. Турки, застигнутые врасплохъ, еще не успѣли приготовиться къ оборонѣ, когда генералъ Семякинъ, подъ прикрытіемъ канонады и огня штуцерныхъ, быстро подошелъ къ высотѣ редута № 1-го и повелъ въ атаку Азовскій полкъ. Ротныя колонны первой линіи, по знаку командира полка Криденера, кинулись впередъ съ крикомъ „ура“! Непріятель оборонялся упорно, но, несмотря на его сопротивленіе, Азовцы въ 7½ часовъ овладѣли редутомъ, истребили большую часть его защитниковъ и захватили три орудія. Устрашенные взятіемъ этого укрѣпленія и наступленіемъ Украинскихъ и Одесскихъ баталіоновъ, турецкія войска, занимавшія редуты №№ 2-го, 3-го и 4-го, бѣжали въ Кадикіой, бросивъ восемь орудій, а также порохъ, палатки и шанцовой инструментъ, хранившіеся въ укрѣпленіяхъ. Редутъ № 4-го, находившійся въ значительномъ разстояніи отъ прочихъ, былъ немедленно срытъ нашими войсками,

стоявшія тамъ орудія заклепаны, колеса у лафетовъ изрублены, а самыя орудія сброшены съ горы ([13]).

Канонада на Балаклавскихъ высотахъ встревожила Союзниковъ. Генералъ Боскè тотчасъ устремилъ по скату горъ въ Балаклавскую долину бригаду Винуа (Vinoy) (1-й дивизіи) и за нею бригаду Эспинàсса (той же дивизіи) и два полка Африканскихъ егерей, генерала д'Алонвиля. Лордъ Рагланъ, съ своей стороны, послалъ за 1-ю и 4-ю дивизіями; а въ ожиданіи ихъ прибытія, 93-й шотландскій полкъ выстроился въ линію впереди Кадикіой; къ его правому флангу примкнули нѣсколько сотъ Турокъ, а къ лѣвому—сотня инвалидовъ. Бригада Скерлета была послана на выручку бѣжавшихъ Турокъ, по направленію къ редутамъ, а бригада Кардигана оставалась назади, влѣво отъ пѣхоты ([14]).

По занятіи редутовъ, около десяти часовъ утра, генералъ Липранди приказалъ Рыжову, съ гусарскою бригадою и Уральскимъ полкомъ, при 16-ти орудіяхъ конно-легкой № 12-го и донской батарейной № 3-го батарей, перейдя черезъ перевалъ между редутами № 3-го и № 4-го, спуститься въ долину и атаковать англійскій паркъ у селенія Кадикіой. 4 эскадрона гусаръ Саксенъ-Веймарскаго (Ингерманландскаго) полка бросились на 93-й шотландскій полкъ; стоявшіе по флангамъ его Турки бóльшею частью разбѣжались; но Шотландцы встрѣтили нашихъ гусаръ, на разстояніи хорошаго выстрѣла, штуцернымъ огнемъ и картечью, чтò заставило Веймарцевъ отступить. Какъ, между тѣмъ, бригада Скерлета направилась во флангъ остальной кавалеріи Рыжова, то онъ отвелъ ее вмѣстѣ съ Саксенъ-Веймарскимъ полкомъ назадъ и построилъ въ колоннахъ къ атакѣ, въ долинѣ, отдѣляющей Кадикіойскія высоты отъ Ѳедюхиныхъ горъ, за правымъ флангомъ пѣхоты генерала Липранди ([15]),

расположенной слѣдующимъ образомъ: три баталіона Днѣпровскаго полка, съ 4-мя орудіями батарейной № 4-го и 6-ю легкими № 6-го 12-й артиллерійской бригады, и стрѣлковая рота у сел. Комаровъ; одинъ баталіонъ Днѣпровскаго и 4 баталіона Азовскаго полковъ, съ 4-мя батарейными № 4-го и 6-ю легкими орудіями № 6-го батареи, и стрѣлковая рота, у редута № 1; три Украинскіе баталіона съ 4-мя батарейными № 4-го и 4-мя легкими орудіями № 7-го батареи 12-й артиллерійской бригады, у редута № 2-го; четыре баталіона Одесскаго полка, съ 8-ю орудіями № 7-го батареи, и стрѣлковая рота уступами назадъ у редута № 3-го. Одинъ баталіонъ Украинскаго полка съ легкою ротою № 8-го 12-й артиллерійской бригады и стрѣлковая рота находились въ резервѣ, близъ Черной рѣчки. Кавалерія Рыжова, какъ уже сказано, была построена въ колоннахъ къ атакѣ, на широкой лощинѣ, служащей продолженіемъ Чоргунскому ущелью и раздѣляющей на двѣ части высоты лѣваго берега Черной рѣчки ([16]).

Генералъ Рыжовъ, устроивъ ввѣренную ему кавалерію, повелъ ее снова на Кадикіойскія высоты мелкою рысью и, подойдя къ ближайшей отъ него бригадѣ Скерлета на разстояніе около пятисотъ шаговъ, не ускорилъ аллюра. (По другимъ свѣдѣніямъ, наша кавалерія остановилась).

Командовавшій бригадою англійскихъ драгунъ ([17]), генералъ Скерлетъ, уже достигнувъ 55-ти лѣтъ, не участвовалъ ни въ одной кампаніи, но, сознавая важность опыта въ военномъ дѣлѣ, удачно воспользовался практическими свѣдѣніями состоявшихъ при немъ двухъ офицеровъ, полковника Битсона (Beatson) и поручика Элліота: оба они отличались подвигами въ Индіи, и могли дополнить то, чего недоставало храброму и рѣшительному ихъ начальнику. За-

мѣтивъ на Кадикіойскихъ высотахъ у себя на лѣвомъ флангѣ нашу кавалерію, стоявшую неподвижно, Скерлетъ рѣшился предупредить угрожавшій ему ударъ, кинувшись самъ въ атаку. Съ этою цѣлью онъ развернулъ влѣво три эскадрона, шедшіе въ колоннѣ ближайшей къ русской кавалеріи, имѣя намѣреніе пристроить къ ихъ лѣвому флангу прочія войска своей бригады, и, не ожидая ихъ, поскакалъ въ галопъ и потомъ понесся во весь карріеръ съ тремя эскадронами (2-мъ драгунскаго полка Эннискилленъ и двумя—полка сѣрыхъ Шотландцевъ), за которыми вблизи слѣдовали остальные семь эскадроновъ драгунской бригады, и врѣзался въ линію нашихъ колоннъ. Гусары, не ожидавшіе быть атакованными, были смяты; казаки имѣли ту же участь; въ числѣ убитыхъ находился полковникъ Лейхтенбергскаго полка Войниловичъ, а въ числѣ раненыхъ командиръ полка генералъ-маіоръ Халецкій; всѣ наши четыре полка въ безпорядкѣ кинулись къ Чоргунскому ущелью. Англичане преслѣдовали ихъ, но, будучи встрѣчены огнемъ нашихъ батарей, обратились назадъ съ большою потерею ([18]).

Въ это самое время (въ 10 часовъ утра) прибылъ на поле сраженія генералъ Жабокритскій; войска его расположились на Ѳедюхиныхъ высотахъ.

Въ продолженіи боя англійскихъ драгунъ, лордъ Кардиганъ, съ ввѣренною ему легкою бригадою, оставался на мѣстѣ и не принялъ никакого участія въ атакѣ Скерлета. Лордъ Кардиганъ, 57-ми лѣтъ отъ рода, подобно своему товарищу, также не служилъ ни въ одной кампаніи. Храбрый воинъ, кавалеристъ въ душѣ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ весьма упрямъ и считалъ себя обиженнымъ по службѣ, поступивъ подъ начальство лорда Лукана, что̀, при посредственныхъ его способностяхъ, могло имѣть—и дѣйстви-

тельно имѣло—пагубныя послѣдствія (19). Капитанъ Моррисъ, командиръ 17-го уланскаго полка, предлагалъ генералу Кардигану поддержать атаку драгунъ, либо, по-крайней-мѣрѣ, позволить его полку принять участіе въ дѣлѣ; но Кардиганъ отказалъ въ томъ на-отрѣзъ (20).

Удачная атака генерала Скерлета подала лорду Раглану мысль — воспользоваться этимъ частнымъ успѣхомъ и отобрать орудія, захваченныя русскими войсками въ редутахъ, и какъ 1-я и 4-я англійскія дивизіи, двигавшіяся въ помощь Колинъ-Кемпбелю, были еще далеко, то Рагланъ рѣшился атаковать нашу позицію кавалеріей. Съ этою цѣлью онъ послалъ Лукану слѣдующее приказаніе: „кавалерія должна идти впередъ и воспользоваться всякимъ случаемъ для овладѣнія высотами. Она будетъ поддержана пѣхотою, которая получила приказаніе наступать двумя колоннами“ (21). Вмѣсто исполненія приказанія—идти впередъ—лордъ Луканъ ограничился тѣмъ, что приказалъ сѣсть верхомъ всей своей кавалеріи, перевелъ легкую бригаду влѣво на небольшое разстояніе, а драгунъ оставилъ на мѣстѣ, въ ожиданіи пѣхоты, которая—по словамъ его—„тогда еще не прибыла“. Вмѣсто кавалерійской атаки, поддержанной пѣхотою, онъ понялъ предписаніе главнокомандующаго въ такомъ смыслѣ, будто бы надлежало выждать наступленіе пѣхоты и поддерживать его кавалеріей. Такимъ образомъ былъ упущенъ наиболѣе благопріятный моментъ для атаки. Между тѣмъ лордъ Рагланъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ исполненія даннаго имъ предписанія; но время проходило, кавалерія Лукана не трогалась съ мѣста, а Русскіе стали увозить захваченные ими въ редутахъ орудія. Желая побудить начальника своей кавалеріи къ большей дѣятельности, Рагланъ счелъ нужнымъ послать ему болѣе опре-

дѣлительное приказаніе. Подъ его диктовку начальникъ штаба англійской арміи, генералъ Эйри (Airey), написалъ слѣдующую инструкцію: „лордъ Рагланъ желаетъ, чтобы кавалерія двинулась быстро впередъ вслѣдъ за непріятелемъ и не позволила ему увезти орудія. Конная артиллерія можетъ сопровождать ее. Французская кавалерія у васъ на лѣвомъ флангѣ. Немедленно“ ([22]). Главнокомандующій, подозвавъ къ себѣ адъютанта начальника штаба, капитана Нолана, поручилъ ему передать отданное приказаніе генералу Лукану ([23]).

Войска наши были расположены въ это время такъ, что отрядъ Жабокритскаго занималъ Ѳедюхины высоты, а отрядъ Липранди—рядъ холмовъ отъ редута № 3-го до сел. Комары; въ долинѣ между отрядами находилась кавалерія Рыжова; но какъ она отступила на довольно значительное разстояніе, то для непосредственной связи между отрядами служили только Сводный уланскій полкъ Еропкина, стоявшій близъ Симферопольской дороги, и донская батарея № 3-го, расположенная влѣво отъ Ѳедюхиныхъ высотъ ([24]).

Капитанъ Ноланъ, спустившись во весь карьеръ съ высоты, на которой стоялъ англійскій главнокомандующій со всѣмъ своимъ штабомъ, прискакалъ къ лорду Лукану и вручилъ ему записку начальника штаба. Луканъ, не понявъ намѣренія Раглана—устремить кавалерію на редуты, взятые Русскими, послѣдовательно, начиная съ № 3-го, предпринялъ движеніе въ долину, на пространствѣ—между отрядами генераловъ Липранди и Жабокритскаго, и, подъѣхавъ къ лорду Кардигану, сообщилъ ему полученное приказаніе. (Впослѣдствіи, когда эта атака повела къ истребленію англійской легкой бригады, Луканъ увѣрялъ, что онъ приказалъ ей только „подвинуться впередъ“, а Кардиганъ объявилъ, что ему было опре-

дѣлительно приказано: „атаковать въ долинѣ русскую кавалерію, стоявшую въ разстояніи мили (около полуторы версты), 13-мъ легкимъ драгунскимъ и 17-мъ уланскимъ полками“. Въ отвѣтъ лорду Лукану, Кардиганъ замѣтилъ, что: „Русскіе имѣли батарею въ долинѣ, противъ фронта англійской кавалеріи, а другія батареи и стрѣлковъ на обоихъ флангахъ“.— „Знаю, но намъ ничего не остается, какъ исполнить волю главнокомандующаго“—отвѣчалъ Луканъ. И, затѣмъ, лордъ Кардиганъ, сказавъ: „мы пойдемъ!“ двинулся впередъ съ легкою бригадою. Полки 13-й легкій драгунскій и 17-й уланскій находились въ первой линіи; 11-й гусарскій—во второй; 4-й легкій драгунскій и 8-й гусарскій—въ третьей. Драгунская бригада, при которой остался самъ лордъ Луканъ, должна была поддерживать атаку легкой бригады. Едва лишь англійская кавалерія тронулась съ мѣста, какъ передъ фронтомъ первой линіи слѣва на право проскакалъ всадникъ по направленію къ высотѣ редута № 3-го, поднявъ руки и какъ будто бы указывая пунктъ, на который надлежало вести атаку. Это былъ Ноланъ, пораженный вслѣдъ затѣмъ смертельно осколкомъ гранаты ([25]).

Какъ только съ нашей стороны было усмотрѣно наступленіе непріятельской кавалеріи, то Одесскій егерскій полкъ отошелъ къ высотѣ № 2-го и построился въ кареи, между тѣмъ, какъ штуцерные полка и рота 4-го стрѣлковаго баталіона открыли огонь вмѣстѣ съ перекрестною канонадою батарей: донской № 3-го, легкой № 7-го и батарейной № 1-го. (Послѣдняя находилась въ отрядѣ генерала Жабокритскаго). Но англійская кавалерія, не обращая вниманія на мѣткую пальбу, вырывавшую ряды изъ фронта, ускорила аллюръ, наскакала на донскую батарею, изрубила прислугу при орудіяхъ и кинулась въ слѣдъ за гусарами Рыжова, которые хотя

тогда уже успѣли устроиться, однако же получили приказанiе отступать, чтобы заманить непрiятеля подъ перекрестные выстрѣлы нашихъ батарей. Англичане преслѣдовали ихъ къ Чоргунскому мосту. Но, при этой атакѣ, передовые эскадроны легкой бригады совершенно разстроились и не были по надлежащему поддержаны прочими, а драгунская бригада отошла назадъ на прежнюю свою позицiю. Несмотря на то, англiйская кавалерiя, увлеченная первоначальнымъ успѣхомъ, продолжала нестись въ карьеръ за нашими гусарами, которые, смѣшавшись въ толпу, кинулись на мостъ; состоявшая при нихъ конно-легкая № 12-го батарея и передки временно захваченной непрiятелемъ донской батареи съ трудомъ проложили себѣ путь на другую сторону рѣчки (26).

Уже непрiятельская кавалерiя была въ виду моста, когда съ нашей стороны былъ приготовленъ ей окончательный ударъ. Генералъ Липранди, предвидя, что Англичане, зарвавшись слишкомъ далеко впередъ, будутъ принуждены прокладывать себѣ обратный путь оружiемъ, приказалъ полковнику Еропкину, стоявшему съ шестью эскадронами Своднаго уланскаго полка близъ редутовъ №№ 2-го и 3-го, атаковать непрiятеля. Немедленно уланы пошли на большихъ рысяхъ вдоль нашей пѣхоты. Какъ Сводные уланы были на разномастныхъ лошадяхъ, (а наши кавалерiйскiе полки имѣли лошадей одной масти), то одинъ изъ Одесскихъ баталiоновъ, стоявшихъ въ каре, открылъ батальный огонь по своимъ уланамъ. Къ счастью, баталiонный командиръ вскорѣ замѣтилъ свою ошибку и прекратилъ пальбу. Дойдя до дороги, ведущей къ Трактирному мосту, уланы развернулись изъ колоннъ въ линiю. Въ это время англiйская легкая кавалерiя, истерзанная, но не разстроенная, послѣ своей отчаянной атаки, возвраща-

лась на рысяхъ, въ совершенномъ порядкѣ. Какъ только Англичане поравнялись съ нашими уланами, то 1-й эскадронъ Своднаго полка ударилъ во флангъ непріятелю и врѣзался въ отступавшую колонну; за нимъ пошли въ атаку прочіе эскадроны. Тогда же наша пѣхота и артиллерія открыли огонь, отъ котораго понесла сильный уронъ непріятельская кавалерія, причемъ досталось и нашей. Самъ Еропкинъ, окруженный тремя Англичанами, убилъ одного и свалилъ съ коня другаго. Наши уланы преслѣдовали остатки легкой бригады почти до 4-го редута, усѣявъ поле битвы трупами. Атака Кардигана продолжалась всего-на-все 20 минутъ, въ продолженіи коихъ изъ 700 человѣкъ англійской бригады—убито и ранено до 300 ([27]). Быть можетъ, уронъ, понесенный непріятелемъ, былъ бы еще болѣе, если бы начальникъ французской кавалеріи, генералъ Моррисъ, не послалъ на выручку англійской бригады генерала д'Алонвиля съ 4-мъ полкомъ Африканскихъ конныхъ егерей, пріобрѣвшимъ громкую извѣстность въ Алжиріи, при атакѣ смалы (лагеря) Абдель-Кадера и въ битвѣ при Исли. Атака была поведена двумя эшелонами, по два эскадрона въ каждомъ: первый эшелонъ, подъ начальствомъ дивизіонера Абделаля, долженъ былъ атаковать стоящую на Ѳедюхиныхъ горахъ батарейную батарею отряда Жабокритскаго, а другой, подъ личною командою д'Алонвиля—ударить на два батальона, прикрывавшіе артиллерію. Тогда же были направлены дивизія Каткарта и бригада Эспинàсса противъ отряда Жабокритскаго, а дивизія герцога Кембриджскаго противъ войскъ Липранди, занимавшихъ редуты ([28]).

Первые два эскадрона конныхъ егерей д'Алонвиля прорвались чрезъ стрѣлковую цѣпь, прикрывавшую войска Жабокритскаго, обскакали слѣва батарейную

батарею и стали рубить прислугу. Другіе два эскадрона, слѣдовавшіе уступомъ за лѣвымъ флангомъ передоваго дивизіона, кинулись на прикрытіе; но генералъ Жабокритскій успѣлъ построить въ кучки два Владимірскіе баталіона и встрѣтилъ конныхъ егерей сильнымъ огнемъ. Французы были принуждены податься назадъ и, будучи поражаемы мѣткими выстрѣлами пластуновъ и стрѣлковъ, отошли къ Сапунъ-горѣ. Впрочемъ, атака ихъ, хотя и не удалась вполнѣ, однако же достигла своей главной цѣли, ослабивъ канонаду отряда Жабокритскаго, направленную на отступавшую бригаду Кардигана. Что же касается до предположеннаго наступленія Союзной пѣхоты, то оно было отмѣнено съ общаго согласія Канробера и Раглана ([29]). Дальнѣйшій бой ограничился перестрѣлкою дивизіи Каткарта, занявшей редутъ № 4-го, съ ближайшими къ ней Одесскими баталіонами. Канонада прекратилась въ 4 часа по-полудни. Союзные главнокомандующіе рѣшились оставить въ нашихъ рукахъ взятыя нами укрѣпленія и трофеи и отказаться отъ обороны внѣшней линіи редутовъ, сосредоточивъ войска Колинъ-Кемпбеля у Балаклавы и усиливъ прикрывавшую этотъ городъ внутреннюю линію ([30]), Съ нашей стороны, генералъ Липранди, довольствуясь одержанными успѣхами, расположилъ свои войска на занятой имъ позиціи слѣдующимъ образомъ: одинъ баталіонъ Днѣпровскаго полка — въ селеніи Комары; Азовскій пѣхотный полкъ и одинъ Днѣпровскій баталіонъ—въ редутѣ № 1-го; по одному баталіону Украинскаго полка—въ редутахъ №№ 2-го и 3-го; Одесскій полкъ, два баталіона Днѣпровскаго и одинъ Украинскаго полковъ—вблизи редута № 3-го. Одинъ Украинскій баталіонъ сталъ въ резервѣ, у моста на Черной рѣчкѣ. Отрядъ Жабокритскаго занималъ Ѳедюхины горы. Кавалерія, по преж-

нему, осталась въ долинѣ, за правымъ флангомъ отряда Липранди (31).

Уронъ нашихъ войскъ въ дѣлѣ при Балаклавѣ состоялъ изъ 6-ти офицеровъ и 232-хъ нижнихъ чиновъ убитыми и 1-го генерала, 19-ти офицеровъ и 292-хъ нижнихъ чиновъ ранеными и контуженными, вообще же простирался до 550-ти человѣкъ (32). Союзники показали свою потерю въ 598 человѣкъ, именно: Французовъ 38, Англичанъ 300 и Турокъ 260. Но въ дѣйствительности она была гораздо болѣе: при взятіи редутовъ убито 170 Турокъ; атака легкой бригады Кардигана стоила Англичанамъ одними убитыми трехъ сотъ человѣкъ; въ плѣнъ взято 60 человѣкъ, въ числѣ коихъ одинъ штабъ-офицеръ и 2 оберъ-офицера: одинъ Англичанинъ и другой прикомандированный къ штабу лорда Раглана, сардинской службы поручикъ Ландріани, раненый картечью въ ногу. Трофеи наши состояли изъ знамени, отбитаго при взятіи редута № 1-го, 11-ти орудій и 60-ти патронныхъ ящиковъ; кромѣ того, захвачены турецкій лагерь и шанцевой инструментъ (33).

Въ тактическомъ отношеніи, дѣло при Балаклавѣ было для насъ весьма выгодно: непріятель понесъ значительный уронъ и былъ принужденъ стѣснить свой кругъ дѣйствій и ограничиться непосредственнымъ прикрытіемъ Балаклавы. Еще важнѣе были выгоды, доставленныя намъ этимъ дѣломъ въ отношеніи нравственномъ. Защитники Севастополя еще болѣе убѣдились въ возможности бороться съ сильнымъ противникомъ, послѣ успѣха, одержаннаго нашими войсками въ полѣ, и, напротивъ того, Союзники стали сомнѣваться въ успѣхѣ осады. Атакѣ легкой англійской бригады отдавали справедливость, и свои, и наши, какъ блистательному подвигу самоотверженія, но всѣ осуждали начальниковъ войскъ, подвергнув-

шихъ явной гибели значительную часть кавалеріи. Генералъ Боскè, смотря на эту атаку, сказалъ: „C'est magnifique, mais ce n'est pas la guerre". (Это славно, но такъ нельзя воевать). ([34]). Лордъ Рагланъ, встрѣтивъ Кардигана послѣ атаки, выразилъ ему свое неудовольствіе, спросивъ: „какъ могли вы атаковать батарею съ фронта, противно всѣмъ военнымъ правиламъ?" Затѣмъ, увидя Лукана, сказалъ: „вы погубили легкую бригаду." ([35]). Общественное мнѣніе, столь могущественное въ Англіи, возстало съ такою силою противъ обоихъ кавалерійскихъ генераловъ, что Луканъ счелъ нужнымъ просить о наряженіи коммиссіи для изслѣдованія его дѣйствій въ сраженіи при Балаклавѣ, а Кардиганъ завелъ тяжбу съ подполковникомъ Кальторпомъ, который въ сочиненіи своемъ „Letters from Headquarters" (письма изъ главной квартиры), утверждалъ, будтобы Кардиганъ, направя свою легкую бригаду на русскія батареи, ушелъ съ поля сраженія, прежде нежели его кавалерія доскакала до нашихъ орудій ([36]).

Что же касается до значенія дѣла при Балаклавѣ въ отношеніи хода войны вообще, то, несмотря на выгоды, доставленныя намъ успѣшнымъ наступленіемъ нашего отряда, по всей вѣроятности, мы достигли бы несравненно важнѣйшихъ результатовъ, еслибы, выждавъ прибытіе 10-й и 11-й дивизій, атаковали значительными силами у Балаклавы Англичанъ, неожидавшихъ нападенія и не успѣвшихъ усилить позицію впереди этого города. Овладѣніе Балаклавою—базою англійскихъ войскъ—поставило бы ихъ въ трудное, почти безвыходное положеніе. Напротивъ того, дѣло 13-го (25-го) октября указало Союзникамъ слабѣйшій пунктъ ихъ расположенія и заставило ихъ принять мѣры для отраженія грозившаго имъ удара.

ГЛАВА XXIV.

Сраженіе при Инкерманѣ.

(24-го октября (5-го ноября) 1854 г.).

Послѣ дѣла при Балаклавѣ, непріятель, принужденный обратить вниманіе на охраненіе своей позиціи съ тыла, хотя и продолжалъ бомбардированіе Севастополя, однакоже слабѣе прежняго (1). Генералъ Канроберъ, опасаясь, чтобы Англичане не были вытѣснены изъ Балаклавы, приказалъ, чтобы 1-я французская дивизія постоянно находилась въ готовности двинуться, куда потребуется; въ то же время генералъ Боскè получилъ предписаніе примкнуть правый флангъ своего обсерваціоннаго корпуса къ лѣвому флангу англійской арміи и противодѣйствовать нападеніямъ, коихъ можно было ожидать со стороны рѣчки Черной и изъ Балаклавской долины (2).

Оборонительныя распоряженія Союзниковъ были временно прерваны сильною вылазкою изъ Севастополя на Сапунъ-гору, имѣвшею цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля отъ Чоргунскаго отряда, и вмѣстѣ съ тѣмъ развѣдать о расположеніи Союзныхъ войскъ. Съ этою цѣлью, утромъ 14-го (26-го) октября, составленъ отрядъ изъ шести баталіоновъ Бутырскаго и

Бородинскаго полковъ, съ 4-мя легкими орудіями № 5-го батареи 17-й бригады, подъ начальствомъ командира Бутырскаго полка, полковника Федорова. Въ 1-мъ часу по-полудни, Федоровъ, перейдя съ своимъ отрядомъ Киленъ-балку, выслалъ впередъ цѣпь штуцерныхъ, подкрѣпилъ ихъ однимъ баталіономъ въ ротныхъ колоннахъ и, построивъ прочую пѣхоту по-баталіонно въ колонны къ атакѣ, быстро направился противъ англійской дивизіи Леси-Эвенса. Движеніе нашего отряда, прикрытое рядомъ высотъ, было исполнено незамѣтно отъ Англичанъ, которые, завидя наши войска тогда уже, когда они приблизились къ ихъ позиціи, стали нà-скоро стягивать свои силы вправо къ почтовой дорогѣ, куда собрались 11 баталіоновъ съ 18-ю орудіями ([3]). Боскè, съ своей стороны, двинулся самъ съ 5-ю баталіонами въ помощь Англичанамъ. Но, несмотря на многочисленность непріятельскихъ войскъ, русскій отрядъ, пройдя по мѣстности, изрѣзанной глубокими оврагами и покрытой густымъ кустарникомъ, подъ перекрестнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, атаковалъ одно изъ англійскихъ укрѣпленій. Прапорщикъ Кудрявцевъ, съ нѣсколькими солдатами Бутырскаго полка, вступилъ въ рукопашный бой и былъ заколотъ, а полковникъ Федоровъ тяжело раненъ. Войска наши остановились и завязали съ непріятелемъ перестрѣлку. Принявшій начальство надъ отрядомъ, командиръ Бородинскаго полка, полковникъ Веревкинъ-Шелюта 2-й, видя превосходство непріятеля въ силахъ, отвелъ войска назадъ къ Саперной дорогѣ, и далѣе, въ Корабельную, подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ своего полка и трехъ пароходовъ, подошедшихъ къ берегу и стрѣлявшихъ навѣсными выстрѣлами. Уронъ нашъ вообще состоялъ изъ 270-ти человѣкъ, въ числѣ коихъ было 25 офицеровъ. Англи-

чане, по ихъ показанію, потеряли 80 человѣкъ, но въ дѣйствительности гораздо болѣе; въ тотъ же день, на одной изъ французскихъ батарей произведенъ взрывъ (4).

Въ продолженіи времени съ 13-го по 20-е октября (съ 25-го октября по 1-е ноября), хотя бомбардированіе Севастополя было весьма сильно, въ особенности противъ 3-го и 4-го бастіоновъ, однакоже наша потеря значительно уменьшилась. Въ эти 7 дней у насъ выбыло изъ строя убитыми 150 и ранеными 870 человѣкъ, (не считая урона при вылазкѣ полковника Федорова). Въ числѣ тяжело-раненыхъ былъ одинъ изъ отличнѣйшихъ инженерныхъ офицеровъ капитанъ Фолькмутъ, которому ядро оторвало руку. Ежедневный расходъ зарядовъ у насъ простирался отъ 6-ти до 8-ми тысячъ. Полковникъ Тотлебенъ, замѣтивъ, что Французы устроивали новыя батареи на капитали 4-го бастіона и у вершины Городскаго оврага, для противодѣйствія имъ, соорудилъ нѣсколько новыхъ батарей и увеличилъ батареи Никонова и Смагина, противъ Зеленой горы. Всего въ это время было направлено на новыя французскія батареи, кромѣ мортиръ, 71 орудіе (5). Со стороны Французовъ было поставлено на новыхъ батареяхъ 33 длинныхъ орудія и 12 мортиръ, которыя, вмѣстѣ съ прежними 30-ю орудіями, открыли, 20-го октября (1-го ноября), сосредоточенный огонь по 4-му бастіону и по ближайшимъ къ нему батареямъ. Къ вечеру бастіонъ былъ сильно поврежденъ и батарея Костомарова почти уничтожена. Въ тотъ же день, Союзные генералы, на военномъ совѣтѣ, рѣшили штурмовать Севастополь 6-го (18-го) ноября. Французы тогда уже подошли траншеями ближе ста саженъ къ 4-му бастіону; Англичане же довели свои

работы на разстояніе около версты отъ 3-го и Корнилова бастіоновъ (6).

Князь Меншиковъ, между тѣмъ, усилилъ, 22-го октября (3-го ноября), гарнизонъ Севастополя войсками вновь прибывшей 10-й пѣхотной дивизіи; 11-я же дивизія была направлена къ Инкерману. Главная квартира арміи была перенесена 18-го (30-го) октября въ Чоргунъ, откуда, 22-го (3-го ноября), перешла къ Инкерману. Прибытіе 10-й и 11-й дивизій усилило войска, стоявшія въ Севастополѣ и окрестныхъ мѣстахъ, до 90 тысячъ человѣкъ. (По другимъ свѣдѣніямъ, до 100 тысячъ, не считая флотскихъ экипажей). Гарнизонъ Южной стороны находился въ составѣ 52½ баталіоновъ, числомъ до 32-хъ тыс. человѣкъ, съ 28-ю полевыми орудіями. На 2-мъ отдѣленіи, наиболѣе подверженномъ опасности непріятельскаго нападенія, состояло только 5 баталіоновъ, 2 стрѣлковыя роты и штуцерные трехъ полковъ, всего въ числѣ до 4-хъ тысячъ человѣкъ (7), изъ коихъ, на 4-мъ бастіонѣ—4-й баталіонъ Волынскаго полка и двѣ роты 6-го стрѣлковаго баталіона, всего 800 человѣкъ. Такой гарнизонъ очевидно не могъ, въ случаѣ штурма, отразить напоръ значительныхъ силъ, но увеличить его не было никакой возможности, по неимѣнію на бастіонѣ обширныхъ закрытій отъ непріятельскаго огня (8).

Предположеніе Союзниковъ — штурмовать 4-й бастіонъ—не осталось въ секретѣ: князь Меншиковъ, получа о томъ свѣдѣніе отъ дезертировъ, приказалъ всевозможно усилить оборону Севастополя. Съ этою цѣлью, въ ночь на 21-е октября (2-е ноября), были приняты дѣятельныя мѣры для внутренней обороны города, чтобы, въ случаѣ потери 4-го бастіона, обезпечить отступленіе его защитниковъ и способствовать дѣйствіямъ главнаго резерва. Всѣ

ИЗЪЯСНЕНІЕ

къ плану сраженія при Инкерманѣ.

Русскія Войска.

а. а. Томскій полкъ.
б. б. Колыванскій.
в. в. Охотскій.
г. г. Якутскій.
д. д. Селенгинскій.
е. е. Бородинскій.
з. з. Тарутинскій.
і. і. {Владимірскій, Суздальскій.
к. к. {Бутырскій. Углицкій.
л. л. Войска кн. Горчакова 2-го.
м. м. Екатеринбургскій полкъ.

Англійскія войска.

p. p. Дивизія Леси-Эвенса.
r. r. Бригада Кодрингтона.
s. s. » Буллера.
t. t. » Джона Кемпбеля.
u. u. » Гольди.
v. v. » Торренса.
w. w. » Бентинка.

Французскія войска.

x. x. Отрядъ Бурбаки.
y. » д'Отмара.
z. Бригада Моне.

ближайшія зданія были приспособлены къ ружейной оборонѣ; въ католической церкви поставлены 4 карронады, для обстрѣливанія доступовъ отъ 4-го бастіона и Городскаго оврага, а въ домѣ Стерлинга, на углу Морской улицы—2 карронады, для обстрѣливанія Театральной площади; устроены баррикады, вооруженныя небольшими карронадами, и проч. Главнымъ опорнымъ пунктомъ внутренней оборонительной линіи должна была служить батарея Скарятина, вооруженная шестью 24-хъ-фунтовыми карронадами. Защита второй (внутренней) оборонительной линіи была поручена генералъ-маіору Баумгартену, съ 14-ю баталіонами и 12-ю полевыми орудіями (9) главнаго резерва Городской стороны, въ числѣ до 9-ти тыс. человѣкъ, которые, въ случаѣ надобности, могли быть подкрѣплены 4-мя баталіонами Минскаго полка, въ числѣ до 2,500 человѣкъ. Слѣдовательно — мы могли постепенно ввести на высоту 4-го бастіона, для обороны 2-го отдѣленія, 23½ баталіона, въ числѣ до 15-ти тысячъ человѣкъ. На 1-мъ отдѣленіи Городской стороны находились 8 баталіоновъ, въ числѣ до 5-ти тысячъ человѣкъ, съ 8-ю полевыми орудіями. На Корабельной сторонѣ 21 баталіонъ, въ числѣ 12-ти тысячъ человѣкъ, и 8 полевыхъ орудій (10). Кромѣ того, находились: на Городской сторонѣ 1-я и 4-я, а на Корабельной—2-я и 3-я роты 6-го саперного баталіона. Затѣмъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ князя Меншикова, на рѣчкѣ Черной, оставалось болѣе 50-ти тысячъ человѣкъ.

Союзная армія, вообще въ числѣ 70-ти тысячъ человѣкъ (11), была раздѣлена въ это время на двѣ части: осадный и обсерваціонной корпусы. Правое крыло позиціи осаднаго корпуса, отъ крутыхъ обрывовъ Сапунъ-горы до Сарандинакиной балки, въ разстояніи около 4-хъ верстъ отъ Севастополя, зани-

мали 28 англійскихъ баталіоновъ, силою 16,447 человѣкъ; а лѣвое крыло — отъ Сарандинакиной балки до Камышевой бухты, въ разстояніи отъ $3^1/_2$ до $2^1/_2$ верстъ отъ Севастополя—32 французскихъ баталіона, въ 18,568 человѣкъ; всего же въ осадномъ корпусѣ было 60 баталіоновъ, силою 35 тысячъ человѣкъ ([12]). Войска обсерваціоннаго корпуса частью были расположены отъ англійскаго редута Канробера до селенія Кадикіой, подъ начальствомъ Боскè, въ составѣ 24-хъ французскихъ баталіоновъ, числомъ 17,500 человѣкъ, и 8-ми турецкихъ, въ 4,907 человѣкъ; позади пѣхоты обсерваціоннаго корпуса и позади бригады Бентинка, у вершины Лабораторной балки, стояла кавалерія: 12 французскихъ и 20 англійскихъ эскадроновъ, силою 3,942 человѣка; въ укрѣпленіяхъ, устроенныхъ впереди Балаклавы, находилась бригада Колинъ-Кемпбеля, въ составѣ 3-хъ баталіоновъ, до 2-хъ тысячъ человѣкъ; всего же въ обсерваціонномъ корпусѣ было 35 баталіоновъ и 32 эскадрона, силою въ 28,400 человѣкъ ([13]). Изъ этого исчисленія войскъ Союзной арміи очевидно, что, не смотря на оффиціальное показаніе ихъ силы въ 70 тысячъ, едва ли въ то время въ нихъ было болѣе 63-хъ тысячъ человѣкъ. Со стороны Наполеона III были приняты мѣры для значительнаго усиленія французской арміи въ Крыму: рѣшено послать туда еще три дивизіи, прибытіе коихъ могло уравновѣсить силы обѣихъ сторонъ. Князь Меншиковъ зналъ о томъ и весьма основательно предпринялъ атаковать Союзниковъ до прибытія ожидаемыхъ ими подкрѣпленій.

Несмотря однакоже на наше превосходство въ числѣ войскъ, мѣстность, занятая непріятелемъ, представляя намъ значительныя затрудненія, какъ-бы уравновѣшивала силы обѣихъ сторонъ. Высоты

между Черною рѣчкою и Киленъ-балкою образуютъ плато, наибольшая ширина коего не превосходитъ 350-ти саженъ. Между верховьемъ Киленъ-балки и обрывами Сапунъ-горы находится превосходная позиція, длиною до 500 саженъ, прикрытая со стороны Севастополя двумя оврагами: влѣво лежащій впадаетъ въ Киленъ-балку, а вправо—*Каменоломный* идетъ по направленію къ Черной рѣчкѣ. Такимъ образомъ узкій промежутокъ между вершинами этихъ овраговъ составляетъ единственную удободоступную часть позиціи. Вообще все пространство отъ Каменоломнаго оврага до балаклавской дороги, на протяженіи около 10-ти верстъ, почти недоступно по крутизнѣ скатовъ и глубинѣ обрывовъ Сапунъ-горы. Наступленіе противъ непріятеля, занимавшаго позиціи на Сапунъ-горѣ, было возможно только по немногимъ весьма труднымъ путямъ. На высоту сѣверовосточной части этого хребта, гдѣ находился правый флангъ англійской арміи вели отъ инкерманской плотины, пересѣкающей Черную рѣчку близъ Большаго рейда, двѣ дороги: одна, такъ называемая *Саперная*, поднимается по Георгіевской балкѣ, и спустясь въ Киленъ-балку, ведетъ чрезъ Каменный мостъ, въ Корабельную слободу, а другая отъ инкерманскаго моста, поворотивъ влѣво, поднимается вдоль каменоломни на Сапунъ-гору и выходитъ на *Воронцовскую* дорогу, которая, по Лабораторной балкѣ и черезъ Пересыпь, ведетъ въ Севастополь. Далѣе къ югу, можно было наступать противъ непріятеля по тремъ, также весьма неудобнымъ путямъ: 1) отъ брода на Черной рѣчкѣ, черезъ водопроводный каналъ, и далѣе, по чрезвычайно крутому скату Сапунъ-горы, къ Воронцовской дорогѣ; 2) Воронцовская дорога, двигаясь по которой, надлежало подняться на Сапунъ-гору и пройти между укрѣпленіями

циркумвалаціонной линіи; 3) дорога изъ Балаклавы, чрезъ Кадикіой, въ Севастополь; хотя здѣсь подъемъ и не крутъ, однако же, направясь по этому пути, приходилось двигаться между укрѣпленіями Сапунъ-горы и высотъ Балаклавы. Очевидно, что наступленіе по всѣмъ этимъ путямъ не представляло вѣрной надежды на успѣхъ, и хотя послѣднее направленіе казалось наименѣе затруднительнымъ и могло послужить къ отрѣзанію англійскихъ войскъ отъ базы ихъ дѣйствій—Балаклавы, однако же подвергало насъ, въ случаѣ неудачи, потерѣ собственныхъ сообщеній съ Бахчисараемъ. Оставалось вести атаку на правый флангъ Союзнаго осаднаго корпуса, весьма сильный мѣстностью, но занятый слабо англійскими войсками ([14]).

Не разъ уже генералы Канроберъ и Боске остерегали лорда Раглана, изъявляя опасенія за его правый флангъ; но англійскій главнокомандующій, подъ вліяніемъ дѣла при Кадикіой, обращалъ вниманіе исключительно на усиленіе балаклавскихъ укрѣпленій ([15]). Со стороны же Инкермана, стоявшая на флангѣ 2-я англійская дивизія Лесси-Эвенса была прикрыта съ фронта тремя укрѣпленіями весьма слабой профили, изъ которыхъ лишь одно Англичане успѣли вооружить двумя орудіями ([16]).

Наступательныя дѣйствія нашей арміи могли имѣть рѣшительные результаты только тогда, когда, одновременно съ нападеніемъ на правый флангъ осаднаго корпуса, мы атаковали бы непріятеля въ центрѣ, чтобы прорвать его линію, и на лѣвомъ флангѣ, чтобы не позволить стоявшимъ тамъ войскамъ подкрѣплять прочіе пункты расположенія Союзной арміи. Съ этою цѣлью, на основаніи диспозиціи, отданной княземъ Меншиковымъ, 23-го октября (4-го ноября), наканунѣ предположеннаго нападенія, было предписано: 1)

дѣйствующему отряду въ Севастополѣ, изъ 29-ти баталіоновъ и одной казачьей сотни, при 38-ми орудіяхъ ([17]), въ числѣ около 19-ти тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Соймонова, начать наступленіе отъ Киленъ-балки въ 6 часовъ утра; 2) отряду съ Инкерманской горы, изъ 20½ баталіоновъ съ 96-ю орудіями ([18]), въ числѣ до 16-ти тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Павлова, въ 6-же часовъ утра, возстановить Инкерманскій мостъ и быстро слѣдовать на соединеніе съ отрядомъ Соймонова. При отрядѣ Павлова находиться командиру 4-го пѣхотнаго корпуса, генералу-отъ-инфантеріи Данненбергу, которому, по соединеніи обоихъ отрядовъ, принять надъ ними начальство. 3) Войскамъ Чоргунскаго отряда, изъ 16-ти баталіоновъ, 52-хъ эскадроновъ и 10-ти сотенъ, съ 88-ю орудіями ([19]), въ числѣ 20-ти тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи князя Горчакова (*), содѣйствовать общему наступленію, отвлекая собою силы непріятеля и стараясь овладѣть однимъ изъ подъемовъ на Сапунъ-гору. Гарнизону Севастополя, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Моллера, слѣдить за ходомъ наступленія, прикрывая своими батареями правый флангъ наступающихъ войскъ и, въ случаѣ замѣшательства на непріятельскихъ батареяхъ, захватить ихъ. (На этотъ случай, генералъ Моллеръ предписалъ Минскому и Тобольскому полкамъ съ 12-ю легкими орудіями, въ числѣ 5-ти тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Тимофѣева, быть въ полной готовности сдѣлать вылазку изъ 6-го бастіона) ([20]).

Кромѣ того, для обезпеченія отъ непріятеля бахчи-

(*) Петра Дмитріевича.

сарайской дороги, былъ оставленъ на Мекензіевой горѣ отрядъ изъ 6-ти баталіоновъ съ 36-ю орудіями, силою до 4-хъ тысячъ человѣкъ ([21]).

Собственно же для наступательныхъ дѣйствій было назначено до 60-ти тысячъ человѣкъ съ 234-мя орудіями. Главная атака была поручена генералу Данненбергу; подъ его непосредственнымъ начальствомъ командовали войсками генералы Павловъ и Соймоновъ, а прочими отрядами—князь П. Д. Горчаковъ и Тимофѣевъ.

Генералъ Данненбергъ, участвовавшій съ отличіемъ въ войнахъ 1812—15 годовъ и въ послѣдующихъ походахъ, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и ученѣйшихъ нашихъ военныхъ людей. Соединяя въ себѣ боевую опытность съ основательнымъ изученіемъ теоріи военнаго дѣла, онъ, казалось, обладалъ всѣми качествами, необходимыми для занятія высшихъ должностей въ арміи. Но уже кампанія на Дунаѣ 1853 года показала, что Данненбергъ, командуя отдѣльною частью войскъ, дѣйствовалъ нерѣшительно, и что неудача дѣла при Ольтеницѣ произошла не столько отъ стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, сколько отъ нерѣшимости и недостатка предусмотрительности начальника войскъ. Здѣсь, при Инкерманѣ, предстояла ему болѣе сложная и трудная задача, нежели при Ольтеницѣ. Замѣчательно, что князь Меншиковъ сперва предполагалъ атаковать Союзниковъ 23-го октября (4-го ноября), но отложилъ нападеніе до слѣдующаго дня, потому что полки, только лишь совершившіе продолжительный походъ, имѣли нужду въ отдыхѣ, частью же, какъ говорятъ, по просьбѣ Данненберга, не желавшаго вести войска въ дѣло въ годовщину Ольтеницкаго боя ([22]).

Генералъ-лейтенанты Павловъ и Соймоновъ оба

дѣйствовали съ отличіемъ въ предшествовавшую кампанію на Дунаѣ. Генералу-отъ-инфантеріи князю П. Д. Горчакову, какъ старшему въ чинѣ, было поручено начальство надъ отрядомъ Липранди.

Войска горѣли желаніемъ помѣряться съ непріятелемъ и были возбуждены появленіемъ въ средѣ ихъ Великихъ Князей, прибывшихъ раздѣлить съ ними опасности предстоявшей битвы ([23]). „Конечно, еслибъ значительный отрядъ войска подошелъ къ намъ на помощь, не произвелъ-бы онъ такого восторга, какой произвело прибытіе Великихъ Князей“ —говоритъ одинъ изъ участниковъ сраженія при Инкерманѣ ([24]).

Начальникамъ отрядовъ было предоставлено развить содержаніе общей диспозиціи въ частныхъ диспозиціяхъ и прислать ихъ на разсмотрѣніе въ главную и корпусную квартиры. Но еще до полученія ихъ генералъ Данненбергъ составилъ отъ себя подробную диспозицію, въ которой содержались слѣдующія распоряженія: отрядъ генералъ-лейтенанта Соймонова, выступивъ въ два часа по-полуночи отъ Графской пристани, направляется по возможности скрытно, по указанію генеральнаго штаба капитана Яковлева, къ мѣсту, гдѣ можно прикрыть переправу черезъ Черную рѣчку войскъ, для того назначенныхъ. Коль скоро 10-я пѣхотная дивизія прикроетъ переправу, то, по устроенному флотскимъ вѣдомствомъ мосту, войска генерала Павлова переходятъ черезъ Черную и слѣдуютъ по дорогѣ, вновь проложенной надъ бухтою (по Саперной дорогѣ), по указанію генеральнаго штаба штабсъ-капитана Черняева. Перевязочные пункты показаны: для войскъ, назначенныхъ перейти черезъ Черную рѣчку, не доходя моста, у фонтана, а для войскъ, вышедшихъ изъ Севастополя — въ Ушаковой балкѣ, или другомъ

удобномъ мѣстѣ, по распоряженію генералъ-лейтенанта Соймонова ([25]).

Такимъ образомъ отряды Соймонова и Павлова, согласно съ диспозиціей князя Меншикова, должны были оба направиться на тѣсное плато между Черною рѣчкою и Киленъ-балкою, и атаковать расположеннаго и укрѣпившагося тамъ непріятеля. По свидѣтельству исправлявшаго должность начальника штаба арміи, полковника Герсеванова, диспозиція генерала Данненберга не была одобрена главнокомандующимъ и не разослана, но въ запискахъ Алабина находимъ, что она была получена въ отрядѣ Павлова ([26]). Генералъ Данненбергъ счелъ нужнымъ измѣнить нѣкоторыя изъ предположеній главнокомандующаго. Вмѣсто движенія отряда Павлова въ совокупности по Саперной дорогѣ, войска его получили приказаніе наступать, по переходѣ черезъ Черную, по тремъ направленіямъ, именно: по Саперной и старой почтовой дорогамъ и въ промежуткѣ между обѣими дорогами. Отрядъ генерала Соймонова, вмѣсто наступленія въ совокупности съ отрядомъ генерала Павлова, долженъ былъ двинуться впередъ, по другую сторону Киленъ-балки. Хотя послѣднее распоряженіе и не было выражено положительно въ предписаніи, посланномъ изъ корпуснаго штаба Соймонову, однакоже въ этомъ предписаніи было, между прочимъ, сказано: „Полагаю также полезнымъ имѣть за правымъ флангомъ вашимъ главные резервы ввѣренныхъ вамъ войскъ, ибо лѣвый флангъ ихъ будетъ совершенно обезпеченъ оврагомъ Киленъ-балки и содѣйствіемъ войскъ, которыя переправятся чрезъ Черную рѣчку“. Отряду генерала Соймонова предписано начать дѣйствія часомъ ранѣе назначеннаго времени, т.-е. въ 5 часовъ, чтобы

менѣе подвергаться огню англійскихъ осадныхъ батарей въ началѣ движенія (27).

Нельзя не замѣтить, что, при составленіи первоначальной диспозиціи, въ штабѣ главнокомандующаго, было упущено изъ вида, что отрядъ Павлова, возстановляя мостъ у Инкермана одновременно съ движеніемъ Соймонова отъ Киленъ-балки, не могъ вмѣстѣ съ нимъ атаковать непріятеля, потому что находился въ разстояніи отъ него около 4-хъ верстъ и долженъ былъ двигаться по узкой, размытой дождями, Саперной дорогѣ. Еслибы Соймоновъ наступалъ, не переходя чрезъ Киленъ-балку, то атака его, хотя и преждевременная, облегчила бы наступленіе Павлова; но Соймоновъ перешелъ балку, *вопреки послѣднему предписанію Даненберга*, и смерть его оставила безъ разрѣшенія вопросъ: почему онъ не исполнилъ даннаго ему приказанія? Разгадкою явнаго нарушенія дисциплины такимъ отличнымъ генераломъ, каковъ былъ Соймоновъ, можетъ быть единственно несвоевременное полученіе предписанія, измѣнившаго прежній планъ дѣйствій. И дѣйствительно — это предписаніе было получено Соймоновымъ уже тогда, когда бо́льшая часть его отряда перешла черезъ Киленъ-балку, и когда обратный переходъ черезъ оврагъ подвергалъ его опасности быть атакованнымъ, не успѣвъ совершить обратнаго движенія.

Весь день наканунѣ сраженія шелъ сильный дождь, размягчившій глинистую почву окрестностей Севастополя; дороги были покрыты грязью. Непріятельскіе передовые посты, насквозь промокшіе, иззябшіе отъ холоднаго пронзительнаго вѣтра, не обращали должнаго вниманія на шумъ и скрипъ колесъ въ нашемъ лагерѣ. Съ двухъ часовъ ночи начались передвиженія русскихъ отрядовъ. Генералъ

Соймоновъ, рвавшійся въ бой, собралъ свои войска у 2-го бастіона. нѣсколько ранѣе назначеннаго времени; отрядъ его двинулся къ Киленъ-балкѣ, спустился въ оврагъ, перешелъ черезъ мостъ и съ помощью саперъ сталъ взбираться по крутому и вязкому подъему Саперной дороги. Въ 6-мъ часу утра войска Соймонова, сохраняя совершенную тишину, построились въ боевой порядокъ, въ разстояніи менѣе версты отъ лагеря 2-й англійской дивизіи Леси-Эвенса, состоявшей, за отсутствіемъ его, подъ начальствомъ генерала Пеннефазера. Въ боевыхъ линіяхъ расположились полки: Томскій на правомъ флангѣ, Колыванскій—на лѣвомъ; въ первой линіи стояли четыре баталіона въ ротныхъ колоннахъ, имѣя въ центрѣ 22 батарейныхъ орудія 10-й и 16-й бригадъ; во второй линіи—4 баталіона въ колоннахъ къ атакѣ; въ резервѣ остался Екатеринбургскій полкъ; въ стрѣлковой цѣпи были разсыпаны двѣ роты 6-го стрѣлковаго баталіона. Англичане, въ глубокомъ снѣ, вовсе не ожидали нападенія. Незадолго до появленія Русскихъ, отъ 5-ти до 7-ти часовъ, генералъ Кодрингтонъ объѣзжалъ передовые посты, что́ дѣлалъ онъ ежедневно на разсвѣтѣ. Одинъ изъ офицеровъ сказалъ ему, что Русскіе могутъ воспользоваться туманнымъ утромъ для нападенія на Союзниковъ, но Кодрингтонъ, повидимому, не обратилъ вниманія на это замѣчаніе, повернулъ лошадь и поѣхалъ чрезъ кусты въ лагерь. Въ эту самую минуту раздались ружейные выстрѣлы со стороны Киленъ-балки и прибѣжало нѣсколько часовыхъ, объявившихъ о наступленіи Русскихъ. Самъ Кодрингтонъ поскакалъ въ лагерь, гдѣ, между тѣмъ, поднялась чрезвычайная тревога. Никто не зналъ, откуда угрожала опасность; люди въ просонкахъ метались во всѣ стороны; но вскорѣ хладнокровіе и энергія начальниковъ возста-

новили порядокъ, Дивизія Леси-Эвенса съ 12-ю орудіями выстроилась на позиціи, правымъ флангомъ къ редуту № 1-го, а лѣвымъ—по направленію къ верховьямъ Киленъ-балки. Вслѣдъ затѣмъ, подоспѣла легкая дивизія Броуна: одна изъ ея бригадъ (Буллера) съ 6-ю орудіями стала за дивизіей Леси-Эвенса; а другая (Кодрингтона), также съ 6-ю орудіями, заняла лѣвый (западный) берегъ Киленъ-балки, примкнувъ лѣвымъ флангомъ къ Пяти-глазой батареѣ. Нѣсколько спустя, двинулись къ правому флангу еще бригады: Бентинка (1-ой дивизіи герцога Кембриджскаго), Джона Кемпбеля (3-й дивизіи Ингленда) и 4-я дивизія Каткарта. Бригада Эйра (3-й дивизіи) осталась для содержанія карауловъ въ траншеяхъ, а бригада Колинъ-Кемпбеля съ частью флотскихъ экипажей—въ укрѣпленіяхъ Балаклавы. Въ продолженіи часа, къ атакованному пункту собралось отъ 12-ти до 13-ти тысячъ человѣкъ англійскихъ войскъ ([28]). Съ нашей стороны дѣйствія затруднялись какъ мѣстными свойствами непріятельской позиціи, такъ и тѣми потерями, которыя терпѣли наступавшія войска отъ пальбы изъ нарѣзныхъ ружей англійской пѣхоты. Но, несмотря на то, два баталіона Томскаго и два баталіона Колыванскаго полковъ опрокинули бригаду Пеннефазера, овладѣли укрѣпленіемъ № 2-го, заклепали стоявшія тамъ два орудія и изрубили лафеты ([29]).

Генералъ Павловъ, съ своей стороны, выступивъ съ мѣста ночлега въ половинѣ третьяго часа по-полуночи, привелъ головныя войска ввѣреннаго ему отряда къ инкерманскому мосту, какъ назначено было въ диспозиціи, въ 5 часовъ утра, но не могъ тотчасъ идти далѣе, потому что моряки, строившіе мостъ, подъ командою лейтенанта Тверитинова, хотя и работали дружно, однакоже не успѣли возобно-

вить моста прежде семи часовъ, когда уже разсвѣтало. Едва лишь головная часть Охотскаго полка, построенная въ шести-рядную колонну, двинулась по узкой гати къ мосту, какъ раздалась канонада со стороны Севастополя: это была атака Соймонова. По переходѣ черезъ рѣчку, войска генерала Павлова слѣдовали по тремъ направленіямъ: Охотскій, Якутскій и Селенгинскій полки, со всею артиллеріей отряда, вправо, по Саперной дорогѣ; Бородинскій полкъ, въ центрѣ, по Воловьей балкѣ, а Тарутинскій, влѣво, по старой, почтовой бахчисарайской дорогѣ и по правому (южному) берегу Каменоломнаго оврага ([30]).

Между тѣмъ егеря 10-й дивизіи уже успѣли опрокинуть передовые англійскіе полки, бригадъ Пеннефазера и Буллера, а 1-й и 3-й баталіоны Екатеринбургскаго полка, перейдя верховья Киленъ-балки, кинулись на бригаду Кодрингтона, ударили на батарею, захватили 4 орудія и заклепали ихъ; но, будучи встрѣчены превосходными силами, были отброшены въ Киленъ-балку. Тогда же егерскіе полки 10-й дивизіи, разстроенные огнемъ англійскихъ стрѣлковъ, были принуждены остановиться. Въ нѣсколько минутъ выбыли изъ строя нѣсколько начальниковъ нашихъ войскъ. Здѣсь палъ смертельно раненый генералъ Соймоновъ, одушевлявшій свои полки личнымъ примѣромъ. Принявшій начальство надъ отрядомъ, генералъ-маіоръ Вильбоа также вскорѣ былъ раненъ; за нимъ—постепенно смѣнившіе его полковники Пустовойтовъ и Уважновъ-Александровъ были ранены — послѣдній смертельно. Убитъ командиръ 10-й артиллер. бригады, полковникъ Загоскинъ. Лишась своихъ полковыхъ командировъ и многихъ офицеровъ, егеря стали отступать, подъ прикрытіемъ Бутырскаго и Углицкаго полковъ съ 16-ю орудіями

17-й бригады, выдвинутыхъ на позицію генераломъ Жабокритскимъ. Владимірскій и Суздальскій полки расположились въ резервѣ за правымъ флангомъ. Подъ прикрытіемъ огня 38-ми орудій, наши разстроенные баталіоны, отойдя назадъ, стали внѣ выстрѣловъ непріятеля ([31]).

Въ это самое время, около 8-ми часовъ утра, головные баталіоны отряда Павлова стали взбираться на высоты, занятыя англійскими войсками. Два баталіона Тарутинскаго полка были встрѣчены мѣткимъ огнемъ стрѣлковъ бригады Адамса, но, несмотря на то и на крутизну подъема, Тарутинцы, цѣпляясь за камни и кусты, въ четверть часа достигли вершины плато, построились въ ротныя колонны и, подъ покровительствомъ канонады отряда Соймонова, ударили въ правый флангъ бригады Адамса. Другіе два Тарутинскіе баталіона и Бородинскій полкъ двинулись правѣе. Бригада Адамса подалась назадъ. Пользуясь тѣмъ, Тарутинцы пошли прямо на батарею № 1-го, гдѣ Англичане успѣли поставить два орудія (*). Непріятельскіе стрѣлки, подпустивъ нашихъ егерей шаговъ на 60, дали по нимъ залпъ, Множество людей повалилось, но прочіе, сомкнувъ ряды, кинулись на батарею и перекололи ея защитниковъ; въ числѣ павшихъ въ свалкѣ былъ прапорщикъ Соловьевъ, ворвавшійся первымъ въ англійское укрѣпленіе. Англичане, отойдя на небольшое разстояніе, открыли сильный огонь и нанесли нашимъ егерямъ значительный уронъ, что́ способствовало Адамсу перейти въ наступленіе и снова занять батарею. Тарутинскій и Бородинскій полки, на́-скоро устроившись, снова опрокинули бригаду Адамса; но

(*) По другимъ свѣдѣніямъ, редутъ № 1-го не былъ вооруженъ артиллеріей и Англичане обороняли его исключительно ружейнымъ огнемъ.

были встрѣчены шестью свѣжими баталіонами гвардейской бригады Бентинка; тогда же направилась, въ помощь Адамсу, послѣ отступленія егерей 10-й дивизіи, бригада Пеннефазера. Егеря 17-й дивизіи, уже разстроенные нѣсколько разъ повторенными атаками, отступили въ Каменоломный оврагъ и начали тамъ устроиваться, но потеря начальниковъ и огромная убыль въ рядахъ обоихъ полковъ заставили генерала Павлова отказаться отъ намѣренія снова ихъ ввести въ дѣло. Егеря 17-й дивизіи спустились въ Инкерманскую долину ([32]).

Отразивъ нападеніе передовыхъ полковъ 10-й и 17-й дивизій, Англичане подались впередъ. Гвардейская бригада Бентинка расположилась на выдавшемся впередъ правомъ флангѣ, у верховьевъ Каменоломнаго оврага; Кольдстримы заняли батарею № 1-го; бригады Адамса и Пеннефазера, сильно потерпѣвшія въ бою, стали въ центрѣ; бригада Буллера находилась на выдвинутомъ впередъ лѣвомъ флангѣ. Бригада Кодрингтона осталась на лѣвомъ берегу Киленъ-балки. Тридцать 9-ти-фунтовыхъ орудій, поставленныхъ на гребнѣ высотъ за оврагомъ Каменоломни, открыли огонь по нашимъ 38-ми орудіямъ, стоявшимъ на Казачьей горѣ. Обоюдная канонада и ружейная пальба смѣнили рукопашный бой, причемъ прислуга нашей артиллеріи понесла сильный уронъ, не столько отъ дѣйствія непріятельскихъ орудій, сколько отъ огня стрѣлковъ, вооруженныхъ штуцерами ([33]).

Рагланъ, прибывъ на поле сраженія еще въ семь часовъ, былъ свидѣтелемъ настойчивыхъ атакъ русскихъ войскъ, подъѣхалъ къ боевымъ линіямъ и видѣлъ наступленіе свѣжихъ колоннъ Данненберга со стороны Саперной дороги. Здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ англійскаго главнокомандующаго, пора-

женъ смертельно ядромъ генералъ Странгвейсъ, старый воинъ, командовавшій въ битвѣ подъ Лейпцигомъ 1813-го года ракетною батареей. Убѣдясь въ совершенномъ истощеніи 2-й англійской дивизіи, Рагланъ послалъ своихъ адъютантовъ съ приказаніями Каткарту и Ингленду—спѣшить въ помощь правому крылу: дивизіи Каткарта велѣно подкрѣпить правый флангъ, а бригадѣ Джона Кемпбеля—лѣвый флангъ ([34]).

Генералъ Боскè, по первымъ выстрѣламъ, раздавшимся въ Чоргунскомъ отрядѣ, поставилъ въ ружье войска наблюдательнаго корпуса и въ восемь часовъ направилъ къ телеграфу на Воронцовской дорогѣ двѣ батареи съ частью пѣхоты и бригаду Африканскихъ егерей, а самъ поскакалъ къ мельницѣ на старой бахчисарайской дорогѣ, куда двинулись за нимъ въ слѣдъ три баталіона съ двумя конными батареями. Миновавъ мельницу, Боскè встрѣтилъ генераловъ Броуна и Каткарта и предложилъ имъ содѣйствіе своихъ войскъ. Сначала гордые Британцы отклонили его предложеніе, сказавъ, что у нихъ еще оставались достаточные резервы, но потомъ просили его обезпечить правый флангъ англійской арміи, отрядивъ часть войскъ къ редуту № 1-го. Исполняя желаніе Англичанъ, Боскè направилъ туда генерала Бурбаки́ съ двумя баталіонами пѣхоты и 4-мя ротами стрѣлковъ и двѣ конныя батареи. Затѣмъ, разгадавъ, что наступленіе нашего Чоргунскаго отряда ограничивалось демонстраціей, Боскè сдѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія для перехода съ бо́льшею частью силъ на рѣшительный пунктъ поля сраженія—позицію англійской арміи ([35]).

Съ нашей стороны, генералъ Данненбергъ, взъѣхавъ съ Саперной дороги на высоту, лежащую позади батарей первой линіи, готовился возобновить

нападеніе свѣжими силами. Подъ нимъ было убито двѣ лошади. Не только артиллерійскіе снаряды, но и пули англійскихъ стрѣлковъ (rifleman), перелетая за боевыя линіи, достигали верховья Георгіевской балки, гдѣ находился князь Меншиковъ съ Великими Князьями (36).

Въ половинѣ 9-го часа, полки 11-й дивизіи, со всею артиллеріей отряда Павлова, растянувшись по Саперной дорогѣ, стали подыматься по Георгіевской балкѣ на Киленъ-балочное плато. Движеніе этихъ войскъ было замедлено мѣстными препятствіями; для подъема орудій необходимо было припрягать лишніе уносы; въ особенности же было затруднительно взвозить батарейную артиллерію. Поэтому, головные полки отряда, не дождавшись приданныхъ имъ батарей, вступили въ бой безъ содѣйствія своей артиллеріи. Охотцы, взошедшіе на плато первыми, безъ артиллеріи, были встрѣчены сильною канонадою и густымъ огнемъ штуцерныхъ; стрѣлки ихъ были потѣснены Англичанами; но, будучи поддержаны саперами 4-го баталіона, опрокинули цѣпь непріятельскихъ штуцерныхъ и дали возможность построиться прочимъ войскамъ отряда. Въ головѣ шелъ Охотскій полкъ въ двухъ линіяхъ, первая въ ротныхъ колоннахъ, вторая въ колоннахъ къ атакѣ; за Охотскимъ полкомъ слѣдовали полки Якутскій и Селенгинскій, также построенные въ двѣ линіи; 32 батарейныхъ орудія были выдвинуты впередъ лѣвѣе пѣхоты (37).

Артиллерія наша обратила сосредоточенный огонь на батарею № 1-го, занятую отборнымъ баталіономъ Кольдстримовъ. Охотцы тогда же попали подъ перекрестный огонь англійскихъ батарей, стоявшихъ за оврагомъ Каменоломни, спустились въ оврагъ и, несмотря на ужасныя потери отъ пальбы штуцерныхъ, атаковали батарею, уже прежде взятую Тарутинцами,

но отбитую непріятелемъ. Завязался отчаянный рукопашный бой; дрались штыками и прикладами, стрѣляли другъ въ друга въ упоръ, бросали въ непріятелей камни. Наконецъ, Охотцамъ удалось выбить Кольдстримовъ изъ укрѣпленія и овладѣть девятью орудіями, изъ которыхъ три были тотчасъ сброшены въ оврагъ, а остальныя заклепаны. Изъ 700 человѣкъ англійскаго баталіона было убито и ранено до двухъ-сотъ. Охотскій полкъ также понесъ огромныя потери; командиръ его, полковникъ Бибиковъ, былъ тяжело раненъ и большая часть офицеровъ и рядовыхъ выбыла изъ фронта. Въ это самое время подоспѣли въ помощь Англичанамъ свѣжія войска дивизіи Каткарта; самъ Каткартъ съ бригадою Торренса направился въ обходъ разстроеннаго боемъ Охотскаго полка, но былъ встрѣченъ и опрокинутъ Селенгинскимъ полкомъ, между тѣмъ какъ Якутскій полкъ подкрѣпилъ Охотцевъ и вмѣстѣ съ ними занялъ батарею № 1-го. Каткартъ, не зная о томъ, и полагая, что на батареѣ, по прежнему, расположены Кольдстримы, приблизился къ ней съ нѣсколькими ротами и былъ атакованъ съ одной стороны Якутскимъ, а съ другой—Селенгинскимъ полкомъ. Здѣсь погибъ самъ Каткартъ, раненъ полковникъ Сеймуръ и тяжело ранены бригадные командиры Торренсъ и Гольди. Въ полкахъ 4-й англійской дивизіи выбыло изъ фронта около четверти всего числа наличныхъ людей. Дивизіи легкая Броуна и 2-я Леси-Эвенса находились не въ лучшемъ состояніи. Кромѣ показанныхъ выше генераловъ и другихъ начальниковъ войскъ, были убиты, либо ранены: генералы: Броунъ, Адамсъ, Кодрингтонъ, Бентинкъ и Буллеръ, полковники: Мекинтошъ, Гембиръ, Пакенгамъ, Блеръ, и проч. Англичане, несмотря на понесенныя ими потери, долго не рѣшались просить помощи у Фран-

цузовъ, но, наконецъ, когда уже всѣ англійскіе резервы были введены въ дѣло и не оставалось надежды одолѣть Русскихъ, Рагланъ послалъ къ Боске съ просьбою о содѣйствіи его войскамъ (38).

Въ головѣ французскихъ подкрѣпленій прибыли на правое крыло англійской арміи баталіоны 1-й 7-го легкаго и 2-й 6-го линейнаго полковъ и четыре роты 3-го полка пѣшихъ егерей, подъ начальствомъ генерала Бурбаки, который, построивъ свою пѣхоту правѣе редута № 2-го, выдвинулъ на позицію 12 конныхъ орудій. Но эта горсть войскъ не могла остановить наступавшія рѣшительно колонны 11-й дивизіи. Французскія войска, встрѣченныя сильнымъ огнемъ, потерпѣли страшный уронъ; потеряли командира 6-го полка, полковника Камà (Camas), и принуждены были отступить, подъ прикрытіемъ своей артиллеріи, которая нанесла большой вредъ нашимъ войскамъ. Тѣмъ не менѣе однакоже Французы, смѣшавшись съ разстроенною пѣхотою Англичанъ, подавались назадъ. Охотскій полкъ тѣснилъ непріятелей; Якутскій и Селенгинскій полки поддерживали его (39).

Уже было около половины 10-го часа. Войска обѣихъ сторонъ были ослаблены и утомлены до крайности, но, казалось, побѣда оставалась за ними. Въ эту минуту надлежало только сдѣлать сильную вылазку изъ Севастополя и атаковать непріятеля войсками Чоргунскаго отряда, въ числѣ 12 тысячъ человѣкъ пѣхоты, поддержанныхъ многочисленною кавалеріей, чтобы окончательно рѣшить дѣло. Нападеніе изъ Севастополя было исполнено (какъ мы изложимъ впослѣдствіи) съ успѣхомъ; но не могло имѣть важныхъ послѣдствій, по малочисленности войскъ, въ немъ участвовавшихъ. Что же касается до Чоргунскаго отряда, то князь Горчаковъ самъ

отнялъ у себя возможность принять рѣшительное участіе въ сраженіи, оставя на правой сторонѣ рѣчки Черной половину своего отряда (7 баталіоновъ и 32 эскадрона съ 48-ю орудіями) и растянувъ остальныя силы (9 баталіоновъ и 20 эскадроновъ съ 40 орудіями) на пространствѣ отъ Ѳедюхиныхъ горъ до взятаго нами въ дѣлѣ при Балаклавѣ редута № 1-го. Войска эти, выступивъ съ рѣчки Черной въ 7 часовъ утра, подошли къ Сапунъ-горѣ на разстояніе дальняго пушечнаго выстрѣла и открыли огонь, на который отвѣчала артиллерія циркумваллаціонной линіи, усиленная полевыми орудіями. Эта почти безвредная канонада продолжалась до 9-ти часовъ, пока наконецъ Французы, убѣдясь въ малой пользѣ огня своихъ батарей, совершенно прекратили ихъ дѣйствіе, чтó, нѣсколько спустя, сдѣлали и Русскіе. Съ тѣхъ поръ до 4-хъ часовъ пополудни, войска обѣихъ сторонъ ограничились взаимнымъ наблюденіемъ, а потомъ князь Горчаковъ расположилъ свой отрядъ, по прежнему, въ долинѣ рѣчки Черной (40).

Генералъ Боске́, убѣдясь, что со стороны Чоргунскаго отряда ему не угрожала ни малѣйшая опасность и что мы здѣсь намѣрены были ограничиваться демонстраціею, постепенно направилъ войска наблюдательнаго отряда въ помощь Англичанамъ. Въ 10 часовъ онъ появился самъ на Киленъбалочномъ плато́, и въ слѣдъ за нимъ прибыли бѣгомъ баталіонъ 3-го полка зуавовъ и второй баталіонъ Алжирскихъ (Африканскихъ) стрѣлковъ. Генералу д'Отмàру приказано поддержать атаку другимъ баталіономъ 3-го полка зуавовъ, двумя баталіонами 50-го линейнаго полка и четырьмя эскадронами 4-го полка Африканскихъ конныхъ егерей, а командиру (commandant) артиллерійской бри-

гады Барра̀лю привести одну изъ его батарей. Нѣсколько спустя также направились къ угрожаемому пункту бригада Монѐ (дивизіи принца Наполеона) и 1-й полкъ Африканскихъ конныхъ егерей. Около 11-ти часовъ, передъ Чоргунскимъ отрядомъ оставалось всего-на-все пять баталіоновъ бригады Эспина̀сса (бывшей бригады Бурбакѝ), въ числѣ 3,200 человѣкъ. Вообще же Боскѐ и Канроберъ выслали къ мѣсту боя $10^{1}/_{2}$ баталіоновъ и 4 эскадрона съ 20-ю орудіями. Полки 11-й дивизіи, несмотря на понесенныя ими потери, встрѣтили неустрашимо головныя войска Боскѐ, и даже Селенгинцы обошли ихъ съ тыла; самъ Боскѐ подвергался величайшей опасности, но прибывшія къ Французамъ подкрѣпленія заставили насъ отступать подъ картечнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи ([41]). Съ нашей стороны еще не были введены въ дѣло 16 баталіоновъ Бутырскаго, Углицкаго, Владимірскаго и Суздальскаго полковъ, но первые два изъ этихъ полковъ должны были прикрыть отступленіе весьма разстроенныхъ боемъ войскъ Павлова къ Инкерманскому мосту, а прочіе два надлежало расположить впереди Саперной дороги, по которой тянулась наша многочисленная и отчасти пострадавшая артиллерія. Генералъ Данненбергъ, разсчитавъ, что, въ случаѣ еще бо́льшаго усиленія непріятельскихъ силъ, движеніе по весьма неудобнымъ крутымъ спускамъ, находившимся въ тылу нашихъ войскъ, могло быть крайне опасно, принялъ мѣры къ отступленію. Наиболѣе разстроенныя батарейныя батареи приказано отвести чрезъ Киленъ-балку въ Севастополь; легкія же батареи остались на позиціи, подъ прикрытіемъ полковъ, еще не бывшихъ въ дѣлѣ. Въ часъ по-полудни, Владимірскій и Суздальскій полки двинулись на смѣну отступив-

шимъ войскамъ. Передовые баталіоны ихъ въ ротныхъ колоннахъ, а прочіе въ колоннахъ къ атакѣ, подъ начальствомъ командующаго бригадою, полковника Дельвига, двинулись по трупамъ егерей 11-й и 17-й дивизій къ англійскому редуту № 1-го (42), и дали возможность отступить весьма пострадавшимъ полкамъ Охотскому, Якутскому и Селенгинскому, но, потерявъ тяжело-раненаго командира полка, барона Дельвига, и многихъ офицеровъ и солдатъ, были вынуждены податься назадъ, и тогдаже прочіе полки и батареи получили приказаніе отступать. Какъ весьма трудно было увезти орудія по загроможденному ранеными Инкерманскому мосту, то почти вся артиллерія, вмѣстѣ съ войсками, вышедшими изъ Севастополя, была направлена къ мосту на Киленъ-балкѣ; войска же Павлова двинулись къ переправѣ на Черной рѣчкѣ. Непріятель ограничился огнемъ штуцерныхъ и батарей. Его артиллерія, дѣйствуя съ редута № 1-го и изъ-за Микрюковой балки, на довольно значительномъ разстояніи, не могла нанести сильнаго вреда нашимъ войскамъ, которые терпѣли гораздо болѣе отъ пальбы штуцерныхъ. Между тѣмъ, какъ наши батареи медленно тянулись по Саперной дорогѣ, непріятельскимъ орудіямъ удалось подбить нѣсколько повозокъ, которыя завалили дорогу, и въ то время, какъ почти вся пѣхота 10-й дивизіи ушла въ Севастополь, артиллерія оставалась на пространствѣ отъ устья Киленъ-балки до устья Георгіевской балки (43).

Непріятельскіе стрѣлки, приблизясь подъ прикрытіемъ кустарника, готовились захватить наши орудія, но находившійся въ то время вблизи ихъ полковникъ Тотлебенъ разсыпалъ въ цѣпь случайно встрѣченную имъ роту Углицкаго полка и поддер-

жалъ ее построенными въ ротныя колонны, однимъ баталіономъ Бутырскаго и двумя баталіонами Владимірскаго полковъ ([44]). Стрѣлки наши завязали живую перестрѣлку съ непріятелемъ; тогда же нѣсколько орудій, выдвинутыхъ на позицію Тотлебеномъ, дали намъ возможность выиграть время и спасти артиллерію; кромѣ того, по требованію Тотлебена, контръ-адмиралъ Истоминъ выслалъ П. В. Воеводскаго, съ двумя флотскими баталіонами, для перетаски на рукахъ подбитыхъ орудій, что́ и удалось матросамъ съ содѣйствіемъ саперъ 4-го и 6-го баталіоновъ. Не прежде 8½ часовъ вечера послѣдняя изъ нашихъ батарей прошла за оборонительную линію. Ни одно орудіе, ни одна повозка, не достались въ руки непріятелю. Успѣху отступленія въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ много содѣйствовали пароходы *Херсонесъ* и *Владиміръ*, которые, приблизясь къ мѣсту побоища, открыли сильный огонь по наступавшимъ непріятельскимъ колоннамъ ([45]).

Между тѣмъ какъ на Киленъ-балочномъ плато́ происходилъ бой въ полномъ разгарѣ, около 10-ти часовъ утра, была произведена вылазка изъ Севастополя. Генералъ-маіоръ Тимофеевъ, старый артиллеристъ, отличившійся еще въ турецкую кампанію 1828-го года, выйдя изъ воротъ оборонительной стѣнки, правѣе 6-го бастіона, съ 4-мя баталіонами Минскаго полка при 4-хъ легкихъ орудіяхъ 14-й бригады, перешелъ черезъ Карантинную балку правѣе кладбища и двинулся къ лѣвому флангу французскихъ траншей. Непріятель, завидя русскія войска, открылъ по нимъ мѣткій штуцерный огонь. Передовые Минскіе баталіоны, въ ротныхъ колоннахъ, подъ начальствомъ маіора Евспавлева, оттѣснили непріятельскіе аванпосты, обошли Французовъ

съ лѣваго фланга, ворвались на французскія батареи (№ 1-го и 2-го), стоявшія на Рудольфовой горѣ (*), и заклепали 15 орудій. Атака генерала Тимофеева до того озаботила хладнокровнаго лорда Раглана, что онъ, обратясь къ находившемуся близъ него, Канроберу, сказалъ ему: „Кажется мы... очень больны.“—„Не совсѣмъ еще, милордъ! Надо надѣяться“—отвѣчалъ Канроберъ (46). Французскія войска, прикрывавшія захваченную нами артиллерію, отстрѣливаясь, отошли къ сосѣднимъ батареямъ. Командовавшій въ тотъ день въ траншеяхъ, генералъ Ла-Мотру́жъ, выслалъ на лѣвый флангъ двѣ роты 19-го стрѣлковаго баталіона и четыре роты Иностраннаго легіона, а самъ съ тремя ротами 20-го легкаго полка кинулся на выручку батарей №№ 1-го и 2-го. Тогда же генералъ Форѐй приказалъ бригадѣ Лурмеля—двинуться на встрѣчу русскимъ войскамъ, а бригадѣ д'Орѐля—обойти ихъ съ праваго фланга; вообще же противъ нашихъ 4-хъ баталіоновъ было направлено $10^1/_2$ баталіоновъ, для поддержанія которыхъ выдвинуто впередъ 14 баталіоновъ дивизіи Левалья́на. Остальная часть дивизіи принца Наполеона расположилась за французскими траншеями. Генералъ Тимофеевъ, вполнѣ достигнувъ своей цѣли—встревожить и отвлечь весь осадный корпусъ Форѐ—сталъ отступать на Шемякину батарею, чтобы подвергнуть преслѣдующаго непріятеля сосредоточенному огню нашей артиллеріи, и будучи усиленъ высланными изъ Севастополя двумя баталіонами (5-мъ Брестскаго и 6-мъ Виленскаго полковъ) съ 6-ю орудіями, отступилъ „такъ медленно и въ такомъ отличномъ порядкѣ, что не только за-

---

(*) Демонтирныя батареи: № 1, противъ 6-го, и № 2, противъ 5-го—бастіоновъ.

браны всѣ наши раненые, но и нѣсколько непріятельскихъ, въ томъ числѣ два офицера". Генералъ Лурмѐль, увлеченный пыломъ боя, подойдя съ своими полками къ Шемякиной батареѣ, былъ встрѣченъ жесточайшимъ огнемъ севастопольскихъ батарей; командиры обоихъ баталіоновъ 26-го линейнаго полка были убиты; множество офицеровъ (въ 19-мъ линейномъ полку изъ 20-ти 15) выбыли изъ фронта. Самъ Лурмѐль былъ пораженъ пулею смертельно; войска его отступили въ безпорядкѣ ([47]).

Въ продолженіи Инкерманскаго боя, во весь день, гремѣла артиллерія севастопольской оборонительной линіи. Непріятель отвѣчалъ намъ сильною канонадою ([48]).

Уронъ въ сраженіи при Инкерманѣ, съ нашей стороны, былъ весьма значителенъ.

Изъ 35-ти тысячъ человѣкъ, состоявшихъ въ отрядахъ Соймонова и Павлова, выбыло изъ строя 10,729 человѣкъ, т.-е. почти треть, именно: убитыхъ: 43 штабъ-и оберъ-офицера и 2,945 нижнихъ чиновъ; раненыхъ и контуженыхъ: 6 генераловъ, 208 штабъ- и оберъ-офицеровъ и 5,937 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропавшихъ: 5 офицеровъ и 1585 нижнихъ чиновъ. Изъ 3,500 человѣкъ отряда Тимофеева убыли, также почти треть, 1,094 человѣка, именно: убитыхъ 7 штабъ-и оберъ-офицеровъ и 273 нижнихъ чиновъ; раненыхъ 16 штабъ-и оберъ-офицеровъ и 645 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропавшихъ 153 нижнихъ чиновъ. Въ Чоргунскомъ отрядѣ выбыло 15 нижнихъ чиновъ. Наконецъ, уронъ Севастопольскаго гарнизона отъ дѣйствія осадныхъ батарей состоялъ изъ 121 человѣка, именно: убитыхъ 1 оберъ-офицера и 19-ти нижнихъ чиновъ; раненыхъ 9-ти штабъ-и оберъ-офицеровъ и 92-хъ нижнихъ чиновъ. Вообще же мы потеряли въ день

24-го октября (5-го ноября) 11,959 человѣкъ, въ числѣ коихъ: 6 генераловъ, 289 штабъ и оберъ-офицеровъ и 11,664 нижнихъ чиновъ ([49]). Таковъ былъ нашъ уронъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ; но въ дѣйствительности онъ былъ гораздо менѣе: въ числѣ выбывшихъ изъ строя въ сраженіи при Инкерманѣ было показано много людей, умершихъ прежде отъ болѣзней. „Утверждали навѣрно, что одна 17-я дивизія показала выбывшими въ этотъ день много лишнихъ нижнихъ чиновъ, преимущественно умершихъ въ Симферополѣ, гдѣ для нахлынувшихъ войскъ госпиталей было недостаточно; въ ту же цифру также попали отсталые послѣ Алминскаго дѣла“ ([50]). Замѣтимъ также, что многіе изъ считавшихся безъ вѣсти пропавшими и всѣ легко раненые чрезъ нѣсколько дней присоединились къ арміи, и потому дѣйствительныя наши потери въ день 24-го октября (5-го ноября) простирались до 10-ти тысячъ человѣкъ.

Гораздо труднѣе опредѣлить достовѣрно уронъ, понесенный Союзниками въ бою при Инкерманѣ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, изъ донесеній генерала Канробера и лорда Раглана, оказывается, что у Французовъ выбыло изъ фронта вообще убитыми и ранеными 1,726 человѣкъ; въ числѣ убитыхъ были генералъ де-Лурмѐль и полковники Кама̀ и Гарденъ де-Буа̀ссъ, а въ числѣ раненыхъ самъ Канроберъ ([51]). Уронъ Англичанъ простирался вообще до 2,612 человѣкъ (убитыхъ 462, раненыхъ 1,952 и безъ вѣсти пропавшихъ 198), въ числѣ коихъ 147 офицеровъ (убитыхъ 43, раненыхъ 103 и безъ вѣсти пропавшій одинъ). Убиты генералы: Каткартъ и Странгвейсъ; ранены генералы: Броунъ, Торренсъ, Адамсъ, Гольди, Кодрингтонъ, Буллеръ и Бентинкъ ([52]). Вообще же у Союзниковъ, по оффиціальнымъ свѣ-

дѣніямъ, выбыло изъ строя 4,338 человѣкъ. Но, принимая во вниманіе, что за нѣсколько дней до сраженія при Инкерманѣ въ англійской арміи считалось болѣе 18-ти тысячъ человѣкъ, а послѣ сраженія только 12 тысячъ, нельзя не придти къ заключенію, что если въ этотъ промежутокъ времени Англичане потеряли отъ болѣзней и отъ дѣйствія Севастопольской артиллеріи до 2-хъ тысячъ человѣкъ, то остальныя 4 тысячи убыли въ бою подъ Инкерманомъ.

Не подвержено однако же сомнѣнію то, что нашъ уронъ, въ день 24-го октября (5-го ноября), былъ гораздо болѣе непріятельскаго. Войска наши, стѣсненныя на небольшомъ пространствѣ, наступая противъ непріятеля, дѣйствовавшаго лучшимъ оружіемъ, терпѣли огромную потерю; Союзники встрѣтили насъ огнемъ батарей, расположенныхъ на выгоднѣйшихъ пунктахъ поля сраженія, между тѣмъ какъ наша многочисленная артиллерія, не имѣя возможности взобраться на крутые подъемы Киленъ-балочнаго плато́, недостаточно содѣйствовала пѣхотѣ и при отступленіи была обязана своимъ спасеніемъ единственно чрезвычайнымъ усиліямъ войскъ, прикрывавшихъ Саперную дорогу. Несмотря однако же на невыгоды положенія, въ которомъ находились наши войска, они сражались такъ храбро, что едва-было не загладили ошибки своихъ начальниковъ, бывшія причинами понесенной нами неудачи.

Первою и главною изъ нихъ была та, что князь Меншиковъ не воспользовался превосходствомъ своихъ силъ и, предпринявъ рѣшительное наступленіе, оставилъ въ бездѣйствіи болѣе трети своихъ войскъ, именно: Тобольскій и Волынскій полки; 8 резервныхъ баталіоновъ 13-й пѣхотной дивизіи, всю кавалерію, всѣхъ моряковъ, и, кромѣ того, отрядъ князя

Горчакова, назначенный только для демонстраціи, и отрядъ на Мекензіевой горѣ. Диспозиція для нападенія на непріятельскую позицію, отданная главнокомандующимъ, была весьма неопредѣлительна: что̀ значило предписанное генералу Соймонову наступленіе „отъ Киленъ-балки?“ Долженъ-ли онъ былъ двинуться не переходя, или перейдя балку? Недоразумѣніе по этому поводу не могло бы случиться, если бы начальники главныхъ частей войскъ были собраны наканунѣ сраженія на совѣщаніе къ главнокомандующему и было указано имъ на планѣ—по какому именно направленію они должны были двигаться. Но этого не было сдѣлано, (вѣроятно, по отвращенію князя Меншикова ко всему тому, что̀ могло имѣть видъ военнаго совѣта), и такимъ образомъ упущена изъ вниманія предосторожность, которая была принята, хотя и безуспѣшно, даже передъ злосчастнымъ сраженіемъ при Аустерлицѣ.—Въ диспозиціи князя Меншикова было сказано, что отряды Соймонова и Павлова должны соединиться и дѣйствовать подъ общимъ начальствомъ генерала Данненберга. Но при этомъ были упущены изъ вида разсчетъ времени и свойства поля сраженія: отрядъ Павлова, чтобы придти одновременно съ отрядомъ Соймонова на Киленъ-балочное плато̀, долженъ былъ выступить съ Инкерманскихъ высотъ гораздо ранѣе, потому что ему надлежало перейти чрезъ узкую гать и мостъ, (который еще не былъ готовъ), и взлѣзть на крутые подъемы плато̀, между тѣмъ какъ отрядъ Соймонова могъ совершить указанное ему движеніе гораздо ранѣе. Да если бы и удалось обоимъ отрядамъ взойти одновременно на высоты, гдѣ расположенъ былъ правый флангъ непріятельской арміи, то они не имѣли бы достаточно мѣста, чтобы развернуть свои силы. Къ тому же, отряду Павлова была придана несоразмѣр-

ная, ни съ числомъ пѣхоты, ни съ мѣстностью, артиллерія (96 орудій на 16 тысячъ человѣкъ), изъ числа коей мы, съ чрезвычайнымъ трудомъ, успѣли взвезти на плато только 64 орудія. Диспозиція, составленная въ главной квартирѣ, была измѣнена Данненбергомъ, но уже поздно. Не лучше ли было, зная невозможность развернуть значительныя силы на Киленъ-балочномъ плато, распорядиться съ самаго начала такъ, чтобы отрядъ Соймонова двинулся впередъ, не переходя Киленъ-балку, а отрядъ Павлова прибылъ къ устроенной заблаговременно переправѣ черезъ Черную рѣчку двумя часами ранѣе выхода отряда Соймонова изъ Севастополя? Одною изъ важнѣйшихъ причинъ потери нами сраженія, конечно, было бездѣйствіе Чоргунскаго отряда. Князь Горчаковъ оправдывалъ свое бездѣйствіе, ссылаясь на невозможность подняться въ виду непріятеля на крутые, почти отвѣсные и укрѣпленные Французами подъемы Сапунъ-горы. Дѣйствительно—эти подъемы весьма круты, но, по большому протяженію позиціи Союзниковъ, не могли быть тогда сильно укрѣплены на всемъ своемъ пространствѣ. По-крайней-мѣрѣ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что если бы Чоргунскій отрядъ, не ограничиваясь канонадою, повелъ атаку на удобнѣйшіе изъ доступовъ Сапунъ-горы, то Боскè оставилъ бы здѣсь большую часть своихъ силъ и не могъ бы столь рѣшительно поддержать Англичанъ, которые, въ такомъ случаѣ, подверглись бы совершенному пораженію. Геренъ, говоря о вылазкѣ Тимофеева изъ Севастополя, полагаетъ, что: „если бы генералъ Моллеръ направилъ болѣе значительныя силы для поддержанія атаки Тимофеева, а, съ другой стороны, князь Горчаковъ, наступая рѣшительно къ Сапунъ-горѣ и Балаклавѣ, отвлекъ бы наблюдательный корпусъ Боскè, подобно тому, какъ былъ отвлеченъ осад-

ный корпусъ Форей нападеніемъ на лѣвый флангъ осадныхъ работъ, то Русскіе не проиграли бы сраженія и довершили бы свою побѣду надъ восемью тысячами Англичанъ, утомленныхъ голодомъ и разстрѣлявшихъ свои патроны“ ([53]). Князь Горчаковъ, въ письмѣ къ французскому автору, старался оправдать свое бездѣйствіе недоступностью позиціи Союзниковъ, превосходствомъ ихъ осадной артиллеріи надъ полевою артиллеріей, состоявшею при его войскахъ, и слабостью своего отряда. Но никто въ нашей арміи, и тогда, какъ и теперь, не сомнѣвался въ томъ, что князь Горчаковъ, лично храбрый воинъ, не оцѣнилъ выгоды своего положенія и упустилъ случай совершить славный подвигъ. Общественное мнѣніе, не постигая причины такого поступка со стороны человѣка испытанной храбрости, сложило вину его на бывшаго тогда въ Чоргунскомъ отрядѣ генерала Липранди, который, будто бы изъ личныхъ, ему только извѣстныхъ видовъ, совѣтовалъ Горчакову ограничиться безвредною канонадою ([54]).

Главнокомандующій, находившійся на Киленъ-балочномъ плато́ во время жаркаго боя, тамъ происходившаго, могъ и долженъ былъ вызвать къ содѣйствію прочимъ войскамъ отрядъ князя Горчакова. Князь Меншиковъ былъ свидѣтелемъ подвиговъ самоотверженія, оказанныхъ нашими войсками. Еще никогда въ эту войну не сражались они такъ храбро, какъ здѣсь, въ глазахъ сыновей своего Монарха, раздѣлявшихъ съ ними опасности и славу. Англичане были совершенно разстроены. Оставалось направить Чоргунскій отрядъ противъ корпуса Боскѐ, который, будучи атакованъ, не имѣлъ бы возможности совершить фланговое движеніе и послѣ пораженія англійскихъ войскъ не удержался бы на занятой имъ позиціи. Но и подъ Инкерманомъ, подобно

тому какъ при Алмѣ, главнокомандующій, подвергаясь случайностямъ боя наравнѣ съ своими солдатами, не исполнилъ высокихъ обязанностей полководца, не устремилъ къ общей цѣли усилія ввѣренныхъ ему тысячей храбрыхъ воиновъ, а предоставилъ начальникамъ ихъ распоряжаться каждому по собственному усмотрѣнію. Отъ этого недоставало главнаго условія для успѣха—согласія въ дѣйствіяхъ, и побѣда ускользнула изъ рукъ нерѣшительнаго военачальника.

Въ сраженіи при Инкерманѣ не одинъ разъ доходило до рукопашной схватки, причемъ иногда случалось, что солдаты въ пылу боя не давали другъ другу пощады. Въ Охотскомъ полку, изъ числа выбывшихъ изъ строя было гораздо болѣе убитыхъ, нежели раненыхъ. Ненавистники Россіи нашли поводъ во взаимномъ ожесточеніи войскъ къ обвиненію Русскихъ въ варварскомъ избіеніи раненыхъ и, между прочимъ, распустили въ современныхъ періодическихъ изданіяхъ слухъ, будто бы такимъ образомъ погибъ полковникъ де-Камà. Но эта ложь была опровергнута барономъ де-Базанкуромъ, который, въ сочиненіи своемъ, приводитъ нѣсколько строкъ изъ письма брата де-Камà, гдѣ находимъ, что онъ достовѣрно убѣдился въ нелѣпости слуховъ о мнимомъ варварствѣ Русскихъ ([55]).

Несмотря на потерю нами сраженія при Инкерманѣ, слѣдствіемъ его было то, что предположенный Союзниками штурмъ на 4-й бастіонъ былъ отложенъ.

Неудачное наступленіе нашей арміи заставило князя Меншикова усомниться въ успѣхѣ обороны Севастополя, чтò было выражено въ письмѣ его къ Го-

сударю, посланномъ вмѣстѣ съ донесеніемъ о послѣдствіяхъ сраженія при Инкерманѣ. Императоръ Николай писалъ ему въ отвѣтъ: „Не унывай, любезный Меншиковъ, начальствуя севастопольскими героями, имѣя въ своемъ распоряженіи 80 тыс. отличнаго войска, вновь доказавшаго, что нѣтъ ему невозможнаго, лишь бы вели его какъ слѣдуетъ и куда должно; съ такими молодцами было бы стыдно и думать объ конечной неудачѣ. Скажи вновь всѣмъ, что Я ими доволенъ и благодарю за прямо-русскій духъ, который, надѣюсь, никогда въ нихъ не измѣнится. Ежели удачи досель не было, какъ мы смѣли ожидать, то, Богъ милостивъ, она быть еще можетъ...

„Бросить же Севастополь, покуда есть еще 80 тыс. въ немъ и подъ нимъ стоящихъ, еще живыхъ, было бы постыдно и помышлять; значило бы забыть долгъ, забыть стыдъ и не быть Русскими, потому этого и быть не можетъ, и Я не допускаю сего даже и въ мысляхъ. Пасть съ честью, но не сдавать и не бросать“... (56).

На донесеніе князя Меншикова, объ участіи Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича въ Инкерманскомъ сраженіи, гдѣ главнокомандующій справедливо выразился, что: „Присутствіе Ихъ посреди огня побуждало всѣхъ и каждаго къ исполненію священнаго долга Царю и Отечеству“, и что „удостоеніе Ихъ кавалерами ордена Св. Георгія 4-й степени за храбрость было бы знакомъ Монаршей милости и всѣмъ войскамъ, свидѣтелямъ мужества и неустрашимости Великихъ Князей“, Государь Всемилостивѣйше пожаловалъ помянутый орденъ Ихъ Высочествамъ.

На третій день по полученіи донесенія о сраженіи при Инкерманѣ, Государь писалъ князю М. Д. Горчакову:

...„Крайне жаль, что намѣреніе князя Меншикова не имѣло удачи, стоивъ столько драгоцѣнной крови; потеря храбраго Соймонова весьма чувствительна, но еще болѣе сожалѣть должно, что эта неудача, нисколько не уронившая духъ войскъ, отразилась на князѣ Меншиковѣ такимъ упадкомъ духа, что наводитъ на Меня опасенія самыхъ худшихъ послѣдствій. Онъ не скрываетъ, что не видитъ болѣе надежды съ успѣхомъ атаковать Союзниковъ и предвидитъ даже скорое паденіе Севастополя. Признаюсь, такое направленіе мыслей Меня ужасаетъ за послѣдствія. Неужели должны мы лишиться Севастополя послѣ такой крѣпкой защиты, послѣ стольких горькихъ потерь храбрѣйшихъ героевъ, и съ паденіемъ Севастополя дожить до всѣхъ тѣхъ последствій, которыя легко предвидѣть можно отъ подобнаго событія? Страшно и подумать. Но держась постоянно правила предвидѣть худшее, чтобъ имъ не быть неожиданно застигнутымъ, не скрываю отъ тебя, что надежды на лучшій исходъ, развѣ по особой милости Божіей, не предвижу. Готовясь къ тому, прошу тебя Мнѣ сообщить мысли твои, чтó, въ такомъ случаѣ, считаешь за лучшее предпринять, чтобъ, по крайней мѣрѣ, остановить дальнѣйшія еще худшія послѣдствія. Съ потерей Севастополя на-врядъ ли Меншиковъ отстоитъ и Крымъ, въ особенности ежели новый десантъ, какъ говорятъ, будетъ высаженъ у Евпаторіи, дабы угрожать Перекопу, и тѣмъ совершенно отрѣзать наше сообщеніе. Ужасно и подумать!“... ([57]).

ГЛАВА XXV.

Отъ сраженія при Инкерманѣ до начала атаки Малахова кургана.

(съ 24-го октября (5 ноября) 1854 г., по февраль 1855 г.).

Сраженіе при Инкерманѣ, нами проигранное, въ которомъ мы понесли двойную убыль въ сравненіи съ непріятелемъ, повидимому, должно было оказать невыгодное вліяніе на оборону Севастополя. Но, противъ всякаго чаянія, инкерманскій бой, выказавъ нашу готовность къ переходу въ наступленіе, заставилъ Союзниковъ, отказавшись на время отъ рѣшительныхъ покушеній овладѣть Севастополемъ, обратить вниманіе на охраненіе себя отъ нашего нападенія, не смотря на то, что къ нимъ были посланы значительныя подкрѣпленіи и уже прибыла, 31-го октября (12-го ноября), бригада Майрана, которая, вмѣстѣ съ бригадой Базена, составила 6-ю дивизію французской Восточной арміи, подъ начальствомъ генерала Патè (Pâté) (1).

Въ продолженіи пяти дней, съ 25-го по 29-е октября (съ 6-го по 10-е ноября), непріятельская артиллерія продолжала дѣйствовать усиленно, преимущественно по 4-му бастіону; съ нашей стороны

были сооружены нѣсколько новыхъ батарей и, на случай занятія непріятелемъ 3-го и 4-го бастіоновъ, устроены, для взрыва ихъ, проводники отъ пороховыхъ погребовъ, въ нихъ находившихся, къ батареѣ Никонова и католической церкви. Для обезпеченія же отступленія съ 3-го бастіона, приведены въ оборонительное положеніе морскія казармы (2).

Въ концѣ октября ст. ст. наступили ненастныя холодныя ночи; по вечерамъ поднимался сильный вѣтеръ, который, наконецъ, въ ночи на 2-е (14-е) ноября, разразился въ страшную бурю; дождь лилъ какъ изъ ведра, затопилъ траншеи и укрѣпленія и не оставилъ на стоявшихъ бивуаками войскахъ сухой нитки. Солдаты — и наши, и непріятельскіе, много терпѣли отъ пронизывавшихъ ихъ насквозь порывовъ вѣтра и находили убѣжище только у костровъ, пылавшихъ во всю ночь. Въ Союзномъ лагерѣ, высокія палатки, въ коихъ помѣщались больные и раненые Англичане, были мгновенно снесены бурею; такая же участь постигла большіе деревянные бараки, служившіе лазаретами Французамъ, и также ихъ магазины и склады интендантскаго вѣдомства. Небольшія французскія ставки (tentes-abri) держались долѣе, но и тѣ были затоплены и поглощены водою. Впрочемъ, какъ ни тяжко было положеніе солдатъ на сухомъ пути, Союзный флотъ терпѣлъ несравненно бо́льшія бѣдствія. Напрасно французскія и англійскія суда побросали въ море всѣ свои якоря: разсвирѣпѣвшія волны разрывали цѣпи и сносили якоря; корабли, сдѣлавшись игралищемъ бури, сталкивались между собою, разбивались и исчезали въ морской безднѣ. Нельзя было оставаться на палубѣ, не уцѣпившись за какую-либо изъ снастей. Пять военныхъ транспортовъ и тринадцать торговыхъ судовъ стали на мель въ устьѣ Качи; семь

англійскихъ транспортовъ, нагруженныхъ провіантомъ, фуражемъ, боевыми припасами и теплою одеждою, погибли вмѣстѣ съ своими экипажами, изъ которыхъ спаслись только сорокъ человѣкъ; два турецкихъ фрегата и нѣсколько меньшихъ судовъ имѣли ту же участь. У Евпаторіи, французскія суда, корабль „Генрихъ IV" и корветъ „Плутонъ", потерпѣли крушеніе; множество другихъ кораблей и меньшихъ судовъ понесли значительныя поврежденія и были отправлены въ Константинополь ([3]).

Какъ только съ нашихъ береговыхъ постовъ пришло извѣстіе, что противъ устья Качи были прибиты къ берегу непріятельскіе корабли, то стоявшій на Бельбекѣ Камчатскій полкъ съ 8-ю батарейными орудіями получилъ приказаніе идти къ тому мѣсту, гдѣ находились стоявшія на мели суда Союзнаго флота, и сжечь ихъ, предложивъ экипажамъ высадиться на берегъ, въ качествѣ военно-плѣнныхъ. Когда же обнаружилось, что сѣвшія на мель суда не были вооружены, князь Меншиковъ приказалъ высланнымъ къ морю войскамъ заняться спасеніемъ непріятельскихъ экипажей ([4]).

Но хотя съ нашей стороны и не было сдѣлано ничего, чтобы воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ Союзниковъ, однакоже буря 2-го (14-го) ноября имѣла весьма невыгодныя для нихъ послѣдствія. Холера и другія болѣзни развились съ ужасающею быстротою и усилили смертность въ ихъ лагерѣ. Разрушеніе многихъ осадныхъ работъ заставило непріятеля оставить на время веденіе новыхъ подступовъ и трудиться день и ночь надъ исправленіемъ, и даже отчасти постройкою вновь, почти совершенно размытыхъ батарей и надъ очищеніемъ траншей, занесенныхъ грязью и наполненныхъ водою. Такія работы, въ глубокую осень, при недостаткѣ теплой

одежды и всевозможныхъ лишеніяхъ, были весьма тягостны; въ особенности же страдали Англичане отъ нераспорядительности своего военнаго министерстра, не снабдившаго заблаговременно войска всѣмъ нужнымъ для перенесенія тѣхъ невзгодъ, которыя, сверхъ всякаго чаянія, постигли ихъ при наступленіи ненастной и холодной погоды (5).

Русскія войска тоже много терпѣли отъ ненастья и холода, но, по привычкѣ къ суровому климату, переносили труды и лишенія лучше Союзниковъ. Въ теченіи ноября, нѣкоторые изъ нашихъ солдатъ запаслись собственными полушубками и получили за то, по приказанію князя Меншикова, денежное вознагражденіе; для снабженія же прочихъ нижнихъ чиновъ теплою одеждою, была отпущена въ войска особая сумма, пользуясь чѣмъ, полковые командиры послали во всѣ ближайшіе города скупать овчины, изъ коихъ въ солдатскихъ швальняхъ немедленно были построены полушубки. По этому поводу, главнокомандующій писалъ военному министру князю Долгорукову: „Касательно главнаго вашего вопроса—о полушубкахъ, многіе полки уже имѣютъ ихъ, другіе вскорѣ получатъ ихъ отъ вашего коммиссіонера Фабера, либо пріобрѣтутъ ихъ покупкою. Впрочемъ, погода такъ хороша, что въ низменныхъ пастбищахъ трава снова зазеленѣла. Очевидно Судьба благопріятствуетъ нашимъ непріятелямъ“... (6). Изъ послѣднихъ словъ не трудно вывести заключеніе, что съ нашей стороны думали воспользоваться наступленіемъ зимы для нанесенія Союзникамъ рѣшительнаго удара.

Войска наши, бо́льшею частью, находились на оборонительной линіи безсмѣнно, днемъ и ночью, съ самаго начала осады: въ такихъ обстоятельствахъ, несмотря на всѣ мѣры, принятыя для сохраненія

ихъ здоровья, у насъ было много страдавшихъ холерою, изнурительными лихорадками и желудочными болѣзнями. Тѣмъ не менѣе однакоже русскія войска отличались превосходнымъ военнымъ духомъ; легкораненые оставались добровольно въ рядахъ защитниковъ Севастополя и только тяжкія раны, или смерть, полагали конецъ усерднымъ трудамъ ихъ.

Положеніе осаждающихъ войскъ было выгоднѣе нашего въ томъ отношеніи, что Союзники не имѣли надобности держать въ траншеяхъ болѣе двухъ или трехъ бригадъ; прочія же войска ихъ могли оставаться въ лагеряхъ, укрываясь отъ непогоды и стужи въ палаткахъ и баракахъ. При всемъ томъ, они замѣтно упали духомъ, и непріятельскіе дезертиры, появляясь въ значительномъ числѣ, доносили, что войска ихъ изнурены трудами и лишеніями, и что доставка снарядовъ къ батареямъ замедлялась дурнымъ состояніемъ дорогъ. Для перевозки отъ мѣста выгрузки въ Балаклавѣ къ осадному депо шести 13-ти-дюймовыхъ бомбъ требовалось 10 лошадей, которыя успѣвали доставлять снаряды только разъ въ день. Показанія переметчиковъ подтвердились тѣмъ, что послѣ 2-го (14-го) ноября, огонь осадныхъ батарей замѣтно ослабѣлъ, и лишь изрѣдка раздавались пушечные выстрѣлы, что̀ дало намъ возможность также ослабить пальбу для сбереженія зарядовъ на будущее время. Съ 8-го (20-го) ноября огонь англійскихъ батарей былъ почти совсѣмъ прекращенъ, и только отдѣльные выстрѣлы производились по 12-е (24-е); затѣмъ англійская артиллерія совершенно замолчала: не было зарядовъ! Англичане стали собирать русскіе снаряды, подходившіе калибромъ къ ихъ орудіямъ. Въ продолженіи десяти дней, съ 24-го октября по 2-е ноября (съ 5-го по 14-е ноября), въ севастопольскомъ гарнизонѣ убито

и ранено 1,330 человѣкъ, т.-е. среднимъ числомъ около 130-ти человѣкъ въ сутки; а съ 2-го по 20-е ноября (съ 14-го ноября по 2-е декабря) только отъ 4 до 42-хъ человѣкъ въ сутки, преимущественно ружейными пулями. Въ первомъ періодѣ времени, ежедневный расходъ артиллерійскихъ зарядовъ у насъ простирался отъ 4-хъ до 8-ми тысячъ, а во второмъ отъ тысячи до 2-хъ тысячъ (7).

Послѣ сраженія при Инкерманѣ, Союзники сочли нужнымъ усилить свою циркумвалаціонную (обращенную въ поле) линію, въ особенности же укрѣпить Киленъ-балочную высоту. Съ этою цѣлью были окончены прежніе редуты и сооружено нѣсколько новыхъ, получившихъ вмѣстѣ съ прежними вообще названіе *Черныхъ редутовъ*, которые были назначены для обстрѣливанія доступовъ отъ Киленъ-бухты и Черной рѣчки, и тогда же перекопана въ нѣсколькихъ мѣстахъ Саперная дорога. Съ другой стороны, Англичане окончили укрѣпленія впереди Балаклавы и вооружили ихъ орудіями большаго калибра; а Французы, на всемъ пространствѣ Сапунъ-горы, отъ балаклавскаго ущелья до Киленъ-балочной высоты, соорудили рядъ различныхъ укрѣпленій, усиленныхъ вспомогательными средствами. Вообще же циркумвалаціонная линія Союзниковъ была устроена на протяженіи около 18-ти верстъ.

Для обезпеченія Сѣверной стороны отъ покушеній непріятеля, занимавшаго Киленъ-балочную высоту, и для замедленія работъ осаждающаго, были построены на инкерманскихъ высотахъ шесть батарей (8), и впереди ихъ расположены завалы для стрѣлковъ. Ослабленіе огня осадныхъ батарей дало намъ возможность возстановить разрушенныя части оборонительной линіи и усилить ее новыми постройками и вспомогательными препятствіями. Для при-

данія же нашей линіи, растянутой на значительномъ пространствѣ, бо̀льшей силы и возможности отразить непріятеля, въ такомъ случаѣ, когда ему удалось бы прорваться сквозь нея въ какомъ-либо изъ слабѣйшихъ мѣстъ ея, рѣшено было устроить на главныхъ пунктахъ сомкнутыя укрѣпленія, что̀ способствовало намъ уменьшить число войскъ на оборонительной линіи, усиливъ главные резервы, которые могли быть укрыты отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Въ началѣ ноября, стали смыкать съ горжи 2-й бастіонъ, а 7-го (19-го) приступлено къ обращенію укрѣпленій Малахова кургана въ большое сомкнутое укрѣпленіе (бастіонъ Корнилова), которое сдѣлалось главнымъ опорнымъ пунктомъ Корабельной стороны. Исполненіе этой огромной работы шло весьма успѣшно, благодаря чрезвычайной энергіи и дѣятельности начальника 4-го отдѣленія Истомина, хотя скалистый грунтъ кургана и штуцерный огонь Англичанъ, не дозволявшій работать днемъ на правомъ флангѣ, крайне затрудняли наши постройки. Одновременно съ тѣмъ, съ 2-го по 8-е (съ 14-го по 20-е) ноября, окончены и другія работы по устройству и вооруженію центральнаго редюита Корабельной стороны, и проч.

Въ половинѣ (въ концѣ) ноября, начали смыкать горжу 4-го бастіона, и тогда же на Городской сторонѣ устроена вторая линія баррикадъ и сооружено нѣсколько батарей, которыя, вмѣстѣ съ оградами и зданіями, приспособленными къ оборонѣ, должны были служить внутренними опорными пунктами (9).

По устройству вспомогательныхъ преградъ: впереди 5-го бастіона вырыты волчьи ямы, положены доски съ гвоздями и устроены засѣки; впереди редута Шварца заложены 4 камнеметныхъ фугаса и положены засѣки; передъ правымъ флангомъ 4-го

бастіона поставлены рогатки и засѣки; изъ минныхъ колодцевъ во рву этого бастіона выведены слуховые рукава; между Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастіономъ, и далѣе къ верховью Киленъ-бухты, вырыты волчьи ямы. Особенную пользу для обороны, какъ въ это время, такъ и во все продолженіе осады, доставили *завалы* для стрѣлковъ, т.-е. ямы, глубиною до полусажени, въ которыхъ помѣщались стрѣлки. Изъ вырытой земли, либо изъ камней, устроивали брустверъ, иногда одѣтый съ внутренней стороны турами или земляными мѣшками, а вверху съ бойницами, также изъ земляныхъ мѣшковъ. Такіе завалы, бóльшею частью, располагались въ нѣсколько линій, такъ чтобы передніе не заслоняли огня заднихъ. При нападеніи непріятеля въ значительныхъ силахъ, стрѣлки, собравшись въ завалахъ задней линіи, быстро уходили къ ближайшему изъ нашихъ укрѣпленій, бросались въ ровъ и открывали просторъ огню крѣпостныхъ орудій. Стрѣлки обыкновенно занимали завалы ночью и оставались въ нихъ цѣлые сутки до смѣны въ слѣдующую ночь. Иногда нѣсколько заваловъ, для взаимной помощи, соединялись траншеями, которыя образовали *контръ-апроши*, устроенныя въ параллельномъ направленіи къ осаднымъ параллелямъ, и потому случалось, что, по взятіи ихъ непріятелемъ, онъ обращалъ ихъ противъ крѣпости ([10]). Употребленіе контръ-апрошей возбудило въ военномъ мірѣ жаркую полемику между поборниками и противниками ихъ. Едвали возможно сомнѣваться въ пользѣ этого средства, способствующаго упорной и продолжительной оборонѣ, но какъ они сопряжены съ большою потерею въ людяхъ обѣихъ сторонъ, то и должно прибѣгать къ нимъ только въ такомъ случаѣ, когда мы получаемъ извнѣ подкрѣпленія и можемъ расходовать часть войскъ

для продленія защиты обороняемаго пункта, не ослабляя гарнизона.

Въ ночи съ 6-го (18-го) на 7-е (19-е) ноября, Французы покушались выбить нашихъ стрѣлковъ изъ заваловъ впереди бастіона № 4-го, но были разсѣяны картечью. Англичане также атаковали завалы впереди 3-го бастіона, передъ разсвѣтомъ 8-го (20-го) ноября. Высланные противъ непріятеля два горные единорога нѣсколькими картечными выстрѣлами заставили его отступить (11).

Удачнѣе было нападеніе Англичанъ, въ ночи съ 8-го (20-го) на 9-е (21-е) ноября, на завалы, устроенные на Зеленой горѣ. Тамъ находилось 118 охотниковъ 6-го резервнаго баталіона Волынскаго полка и изъ матросовъ, подъ начальствомъ Волынскаго полка подпоручика Игнатьева. Въ семь часовъ вечера, три роты англійскихъ стрѣлковъ, подъ начальствомъ капитана Тріона, въ густой цѣпи, поддержанныя двумя колоннами, выйдя изъ параллели, ударили на переднюю линію заваловъ и выбили оттуда нашихъ стрѣлковъ, которые отступили во вторые завалы, но, въ свою очередь, бросились впередъ съ крикомъ „ура“ и выгнали непріятеля. Тогда Англичане открыли сильный ружейный огонь, атаковали вторично завалы и, послѣ упорнаго боя, овладѣли обѣими нашими линіями. Въ половинѣ десятаго, подпоручикъ Игнатьевъ, отойдя съ своими охотниками къ батареѣ Перекомскаго, навелъ непріятеля на перекрестный огонь нѣсколькихъ нашихъ батарей. Англичане потеряли въ этой схваткѣ своего начальника, пораженнаго смертельно пулею въ голову, и 25 стрѣлковъ; съ нашей стороны убито 3 и ранено 20 нижнихъ чиновъ; къ сожалѣнію, храбрый Игнатьевъ былъ тяжело раненъ. Въ два часа ночи, контръ-адмиралъ Панфиловъ, узнавъ отъ высланныхъ для развѣданія о непріятелѣ

охотниковъ, что Англичане оставили ближайшіе къ крѣпости завалы, приказалъ Волынцамъ и матросамъ снова занять ихъ, что̀ и было исполнено; но непріятель въ превосходныхъ силахъ вышелъ на встрѣчу нашимъ охотникамъ, оттѣснилъ ихъ и къ разсвѣту 9-го (21-го) соединилъ передніе завалы траншеи на протяженіи около ста саженъ ([12]).

Въ слѣдующую ночь, англійскія войска заняли наши задніе (ближайшіе къ городу) завалы и устроили на ихъ мѣстѣ третью параллель. Съ нашей стороны, чтобы не позволить Англичанамъ утвердиться на оконечности Зеленой горы, откуда они могли поражать штуцернымъ огнемъ пространство позади 3-го и 4-го бастіоновъ, рѣшено было постоянно тревожить непріятельскія работы и сильно обстрѣливать ихъ. Съ этою цѣлью удлинена батарея (Смагина), позади 3-го бастіона, на три орудія, и заложена новая батарея (Коцебу), позади 4-го бастіона, на два орудія ([13]).

Для удержанія же непріятеля въ безпрестанной тревогѣ, (что̀, кромѣ изнуренія его войскъ, заставляло его постоянно имѣть въ траншеяхъ значительныя силы подъ выстрѣлами крѣпостной артиллеріи), производились небольшія вылазки. Сначала, почти исключительно, ходили на вылазки охотники изъ матросовъ, но впослѣдствіи солдаты и казаки (пластуны) соперничали съ моряками въ удальствѣ подползти неожиданно къ непріятельскому пикету, заколоть часоваго, ворваться въ траншею, поднять на ноги непріятельскіе резервы и уйти во̀-время незамѣтно. Многіе изъ моряковъ ходили на вылазки по нѣскольку разъ и до того облюбили это занятіе, что оно обратилось какъ-бы въ страсть. Само собою разумѣется, что такая опасная игра обходилась не безъ потерь, и потому не всегда разрѣшалась начальствомъ,

а какъ нѣкоторые изъ смѣльчаковъ рѣшались уходить на вылазку и безъ дозволенія, на свой страхъ, то, чтобы предупредить подобныя отступленія отъ воинскаго порядка и сохранить храбрыхъ людей, необходимыхъ для защиты Севастополя, держали нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ особымъ присмотромъ. Въ числѣ такихъ неугомонныхъ охотниковъ подраться съ непріятелями, 30-го экипажа матросъ Кошка (*) составилъ себѣ блистательную извѣстность, но такихъ въ Севастополѣ было много. Да и вообще, какъ между Черноморскими моряками, такъ и между всѣми, бившимися на ряду съ ними въ защиту „своего" города, храбрость, при той жизни, которую тогда вели они, сдѣлалась общимъ качествомъ, и храбрость не порывами, а постоянная, обратившаяся въ убѣжденіе, что едва ли кому изъ „Севастопольцевъ" удастся снести голову, выйти цѣлу и невредиму изъ этого горнила смертоносныхъ снарядовъ, въ которомъ огонь и желѣзо на-перерывъ уничтожали цвѣтъ народонаселенія Россіи ([14]).

Не довольствуясь обычнымъ нападеніемъ невзначай на оплошнаго врага, наши охотники разнообразили свои ночные подвиги, придумывая всякія хитрости, чтобы захватить живьемъ непріятельскаго часоваго и доставить его въ ближайшее укрѣпленіе. Для этого они иногда употребляли особый снарядъ, укороченную пику, которой остріе было загнуто въ видѣ крючка. Охотникъ, притаивъ дыханіе, подползалъ въ темнотѣ къ траншеѣ, стаскивалъ со стѣнки часоваго и съ помощью товарищей приводилъ его на ближайшую батарею. Подобные случаи повторялись такъ часто, что самъ генералъ Канроберъ счелъ

(*) Матросъ Кошка, уроженецъ каменецъ-подольской губерніи, гайсинскаго уѣзда, села Замятинецъ, участвовалъ въ 18-ти вылазкахъ, былъ раненъ два раза, но пережилъ осаду Севастополя.

нужнымъ сообщить о томъ начальнику Севастопольскаго гарнизона, генералъ-адъютанту Сакену (*). „Позвольте мнѣ—писалъ онъ—довести до вашего свѣдѣнія фактъ, по всей вѣроятности, вамъ неизвѣстный: я удостовѣрился, что въ схваткахъ, происшедшихъ на-дняхъ впереди нашихъ траншей, нѣсколько офицеровъ и солдатъ были захвачены съ помощью веревокъ и шестовъ съ крючьями. У насъ нѣтъ никакого оружія, кромѣ ружей, штыковъ и сабель, и хотя я не беру на себя обязанности доказывать, что употребленіе другихъ средствъ противно правиламъ войны, однако же позволю себѣ повторить старинное французское выраженіе: „что такія средства не могутъ считаться приличнымъ оружіемъ“. (Que ce ne sont point là des armes courtoises). Предоставляю на ваше усмотрѣніе“.

Въ отвѣтъ на это посланіе, генералъ Сакенъ писалъ: „Солдатамъ нашимъ приказано брать въ плѣнъ непріятелей, не убивая ихъ безъ надобности. Что же касается до упомянутыхъ вами снастей (instruments), то легко быть можетъ, что рабочіе, всегда сопровождающіе наши вылазки, употребляли свои инструменты для собственной обороны“ ([15]).

20-го ноября (2-го декабря) были произведены съ 3-го бастіона двѣ вылазки на Зеленую гору: одна, на разсвѣтѣ, командою охотниковъ, изъ 60-ти нижнихъ чиновъ 6-го резервнаго Волынскаго баталіона и 11-ти матросовъ, подъ начальствомъ подпоручика Полеваго, а другая, въ восемь часовъ вечера, 60-ю охотниками Томскаго полка и 4-мя матросами, подъ начальствомъ поручика Жаринова. Въ этихъ обоихъ

(*) Генералъ-адъютанту Сакену, назначенному, по представленію князя Меншикова, командиромъ 4-го пѣхотнаго корпуса, на мѣсто генерала Даненберга, было поручено начальство надъ войсками Севастопольскаго гарнизона.

дѣлахъ, Англичане, застигнутые врасплохъ, были обращены въ бѣгство съ урономъ. Французы отличались бо́льшею осторожностью, и потому нашимъ секретамъ было труднѣе слѣдить за ихъ работами. Тѣмъ не менѣе однако же намъ удалось, въ ночи на 19-е ноября (на 1-е декабря), удостовѣриться въ заложенiи ими траншей впереди редута Шварца, что̀ угрожало веденiемъ подступовъ противъ этого укрѣпленiя. Такое расширенiе влѣво атаки Французовъ могло способствовать имъ, по занятiи высоты впереди редута, устроить на ней сильныя батареи и поражать съ небольшаго разстоянiя во флангъ, какъ 4-й бастiонъ, такъ и всю ближайшую часть города. Мѣстность противъ редута Шварца представляла непрiятелю удобство вести подступы, не подвергаясь сильному огню съ оборонительной линiи, и потому, для замедленiя непрiятельскихъ работъ, обороняющiйся приступилъ къ устройству *ложементовъ*.

Севастопольскiе ложементы состояли изъ короткихъ участковъ траншей, закладываемыхъ летучею сапою впереди оборонительной линiи, на такомъ разстоянiи отъ ближайшихъ непрiятельскихъ работъ, чтобы можно было мѣшать ихъ успѣху ружейнымъ огнемъ. Слѣдовательно—ложементы имѣли назначенiе одинаковое съ завалами, но различались отъ нихъ тѣмъ, что завалы, изобрѣтенные самими войсками, стоявшими на аванпостахъ, строились на́-скоро безъ пособiя искусства, и потому не всегда могли быть удобны для стрѣльбы и доставлять надежное прикрытiе отъ дѣйствiя непрiятельской артиллерiи. Напротивъ того, ложементы, болѣе обширные и самостоятельные, нежели завалы, сооружались на особенно выгодныхъ мѣстахъ, особыми рабочими, такъ, чтобы, доставляя возможность дѣйствовать съ выгодою огнестрѣльнымъ оружiемъ, и прикрывая достаточно стрѣл-

ковъ отъ артиллерійскихъ снарядовъ, они представляли небольшую цѣль и, въ случаѣ занятія ихъ непріятелемъ, не закрывали его отъ огня съ оборонительной линіи. Ложементы, подобно заваламъ, строились въ двѣ линіи, причемъ сперва закладывалась передняя, а потомъ уже, для подкрѣпленія ея, задняя, въ которой помѣщались резервы: обѣ линіи располагались въ шахматномъ порядкѣ ([16]).

Первый ложементъ былъ сооруженъ въ ночи съ 20-го на 21-е (со 2-го на 3-е декабря), въ ста саженяхъ впереди редута Шварца, на краю Городскаго оврага, инженеръ-поручикомъ Ватовскимъ, съ рабочими и прикрытіемъ отъ Минскаго пѣхотнаго полка (*). Къ утру ложементъ въ тридцать шаговъ длины уже былъ оконченъ. Эта постройка была исполнена съ такою тишиною, что, несмотря на яркій свѣтъ полной луны и на близость непріятельскихъ траншей, Французы не знали о нашей работѣ и допустили окончить ее безъ всякой потери. Передъ разсвѣтомъ, рабочіе были отведены, а ложементъ занятъ 20-ю штуцерными Минскаго полка, которые тотчасъ открыли огонь, какъ по непріятельскимъ работамъ впереди редута Шварца, такъ и во флангъ третьей параллели передъ 4-мъ бастіономъ. Непріятель обратилъ на ложементъ сильную канонаду, но безуспѣшно, по малой цѣли, имъ представляемой. Въ слѣдующія ночи продолжались такія же работы, и къ 24-му ноября (6-му декабря) впереди редута Шварца уже было построено 7 ложементовъ, способныхъ выдержать дѣйствіе непріятельской артиллеріи и подведенныхъ подъ выстрѣлы оборонительной линіи посредствомъ сгласировки ихъ выемки и насыпи. Въ трехъ переднихъ ложементахъ помѣщалось по 30-ти

(*) Подробности исполненія этой работы можно видѣть въ сочин. генерала Тотлебена: „Описаніе города Севастополя“. Т. I. Глава XXI.

стрѣлковъ, а въ четырехъ заднихъ, отстоявшихъ отъ первыхъ на 60—120 шаговъ, по 40-ка или 50-ти человѣкъ въ каждомъ. Впослѣдствіи, по мѣрѣ распространенія французской атаки влѣво, по направленію къ Карантинной бухтѣ, были устроены ложементы на всемъ протяженіи отъ Городскаго оврага до Карантинной бухты. Сооруженіе ихъ было поручено инженеръ-поручику Берху и юнкеру Бениславскому. Изъ этихъ ложементовъ зорко слѣдили за непріятелемъ, и какъ только онъ приступалъ къ работамъ, то немедленно открывали мѣткій ружейный огонь, а изъ ложементовъ у бухты стрѣляли также изъ Кегорновыхъ мортиръ. Подобные же ложементы были устроены и передъ обоими фланками 4-го бастіона, капитаномъ 4-го сапернаго баталіона Танагелемъ и инженеръ-поручикомъ Дельсалемъ. Передняя линія этихъ построекъ находилась въ полуторараста шагахъ отъ третьей французской параллели. Противъ англійскихъ работъ также было расположено нѣсколько ложементовъ ([17]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь ослабленіемъ огня осадныхъ батарей, мы значительно усилили вооруженіе укрѣпленій праваго фланга оборонительной линіи и построили три новыя батареи, на которыхъ поставлено 21 орудіе ([18]).

Въ продолженіе времени до половины (до конца) декабря, были исполнены многія работы по инженерной части. Важнѣйшими изъ нихъ были: постройка на Городской сторонѣ трехъ редутовъ, составившихъ вторую оборонительную линію и усилившихъ внутренную оборону города. Одинъ изъ редутовъ— *Чесменскій*, образовался изъ соединенія нѣсколькихъ батарей позади 5-го бастіона. Другой редутъ—*Ростиславскій*, былъ заложенъ позади оборонительной стѣнки, между 5-мъ и 6-мъ бастіонами, а третій—

Язоновскій, составился изъ батарей позади 4-го бастіона. Всѣ три редута получили свое названіе отъ судовъ, команды которыхъ принимали участіе въ ихъ постройкѣ и вооруженіи. Для усиленія внутренней обороны всей части городской ограды между 5-мъ и 7-мъ бастіонами, устроены, въ третьей линіи, на западной окраинѣ Городской высоты, шесть батарей, вооруженныхъ 17-ю орудіями. На 4-мъ бастіонѣ, горжевой окопъ оконченъ и, для бóльшаго обезпеченія горжи, расположены передъ нею въ нѣсколько линій волчьи ямы. Для прегражденія непріятелю доступа въ городъ отъ Пересыпи по западному берегу Южной бухты, были устроены, одна позади другой, 4 батареи, вооруженныя 13-ю орудіями. На Корабельной сторонѣ, Малаховъ курганъ значительно усиленъ, какъ возвышеніемъ бруствера и углубленіемъ рва. такъ и замѣною горныхъ единороговъ орудіями большаго калибра и постановкою 2-хъ пушекъ-карронадъ, для фланкированія горжи 2-го бастіона. Въ послѣднихъ числахъ ноября (въ первой половинѣ декабря) на Курганѣ состояло 43 орудія ([19]). Траншеи по сторонамъ Малахова кургана, вправо до батареи Жервè и влѣво до бастіона № 2-го, обращены въ окопы полевой профили и получили названіе куртинъ; а для доставленія передней покатости Кургана перекрестной обороны, поставлены на куртинахъ 5 орудій и усилено вооруженіе батареи Жервè двумя орудіями. Къ батареѣ на мѣстѣ 1-го бастіона, съ лѣвой стороны, пристроенъ фланкъ на двѣ 24-хъ-фунтовыя пушки-карронады, для обстрѣливанія мѣстности впереди 2-го бастіона, и въ обѣ стороны батареи вырыты траншеи, приспособленныя къ ружейной оборонѣ. На 3-мъ бастіонѣ горжевой окопъ оконченъ и также приспособленъ къ ружейной оборонѣ; батареи вправо отъ 3-го бастіона соединены тран-

шеями для ружейной обороны. Къ батареѣ Перекомскаго слѣва пристроенъ новый фасъ на 3 орудія, для обстрѣливанія праваго берега Лабораторной балки; батарея Будищева удлинена вправо на 2 орудія, а на лѣвомъ фасѣ ея число орудій увеличено до 5-ти, для усиленія огня впереди 3-го бастіона; позади этой батареи, для обстрѣливанія лѣвой отлогости Доковаго оврага, построена новая батарея на 4 орудія. Для обстрѣливанія навѣснымъ огнемъ ближайшихъ англійскихъ работъ на оконечности Зеленой горы, поставлено на батареяхъ вправо отъ 3-го бастіона, по недостатку мортиръ, нѣсколько карронадъ на особыхъ станкахъ, для дѣйствія подъ большими углами возвышенія, получившихъ названіе *элевацiонныхъ*. Впослѣдствіи многія изъ предпринятыхъ работъ были окончены и улучшены. Въ концѣ декабря, для защиты людей отъ навѣснаго огня, начали устраивать прочные блиндажи и тогда же приступили къ снабженію амбразуръ тросовыми (веревочными) заслонами, предложенными капитаномъ 1-го ранга Зоринымъ. Какъ загражденіе рейда затопленными кораблями было зимою размыто бурями, то, чтобы не дать непріятельскому флоту возможности занять Артиллерійскую бухту и бомбардировать оттуда городъ, были построены, по требованію адмирала Нахимова, на Городской высотѣ, у Малаго бульвара, двѣ батареи, на 4 и 2 орудія ([20]).

Со времени боя при Инкерманѣ, Французы, заложивъ третью параллель противъ 4-го бастіона, продолжили ее влѣво до восточнаго края Карантинной балки, чтобы затруднить Русскимъ вылазки противъ лѣваго фланга осадныхъ работъ. Передъ лѣвою частью 3-ей параллели была заложена полупараллель, которая, начинаясь у южной оконеч-

ности Карантинной бухты, примыкала къ 3-ей параллели. Кромѣ того, изъ этой параллели было выведено нѣсколько подступовъ къ 5-му бастіону, изъ коихъ одинъ, въ видѣ Т, на западномъ краѣ Городскаго оврага, составлялъ крайнюю точку, до которой здѣсь были подвинуты траншеи, во все продолженіе зимы, именно около 210 саж. отъ исходящаго угла люнета Шварца и около 280 саж. отъ исходящихъ угловъ 4-го и 5-го бастіоновъ. Далѣе же Французы не подвигались впередъ своими подступами, и потому слѣдовало ожидать, что непріятель, оставя надежду приблизиться къ 4-му бастіону сапою, заложитъ противъ него мины, чтобы взорвать его, либо, образованіемъ большихъ воронокъ и устройствомъ въ нихъ ложементовъ, содѣйствовать успѣху подступовъ. Чтобы предупредить такія покушенія осаждающаго, дѣйствіемъ контръ-минъ, въ началѣ (въ половинѣ) декабря, на 4-мъ бастіонѣ были собраны необходимыя средства и приступлено къ подземнымъ работамъ, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ полковника Тотлебена; исполненіе же работъ было поручено имъ штабсъ-капитану 4-го сапернаго баталіона Мельникову. Для работы назначены 200 нижнихъ чиновъ 4-го сапернаго баталіона и 80 минеровъ отъ 4-го и 6-го саперныхъ баталіоновъ; всѣ они были раздѣлены на три смѣны, работавшія по 8-ми часовъ въ сутки; въ каждую смѣну наряжали по 200 рабочихъ отъ пѣхоты. Производство взрывовъ было возложено на галваническую команду поручика Поцѣйко.

Первоначальный планъ контръ-минной системы состоялъ въ томъ, чтобы расположить подъ дномъ рва бастіона галлерею, въ глинистомъ слоѣ, между двумя пластами скалы, вывести изъ этой галлереи слуховые рукава по направленію капитали, какъ

можно далѣе, и соединить галлерею со внутренностью бастіона подземнымъ сообщеніемъ съ нишами, для помѣщенія минныхъ припасовъ и галваническихъ батарей. Работы затруднялись недостаткомъ математическаго и плохимъ качествомъ землекопнаго инструмента, однакоже, несмотря на то и на значительное скопленіе въ подземныхъ ходахъ грунтовой воды, къ половинѣ (къ концу) января 1855 года, всѣ предположенныя работы были почти окончены и слуховые рукава выведены впередъ до 20-ти саженъ, а ближайшіе къ капитали до 25-ти саженъ. 25-го декабря (6-го января 1855 года), дезертиръ Иностраннаго легіона показалъ, что Французы вели мины подъ 4-й бастіонъ, и дѣйствительно еще въ ноябрѣ они вырыли въ поворотѣ третьей параллели, для развѣданія грунта, два колодезя, намѣреваясь вывести изъ нихъ галлереи къ бастіону и взорвать его; но отложили на время подземныя работы, и только лишь 18-го (30-го) января, въ слуховомъ рукавѣ на капитали 4-го бастіона, была услышана впервые работа непріятельскаго минера. Полковникъ Тотлебенъ, желая разбить непріятельскія галлереи на значительную длину, не производя при этомъ большаго разрушенія на поверхности земли, рѣшился допустить непріятеля какъ можно ближе, и выдѣлавъ камору съ зарядомъ въ 12 пудовъ, выждалъ до того времени, когда во французской галлереѣ наши рабочіе услышали скрипъ минной телѣжки, и даже говоръ людей, что́ выказывало неосторожность непріятеля, неожидавшаго встрѣтить контръ-мину. 22-го января (3-го февраля), былъ произведенъ нами взрывъ, котораго дѣйствіе обнаружилось легкимъ поднятіемъ земли надъ горномъ и разрушеніемъ непріятельской галлереи до самаго начала ея у третьей параллели. Съ нашей стороны

полагали, что непріятель заложитъ усиленный горнъ и взорветъ его, чтобы разбить контръ-мины, но, вмѣсто того, онъ ограничился взрывомъ, 26-го января (7-го февраля), весьма слабаго горна, въ разстояніи болѣе 13-ти саженъ отъ нашей воронки, имѣя въ виду преградить доступъ нашимъ войскамъ чрезъ его галлерею (*).

Въ продолженіе зимы, почти каждую ночь производились съ оборонительной линіи вылазки, которымъ иногда придавали по два горныхъ единорога, съ прикрытіемъ изъ матросовъ, вооруженныхъ мушкетонами. Въ нѣсколько большемъ размѣрѣ были предприняты вылазки въ ночь съ 29-го на 30-е ноября (съ 11-го на 12-е декабря).

Чтобы отвлечь вниманіе отъ главной вылазки съ 4-го бастіона, предположенной съ цѣлью узнать— не возводитъ-ли непріятель въ 3-ей параллели брешь-батарею — и заклепать находившіяся тамъ мортиры, была предпринята прежде другая, небольшая вылазка. Нѣсколько ранѣе полуночи, мичманъ Титовъ 2-й, выйдя изъ воротъ правѣе 5-го бастіона, съ двумя горными единорогами и 20-ю матросами съ мушкетонами, подошелъ незамѣтно на 30 шаговъ къ новой траншеѣ, выведенной Французами наканунѣ противъ капитали 5-го бастіона, открылъ огонь по рабочимъ и, обративъ ихъ въ бѣгство, отошелъ въ Загородную балку безъ потери. Вслѣдъ затѣмъ, около часа по-полуночи, произведена большая вылазка отрядомъ, въ числѣ 515-ти человѣкъ ([21]), подъ начальствомъ войсковаго старшины 2-го Черномор-

(*) Подробности исполненія этихъ инженерныхъ работъ можно найти въ сочиненіи генерала Тотлебена: «Описаніе обороны города Севастополя». Т. I. Главы XXI, XXII и XXIII.

скаго казачьяго баталіона Головинскаго, съ резервомъ изъ двухъ ротъ, подъ командою артиллеріи подполковника Розенталя. Отрядъ Головинскаго, выйдя изъ 4-го бастіона и построясь впереди засѣки, по сигналу свисткомъ, кинулся впередъ и ворвался въ третью параллель. Здѣсь завязался рукопашный бой, въ которомъ Французы, не устоявъ противъ рѣшительнаго удара нашихъ пластуновъ и матросовъ, были опрокинуты и бѣжали во вторую параллель, откуда открыли сильный ружейный огонь по занятой нами параллели. Между тѣмъ, Головинскій, успѣвъ разрушить часть непріятельскихъ работъ и заклепавъ 4 большія мортиры, возвратился на бастіонъ, съ захваченными имъ 8-ю плѣнными, (въ числѣ коихъ былъ офицеръ), 3-мя мортирками и нѣсколькими ружьями. Уронъ его отряда состоялъ вообще изъ 64-хъ человѣкъ. Въ числѣ тяжело раненыхъ былъ лейтенантъ Батьяновъ. Французы, по собственному ихъ показанію, потеряли въ этомъ дѣлѣ одними убитыми до полутораста человѣкъ.

Въ ту же ночь были произведены съ 3-го бастіона двѣ вылазки подпоручикомъ Московскаго полка Бейтнеромъ, съ 50-ю охотниками 6-го резервнаго баталіона Волынскаго и Московскаго полковъ: первая, предпринятая одновременно съ большою вылазкою, была направлена къ англійской траншеѣ, устроенной наканунѣ поперегъ Лабораторной балки, а другая, нѣсколько позже, имѣла цѣлью выгнать непріятеля изъ Сарандинакиной балки. Оттѣснивъ непріятельскую цѣпь и разрушивъ часть англійскихъ траншей, команда Бейтнера возвратилась на оборонительную линію съ потерею въ оба раза 7-ми человѣкъ ранеными ([22]).

Безпрестанныя вылазки Севастопольскаго гарнизона заставили генерала Канробера сформировать

три особыхъ роты, каждую въ полтораста человѣкъ, подъ названіемъ охотниковъ (éclaireurs volontaires), которые должны были развѣдывать о всемъ томъ, что̀ происходило впереди нашихъ укрѣпленій, извѣщать о вылазкахъ изъ города, тревожить наши передовые посты, разрушать наши завалы, и проч. Въ просторѣчіи они назывались *сорви-головами* и *чертями* (enfans perdus et infernaux) и вскорѣ сдѣлались извѣстны отсутствіемъ воинской дисциплины (23).

Съ нашей стороны, кромѣ вылазокъ противъ непріятельскихъ работъ, была предпринята и морская вылазка, днемъ 24-го ноября (6-го декабря), по распоряженію вице-адмирала Нахимова, капитаномъ 2-го ранга Бутаковымъ съ пароходами *Владиміръ* и *Херсонесъ*. Самъ Бутаковъ принялъ на себя атаку желѣзнаго винтоваго парохода *Мегера*, стоявшаго на фарватерѣ противъ Песочной бухты, для наблюденія за нашими судами на рейдѣ, а капитанъ-лейтенанту Рудневу, съ пароходомъ *Херсонесъ*, поручено было наблюдать за двумя пароходами, *Катономъ* и *Коршуномъ*, стоявшими въ Стрѣлецкой бухтѣ. Выйдя быстро изъ-за боновъ, *Владиміръ* полнымъ ходомъ устремился къ винтовому пароходу и сдѣлалъ нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ по непріятельскому лагерю, расположенному на восточномъ склонѣ Стрѣлецкой бухты, и по находившимся въ ней пароходамъ. Винтовой пароходъ, подавъ сигналъ Союзному флоту о неожиданномъ нападеніи, спѣшилъ уйти подъ выстрѣлы судовъ, расположенныхъ въ Камышевой и Казачьей бухтахъ, а *Владиміръ*, проводивъ его выстрѣлами, присоединился къ *Херсонесу* и вмѣстѣ съ нимъ сталъ бросать бомбы по двумъ пароходамъ и по лагерю у Стрѣлецкой бухты. Между тѣмъ нѣсколько непріятельскихъ пароходовъ,

успѣвъ развести пары, снялись съ якоря, а потому, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ входа въ бухту, капитанъ Бутаковъ прекратилъ бой и возвратился въ Севастополь. Потери въ людяхъ на нашихъ пароходахъ не было и только перебито нѣсколько снастей ([24]).

Въ числѣ нашихъ моряковъ, ходившихъ въ ночные поиски подъ Севастополемъ, пріобрѣлъ громкую славу, или, лучше сказать, сдѣлался извѣстнымъ во всѣхъ уголкахъ необъятной Россіи, лейтенантъ Бирилевъ. Подъ начальствомъ его были произведены вылазки: съ 19-го на 20-е декабря (съ 31-го декабря на 1-е января); на 1-е (13-е) января, и въ особенности удачная, съ 19-го на 20-е января (съ 31-го января на 1-е февраля 1855 г.). Для этой вылазки, предпринятой съ цѣлью отбить у Французовъ занятые наканунѣ ими наши завалы, впереди лѣваго фаса 4-го бастіона, въ разстояніи не болѣе 25-ти саженъ отъ непріятельскихъ траншей, назначенъ былъ отрядъ изъ 250-ти охотниковъ и 80-ти рабочихъ ([25]). Въ темную ненастную ночь, отрядъ нашъ подошелъ незамѣтно къ заваламъ, взобрался на высоту и, послѣ троекратнаго оклика изъ ложемента: „Qui vive?“ (Кто идетъ?), съ громкимъ крикомъ „ура“ ударилъ во флангъ непріятеля. Лежавшіе въ завалахъ французскіе отборные охотники (éclaireurs volontaires d'élite) дали по нашему отряду залпъ изъ ружей, заряженныхъ двумя пулями, и отступили въ третью параллель. Охотники Бирилева ворвались туда вслѣдъ за Французами, но были встрѣчены перекрестнымъ ружейнымъ огнемъ и картечью, изъ второй параллели и ходовъ сообщенія, и атакованы двумя ротами 42-го линейнаго полка и нѣсколькими командами стрѣлковъ и рабочихъ. Наши охотники, желая дать своимъ рабочимъ время перестроить

обращенные непріятелемъ противъ насъ завалы, ходили въ штыки шесть разъ; завязался упорный рукопашный бой, дрались прикладами, метали другъ въ друга камни. Здѣсь матросъ 30-го экипажа Шевченко, сопровождавшій во всѣхъ вылазкахъ лейтенанта Бирилева, явилъ особенный примѣръ самоотверженія. Когда наши охотники вытѣснили непріятеля изъ траншей штыками, человѣкъ пятнадцать изъ отступавшихъ Французовъ прицѣлились въ Бирилева. Тогда Шевченко, усмотрѣвъ, какой опасности подвергается его начальникъ, осѣнилъ себя крестомъ, заслонилъ Бирилева собою и палъ въ защиту его, пораженный смертельно пулею. Наконецъ, когда наша работа уже была окончена и къ непріятелю прибыли сильныя подкрѣпленія, Бирилевъ отвелъ свой отрядъ къ заваламъ, оставилъ тамъ штуцерныхъ и возвратился на 3-й бастіонъ, унеся всѣхъ раненыхъ и захвативъ въ плѣнъ 2-хъ офицеровъ и 7 рядовыхъ. Со стороны Французовъ были убиты, либо ранены 4 штабъ-и оберъ-офицера и множество нижнихъ чиновъ. Уронъ ихъ увеличился ошибкою ихъ войскъ, занимавшихъ траншеи, которыя, въ темнотѣ, принявъ за непріятеля двѣ роты своего 46-го линейнаго полка, встрѣтили ихъ ружейнымъ огнемъ. Съ нашей стороны убиты одинъ офицеръ, Волынскаго полка прапорщикъ Семенскій и 3 человѣка изъ нижнихъ чиновъ; ранено 34 нижн. чиновъ, въ числѣ коихъ матросъ Кошка ([26]).

Императоръ Николай, по полученіи донесенія князя Меншикова объ этой вылазкѣ, Высочайше соизволилъ произвести лейтенанта Бирилева въ капитанъ-лейтенанты и назначить его флигель-адъютантомъ.

Велики были подвиги храбрости и самоотверженія, совершенные на вылазкахъ защитниками Сева-

стополя. И кто можетъ исчислить ихъ? (*). Одни изъ нашихъ героевъ пали славною смертью; другіе, оставшись въ живыхъ, не считали нужнымъ оглашать дѣла́ доблести, которыхъ были участниками. Для нихъ не было ничего чрезвычайнаго стоять молодецкою грудью за Россію въ темныя ночи, въ дали отъ своихъ, внѣ взоровъ начальниковъ и товарищей, которые могли бы оцѣнить дѣйствія мужественныхъ воиновъ. Ихъ возбуждали не награды, не отличія. Они шли на смертный бой за Вѣру, за Царя, за Россію. Другихъ помысловъ у нихъ не было и не могло быть. Они были всѣ храбры; каждый офицеръ былъ Бирилевъ; каждый изъ рядовыхъ—Шевченко. Да будутъ же примѣромъ грядущимъ поколѣніямъ русскаго народа извѣстные и неизвѣстные герои славной Севастопольской обороны, пока предъ лицемъ міра красуется великая, могучая Россія!

(*) Кромѣ помянутыхъ офицеровъ, въ особенности отличались на вылазкахъ: моряки: Астаповъ и Завалишинъ; саперный подполковникъ Макаровъ; пѣхотные: маіоры Саловъ и Рудановскій; капитаны Ляпуновъ и Сыробоярскій; поручики Вальцовъ и Васильевъ и подпоручикъ Юдинъ.

ГЛАВА XXVI.

Положеніе войскъ обѣихъ сторонъ зимою 1854—1855 г. Продовольствованіе.—Госпитали.

(Съ ноября 1854 по мартъ 1855 года).

Подобно тому, какъ зимы 1708-го и 1812-го годовъ, ознаменованныхъ вторженіями Карла XII и Наполеона въ Россію, остались въ памяти нар да, какъ чрезвычайныя по своей стужѣ—подобно тому и зима 1854—1855 годовъ была необыкновенно сурова въ Крыму, пользующемся теплымъ климатомъ. Послѣ проливныхъ дождей и слякоти, обычныхъ спутниковъ тамошней осени, въ концѣ декабря выпалъ глубокій снѣгъ и наступили морозы, доходившіе до 10° и болѣе по Реомюру; когда же случались оттепели, дороги дѣлались непроходимыми, а траншеи наполнялись жидкою грязью. Въ такомъ положеніи, войска обѣихъ сторонъ терпѣли одинаковыя бѣдствія; но на сторонѣ Севастопольскаго гарнизона было то преимущество, что наши солдаты, по образу своей жизни, могли переносить всевозможныя лишенія лучше, нежели Французы, уроженцы теплаго края, и Англичане, привыкшіе къ удобствамъ жизни, о доставленіи которыхъ войскамъ не позаботилось

ихъ интендантство. Давно уже Англія не вела сухопутной войны въ большомъ размѣрѣ, и потому невзгода застигла врасплохъ британскую армію. Союзники въ особенности страдали отъ недостатка въ топливѣ; разобравъ всѣ разоренныя деревни и отдѣльныя строенія, истребивъ кругомъ своихъ лагерей все растущее, и даже вырывъ корни деревъ и винограда, они не имѣли въ достаточномъ количествѣ дровъ, не только для того, чтобы разводить бивачные огни, но и для варенія пищи. Случалось, что въ оледенѣлыхъ палаткахъ находили утромъ замерзшими людей, здоровыхъ наканунѣ; изъ этого можно заключить, какова была участь больныхъ холерою, лихорадкою, горячкою, разстройствомъ желудка (1). Въ концѣ декабря (въ началѣ января 1855 года), англійская армія считала у себя больныхъ подъ Севастополемъ до 3,500 человѣкъ, кромѣ 5,000 отправленныхъ въ Скутарійскіе госпитали, вообще же число больныхъ Англичанъ простиралось до 14,000. Почти всѣ генералы, штабъ-офицеры и большая часть офицеровъ выбыли изъ арміи, а нижніе чины почти совершенно замѣнены людьми вновь прибывшими изъ Англіи, кои, въ свою очередь, заболѣвали и отправлялись въ госпитали, не успѣвъ побывать ни разу въ огнѣ боя. Во французской арміи, начиная съ октября по февраль, число больныхъ постепенно увеличивалось: въ декабрѣ, изъ 65,179-ти человѣкъ поступило въ госпитали 6,340, въ числѣ которыхъ 500 раненыхъ, 500 съ отмороженными членами и 352 холерныхъ; изъ нихъ выздоровѣло 1,257, умерло 754. Въ концѣ января, во французской арміи, несмотря на прибытіе двухъ новыхъ дивизій, 7-й и 8-й, и на укомплектованіе прежнихъ, состояло подъ ружьемъ только 71,326 человѣкъ. Число Англичанъ, вмѣстѣ съ прибывавшими безпрестанно къ нимъ подкрѣпленіями, не превосхо-

дило 15,000 человѣкъ; присоединивъ къ тому нѣсколько тысячъ Турокъ, получимъ общее число Союзныхъ войскъ въ февралѣ 1855 года—90 тысячъ человѣкъ ([2]).

Положеніе, въ которомъ находилась Союзная армія подъ Севастополемъ, было намъ извѣстно, и потому Государь, въ письмахъ къ Меншикову, постоянно настаивалъ на необходимости не отлагать рѣшительныхъ дѣйствій. „Желательно Мнѣ — писалъ Онъ 19-го ноября ст. ст. 1854 года,—чтобъ геройское усердіе всѣхъ было въ прокъ и Севастополь спасенъ. Признаюсь тебѣ, что, вовсе не слыша и не видя изъ твоихъ донесеній, *въ чемъ состоятъ твои дальнѣйшія намѣренія и что ты предпринять полагаешь, Я невольно долженъ опасаться, что послѣднее удобное для насъ время уйдетъ безплодно*". Нѣсколько дней спустя, Императоръ писалъ: „Изъ всего, что́ отъ тебя получаю, и того, что́ съ другихъ сторонъ доходитъ сюда, Я все болѣе убѣждаюсь, что планъ враговъ—выигрывать время, претерпѣть, доколь не удвоятся ихъ силы всѣмъ, что̀ безостановочно къ нимъ посылается, и до собранія всѣхъ способовъ медлить, а потомъ возобновить, можетъ быть, съ удвоенною яростію бомбардировку, а, быть можетъ, и атаку съ трехъ сторонъ. Успѣютъ ли они въ томъ, одинъ Богъ знаетъ! Вопросъ: что́ тутъ намъ дѣлать? Разумѣется, это трудно рѣшить, а въ особенности *Мнѣ здѣсь;* могу только указывать, рѣшеніе предоставляя тебѣ. Быть можетъ, что замыслы противниковъ рушатся не только отъ геройской обороны и усугубленныхъ мѣръ защиты, но и отъ вліянія зимней погоды, отъ трудности стоянки, отъ затрудненія подвозовъ и прочаго, отъ времени года происходящаго. Это неоспоримо быть можетъ, но не вѣрно. Между тѣмъ работы ихъ продолжаются, и ежели безпрепятственно

дадимъ имъ дѣлать, что хотятъ, то они возведутъ скоро *крѣпость* противъ крѣпости"... (3).

Въ началѣ 1855 года, Императоръ Николай писалъ князю Меншикову: „Свѣдѣній новыхъ объ отправленіяхъ непріятельскихъ войскъ нѣтъ; все прежнія, но къ веснѣ, вѣроятно, будутъ новыя силы отправлять. Вопросъ: дойдутъ ли вó-время и много ли останется въ живыхъ прежнихъ войскъ? Думаю, что настала для нихъ эпоха гибели, ежели погода продержится такая же хотя мѣсяцъ. Надѣюсь, что наши войска не терпятъ отъ нея, ибо мы зимы не боимся. Лишь бы удалось хорошо ихъ кормить, и для того не щади ни трудовъ, ни издержекъ, дабы непремѣнно люди были сыты вдоволь. Прибавить можно водки; хорошо бы и збитень завести, было-бъ изъ чего" (4).

Незадолго предъ тѣмъ, Государь писалъ князю Меншикову: „Считаю справедливымъ велѣть тебѣ объявить всѣмъ войскамъ, составляющимъ другой мѣсяцъ гарнизонъ Севастополя, какъ сухопутнымъ, такъ и морскимъ, что, въ признательность за ихъ безпримѣрное мужество, усердіе и труды въ теченіе сего времени, Я велѣлъ имъ зачесть *каждый мѣсяцъ за годъ службы*, по всѣмъ правамъ и преимуществамъ. Они это вполнѣ заслуживаютъ; объяви о томъ на 6-е декабря. Ты скупъ представлять къ наградамъ; прошу тебя, дай Мнѣ радость наградить достойныхъ"... (5).

Князь Меншиковъ сознавался въ бѣдственномъ положеніи непріятельской арміи... „la gélée fait perir des hommes et des chevaux à l'ennemi" (морозы губятъ у непріятеля людей и лошадей)—писалъ онъ военному министру князю Долгорукову, просилъ о подкрѣпленіи его войсками, о присылкѣ пороха, жаловался на дороговизну фуража, на дурное состоя-

ніе дорогъ; но отлагалъ изо дня въ день рѣшительныя дѣйствія. Быть можетъ, что разстройство его собственнаго здоровья не дозволило ему при оборонѣ Севастополя выказать ту дѣятельность и энергію, которыми онъ отличался при взятіи Анапы и при осадѣ Варны, и потому самъ онъ просилъ сперва о присылкѣ ему помощника, а потомъ объ увольненіи отъ должности главнокомандующаго Крымскою арміей. Прибывшій по Высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе представленія князя Меншикова, въ Севастополь, на смѣну генералу Данненбергу, въ командованіе 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, генералъ-адъютантъ Сакенъ былъ назначенъ, 28-го ноября (10-го декабря), начальникомъ Севастопольскаго гарнизона, а Нахимовъ—его помощникомъ, что̀, впрочемъ, нисколько не измѣнило обязанностей, принятыхъ на себя послѣднимъ съ самаго начала осады и свято исполненныхъ до послѣдняго дня его славной жизни. Два дня спустя, назначенъ начальникомъ войскъ на Корабельной сторонѣ командиръ 2-й бригады 11-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Заливкинъ, а начальникомъ всей артиллеріи Севастополя—начальникъ 1-го отдѣленія генералъ-маіоръ Тимофеевъ.

Отдѣленіями оборонительной линіи завѣдывали: 1-мъ (бастіоны № 5 и № 6, редуты Ростиславскій и Шварца, и прилежащія батареи) капитанъ 1-го ранга Зоринъ; 2-мъ (бастіонъ № 4, и прилежащія батареи), по прежнему, контръ-адмиралъ Новосильскій; 3-мъ (бастіонъ № 3 съ прилежащими къ нему батареями), по прежнему, контръ-адмиралъ Панфиловъ; 4-мъ (бастіоны Корнилова, № 1 и № 2 съ прилежащими батареями) контръ-адмиралъ Истоминъ, потомъ капитанъ 1-го ранга Юрковскій, и наконецъ капитанъ 1-го ранга Кернъ.

Что касается до Севастопольскаго гарнизона, то

составъ и число его, въ продолженіи времени отъ сраженія при Инкерманѣ до половины февраля, весьма мало измѣнились, именно введены въ городъ: 10-й дивизіи Томскій и Колыванскій егерскіе полки; 11-й дивизіи Селенгинскій и Якутскій пѣхотные полки (съ 9-го декабря ст. ст. два мѣсяца стоявшіе на Бельбекѣ) и Камчатскій егерскій полкъ; 4-й стрѣлковый баталіонъ; три роты 4-го сапернаго баталіона и 2-я легкая батарея 10-й артиллерійской бригады, въ 8-ми-орудійномъ составѣ. Выведенъ изъ города 16-й дивизіи Углицкій егерскій полкъ. Вообще же, во все это время, гарнизонъ состоялъ въ числѣ до 40 тысячъ человѣкъ сухопутныхъ войскъ и нѣсколькихъ тысячъ моряковъ.

Подкрѣпленія нашей Крымской арміи, съ 24-го октября (5-го ноября) до половины (конца) марта, состояли изъ пятыхъ и шестыхъ баталіоновъ Волынскаго, Минскаго и Украинскаго полковъ и 8-й дивизіи, которую однако же было приказано оставить у Перекопа, а потомъ разрѣшено направить противъ Евпаторіи ([6]). Такимъ образомъ эти незначительныя подкрѣпленія и люди, вышедшіе изъ госпиталей, едва могли замѣнить уронъ, понесенный нашею арміей отъ болѣзней, вылазокъ и бомбардированія. Принявъ во вниманіе, что Союзная армія подъ Севастополемъ, въ началѣ ноября, считала въ рядахъ не болѣе 65-ти тысячъ человѣкъ, противъ которыхъ у насъ стояло до 85-ти тысячъ, и что непріятели тогда еще не успѣли построить свои циркумъ и контръ-валаціонныя линіи, очевидно, что выгоднѣйшее время для рѣшительнаго нападенія на Союзниковъ было начало ноября. Если же ненастье и грязь не дозволяли намъ атаковать непріятеля, то съ наступленіемъ первыхъ морозовъ мы могли воспользоваться превосходствомъ нашей арміи въ

численномъ отношеніи и разстройствомъ непріятельскихъ войскъ, въ особенности Англичанъ, которыхъ бѣдственное положеніе было намъ извѣстно. Но потеря Алминскаго и Инкерманскаго сраженій побуждала нашего главнокомандующаго избѣгать рѣшительныхъ дѣйствій и ограничить дѣятельность нашей арміи вылазками. Начальникъ Севастопольскаго гарнизона, баронъ Остенъ-Сакенъ, усиливъ и участивъ вылазки, содержавшія непріятеля въ безпрестанной тревогѣ, принялъ цѣлый рядъ полезныхъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью улучшить положеніе ввѣренныхъ ему войскъ. Опредѣлены съ точностью правила для уборки и относа раненыхъ на перевязочные пункты, и сформированы особыя команды носильщиковъ. Войска, стоявшія на оборонительной линіи, должны были постоянно имѣть по 8-ми человѣкъ съ носилками, наряженныхъ съ каждой роты, которымъ было приказано относить раненыхъ отнюдь не далѣе ближайшихъ резервовъ къ мѣстамъ, означеннымъ желтыми флагами. Ближайшимъ же резервамъ отдѣленій предписано наряжать ежедневно по 12-ти человѣкъ съ роты, для дальнѣйшаго относа раненыхъ къ мѣстамъ, означеннымъ красными флагами, гдѣ раненые получали первоначальное медицинское пособіе, и затѣмъ отправлялись на перевязочные пункты. Красные флаги находились въ четырехъ мѣстахъ, по числу отдѣленій оборонительной линіи. Установлены правила для удобнаго и безостановочнаго сообщенія города съ Сѣверною стороною. Уменьшено число вѣстовыхъ, и вообще сокращенъ расходъ людей въ командировки. Относительно наряда войскъ на работы, предписано, отдѣлить части для ночной службы въ цѣпи, и раздѣливъ ихъ на двѣ смѣны, наряжать изъ прочихъ одну часть людей на дневную, а другую—на ноч-

ную работу. Принимая во вниманіе близость непріятельскихъ батарей къ нашему 2-му отдѣленію, наряжать изъ войскъ, занимающихъ тамошнія укрѣпленія, на дневную работу только незначительную часть. Изъ резерва посылать на работы не болѣе трети людей. Затѣмъ назначать на работы въ сутки:

На 1-мъ отдѣленіи	. . . . до	2,000	чел.
„ 2-мъ „	. . . . „	1,000	„
„ 3-мъ „	. . . . „	2,000	„
„ 4-мъ „	. . . . „	2,000	„

Изъ резерва:

На 4-мъ бастіонѣ.	1,000	чел.
„ 5-мъ „	600	„

Кромѣ того, можетъ быть наряжаемо на работы:

Въ инженерномъ депо	300	чел.
Въ артиллерійскихъ мастерскихъ . .	200	„
На прочіе наряды	500	„
Вообще же на всѣ работы въ сутки	9,600	чел.
а въ одну смѣну до	5,000	„

Офицеры должны были находиться при рабочихъ, которыхъ приказано было наряжать, по возможности, цѣлыми ротами ([7]).

Продовольствованіе нашей арміи въ Крыму было сопряжено съ чрезвычайными затрудненіями, превосходившими даже тѣ, которыя встрѣтило наше интендантство при снабженіи арміи жизненными запасами въ кампанію 1812 года. Послѣдняя продолжалась всего шесть мѣсяцевъ; война же въ Крыму длилась въ теченіи почти двухъ лѣтъ, на небольшомъ пространствѣ, на краю Россіи, въ странѣ, от-

дѣленной отъ нашихъ прочихъ областей обширною степью, гдѣ дороги осенью и зимою весьма неудобны.

Въ первые девять мѣсяцевъ 1854 года, когда нашихъ войскъ въ Крыму было такъ мало, что на главномъ пунктѣ дѣйствій, къ сраженію на Алмѣ, мы успѣли собрать только 35 тысячъ человѣкъ, войска эти продовольствовались провіантомъ, заготовленнымъ для нихъ, по распоряженію военнаго министерства, по 1-е іюля 1855 года. Хотя, по числу прибывшихъ впослѣдствіи войскъ, и было заподряжено военнымъ министерствомъ, въ Ростовѣ-на-Дону, для сплава Азовскимъ моремъ въ Геническъ, Еникале, Арабатъ и Керчь, 113 тыс. четв. муки и 16 тыс. четв. крупъ, однакоже этотъ провіантъ могъ поступить въ магазины не прежде второй половины 1855 года. Равномѣрно 14 тыс. четв. муки и 53,600 четв. овса, заподряженныя въ симферопольскій, перекопскій и керченскій магазины, могли туда поступить только лишь въ 1855-мъ и 1856-мъ годахъ. Дворянство херсонской губерніи, и государственные крестьяне таврической губерніи, по приглашенію Новороссійскаго генералъ-губернатора Анненкова, пожертвовали въ пользу войскъ: первые 15,500 четв. сухарей, а послѣдніе 25,820 четв. ржи, изъ которой тотчасъ же были приготовлены сухари, но доставка ихъ къ арміи, въ страшную распутицу послѣднихъ мѣсяцевъ 1854 года, встрѣтила большія затрудненія.

Вторженіе въ Крымъ значительныхъ силъ Союзной арміи заставило насъ двинуть туда часть войскъ, возвратившихся изъ Дунайскихъ Княжествъ въ предѣлы Россіи. Войска эти на маршѣ получали продовольствіе изъ попутныхъ магазиновъ въ достаточномъ количествѣ. Вмѣстѣ съ ними были отправлены изъ Южной арміи двѣ (по другимъ свѣдѣніямъ—

три) полубригады подвижнаго магазина, нагруженныя сухарями и крупою, которыя прибыли въ Крымъ въ октябрѣ. Кромѣ того, сдѣлано распоряженіе о сформированіи для Крымской арміи двухъ новыхъ полубригадъ, каждая въ тысячу подводъ, со всѣми принадлежностями и подводчиками, отъ дворянства херсонской и екатеринославской губерній, которое изъявило полную готовность на это пожертвованіе. Обѣ полубригады, нагрузившись въ Бериславлѣ жизненными припасами, вступили въ Крымъ, въ ноябрѣ 1854 года ([8]). Для занятія въ этихъ полубригадахъ должностей полубригадныхъ и ротныхъ командировъ, были назначены офицеры изъ Южной арміи. Какъ съ одной стороны полковые командиры не охотно разставались съ хорошими офицерами, а съ другой — сами офицеры дорожили случаемъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, то выборъ командировъ въ подвижной магазинъ былъ весьма неудаченъ, что̀ впослѣдствіи подало поводъ къ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ ([9]).

Какъ въ исходѣ октября 1854 года, уже было въ Крыму на казенномъ довольствіи до 140 тыс. человѣкъ и болѣе 40 тыс. лошадей, то князь Меншиковъ приказалъ заготовить на полуостровѣ, чрезъ чиновниковъ, подрядчиковъ и покупкою, около 200 тыс. четв. муки, 53,400 четв. сухарей, 64 тыс. четв. крупъ, до 90 тыс. четв. овса и ячменя, 730 тыс. пудовъ сѣна, 20 тыс. пудовъ соли и 24 тысячи ведеръ трехъ-пробнаго вина. Кромѣ того, поступило пожертвованій: отъ дворянъ херсонской губерніи 15,500 четверт. и отъ жителей Таганрога, Ростова и Маріуполя 16,486 четв. сухарей; отъ государственныхъ крестьянъ таврической губерніи 25,820 четвертей и отъ разныхъ лицъ 500 четв. ржи, 690

четв. овса и ячменя, 3,200 пудовъ сѣна, 1028 штукъ различнаго скота, и проч.

Но изъ всѣхъ этихъ поставокъ, по наступившей распутицѣ, ни одна не была выполнена въ срокъ, а многія вовсе не исполнены.

Главнокомандующій Южною арміей, князь Горчаковъ, желая содѣйствовать исправному продовольствованію войскъ, дѣйствовавшихъ въ Крыму, просилъ, еще въ октябрѣ 1854 года, князя Меншикова увѣдомить: какое требуется пособіе отъ Южной арміи въ этомъ отношеніи? Въ отвѣтъ на сей вызовъ, князь Меншиковъ писалъ, въ декабрѣ 1854 года, что для обезпеченія продовольствіемъ ввѣренныхъ ему войскъ необходимо: во 1-хъ, заготовить къ 1-му марта 1855 года, въ Каховкѣ и Перекопѣ, 100 тыс. четв. муки съ пропорціею крупъ, обративъ 40 тыс. четв. муки въ сухари, и, во 2-хъ, усилить въ Крыму перевозочныя средства, для доставки припасовъ отъ Перекопа къ мѣстамъ расположенія войскъ. Князь Горчаковъ, не найдя возможнымъ поставить въ столь короткій срокъ такое количество припасовъ, особенно по затруднительности въ перемолѣ зерноваго хлѣба и приготовленіи сухарей, обратился, по предложенію генерала Затлера, къ инспектору резервной кавалеріи, графу Никитину, и просилъ его уступить помянутый провіантъ изъ округовъ военныхъ поселеній; но графъ Никитинъ нашелъ возможнымъ поставить отъ военныхъ поселеній только половину требуемаго количества запасовъ, да и то не до Перекопа или въ Каховку, а лишь до Бериславля. Это заставило князя Горчакова сдѣлать распоряженіе о заготовкѣ чрезъ коммиссіонеровъ, по цѣнамъ, утвержденнымъ губернаторами, въ Бериславлѣ, Каховкѣ, Казацкомъ, Перекопѣ и Алешкахъ, 85-ти тыс. четв. муки, 25-ти тыс. четв. су-

харей и 10,375 четв. крупъ, для того, чтобы войска, направляемыя изъ Южной арміи въ Крымъ, могли пополнять провіантъ, израсходованный ими на маршѣ, и вступить на полуостровъ съ полнымъ количествомъ положенныхъ припасовъ. Сухари приготовлялись у жителей въ окрестностяхъ Бериславля, съ платою имъ за сушку и доставку сухарей въ магазины по 73 коп. отъ четверти. Кромѣ того, въ Николаевѣ заготовлялись 40 тыс. четв. муки и солонина.

Для усиленія же перевозочныхъ средствъ Крымской арміи, князь Горчаковъ отправилъ къ ней еще двѣ полубригады паро-конныхъ подводъ, собранныхъ отъ жителей херсонской и екатеринославской губерній, а по распоряженію самого князя Меншикова, сформированъ средствами полуострова вьючный магазинъ въ тысячу лошадей. Такимъ образомъ въ Крыму, въ началѣ ноября, образовался подвижной магазинъ, въ 5 тысячъ подводъ и тысячу вьюковъ; а при Южной арміи остались только четыре полубригады, сформированныя отъ бессарабскихъ жителей въ 1853 году, и двѣ роты изъ подвижнаго магазина, сформированнаго въ 1854 году, всего же до 4,500 подводъ.

Наконецъ отъ жителей курской, воронежской, харьковской и екатеринославской губерній, по распоряженію генералъ-адъютанта Анненкова, должно было поступить по раскладкѣ: 278 тыс. четв. сухарей, 28 тыс. четв. муки, 60 тыс. четв. крупъ и 230 тыс. четв. овса или ячменя.

Вообще же, въ половинѣ марта 1855 года, съ принятіемъ начальства надъ войсками въ Крыму княземъ Горчаковымъ, ожидалось, за исключеніемъ израсходованнаго къ этому времени провіанта:

Муки и сухарей въ равной пропорціи 643,000 четв.
Крупъ „ „ „ 117,600 „

На лицо же было всего: муки и сухарей 109,000 четвертей, а за удовлетвореніемъ войскъ по 1-е мая 61,000 четв., т.-е. едва на одинъ мѣсяцъ.

Остальное же количество свозилось постепенно и поступало въ магазины гораздо позже. Изъ числа 197,000 четв. провіанта, заготовленнаго по распоряженію военнаго министерства, доставлено въ Крымъ только 3,305 четв. Коммиссіонеры окончили порученныя имъ поставки частью въ маѣ, частью въ продолженіи лѣта и въ октябрѣ; а хлѣбъ, собираемый по реквизиціи генерала Анненкова, къ 1-му мая 1855 года только лишь свозился на сборные пункты губерній, а въ Ярошекъ и Аэрчи (пункты внѣ полуострова) доставленъ окончательно въ сентябрѣ ([10]). Дальнѣйшая же перевозка провіанта къ мѣстамъ расположенія войскъ, въ глубокую осень, представляла чрезвычайныя затрудненія. На всемъ протяженіи отъ Перекопа до Севастополя дороги были до того испорчены, что курьеры не рѣдко ѣхали шагомъ, съ остановками на пути. Пироговъ, на курьерскихъ, употребилъ на проѣздъ 72-хъ-верстнаго разстоянія, отъ Симферополя до Севастополя, болѣе полуторы сутокъ. Обозъ съ провіантомъ, высланный изъ Перекопа 17-го декабря, прибылъ въ Симферополь 21-го января, слѣдовательно, прошелъ 134 версты въ 34 дня, т.-е. кругомъ по 4 версты въ сутки ([11]).

Еще бо́льшія трудности представляли добываніе и доставка къ войскамъ фуража, при значительномъ числѣ кавалеріи, введенной на полуостровъ. Годовая потребность фуража для войскъ, сосредоточенныхъ въ мартѣ 1855 года въ Крыму, на 68 тысячъ строевыхъ и 30 тысячъ подъемныхъ лошадей, составляла:

1,400,000 четвертей овса, 11,520,000 пудовъ сѣна и 1,840,000 пудовъ соломы. На лицо же на всемъ полуостровѣ тогда оказалось всего 2,300,000 пудовъ продажнаго сѣна, чтó покрывало только двухъ-мѣсячную съ небольшимъ потребность войскъ, а, между тѣмъ, до появленія подножнаго корма оставалось еще полтора мѣсяца, а до новаго сѣна—до трехъ мѣсяцевъ. Къ тому же, имѣвшееся въ виду сѣно было раскинуто въ разстояніи ста и болѣе верстъ отъ расположенія войскъ.

Для своза провіанта, фуража и другихъ жизненныхъ припасовъ, а также дровъ (128,000 саж.), полагая, что провіантъ и зерновой фуражъ будутъ привозиться изъ мѣстъ, лежащихъ отъ театра военныхъ дѣйствій въ разстояніи 500 верстъ, сѣно—за 80 и дрова—за 35 верстъ, необходимо было, чтобы, въ теченіи 8-ми мѣсяцевъ, когда по свойству дорогъ подвозы возможны, находилось въ постоянномъ движеніи не менѣе 132,600 подводъ; а какъ въ подвижномъ магазинѣ было ихъ только 7,000, то остальныя 125,600 подводъ должны были доставить жители, чтó было весьма обременительно для всѣхъ губерній, прилежащихъ къ театру войны.

Такія поставки усложнялись скудостью перевозочныхъ средствъ на театрѣ войны. Въ 1848 году на Крымскомъ полуостровѣ считалось лошадей 54 тысячи и рогатаго скота 158 тыс. штукъ, а за исключеніемъ изъ числа послѣднихъ коровъ и телятъ, примѣрно $^4|_5$, оставалось воловъ, годныхъ для перевозки тяжестей, не болѣе 30-ти тыс. или 15 тыс. подводъ. А какъ съ начала войны до марта 1855 года, отъ закупки воловъ на мясныя порціи войскамъ, уменьшилось въ Крыму число рогатаго скота на $^2|_3$, то можно было разсчитывать только на 25 или 30 тыс. конныхъ и воловыхъ подводъ, тѣмъ болѣе, что го-

довая пропорція мяса для арміи превосходила числительность всего рогатаго скота, находившагося до войны на полуостровѣ.

Затруднительность добыванія фуража покупкою заставила полки легкой резервной кавалерійской дивизіи продовольствовать лошадей посредствомъ фуражировокъ; войска 6-го корпуса, расположенныя подъ Севастополемъ, обратились къ тому же способу. Слѣдствіемъ того было оставленіе своихъ жилищъ всѣми жителями евпаторійскаго уѣзда, которые, забравъ съ собою скотъ и все, что́ успѣли увезти изъ движимаго имущества, укрылись въ Евпаторіи. Въ деревняхъ не осталось ни одной души, а посылаемыя на фуражировку части войскъ, хозяйничая по собственному произволу, забирали все, что́ могли, и, какъ обыкновенно бываетъ, не рѣдко брали вдвое и втрое болѣе дѣйствительной потребности. По прибытіи въ Крымъ князя Горчакова, сдѣлано было распоряженіе объ описаніи имущества въ оставленныхъ жителями селеніяхъ, но къ тому времени въ нихъ уже почти ничего не было и всего собрано: муки 490 четв., ячменя 3,700 четв. и сѣна 2,000 пудовъ.

По прибытіи въ Крымъ князя Горчакова, главное вниманіе его по продовольственной части было обращено на два предмета, состоявшіе въ тѣсной связи между собою: 1) скудость перевозочныхъ средствъ и 2) дороговизну сѣна. (Для войскъ были утверждены цѣны на сѣно: расположеннымъ въ Севастополѣ за пудъ 1 р. 60 к., а находившимся въ окрестностяхъ 1 р. 30 к.). Для устраненія, по возможности, этихъ неудобствъ, были сдѣланы слѣдующія распоряженія: во 1-хъ, отданъ приказъ, чтобы войска, коимъ предоставлялось самимъ пріобрѣтать воловъ для мясныхъ порцій, отнюдь не покупали ихъ на полуостровѣ, а лишь внѣ Крыма; во 2-хъ,

какъ главная причина дороговизны сѣна заключалась въ недостаткѣ перевозочныхъ средствъ, то предписано полкамъ завести повозки, (на что̀ имъ отпущены деньги), съ тѣмъ, чтобы въ эти повозки впрягать порціонныхъ воловъ и на нихъ подвозить сѣно, а воловъ на пути кормить травою. Тогда же понижены цѣны на сѣно, такъ, что чрезъ это распоряженіе сдѣлано экономіи въ теченіи 1855 года до 7-ми милл. рубл. Въ 3-хъ, поручено генералъ-адъютанту Анненкову, въ сѣверныхъ уѣздахъ таврической губерніи, пригласить помѣщиковъ, государственныхъ крестьянъ и колонистовъ усилить сѣнокошеніе, вызвавъ работниковъ изъ другихъ губерній, и войти въ соглашеніе съ землевладѣльцами объ уступкѣ ими въ пользу войскъ сѣнокосныхъ полей и луговъ, и уборкѣ сѣна, какъ собственными ихъ средствами, такъ и наемными косцами, имѣя при томъ въ виду, чтобы пудъ заготовленнаго такимъ образомъ сѣна обошелся на мѣстѣ казнѣ не дороже 25-ти или 30-ти копѣекъ. Но и этотъ способъ добыванія сѣна могъ доставить только часть необходимаго количества.

Выше уже сказано, что годовая потребность сѣна для войскъ, находившихся на полуостровѣ въ 1855 году, простиралась до 11-ти милліоновъ пудовъ. По доставленнымъ же гражданскимъ управленіемъ въ интендантство свѣдѣніямъ, владѣльцы земель таврической губерніи могли приготовить сѣно не прежде конца сентября, т.-е. когда уже не было бы подножнаго корма и когда, со дня на день, надлежало ожидать распутицы; да къ тому же, вмѣсто 11-ти милл. пудовъ, имѣлось въ виду накошеннаго помѣщиками сѣна менѣе 2-хъ милл. пудовъ, изъ коихъ, за отдаленностью и бездорожьемъ, войска, сосредоточенныя около Севастополя, могли получить не болѣе 433-хъ тыс. пудовъ ([12]).

Такъ рушилось дѣло, на которомъ основывались всѣ разсчеты о снабженіи фуражомъ войскъ, сосредоточенныхъ въ окрестностяхъ Севастополя. Но, несмотря на то, войска въ послѣдующее время не встрѣтили недостатка въ сѣнѣ, и при томъ (чему не встрѣчаемъ примѣра ни въ одной изъ прежнихъ войнъ) оно было доставляемо интендантствомъ, по цѣнамъ, дешевѣйшимъ тѣхъ, по которымъ полки отказались сами продовольствовать лошадей (*).

Замѣтимъ, что для облегченія перевозки сѣна и соломы изъ южныхъ губерній въ Крымъ, были изыскиваемы различныя средства; но всѣ они оказались на опытѣ недостаточными, либо непримѣнимыми къ дѣлу. Такъ, военный министръ князь Долгоруковъ представилъ на Высочайшее усмотрѣніе обзоръ различныхъ прессовъ для сжиманія въ тюки сѣна и соломы, изъ коихъ русскій плотничный прессъ былъ признанъ самымъ удобнымъ, и потому Императоръ Николай Павловичъ соизволилъ на передачу модели этого пресса новороссійскому и бессарабскому генералъ-губернатору графу Строгонову, для введенія прессовъ и употребленія ихъ при перевозкѣ сѣна и соломы. Подобный способъ транспортировки фуража дѣйствительно принесъ пользу при веденіи войны Англичанами на Пиренейскомъ полуостровѣ, но можетъ быть выгоденъ только при перевозкахъ водою или по желѣзной дорогѣ, а не на крестьянскихъ телѣгахъ, потому что прессы уменьшаютъ только объемъ, не облегчая тяжести. На паро-воловую подводу нельзя грузить болѣе 35-ти пудовъ, и громоздкость сѣна не препятствуетъ помѣщать на телѣгу такое его количество, а бóльшаго пара воловъ не свезетъ. Прессованное сѣно подвергается

(*) Распоряженія интендантства, по принятіи княземъ Горчаковымъ начальства надъ войсками въ Крыму, изложены впослѣдствіи.

меньшей раструскѣ; но его, какъ и непрессованнаго, нельзя перевозить на значительныхъ разстояніяхъ безъ подножнаго корма, потому что, полагая на пару воловъ по $1^1/_2$ пуда сѣна въ сутки съ грузомъ и на обратный путь порожнякомъ, они съѣдятъ весь нагруженный фуражъ въ 11 переходовъ. Къ тому же, сѣно никогда не собирается на одномъ мѣстѣ въ большомъ количествѣ, и потому, при введеніи прессовъ, пришлось бы безпрестанно перевозить и устанавливать ихъ на лугахъ и поляхъ; а для перевозки каждаго пресса потребовалось бы до 12-ти и болѣе подводъ, на которыхъ съ бóльшею пользою можно перевезти 400 пудовъ сѣна. Все это заставило отказаться отъ употребленія прессовъ ([13]).

Ежели интендантская часть Крымской арміи, по свидѣтельству участниковъ послѣдней Восточной войны, была весьма удовлетворительна, въ отношеніи къ снабженію войскъ провіантомъ и фуражомъ, то призрѣніе больныхъ и раненыхъ, напротивъ того, заставляло желать многаго. Само собою разумѣется, что порицанія, коимъ подвергалась въ то время наша госпитальная часть, были отчасти основаны не на всестороннемъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, оказывавшихъ на нее могучее, неотразимое вліяніе, а на слухахъ и толкахъ, ходившихъ въ публикѣ, незнакомой съ существомъ дѣла. Поэтому безпристрастное изложеніе средствъ, состоявшихъ въ распоряженіи медицинскаго начальства, и употребленія ихъ, можетъ послужить къ раскрытію истины.

Мы уже видѣли, что высадка Союзниковъ въ Крымъ застигла насъ какъ-бы врасплохъ: Севастополь, главный пунктъ полуострова, былъ почти совершенно беззащитенъ съ сухаго пути; войскъ у

насъ тамъ было мало. Сообразно съ тѣмъ, мы имѣли въ Крыму военные госпитали только въ Севастополѣ, Симферополѣ, Ѳеодосіи, Керчи и Перекопѣ, всего на 1,950 кроватей, да, сверхъ того, въ симферопольской городской больницѣ могло быть помѣщено до ста больныхъ. Присоединивъ къ тому запасныя средства госпиталей и лазаретный матеріалъ войскъ, мы едва могли призрѣть 3,000 больныхъ ([14]).

Въ сраженіи на Алмѣ мы потеряли ранеными и контужеными болѣе 3-хъ тысячъ человѣкъ, и какъ нѣсколько сотъ изъ нихъ остались на полѣ сраженія, откуда были перевезены на французскомъ пароходѣ въ Одессу, то можно считать безошибочно число раненыхъ, перевезенныхъ въ крымскіе госпитали, въ 2,500. Всѣ они, а равно и больные, лежавшіе въ Севастополѣ, еще до перваго бомбардированія 5-го (17-го) октября, были отправлены въ Симферополь и Бахчисарай, гдѣ скопилось до 4-хъ тысячъ больныхъ и раненыхъ. Все это дѣлалось на̀-скоро, сообразно съ имѣвшимися весьма скудными средствами. Не было достаточно ни помѣщенія, ни кроватей, которыя не успѣли заготовить; на мѣстѣ же пріобрѣсти ихъ нельзя было и думать, потому что жители—Татары кроватей не употребляютъ. Недоставало ни бѣлья, ни даже необходимой для больныхъ пищи. Человѣкъ на триста, бо̀льшею частью раненыхъ, приходилось по одному врачу, а въ лекарствахъ и перевязочныхъ припасахъ уже и въ то время оказывался недостатокъ ([15]).

Главнокомандующій Южною арміей, получивъ въ октябрѣ свѣдѣніе объ истощеніи въ Крыму перевязочныхъ припасовъ, предписалъ тогда же кременчугской коммиссаріатской коммиссіи отправить въ Перекопъ и Херсонъ 180 тыс. аршинъ бинтовъ, 52 тысячи арш. компрессовъ и 250 пудовъ ветоши; но эти

припасы, высланные въ глубокую осень, прибыли въ Крымъ послѣ прибытія подкрѣпленій изъ Южной арміи и сраженій при Балаклавѣ и Инкерманѣ, т.-е. уже тогда, когда потребность въ госпитальныхъ средствахъ увеличилась примѣрно въ пять разъ.

Войска двигались изъ Южной арміи въ Крымъ, частью въ страшную распутицу, частью въ морозы, сопровождаемыя мятелями и вьюгами, и въ продолженіи похода помѣщались на ночлегъ въ тѣсныхъ избахъ, гдѣ не могли имѣть нужнаго отдыха. По прибытіи же въ окрестности Севастополя, когда наступила ненастная и холодная погода, солдаты устроивали для своего жилья шалаши изъ хворосту и соломы, а въ степныхъ мѣстахъ стояли на бивуакахъ, частью же толпились въ оставленныхъ жителями татарскихъ селеніяхъ. Севастопольскій гарнизонъ, въ продолженіи всей осени и зимы, располагался на бастіонахъ и батареяхъ, имѣя вблизи сборныя избы, либо въ казармахъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, болѣзни въ войскахъ съ каждымъ днемъ развивались и усиливались.

Между тѣмъ, въ октябрѣ, послѣдовали бомбардированіе Севастополя и сраженія при Балаклавѣ и Инкерманѣ, значительно умножившія число раненыхъ. Въ началѣ ноября 1854 года, изъ показываемыхъ по спискамъ 126,323-хъ строевыхъ нижнихъ чиновъ, кромѣ оставленныхъ въ госпиталяхъ Южной арміи около 6,000 человѣкъ, состояло въ госпиталяхъ и лазаретахъ Крымской арміи болѣе 21-й тысячи человѣкъ, всего же 27,244 чел., въ числѣ коихъ раненыхъ 10,553, не считая легко-раненыхъ, остававшихся на службѣ при войскахъ ([16]).

Бомбардированіе въ началѣ (въ половинѣ) октября, нанеся огромныя поврежденія Сухопутному госпиталю, расположенному между 5-мъ и 6-мъ бастіо-

нами, и Морскому госпиталю, на Корабельной, заставило насъ перемѣстить на-скоро больныхъ и раненыхъ на Сѣверную сторону: въ провіантскіе магазины, на Михайловскую батарею и въ бараки. Легко вообразить, какъ тягостна была такая переноска для трудно-больныхъ и для раненыхъ, которыхъ, за недостаткомъ рукъ и средствъ, не успѣвали перевязать надлежащимъ образомъ. Медицинской администраціи при сухопутныхъ госпиталяхъ не было никакой, и каждый врачъ по-неволѣ становился операторомъ ([17]).

Сраженіе при Инкерманѣ, въ которомъ наши войска понесли огромный уронъ, поставило нашу медицинскую часть въ безвыходное положеніе. Когда происходило это сраженіе, тогда ни въ севастопольскихъ, ни въ симферопольскихъ госпиталяхъ уже не было ни одного свободнаго мѣста. А, между тѣмъ, въ день 24-го октября (5-го ноября) было нашихъ раненыхъ и контуженыхъ до 6,600 человѣкъ, и если бы многіе изъ нихъ не остались во фронтѣ, то ихъ некуда было бы дѣвать. Нѣсколько дней послѣ Инкерманскаго сраженія, Севастополь былъ буквально наполненъ ранеными, которые оставались не только безъ перевязки, но даже безъ крова и пищи, несмотря на всѣ усилія начальства. Чтобы удалить эту массу раненыхъ и больныхъ отъ осажденнаго города, рѣшено было отправить ихъ въ Симферополь, единственный большой городъ на всей линіи сообщенія Крымской арміи съ остальною Россіею. Еще въ половинѣ (въ концѣ) сентября, послѣ сраженія при Алмѣ, было предписано военному губернатору города Симферополя, графу Адлербергу, приготовить помѣщеніе не менѣе какъ для 6,000 раненыхъ. Само собою разумѣется, что неотлагательное исполненіе такого приказанія въ городѣ, населенномъ всего 18-ю

тысячами жителей, оказалось невозможнымъ. Когда же, послѣ сраженія при Инкерманѣ, многіе изъ симферопольскихъ жителей успѣли оставить городъ и когда были очищены многія изъ публичныхъ зданій, тогда цѣлая половина Симферополя обратилась въ громадный госпиталь, переполненный ранеными и больными: число первыхъ впослѣдствіи доходило до 18-ти тысячъ, а больныхъ къ марту 1855 года набралось до 9-ти тысячъ. Но и тамъ, по недостатку медицинскихъ средствъ, больные находились въ бѣдственномъ положеніи. Нерѣдко приходилось имъ, по прибытіи въ Симферополь, проводить на повозкѣ полдня и болѣе; затѣмъ, не снимая съ нихъ окровавленнаго платья, ихъ укладывали, за неимѣніемъ постелей, на полу, на рогожи, или на солому. Госпитальная прислуга была крайне плоха. Изъ тысячи служителей, постоянныхъ было не болѣе ста; остальные же назначались временно изъ выздоровѣвшихъ, либо изъ музыкантовъ, и смѣнялись, еще не успѣвъ привыкнуть къ госпитальной службѣ ([18]).

Недостатокъ въ мѣстахъ для помѣщенія больныхъ и раненыхъ заставилъ тогда же приступить къ перевозкѣ ихъ изъ Симферополя въ Херсонъ, нѣмецкія колоніи, Карасубазаръ и Ѳеодосію. Состоявшій при войскахъ подвижной госпиталь былъ сильно разстроенъ отъ долгаго похода, и потому отправляли больныхъ на повозкахъ подвижнаго магазина, возвращавшихся изъ Севастополя, стараясь высылать ихъ небольшими частями, чтобы доставить перевозимымъ людямъ на ночлегахъ укрытіе. Но какъ погода стояла ненастная, то телѣги вязли въ грязи по самыя ступицы и больные по цѣлымъ часамъ оставались подъ проливнымъ дождемъ. Зимою, когда люди были хорошо одѣты, перевозка исполнялась удобнѣе и смертность уменьшилась; но за то боль-

ные иногда отмораживали себѣ ноги. Въ концѣ 1854 года, по случаю сильныхъ морозовъ, транспортировка больныхъ была пріостановлена, но потомъ, когда изъ военныхъ поселеній прислали полушубки, она продолжалась прежнимъ порядкомъ, и въ четыре мѣсяца, съ 1-го ноября 1854 года по 1-е марта 1855 года, вывезено изъ севастопольскихъ и симферопольскихъ госпиталей около 15,000 человѣкъ. Въ числѣ ихъ было отправлено болѣе 3-хъ тысячъ раненыхъ въ нѣмецкія колоніи и селенія государственныхъ крестьянъ мелитопольскаго и бердянскаго уѣздовъ, которые, принявъ больныхъ на свое попеченіе, перевезли ихъ къ себѣ, бо́льшею частью безвозмездно, въ собственныхъ крытыхъ повозкахъ, и снабжали ихъ теплою одеждою. Нагайскіе Татары также оказали большія услуги войскамъ, перевозя на своихъ подводахъ раненыхъ и больныхъ въ сѣверные уѣзды таврической губерніи. Къ сожалѣнію, транспортировка этихъ страдальцевъ, производившаяся всѣми возможными способами, но безъ всякой системы, не достигала своей цѣли. „Этаповъ не было вначалѣ устроено, а дурныя дороги и неудобныя подводы, недостатокъ медиковъ и фельдшеровъ, перевязочныхъ матеріаловъ, медикаментовъ и хирургическихъ инструментовъ, наконецъ теплой одежды и пищеварительныхъ котловъ, производили разрушительное вліяніе на здоровье страждущихъ, въ особенности при перевозкѣ ихъ въ глубокую осень и зиму. Бывали даже случаи, что десятая часть перевозимыхъ умирала въ пути, дѣлаясь жертвою страшныхъ лишеній и безпорядковъ, что̀ слѣдуетъ отнести отчасти и къ небреженію военнаго начальства о сбереженіи здоровья нижнихъ чиновъ. Съ ноября 1854 года, по мартъ 1855, многіе транспорты прибыли изъ Севастополя и Симферополя въ чрезвычайномъ

безпорядкѣ, безъ медиковъ, фельдшеровъ и необходимыхъ медицинскихъ средствъ; въ особенности замѣчателенъ въ этомъ отношенiи транспортъ, высланный 29-го октября изъ симферопольскаго госпиталя въ нѣмецкiя колонiи мелитопольскаго уѣзда, въ числѣ болѣе 1,500 раненыхъ. Въ транспортѣ этомъ, отправленномъ безъ осмотра врачей, по назначенiю однихъ фельдшеровъ, оказались весьма тяжело-раненые, безъ зимней одежды и обуви, въ окровавленныхъ шинеляхъ и рубашкахъ, и даже съ пулями въ членахъ, которыхъ нельзя было вынуть, по неимѣнiю хирургическихъ инструментовъ. Этотъ транспортъ, испытавъ всевозможныя бѣдствiя, прибылъ по назначенiю 7-го ноября; однако необходимыя операцiи произведены раненымъ уже въ концѣ декабря“ ([19]). Послѣ этого весьма понятно, почему Союзники, отправляя своихъ больныхъ и раненыхъ моремъ въ Константинополь, теряли менѣе людей, нежели мы, будучи принуждены перевозить больныхъ на тряскихъ телѣгахъ по дурнымъ дорогамъ.

Но какъ ни мрачна картина бѣдствiй, разразившихся надъ нашими страдальцами, какъ ни естественно чувство негодованiя на подобные безпорядки, можемъ ли мы кого-либо винить въ томъ? Мы уже видѣли, что и военное, и медицинское управленiе, застигнутыя неожиданно непрiятельскою высадкою, на всякомъ шагу должны были бороться съ препятствiями и недостатками. Военное начальство, послѣ потери сраженiя на Алмѣ, было озабочено участью флота, не имѣвшаго возможности противиться грозной Союзной армадѣ, и защитою города, почти совершенно открытаго. Затѣмъ наступило бомбардированiе, которому до того времени не было примѣра. Уже тысячи раненыхъ наполняли Севастополь, когда послѣдовало сраженiе при Инкерманѣ и число

требовавшихъ помощи утроилось, между тѣмъ какъ непріятель ежеминутно угрожалъ городу штурмомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, что́ могъ сдѣлать главнокомандующій? Что́ могла сдѣлать медицинская часть, при недостаткѣ врачей, хирургическихъ инструментовъ, госпитальныхъ средствъ, лекарствъ и хорошей прислуги? Да ежели бы все это и было въ довольномъ количествѣ, то что́ можно было сдѣлать при ужасномъ столпленіи больныхъ и раненыхъ, замедлявшемъ благопріятный исходъ леченія и пораждавшемъ повальныя болѣзни? Подобныя бѣдствія, въ бо́льшемъ или меньшемъ размѣрѣ, случались во всѣ войны, и чтобы предупредить ихъ въ будущности, необходимо въ мирное время пріискать средства къ святому дѣлу—призрѣнія воиновъ. При наступленіи же войны, эти средства должны быть готовы въ достаточномъ—изобильномъ, если возможно—количествѣ; въ противномъ случаѣ, всѣ мѣры, принятыя для облегченія участи раненыхъ и больныхъ, будутъ неудовлетворительны.

Такъ, въ Восточную войну 1853—1856 годовъ, когда, при первомъ зловѣщемъ слухѣ о тяжкомъ положеніи нашихъ раненыхъ, вся Россія выказала готовность оказать имъ посильную помощь, когда ежеминутно посылались въ Крымъ пожертвованія, отъ щедрыхъ даровъ Августѣйшаго Дома до лепты бѣдной вдовицы, всего этого оказалось недостаточно для совершеннаго удовлетворенія нуждъ нашихъ воиновъ, истерзанныхъ при защитѣ роднаго края.

Тѣмъ не менѣе однако же было сдѣлано все возможное, чтобы облегчить ихъ участь. Вездѣ, во всякомъ кружкѣ общества, трудились женщины, приготовляя корпію, бинты и холстъ для военныхъ госпиталей. Покойная Императрица Александра Ѳеодоровна прислала въ Севастополь изъ своихъ имѣній

значительное количество разныхъ винъ. Великій Князь Константинъ Николаевичъ составилъ особый комитетъ для сбора пожертвованій, назначенныхъ преимущественно для моряковъ, первыхъ защитниковъ Севастополя. Отправленные въ Крымъ Его Высочествомъ надежные чиновники не только снабжали страдальцевъ деньгами, но и заботились о доставленіи имъ хорошаго присмотра, пищи, вина, табаку и проч. Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, будучи свидѣтелями доблестныхъ подвиговъ нашего воинства, раздѣляя труды и опасности съ защитниками Севастополя, оказывали щедрую помощь раненымъ. Тогда же флигель-адъютанты и другія лица, по порученію самого Государя, раздавали деньги раненымъ сухопутнаго вѣдомства, что́, конечно, по большому числу нуждавшихся въ помощи, представляло большія затрудненія и могло быть успѣшно лишь благодаря усердію исполнителей Высочайшей воли.

По словамъ одного изъ свидѣтелей обороны Севастополя—„Особенно высокіе подвиги въ дѣлѣ призрѣнія больныхъ оказала Великая Княгиня Елена Павловна. Ея дѣятельное, энергическое покровительство дало уходу за ними надлежащую организацію и опредѣленный характеръ, преимущественно выразившіеся въ образованіи *Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія*. Впослѣдствіи, по указанію Государыни Цесаревны, нынѣ Государыни Императрицы Маріи Александровны, учреждена другая, такая же община, дѣйствовавшая внѣ Севастополя. Но еще до того, Государыня Цесаревна отправила въ Крымъ особую коммиссію, изъ графовъ Віельгорскаго, Палена и Остенъ-Сакена, снабженную значительными средствами, на которую было возложено дать дѣлу призрѣнія раненыхъ наиболѣе благотвор-

ное направленіе и сдѣлать для всей арміи то, что́ съ самаго начала съ такимъ успѣхомъ было достигнуто для морскаго вѣдомства. Только въ дышащемъ любовью къ человѣчеству сердцѣ могли зародиться высокія благотворныя цѣли, начертанныя въ правилахъ для руководства коммиссіи. Не ограничиваясь улучшеніемъ быта страждущихъ въ матеріальномъ отношеніи, удовлетворяя всѣмъ требованіямъ медицины и гигіены, коммиссія, по мысли Императрицы, должна была, сообща съ сестрами милосердія, какъ бы замѣнять собою Провидѣніе для больныхъ и раненыхъ воиновъ. Ея члены были обязаны доставлять нравственную поддержку и утѣшеніе изувѣченнымъ и умирающимъ, выслушивать ихъ завѣщанія и просьбы, съ участіемъ распрашивать объ ихъ семейныхъ обстоятельствахъ и поселять въ нихъ увѣренность, что близкіе ихъ сердцу родные—будь это покинутая мать, осиротѣвшія дѣти, братъ или сестра, либо наконецъ дряхлые безпомощные родители, потерявшіе послѣднюю опору—ни въ чемъ не будутъ нуждаться послѣ ихъ смерти" ([20]).

Участіе женщинъ всѣхъ сословій общества въ призрѣніи раненыхъ, съ самаго начала осады Севастополя, было благотворно. Всѣ жительницы города изъявили готовность посвятить себя служенію и помощи страждущимъ; а съ образованіемъ Крестовоздвиженской общины уходъ за больными получилъ широкое развитіе. Вообще дѣятельность этихъ женщинъ выше всякой похвалы. Ихъ заботы не только облегчали матеріальное положеніе больныхъ и страданія раненыхъ при операціяхъ, но и ободряли ихъ нравственно своимъ теплымъ участіемъ и ласковымъ обращеніемъ. „Только очевидецъ могъ составить себѣ вѣрное понятіе о самоотверженіи и героизмѣ этихъ женщинъ—говоритъ Гюббенетъ.—Съ рѣдкимъ

мужествомъ переносили онѣ не только тяжкіе труды и лишенія, но и явныя опасности. Онѣ выдержали бомбардированіе съ геройствомъ, которое сдѣлало бы честь любому солдату. На перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталѣ онѣ дѣлали перевязки раненымъ, не трогаясь съ мѣста, несмотря на то, что бомбы, то и дѣло, летали кругомъ ихъ и наносили присутствующимъ тяжелыя раны. Еще болѣе удивленія достойны многія изъ нихъ (Барщевская, Мещерская и другія), съ истинно христіанской любовью помогавшія врачамъ при самыхъ трудныхъ операціяхъ, перевязывавшія кровоточащіе сосуды съ величайшимъ хладнокровіемъ и вообще подававшія больнымъ всякаго рода помощь“ ([21]).

Одновременно съ проявленіемъ всеобщаго теплаго участія въ судьбѣ раненыхъ, профессоры Петербургской Медико-Хирургической академіи Пироговъ и Кіевскаго университета Св. Владиміра Гюббенетъ изъявили готовность ѣхать въ Крымъ, для поданія помощи страждущимъ воинамъ. Оба они отправились туда въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ врачей, бóльшею частью своихъ слушателей. Первому изъ нихъ, по желанію Великой Княгини Елены Павловны, были подчинены сестры Крестовоздвиженскаго общества. Прибывъ въ Севастополь въ первой (во второй) половинѣ ноября, Пироговъ тотчасъ приступилъ къ устройству хирургической части и принялъ мѣры для устраненія ошибокъ и недосмотровъ въ дѣлѣ призрѣнія больныхъ и раненыхъ. Какъ число врачей было крайней недостаточно (*), то со стороны правительства послѣдовалъ вызовъ на службу русскимъ и—посредствомъ посольствъ—иностраннымъ

(*) Такъ, наприм., на Корабельной, въ январѣ 1855 года, при госпиталѣ съ 1,500 больными было всего 8 врачей, изъ коихъ 2 вскорѣ заболѣли тифомъ.

врачамъ. Въ 1854 и 1855 годахъ поступило въ Крымскую армію всего около 300 своихъ и 114 нѣмцевъ и американцевъ; но иностранцы, по незнанію ими русскаго языка, не могли принести большой пользы. Рѣшено было также приступить къ ускоренному выпуску врачей изъ Медико-Хирургической академіи и университетовъ, еще до окончанія ими курса наукъ, и такимъ образомъ выпущено и отправлено въ армію до 700 человѣкъ. Но и эта мѣра оказалась неудовлетворительною. Молодые люди, непривычные къ чрезвычайнымъ трудамъ и лишеніямъ, почти всѣ переболѣли тифомъ. Вообще смертность между врачами была значительна: изъ 2,840 человѣкъ, находившихся при арміяхъ, въ продолженіи войны умерло 354, т.-е. $^1/_8$ часть, и въ томъ числѣ убито только 5. Изъ 3,759 фельдшеровъ и фельдшерскихъ учениковъ выбыла умершими и больными почти половина ([22]).

Медицинское управленіе имѣло во главѣ генералъ-штабъ-доктора арміи Шрейбера; профессоръ Пироговъ принялъ на себя инспектированіе госпиталей въ Крыму и общій надзоръ за хирургическою частью, а профессоръ Гюббенетъ, тотчасъ по прибытіи въ Севастополь, отправился на Южную сторону, на главный перевязочный пунктъ, тогда находившійся въ домѣ дворянскаго собранія. Медицинская часть морскаго вѣдомства имѣла свое особое управленіе, и главный перевязочный пунктъ состоялъ въ рукахъ морскихъ врачей, въ вѣдѣніи медицинскаго инспектора Рождественскаго.

Какъ по мнѣнію профессора Гюббенета, поддержанному и Пироговымъ, зданіе дворянскаго собранія, отъ продолжительнаго въ немъ помѣщенія раненыхъ, оказалось весьма неблагопріятно въ гигиеническомъ отношеніи, то главный перевязочный пунктъ былъ переведенъ въ дома у Артиллерійской бухты,

а для гангренозныхъ и безнадежныхъ раненыхъ отведенъ такъ называемый Екатерининскій дворецъ; на Корабельной же главный перевязочный пунктъ находился въ морскихъ казармахъ ([23]).

Въ началѣ (въ половинѣ) марта 1855 года, изъ числившихся по спискамъ 148,789 нижнихъ чиновъ Крымской арміи, находилось въ госпиталяхъ и лазаретахъ около 32-хъ тысячъ человѣкъ, изъ коихъ раненыхъ было 8,902 ([24]).

Въ такомъ положеніи находилась госпитальная часть во время принятія начальства надъ войсками въ Крыму княземъ Горчаковымъ.

ГЛАВА XXVII.

Штурмъ Евпаторіи.

(5-го (17-го) февраля 1855 года).

Современное положеніе дѣлъ.

Послѣднимъ дѣйствіемъ нашихъ войскъ въ Крыму, до назначенія туда новаго главнокомандующаго на мѣсто князя Меншикова, было нападеніе на непріятеля, занимавшаго Евпаторію.

Давно уже высадки, тамъ происходившія, возбуждали опасенія Меншикова на счетъ возможности движенія Союзниковъ оттуда къ Перекопу; но, по всей вѣроятности, не столько эти обстоятельства, сколько постоянныя требованія Государя—открыть рѣшительныя дѣйствія—побудили нашего главнокомандующаго къ такому предпріятію, которое, оставляя въ неизмѣнномъ положеніи борьбу подъ Севастополемъ, имѣло видъ перехода къ наступленію. Военный министръ, князь Долгоруковъ, въ письмѣ князю Меншикову, сдѣлалъ довольно ясный намекъ о нападеніи на Евпаторію, что также имѣло вліяніе на послѣдующія распоряженія нашего главнокомандующаго. Въ дѣйствительности-же занятіе

Евпаторіи не могло намъ доставить никакой выгоды, потому что нельзя было постоянно удерживать этого города подъ выстрѣлами непріятельскаго флота. Самъ Государь сомнѣвался въ успѣхѣ такого предпріятія, хотя и настаивалъ на переходѣ въ наступательное положеніе нашей арміи. „Буду ждать—писалъ Онъ князю Меншикову—состоится ли атака на Евпаторію; кажется, ежели и овладѣть ею, то удержаться въ ней нелегко будетъ подъ морскимъ огнемъ. Продолжаютъ доходить сюда свѣдѣнія, что Союзники готовятся къ штурму; вчера узнали, будто послано 4 тыс. кирасъ, въ которыя хотятъ одѣть штурмующія колонны... Что-то мудрено Мнѣ кажется лѣзть на штурмъ въ подобномъ убранствѣ, да наши штыки съумѣютъ, полагаю Я, и несмотря на кирасы, перещитать имъ ребра!

„Важнѣе то для Меня, что проходитъ время для насъ удобное, а гибельное врагамъ; скоро будетъ тепло и сухо; они усилятся, и тогда будетъ намъ гораздо мудренѣе достичь предмета нашихъ желаній, ежели теперь не успѣемъ все кончить съ имѣющимися способами.

„Потому повторяю Мою убѣдительную просьбу—все хорошо обдумавъ, сообразить, какъ наилучше-бъ можно было атаковать враговъ, до или послѣ отбитаго приступа. Нельзя намъ оставаться въ бездѣйствіи и давать врагамъ усовершенствовать свои работы и получать подкрѣпленія, и утратить напрасно время, когда мы надъ ними имѣемъ перевѣсъ, зная въ какомъ разстройствѣ Англичане, и что и Французамъ не легко“... (1).

Предварительное обозрѣніе Евпаторіи было поручено, во второй половинѣ января (въ началѣ февраля), княземъ Меншиковымъ генералъ-лейтенантамъ: начальнику евпаторійскаго отряда барону К. Е.

Врангелю и начальнику артиллеріи сего отряда Хрулеву. Баронъ Врангель донесъ, что, находя сей городъ сильно укрѣпленнымъ, онъ не можетъ ручаться за успѣхъ штурма. Напротивъ того, генералъ Хрулевъ, производившій рекогносцировку отдѣльно отъ барона Врангеля, подойдя къ городу такъ близко, что могъ говорить съ находящимися тамъ Татарами, нашелъ, что земляныя укрѣпленія Евпаторіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще не были окончены и насыпи такъ низки, что не прикрывали даже фундаментовъ городскихъ домовъ: основываясь на томъ, Хрулевъ не сомнѣвался въ успѣхѣ предположеннаго нападенія. Сообразивъ такія, противорѣчившія одно другому донесенія, князь Меншиковъ рѣшился поручить взятіе Евпаторіи генералу Хрулеву и передалъ подъ его начальство пѣхоту и часть кавалеріи евпаторійскаго отряда, въ составѣ 22-хъ баталіоновъ, 24-хъ эскадроновъ и 5-ти казачьихъ сотенъ, въ числѣ около 19-ти тысячъ человѣкъ съ 108-ю орудіями ([2]). Пѣхота отряда пришла отъ Перекопа, кромѣ Азовскаго пѣхотнаго полка, двинутаго изъ окрестностей Севастополя. Вслѣдъ затѣмъ главныя силы князя Меншикова были усилены, прибывшими къ Бахчисараю, 5-го и 7-го (17-го и 19-го) февраля, 8-ю резервными баталіонами 16-й пѣхотной дивизіи и 4-мя резервными баталіонами 17-й пѣхотной дивизіи. Изъ всего отряда, назначеннаго для защиты сѣвернаго прибрежья Чернаго моря, отъ Херсона до Перекопа, остались только одинъ баталіонъ Алексопольскаго егерскаго полка, 4 резервныхъ баталіона 17-й дивизіи и сводная кавалерійская бригада генералъ-маіора Рыжова. Разлитіе рѣчки Черной, затруднившее сообщенія войскъ, стоявшихъ по лѣвую сторону ея, съ главными силами князя Меншикова, заставило насъ, въ концѣ ноября

(въ первыхъ числахъ декабря н. ст.), сосредоточить армію на правой сторонѣ рѣчки, расположивъ войска правымъ флангомъ на инкерманскихъ высотахъ, а лѣвымъ у селенія Чоргунъ. На лѣвой же сторонѣ рѣчки, у деревни Комары и у часовни Іоанна Постнаго, были на время оставлены, для наблюденія, Уральскій № 1-го и Донской № 53-го казачьи полки (3).

До ноября 1854 года, городъ Евпаторія былъ прикрытъ каменною стѣнкою, впереди которой находилось нѣсколько батарей, слабой профили, вооруженныхъ орудіями малаго калибра. Но послѣ сраженія при Инкерманѣ, Союзники обнесли городъ сплошнымъ землянымъ валомъ съ глубокимъ и широкимъ рвомъ и усилили, какъ число, такъ и вооруженіе батарей. Небольшой евпаторійскій гарнизонъ былъ усиленъ нѣсколькими турецкими баталіонами, перевезенными изъ Балаклавы и Камыша. Въ половинѣ (въ концѣ) декабря, перебѣжчики изъ Евпаторіи донесли, будто бы тамъ находилось до 10-ти тыс. Турокъ, до 5-ти тысячъ Татаръ, способныхъ носить оружіе, и около 700 Французовъ и Англичанъ, не считая матросовъ на судахъ, стоявшихъ въ виду города. Кромѣ того, по словамъ ихъ, ожидали въ Евпаторіи Омера-пашу съ сильною турецкою арміей, по прибытіи которой Союзники предполагали сдѣлать диверсію къ Перекопу и дѣйствовать рѣшительно противъ Севастополя.

28-го января (9-го февраля), высадились въ Евпаторіи, подъ начальствомъ Омера-паши, двѣ турецкія и одна египетская дивизіи, съ двумя эскадронами и двумя полевыми батареями, въ числѣ 21,600 человѣкъ (4). Кромѣ того, въ городѣ находились: прежній турецкій гарнизонъ, до тысячи вооруженныхъ

Татаръ, небольшой отрядъ французской пѣхоты и команда изъ 276-ти моряковъ стоявшаго на мели и обращеннаго въ батарею французскаго корабля „Генрихъ IV“. Замѣтимъ, что въ то время, когда производилась наша рекогносцировка, укрѣпленія Евпаторіи, предпринятыя въ большихъ размѣрахъ и еще не оконченныя, были вооружены только 34-мя, большею частью морскими орудіями и 5-ю ракетными станками, но въ теченіи двухъ недѣль, истекшихъ до штурма, непріятель значительно усилилъ и вооружилъ свои батареи. Шесть военныхъ пароходовъ, стоявшихъ на рейдѣ, могли принять участіе въ оборонѣ города.

Проектъ нападенія на Евпаторію сперва былъ составленъ генеральнаго штаба подполковникомъ Батезатуломъ, но потомъ измѣненъ генераломъ Хрулевымъ. Какъ мѣстность впереди города могла быть сильно обстрѣливаема съ фланговъ огнемъ Союзныхъ пароходовъ, то предполагалось направить главную атаку на центръ, гдѣ дѣйствіе корабельной артиллеріи было наименьшее; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, для развлеченія силъ и вниманія непріятеля, назначено вести двѣ вспомогательныя атаки на оба фланга города, начавъ ихъ нѣсколько ранѣе главной атаки.

На основаніи диспозиціи для штурма Евпаторіи, отданной генералъ-лейтенантомъ Хрулевымъ, 31-го января (12-го февраля) 1855 года, назначены были командовать: *всею пѣхотою* отряда—генералъ-маіоръ Св. Его Велич. князь П. А. Урусовъ 2-й; *правою колонною*, состоявшею изъ полковъ графа Забалканскаго (Черниговскаго) и Полтавскаго, съ 4-мя батареями, уланскими полками эрцгерцога Австрійскаго Леопольда (Украинскимъ) и Новоархангельскимъ и двумя сотнями казаковъ—генералъ-маіоръ Бобылевъ; *среднею колонною*, изъ полковъ Алексопольскаго и Кре-

менчугскаго и волонтеровъ греческаго баталіона, съ тремя батареями и сотнею казаковъ—генералъ-маіоръ Тетеревниковъ; *лѣвою колонною* изъ Азовскаго полка и резервныхъ баталіоновъ Подольскаго егерскаго полка, съ 4½ батареями, драгунскимъ Цесаревича (Московскимъ) полкомъ и двумя сотнями казаковъ—генералъ-маіоръ Огаревъ 3-й. Вся артиллерія находилась подъ начальствомъ полковника Шейдемана; артиллерія правой колонны—полковника Колобова, средней—полковника Сегеркранца, лѣвой—полковника Пущина.

Для наблюденія за Сакскою косою, были расположены у сел. Сакъ драгунскіе полки Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Константина Николаевича и Михаила Николаевича (Каргопольскій и Кинбурнскій), съ конно-легкою № 22-го батареей, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Врангеля, а для прикрытія сообщенія съ Симферополемъ, стояла впереди сел. Багай — 2-я бригада резервной уланской дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Корфа.

Генералъ Хрулевъ, имѣя въ виду открыть артиллерійскій огонь прямо съ ближней дистанціи, для наибольшей дѣйствительности въ стрѣльбѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предохранить по возможности артиллерію отъ непріятельскаго ружейнаго огня, счелъ нужнымъ устроить прикрытія для орудій и стрѣлковъ. Съ этою цѣлью, 4-го (16-го) февраля, наканунѣ дня, назначеннаго для штурма, войска, отслушавъ молебенъ въ 8 часовъ утра и приготовясь къ бою въ теченіе дня, выступили съ мѣстъ своей стоянки въ 6 часовъ вечера на сборные пункты, въ разстояніи около 4-хъ верстъ отъ города, и провели тамъ ночь, не разводя огней; кавалеріи же приказано было прибыть на позицію въ 5 часовъ утра. Между тѣмъ,

въ темную ночь, послѣ 12-ти часовъ, полковникъ Шейдеманъ, подъ прикрытіемъ казачьихъ аванпостовъ и цѣпи стрѣлковъ, поддержанныхъ шестью баталіонами, приступилъ къ устройству эполементовъ для артиллеріи и ямокъ для стрѣлковъ, въ разстояніи около 250-ти саженъ отъ городской ограды. Назначенные на работу отъ пѣхотнаго графа Забалканскаго (Черниговскаго), Алексопольскаго и Подольскаго егерскихъ полковъ, всего 420 человѣкъ, построили 76 эполементовъ, на каждое орудіе отдѣльно, въ сорока шагахъ одинъ отъ другаго, а въ интервалахъ между ними, нѣсколько впереди, по пяти ямокъ для штуцерныхъ. Къ разсвѣту, всѣ 76 орудій, назначенныя въ боевую линію, заняли эту укрѣпленную позицію, причемъ коноводы съ строевыми людьми конно-батарейной № 21-го батареи были отведены назадъ; въ резервѣ остались 32 орудія: за правымъ флангомъ позиціи конно-легкія батареи №№ 19-го и 20-го, а за лѣвымъ—4-я легкая 11-й артилл. бригады и конно-легкая № 23-го батареи. За артиллеріей, стоявшею на позиціи, въ разстояніи отъ нея двухъ-сотъ саженъ, расположились въ первой линіи шесть баталіоновъ (по два отъ каждой колонны), построенные въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ; за ними, въ двухъ стахъ саженяхъ, стали во второй линіи по два баталіона отъ каждой колонны, построенные въ полубаталіонныя колонны, и наконецъ, въ такомъ же разстояніи, находился резервъ, состоявшій изъ 4-хъ баталіоновъ правой, изъ 3-хъ—средней и 3-хъ—лѣвой колонны. Кавалерія была построена уступами за внѣшними флангами резервовъ правой и лѣвой колоннъ: на правомъ флангѣ Новоархангельскій уланскій полкъ, въ развернутомъ фронтѣ, и за нимъ Украинскій уланскій, въ полковой колоннѣ; на лѣвомъ флангѣ Московскій

драгунскій Цесаревича (нынѣ Лейбъ-драгунскій Московскій Его Величества) полкъ, въ полковой колоннѣ. Сотня Донскаго № 61-го полка стала позади праваго фланга уланъ; прочіе же казаки расположились впереди лѣваго фланга драгунъ.

Непріятель въ ночи не мѣшалъ нашимъ работамъ, но, по всей вѣроятности, былъ предупрежденъ о нашемъ намѣреніи—штурмовать городъ—и приготовился къ бою. Всѣ орудія и ракетныя станки его были размѣщены по батареямъ, на коихъ часть прислуги состояла изъ Французовъ вмѣстѣ съ Египтянами; отдѣльное укрѣпленіе впереди мельницъ было занято однимъ изъ египетскихъ полковъ съ полевою батареей; по всѣмъ остальнымъ укрѣпленіямъ, кромѣ батареи внутри города, разставлены турецкія войска; Египтяне же, бо́льшею частью, находились въ резервѣ.

5-го (17-го) февраля, въ 6 часовъ утра, раздался первый непріятельскій выстрѣлъ, и вслѣдъ затѣмъ возгорѣлась общая канонада, поддержанная штуцернымъ огнемъ. Генералъ Хрулевъ, имѣя въ виду начать штурмъ лѣвымъ крыломъ, чтобы отрѣзать гарнизонъ Евпаторіи отъ Сакской косы, приказалъ, четверть часа по открытіи огня, двумъ батареямъ: № 4-го 11-й артиллерійской бригады и конно-легкой № 23-го, выдвинуться изъ резерва и стать на лѣвомъ флангѣ боевой линіи, подъ входящимъ угломъ съ прочими батареями, для обстрѣливанія города косвенными выстрѣлами. Подъ прикрытіемъ этой канонады, адъютантъ князя Меншикова, подполковникъ Панаевъ, подойдя къ стѣнамъ города со стороны Сакскаго озера, и усмотрѣвъ, что тамъ не было непріятельской артиллеріи, двинулъ впередъ греческій баталіонъ и спѣшенныхъ казаковъ отъ трехъ сотенъ № 61-го и одной № 55-го дон-

скихъ полковъ, за которыми въ резервѣ слѣдовалъ баталіонъ спѣшенныхъ драгунъ. Укрываясь за стѣнами кладбища и въ каменоломныхъ ямахъ, наши войска подошли къ укрѣпленіямъ на сто шаговъ и завязали съ непріятелемъ перестрѣлку. Тогда же изъ резерва праваго фланга была выдвинута въ боевую линію 19-я конно-легкая батарея.

Такимъ образомъ съ нашей стороны дѣйствовали 24 батарейныхъ и 76 легкихъ орудій, которымъ непріятель отвѣчалъ огнемъ орудій большаго калибра и 5-ти ракетныхъ станковъ, поддержанныхъ нѣсколькими полевыми орудіями и дѣйствіемъ съ пароходовъ. Несмотря на превосходство Турокъ въ калибрахъ орудій, наша артиллерія дѣйствовала такъ удачно, что многія изъ непріятельскихъ орудій были принуждены замолчать и пять зарядныхъ ящиковъ и погребковъ взорвано нашими выстрѣлами. Успѣху нашей канонады много способствовали штуцерные, расположенные въ ямкахъ между орудіями: они заставили своими мѣткими выстрѣлами непріятельскихъ стрѣлковъ ослабить огонь и содѣйствовали сохраненію прислуги при орудіяхъ.

Генералъ Хрулевъ, замѣтя ослабленіе непріятельскаго огня, рѣшился сдѣлать попытку штурма войсками лѣвой колонны; но предварительно, для связи ея съ среднею колонною, приказалъ перевести дивизіонъ уланскаго эрцгерцога Леопольда (Украинскаго) полка съ праваго фланга и поставить лѣвѣе резерва средней колонны; тогда же пикинеры драгунскаго Цесаревича (Лейбъ-драгунскаго Московскаго Его Величества) полка поставлены въ трехъстахъ саженяхъ лѣвѣе уланъ и, по предложенію флигель-адъютанта полковника Волкова, переведенъ на лѣвый флангъ нашей линіи, изъ 2-й бригады резервной уланской дивизіи, уланскій Ея Высочества

Великой Княгини Екатерины Михаиловны (Елисаветградскій) полкъ.

Въ исходѣ 10-го часа утра, вся линія нашихъ батарей выдвинулась впередъ на полутораста саженъ отъ городскихъ укрѣпленій и открыла по нимъ огонь картечью, а стоявшія на нашемъ лѣвомъ флангѣ батареи, легкая № 4-го и конно-легкая № 23-го, подошли къ городской оградѣ на сто саженъ и также открыли картечный огонь. Подъ громомъ канонады, 3-й и 4-й баталіоны Азовскаго пѣхотнаго полка, предводимые генералъ-маіоромъ Огаревымъ 3-мъ, устремились въ ротныхъ колоннахъ на штурмъ; лѣвѣе ихъ шелъ баталіонъ греческихъ волонтеровъ, подъ начальствомъ Панаева, за которымъ слѣдовалъ баталіонъ спѣшенныхъ драгунъ. Войска наши были встрѣчены сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ и картечью съ укрѣпленій и двухъ пароходовъ, между тѣмъ какъ обѣ наши лѣво-фланговыя батареи должны были пріостановить пальбу, чтобы не поражать наступающія колонны. Не смотря однако же на понесенный уронъ, войска наши подошли къ самому рву, но не могли черезъ него перейти, найдя его полнымъ водою; къ тому же штурмовыя лѣстницы, въ двѣ сажени длиною, оказались короткими. Войска наши были отведены назадъ, подъ защиту мѣстныхъ прикрытій у кладбища. Генералъ Хрулевъ, убѣдясь, что взятіе Евпаторіи повлекло бы за собою огромную потерю съ нашей стороны, приказалъ отступать. Войска отошли по тремъ направленіямъ: правая и средняя колонны вовсе не были тревожимы непріятелемъ; а противъ лѣвой вышли изъ города три эскадрона и баталіонъ пѣхоты. Турецкая кавалерія пошла рысью на 1-й и 2-й баталіоны Азовскаго полка, прикрывавшіе отступленіе прочихъ войскъ лѣвой колонны. Какъ только было замѣчено

наступленіе Турокъ, то наши оба баталіона построились въ каре, а легкая № 4-го батарея 11-й артилл. бригады, расположенная въ интервалѣ между кареями, приготовилась встрѣтить непріятеля картечнымъ огнемъ. Турецкая кавалерія, приблизясь къ Азовскимъ баталіонамъ на ружейный выстрѣлъ, открыла огонь, но не рѣшилась идти въ атаку, видя стойкость нашей пѣхоты, которая, не отвѣчая на безвредную пальбу Турокъ, выжидала ихъ приближеніе. А, между тѣмъ, турецкій баталіонъ остановился у кладбища и разсыпавшись по полю сраженія, добивалъ нашихъ раненыхъ, которыхъ мы не успѣли подобрать при отступленіи.

Къ 11-ти часамъ утра, пальба совершенно прекратилась и войска наши были отведены па мѣста, которыя они занимали наканунѣ; а 8-го (20-го) пѣхота съ пѣшею артиллеріей выступила на квартиры въ евпаторійскомъ уѣздѣ; резервная уланская дивизія была размѣщена по ауламъ въ окрестностяхъ Евпаторіи, а драгуны расположились по рѣкѣ Алмѣ (5).

Въ дѣлѣ при Евпаторіи мы потеряли:

	шт.-оф.	об.-оф.	нижн. чин.	Итого.
Убитыми . . .	1	3	164	168.
Ранен. и контуж.	4	34	544	582.
Безъ вѣсти проп.	—	—	18	18.

Всего же 768 человѣкъ (6). Въ числѣ смертельно раненыхъ былъ командиръ одной изъ греческихъ ротъ, капитанъ Стамати.

Уронъ Союзниковъ, по ихъ показаніямъ (7), былъ слѣдующій:

	офиц.	нижн. чин.	Итого.
У Турокъ убито. . .	7	80	87.
ранено. . .	10	267	277.
У Французовъ убито	—	4	4.
ранено. . .	—	9	9.

Всего же 377 человѣкъ. Въ дѣйствительности же они потеряли гораздо болѣе. Въ числѣ убитыхъ былъ начальникъ египетской дивизіи Селимъ-паша, а въ числѣ смертельно раненыхъ полковники: египетскій Рустемъ-бей и турецкій Али-бей (8).

Извѣстіе о неудачномъ штурмѣ Евпаторіи застало въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича уже на одрѣ болѣзни, положившей предѣлъ Его жизни, посвященной поддержанію чести и величія Россіи. Въ отвѣтъ на донесеніе князя Меншикова, о дѣлѣ при Евпаторіи, Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ, по волѣ Своего Августѣйшаго Родителя, писалъ:

„Государь, чувствуя Себя не совершенно здоровымъ, приказалъ Мнѣ, любезный князь, отвѣчать Вамъ Его Именемъ на послѣдняго вашего курьера, отъ 7-го февраля.

„Его Величество крайне былъ огорченъ неудачною попыткою, произведенною, по вашему приказанію, Генераломъ Хрулевымъ, на Евпаторію, и значительною потерею, вновь понесенною нашими храбрыми войсками *безъ всякаго результата.*

„Его Величество не можетъ не удивляться, что, пропустивъ *три мѣсяца* для атаки сего пункта, когда въ немъ находился *самый незначительный гарнизонъ, не успѣвшій еще укрѣпиться,* Вы выждали теперешній моментъ для подобнаго предпріятія, тогда именно, когда, по всѣмъ свѣдѣніямъ, *достовѣрно было извѣстно,* что туда прибыли значительныя турецкія силы съ самимъ Омеръ-пашей. Его Величество не можетъ не припомнить Вамъ, что Онъ предвидѣлъ этотъ грустный результатъ.

„Изъ Журнала осадныхъ работъ подъ Севастополемъ, Его Величество убѣждается, что Союзники, подвигаясь все ближе, устроивая новыя батареи,

какъ противъ 4-го бастіона, такъ и на Сапунъ-горѣ, и получивъ значительныя подкрѣпленія, замышляютъ что-то рѣшительное, что́ также подтверждается всѣми газетными статьями.

„Съ другой стороны, усматривая изъ вашихъ неоднократныхъ донесеній, что, при теперешнемъ числѣ войскъ, Вы рѣшительно считаете *всякое наступательное движеніе невозможнымъ,* Его Величество видитъ одинъ только выгодный исходъ всему дѣлу, а именно: если непріятель покусится на штурмъ и Богъ поможетъ отбиться, то не медля перейти въ наступленіе, какъ изъ самой крѣпости, такъ и со стороны Чоргуна на Кадикіой, назначивъ для сего послѣдняго движенія сколь возможно бо́льшее число свободныхъ войскъ съ нужною артиллеріею и кавалеріею, дабы угрожать одновременно центру, правому флангу и даже тылу непріятельскаго расположенія.

„Если же непріятель самъ предприметъ наступательное движеніе, то Его Величество не сомнѣвается, что принятыми Вами мѣрами, на крѣпкой и почти неприступной позиціи, нынѣ Вами занимаемой и столь сильно укрѣпленной, Вы вездѣ встрѣтите его и съ Божіею помощью остановите всякое дальнѣйшее покушеніе.

„Что касается до признаваемой Вами необходимости новаго затопленія *3-хъ линейныхъ кораблей,* для замѣны разнесеннаго прежняго загражденія Севастопольскаго рейда (*), Его Величество, не отвергая пользы сего загражденія, не можетъ однако не замѣтить, что мы сами уничтожаемъ нашъ флотъ.

„Засимъ Государь поручаетъ Мнѣ обратиться къ Вамъ, какъ къ Своему старому усердному и вѣрному

(*) Послѣ бурь, размывшихъ устроенную нами изъ затопленныхъ судовъ преграду, князь Меншиковъ испрашивалъ Высочайшее разрѣшеніе затопить вновь у входа на рейдъ три корабля.

сотруднику, и откровенно сказать Вамъ, любезный князь, что, отдавая всегда полную справедливость вашему ревнію и готовности исполнять всякое порученіе, довѣріемъ Его Величества на Васъ возлагаемое, Государь, съ прискорбіемъ извѣстившись о вашемъ болѣзненномъ теперешнемъ состояніи, о которомъ вы нѣсколькимъ лицамъ поручали неоднократно словесно доводить до Высочайшаго Его свѣдѣнія, и желая доставить вамъ средство поправить и укрѣпить разстроенное службою ваше здоровье, Высочайше увольняетъ васъ отъ командованія Крымскою арміею и ввѣряетъ ее начальству генералъ-адъютанта князя Горчакова, которому предписано немедленно отправиться въ Севастополь. До его пріѣзда, Его Величество вполнѣ остается увѣреннымъ, что вы съ прежнимъ усердіемъ будете продолжать исполнять должность, вами доселѣ занимаемую.

„Извѣстясь также о болѣзненномъ состояніи сына вашего, вслѣдствіе сильной контузіи, Его Величество разрѣшаетъ ему воротиться сюда и вмѣстѣ съ тѣмъ назначаетъ его генералъ-адъютантомъ.

„Засимъ Государь поручаетъ Мнѣ, любезный князь, искренно обнять Своего стараго друга Меншикова и отъ души благодарить за его всегда усердную службу и за попеченіе о братьяхъ Моихъ“ ([9]).

Но еще до Высочайшаго разрѣшенія сдать начальство надъ войсками въ Крыму князю Горчакову, князь Меншиковъ, по случаю усилившейся болѣзни своей, поручилъ временно команду надъ арміею генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пригласилъ князя Горчакова прибыть въ Севастополь ([10]).

Его Высочество Государь Наслѣдникъ, извѣщая князя Горчакова о Высочайшемъ назначеніи его главнокомандующимъ Крымскою арміей и генералъ-адъю-

танта Лидерса временно-командующимъ войсками на южной нашей границѣ, писалъ:

„Его Величество разрѣшаетъ вамъ, по вашему собственному усмотрѣнію, усилить Крымскую армію всѣми войсками, которыя вы сочтете возможнымъ *немедля туда направить*. Его Величество имѣетъ при этомъ въ виду, что сохраненіе Севастополя есть вопросъ *первѣйшей важности* и потому рѣшается, въ случаѣ разрыва съ Австріею и наступленія непріятеля, *жертвовать временно Бессарабіею, и частью даже Новороссійскаго края до Днѣпра, для спасенія Севастополя и Крымскаго полуострова*.

„Кончивъ съ Божіею помощію благополучно дѣло въ Крыму, всегда можно будетъ соединенными силами обѣихъ армій обратиться на Австрійцевъ и заставить ихъ дорого заплатить за временный успѣхъ“... ([11])

Таковы были послѣднія распоряженія Незабвеннаго Монарха. Августѣйшему Наслѣднику Его предстоялъ тяжелый подвигъ—окончить борьбу Россіи съ четырьмя Державами (*) и исцѣлить раны, нанесенныя Россіи. Положеніе дѣлъ былъ грозно: Союзники готовили для продолженія войны значительныя силы и располагали огромными средствами, а переговоры, возобновленные въ Вѣнѣ, мало подавали надежды на рѣшеніе кровавого спора мирнымъ путемъ. По снятіи осады Силистріи, графъ Нессельродъ, по Высочайшей волѣ, отнесся къ австрійскому двору съ вопросомъ: будутъ ли прекращены военныя дѣйствія по очищеніи нашими войсками Дунайскихъ Княжествъ, и можетъ ли Австрія ручаться въ томъ? Россія, съ своей стороны, изъявила согласіе на слѣдующія условія: I. Признаніе ненарушимости (Inte-

(*) 10-го января н. ст. 1855 года, Король Сардинскій присоединился къ союзу Турціи, Франціи и Англіи, противъ Россіи.

grität) владѣній Порты; II. Выводъ изъ Княжествъ русской арміи, и III. Подтвержденіе правъ христіанъ, подданныхъ Турціи ([12]).

По доведеніи сихъ условій до свѣдѣнія французскаго кабинета, министръ иностранныхъ дѣлъ, Друэнъ-де-Люи, изъявилъ довольно рѣзко мнѣніе, что условія, предложенныя нашимъ правительствомъ, не могли быть приняты Союзниками, и что общія выгоды европейскихъ державъ требовали: во 1-хъ, чтобы прекращено было покровительство Россіи надъ зависящими отъ Порты областями: Валахіею, Молдавіею и Сербіею; во 2-хъ, чтобы судоходство по Дунаю было совершенно свободно; въ 3-хъ, чтобы трактатъ 13-го іюля 1841 года подвергся пересмотру договаривающихся державъ, въ отношеніи соблюденія европейскаго равновѣсія и ограниченія господства Россіи на водахъ Чернаго моря, и въ 4-хъ, чтобы ни одна изъ державъ не имѣла притязанія на право оффиціальнаго покровительства подданнымъ Порты какого-либо изъ христіанскихъ исповѣданій, но чтобы Франція, Австрія, Великобританія, Пруссія и Россія вошли въ соглашеніе между собою, для опредѣленія и охраненія религіозныхъ преимуществъ, въ пользу различныхъ христіанскихъ обществъ, безъ нарушенія достоинства и независимости Турціи ([13]). Англійское правительство изъявило такія же требованія, за исключеніемъ ограниченія силъ Россіи на Черномъ морѣ. Пруссія вполнѣ признала справедливость ручательствъ, со стороны Союзныхъ державъ, которыя требовало наше правительство, и поставила на видъ согласіе Россіи на всѣ условія Союзниковъ ([14]). Австрія, съ своей стороны, изъявила Западнымъ державамъ желаніе, чтобы онѣ, воздерживаясь отъ полемическаго разбора предложеній Россіи, выразили свои требованія въ такой формѣ, которая

могла-бъ послужить основаніемъ общаго документа отъ имени четырехъ державъ ([15]).

Между тѣмъ, Германскій сеймъ единогласно, за исключеніемъ депутата отъ Мекленбурга, положилъ присоединиться къ оборонительному и наступательному союзу (Schutz und Trutzbündniss), заключенному въ апрѣлѣ между Австріею и Пруссіею, на время войны Россіи съ Турціею, Англіею и Франціею ([16]). Основываясь на томъ, вѣнскій кабинетъ старался побудить германскихъ владѣтелей къ мобилизаціи ихъ войскъ, но прусское правительство объявило, чрезъ своихъ уполномоченныхъ на сеймѣ, что между Пруссіею и Австріею еще не было никакого соглашенія на счетъ мобилизаціи германскихъ контингентовъ. На домогательства вѣнскаго кабинета—чтобы Россія приняла условія, предложенныя Западными державами—графъ Нессельродъ отвѣчалъ, что выступленіе русскихъ войскъ изъ Дунайскихъ Княжествъ, имѣвшее исключительно цѣлью удовлетворить желаніямъ Австріи и Германіи, лишало насъ возможности дѣйствовать на единственномъ театрѣ войны, гдѣ на нашей сторонѣ были нѣкоторыя выгоды, и, что̀ еще важнѣе, подвергало наши области, прибрежныя Черному морю, опасности вторженія соединенныхъ силъ Англіи, Франціи и Турціи. Что же касается до сообщенныхъ условій, то они, клонясь къ ослабленію обезсиленной продолжительною борьбою Россіи, не могутъ послужить къ утвержденію прочнаго мира и, напротивъ того, поведутъ за собою безконечныя затрудненія. Далѣе было сказано, что русскія войска, отступивъ за Прутъ, ограничатся оборонительными дѣйствіями ([17]).

Въ половинѣ (въ концѣ) ноября, чрезвычайный посланникъ при вѣнскомъ дворѣ, князь А. М. Горчаковъ, по Высочайшему повелѣнію, сообщилъ графу

Булю, что Его Величество Императоръ Всероссійскій изъявилъ согласіе на принятіе четырехъ предложеній Австріи за основанія мирныхъ переговоровъ ([18]). Въ отвѣтъ на ноту русскаго уполномоченнаго, графъ Буль писалъ, что Императоръ Францъ-Іосифъ, оцѣнивъ вполнѣ миролюбивыя намѣренія нашего Государя, сообщитъ о томъ дворамъ парижскому и лондонскому ([19]). Но прежде еще, нежели могъ быть полученъ отвѣтъ Западныхъ державъ на отзывъ нашего правительства, былъ заключенъ новый трактатъ между Великобританіею, Франціею и Австріею, на слѣдующихъ условіяхъ: во 1-хъ, договаривающіяся державы взаимно обязались не входить ни въ какое соглашеніе съ Россіею отдѣльно одна отъ другой. Во 2-хъ, Императоръ Австрійскій, на основаніи трактата 14-го іюня 1854 года съ Султаномъ, занявъ своими войсками Молдавію и Валахію, обязался защищать границы этихъ Княжествъ отъ вторженія русскихъ войскъ, что́, впрочемъ, не должно было препятствовать свободному движенію англо-французскихъ и турецкихъ войскъ чрезъ помянутыя области противъ русскихъ войскъ и владѣній. Въ 3-хъ, на случай враждебныхъ дѣйствій между Австріею и Россіей, договаривающіяся державы обязывались заключить между собою оборонительный и наступательный союзъ и взаимно поддерживать одна другую сухопутными и морскими силами. Въ 4-й статьѣ, на случай войны между Россіею и Австріею, подтверждалось условіе, изложенное въ 1-й статьѣ. Въ 5-хъ, въ случаѣ, ежели общій миръ не будетъ возстановленъ въ теченіе настоящаго года, всѣ три державы неотлагательно условятся между собою на счетъ дѣйствительныхъ мѣръ для достиженія цѣли ихъ союза. Въ 6-хъ, Великобританія, Австрія и Франція сообщатъ настоящій трактатъ прусскому двору и охотно

примутъ его содѣйствіе достиженію общей цѣли ([20]). На основаніи особаго секретнаго трактата, Императоръ Наполеонъ III ручался за цѣлость австрійскихъ владѣній въ Италіи и, несмотря на то, успѣлъ вовлечь въ войну противъ Россіи Короля Сардинскаго ([21]), забывшаго могущественное покровительство его Дому, оказанное Отцомъ и Братомъ Россійскаго Монарха. Напротивъ того, Прусскій Король, несмотря на всѣ домогательства вѣнскаго кабинета, не согласился поставить свои войска на военную ногу ([22]).

Императоръ Николай изъявилъ согласіе на возобновленіе переговоровъ, хотя и не имѣлъ надежды на успѣшныя ихъ послѣдствія. „Скоро должны начаться мирные переговоры въ Вѣнѣ—писалъ Государь князю Меншикову;—признаюсь, не полагаясь отнюдь на искренность желанія мириться, не ожидаю ничего хорошаго; но и то намъ хорошо, что уже нѣтъ вѣроятія войны съ Австріею, по крайней мѣрѣ, до конца марта. Этотъ срокъ намъ желательно употребить въ пользу, закончивъ, буде можно, съ гостями въ Крыму“ ([23]).

Незадолго предъ тѣмъ, обнародованъ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

Причины доселѣ продолжающейся войны вполнѣ извѣстны любезной Намъ Россіи. Она знаетъ, что не виды честолюбія, не желанія новыхъ, не принадлежащихъ по праву намъ выгодъ, были побужденіемъ Нашимъ въ дѣйствіяхъ и обстоятельствахъ, имѣвшихъ неожиданнымъ послѣдствіемъ настоящую борьбу. Мы искали единственно охраненія торжественно признанныхъ преимуществъ Православной Церкви и единовѣрцевъ Нашихъ на Востокѣ; но нѣкоторыя правительства, приписывая Намъ, весьма далекія отъ мысли Нашей, своекорыстныя, тайныя намѣренія, препят-

ствовали успѣху сего дѣла и, наконецъ, вступили въ непріязненный противъ Насъ союзъ. Провозгласивъ, что ихъ цѣль есть спасеніе Турецкой Имперіи, онѣ дѣйствуютъ противъ Насъ вооруженною рукою не въ Турціи, а въ предѣлахъ Нашихъ собственныхъ владѣній, направляя враждебные удары свои на всѣ болѣе или менѣе доступныя имъ мѣста: въ Балтійскомъ, Бѣломъ и Черномъ моряхъ, въ Тавридѣ и на самыхъ отдаленныхъ берегахъ Тихаго Океана. Благодареніе Всевышнему, онѣ вездѣ, и въ войскахъ Нашихъ, и въ жителяхъ всѣхъ состояній, встрѣчаютъ смѣлыхъ противниковъ, одушевляемыхъ чувствомъ любви къ Намъ и Отечеству, и Мы, къ утѣшенію Нашему, въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ, среди бѣдствій, неразлучныхъ съ войною, видимъ непрестанные, блистательные примѣры и доказательства сего чувства и храбрости имъ внушаемой. Таковы неоднократныя, несмотря на великое неравенство силъ, пораженія непріятельскихъ полчищъ за Кавказомъ и совершенный, также съ несоразмѣрными силами, отпоръ отъ береговъ и шхеръ Финляндіи, отъ стѣнъ обители Соловецкой и отъ гавани Петропавловской въ Камчаткѣ; такова особенно геройская оборона Севастополя, ознаменованная столь многими подвигами неодолимаго мужества и неусыпной, безпрерывной дѣятельности, коимъ отдаютъ справедливость и удивляются сами враги Наши. Съ умиленіемъ признательности къ Богу, взирая на труды, неустрашимость, самоотверженіе Нашихъ войскъ сухопутныхъ и морскихъ и на общій всѣхъ сословій въ Государствѣ порывъ усердія, Мы смѣемъ почитать ихъ залогомъ и предвѣстіемъ счастливѣйшихъ въ будущемъ событій. По долгу христіанства, Мы не можемъ желать продолженія кровопролитія и, конечно, не отклонимъ мирныхъ предложеній и условій,

если они будутъ согласны съ достоинствомъ Державы Нашей и пользами любезныхъ Нашихъ подданныхъ. Но другой, не менѣе священный долгъ велитъ Намъ, въ сей упорной борьбѣ, быть готовыми на усилія и жертвы, соразмѣрныя съ устремленными противъ насъ дѣйствіями. Россіяне! Вѣрные сыны Наши! Вы привыкли не щадить ничего, когда Провидѣніе призываетъ васъ къ Великому и Святому дѣлу, ни достоянія, многолѣтними трудами пріобрѣтеннаго, ни жизни и крови вашей и чадъ вашихъ. Благородный жаръ, съ самаго начала войны пламенѣющій въ сердцахъ вашихъ, не охладится ни въ какомъ положеніи, и ваши чувства суть также чувства Государя вашего. Буде нужно, Мы всѣ, Царь и подданные, повторяя слова Императора Александра, произнесенныя Имъ въ подобную нынѣшней годину искушенія, *съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ*, станемъ передъ рядами враговъ, на защиту драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ блага: безопасности и чести Отечества (*).

Дѣйствительно, въ ожиданіи открытія переговоровъ, которые отлагались день за день, между тѣмъ какъ приготовленія Союзниковъ къ войнѣ усиливались, русскому правительству оставалось только принять всевозможныя мѣры для сопротивленія бóльшей части Европы. Въ ноябрѣ 1854-го и въ февралѣ 1855-го годовъ, былъ произведенъ наборъ съ губерній Западной и Восточной полосъ Имперіи, по десяти человѣкъ съ каждой тысячи душъ, а 29-го января (10-го февраля) послѣдовалъ Высочайшій манифестъ объ образованіи государственнаго ополченія. Повелѣно выставить 23 человѣка съ каждой

(*) Манифестъ 14-го декабря 1854 года.

тысячи душъ, сперва въ 18-ти великороссійскихъ губерніяхъ, чтó доставило 204 дружины (въ числѣ коихъ было нѣсколько стрѣлковыхъ, вооруженныхъ нарѣзными ружьями), по 1,089 ратниковъ въ каждой. Впослѣдствіи же имѣлось въ виду образовать ополченіе и во всѣхъ прочихъ губерніяхъ.

Губерніи: кіевская, черниговская, полтавская, харьковская, воронежская, курская, могилевская и минская были поставлены на военное положеніе и подчинены командующимъ Крымскою и Южною арміями; а съ наступленіемъ весны, губерніи балтійскаго и бѣломорскаго прибрежья опять поставлены на военную ногу и защита ихъ поручена особымъ начальникамъ: Лифляндіи и Курляндіи—генералу-отъ-кавалеріи Сиверсу; Эстляндіи—генералъ-адъютанту Граббе; Финляндіи – генералъ-адъютанту Бергу; Петербурга—главнокомандующему гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, генералъ-адъютанту графу Ридигеру; сѣвернаго поморья—архангельскому военному губернатору и главному командиру надъ архангельскимъ портомъ, вице-адмиралу Хрущеву.

Обратимся къ изложенію военныхъ дѣйствій, со времени назначенія главнокомандующимъ войсками въ Крыму князя Горчакова.

ГЛАВА XXVIII.

Сооруженіе Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ и Камчатскаго люнета.

(Дѣло 10-го (22-го) марта 1855 года).

Въ началѣ зимы 1854—1855 годовъ, перевѣсъ силъ подъ Севастополемъ былъ на нашей сторонѣ; но съ наступленіемъ весны положеніе дѣлъ измѣнилось: французская армія значительно усилилась; Англичане успѣли вознаградить хотя отчасти понесенныя ими потери; Турки высадили въ Крымъ цѣлый корпусъ; Сардинцы готовились принять участіе въ борьбѣ соединенныхъ силъ Западной Европы съ Россіею.

Въ концѣ января (10-го февраля) 1855 года, французская армія, въ числѣ 80-ти тысячъ человѣкъ съ 180-ю орудіями и 6-ю ракетными станками ([1]), оставаясь подъ начальствомъ Канробера, была раздѣлена на два корпуса и резервъ. 1-й, осадный корпусъ, подъ командою дивизіоннаго генерала Пелисье, назначенный для атаки на 4-й бастіонъ, состоялъ изъ дивизій: Форей, Левальяна, Патѐ и де-Саля, въ числѣ до 28-ми тыс. человѣкъ, а 2-й, наблюдательный корпусъ, впослѣдствіи назначенный для атаки Мала-

хова кургана—изъ дивизій: Буа̀ (Bouat), Каму, Майрана и Дюла̀ка, въ числѣ до 37 тыс. человѣкъ, находился подъ командою дивизіоннаго генерала Боскѐ. Резервъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ главнокомандующаго, состоялъ изъ дивизій: пѣхотной генерала Брюне́ (Brunet) и кавалерійской Морриса, всего до 8,000 человѣкъ. Впослѣдствіи присоединилась къ нему гвардейская бригада генерала Уриха (Uhrich). Артиллерія и парки, въ числѣ до 4 тыс. человѣкъ; инженерный корпусъ до 450 человѣкъ; при штабахъ и интендантствѣ до 1,500 человѣкъ. Число англійскихъ войскъ не превосходило 15-ти тысячъ челов. (2). Присоединивъ къ англо-французской арміи до 25-ти тысячъ Турокъ, довольно плохихъ войскъ, оказывается, что силы Союзной арміи къ началу февраля простирались до 120 тыс. человѣкъ.

Русская армія въ Крыму имѣла въ рядахъ своихъ также до 120 тыс. человѣкъ, но изъ этого числа болѣе трети находилось въ отдѣльныхъ отрядахъ: противъ Евпаторіи; въ восточной части Крыма у Керчи и близъ Перекопа.

Въ первые мѣсяцы осады Севастополя, Союзники считали атаку на укрѣпленія Городской части главною; атаку же, веденную Англичанами на 3-й бастіонъ, вспомогательною, и потому атака города была распространена влѣво, а на Малаховъ курганъ смотрѣли, какъ на пунктъ сосѣдственный съ 3-мъ бастіономъ, не придавая ему важнаго значенія. Правда, еще въ декабрѣ, англійскій инженеръ-генералъ Джонъ Бургоэнъ изъявилъ мнѣніе, что взятіе штурмомъ 3-го и 4-го бастіоновъ сопряжено было съ большою опасностью и потерями, которыхъ можно было избѣжать, направя главную атаку на Малаховъ курганъ, господствующій надъ 3-мъ бастіономъ (3). Но, чтобы

привести въ исполненіе эту идею, необходимо было вліяніе генерала Ніеля, поддержанное властью Наполеона III.

Генералъ Ніель, на военномъ совѣтѣ, 20-го января (1-го февраля) 1855 года, поддерживалъ мнѣніе, что Малаховъ курганъ былъ единственнымъ пунктомъ для несомнѣнно-успѣшной атаки, потому что, занявъ его, можно было командовать всею Корабельною слободою, гаванью и сообщеніями города съ Сѣверною стороною, и обстрѣливать оборонительную линію съ тыла, чтó неминуемо влекло за собою овладѣніе Севастополемъ. Тѣмъ не менѣе однако-же Ніель сознавалъ, что нельзя было оставить прежней атаки города, и что, предпринявъ атаку Малахова кургана, приходилось: 1) удвоить протяженіе траншей; 2) опасаться недостатка нужныхъ матеріаловъ, и 3) отражать вылазки Русскихъ на растянутой значительно линіи. Всѣ эти соображенія обсуждались на совѣтѣ, и на слѣдующій день главнокомандующій рѣшился открыть траншеи противъ Малахова кургана; но какъ артиллерійскіе генералы, повидимому, не раздѣляли мнѣнія инженеровъ и надѣялись вѣрнѣе достигнуть цѣли, продолжая работы противъ 3-го бастіона, то на первый разъ атака на Малаховъ курганъ, по средствамъ для нея назначеннымъ, была второстепенною ([4]).

26-го января (7-го февраля), Французы открыли на Сапунъ-горѣ 1-ю параллель, въ разстояніи около 840 саж. отъ Малахова кургана и начали постройку двухъ батарей: одной, въ самой параллели, на два 68-ми-фунт. и на тринадцать 32-хъ-фунт. орудій, и другой, для дѣйствія противъ судовъ въ гавани, заложенной позади параллели, на шесть 50-ти-фунт. мортиръ. Сооруженіе этихъ батарей на голой скалѣ, изъ земляныхъ мѣшковъ, приносимыхъ

на разстояніи около 400 саж. было весьма затруднительно ([5]).

Открытіе параллели и постройка новыхъ батарей противъ Малахова кургана несомнѣнно указывали намѣреніе непріятеля дѣйствовать на пунктъ, важность котораго была вполнѣ оцѣнена съ нашей стороны. Только лишь занятіе высоты впереди Малахова кургана могло подать намъ возможность замедлить на-долго успѣхъ осадныхъ работъ; но мы не занимали ее, пока непріятель ограничивался атаками на Городскую сторону и 3-й бастіонъ, чтобы безъ надобности не увеличивать размѣровъ работъ и не растягивать оборонительной линіи. Когда же пришло время отстаивать Малаховъ курганъ, надлежало предупредить непріятеля на высотѣ, съ которой онъ могъ громить наше укрѣпленіе. Но для этого было необходимо сперва утвердиться на высотахъ за Киленъ-балкою, занявъ которыя непріятель могъ открыть канонаду во флангъ и въ тылъ кургана впереди Малахова и не дозволить намъ удерживаться на этомъ важномъ пунктѣ. По словамъ французскаго историка:...„ l'heureux défenseur de Sébastopol sut admirablement profiter de nos hésitations et de nos tâtonnements pour retarder, autant qu'il était possible, la chute de la place. Après avoir couvert d'une triple ligne de parapets et de batteries tous les points de l'enceinte sur lesquels, depuis de longs mois déjà, nous dirigions nos cheminements, il résolut de se porter hardiment au dehors. Nous prévenant sans cesse dans nos desseins, il s'empara par des ouvrages assez faibles d'abord, mais bientôt considérables, des diverses positions, que nous nous proposions d'occuper, de telle sorte qu'il nous fallut ensuite livrer de véritables assauts pour en prendre possession...

Voyant que nous hésitions emore devant Malakof, notre infatigable adversaire s'empressa de mettre le temps à profit, et l'on peut dire que, jusqu'au mois de juin, c'est lui qui parut faire le siége de nos tranchées“ ([6]). (...Счастливый защитникъ Севастополя умѣлъ удивительно воспользоваться нашими колебаніями, чтобы, по возможности, замедлить паденіе крѣпости. Прикрывъ тройнымъ рядомъ валовъ и батарей всѣ пункты, на которые, уже въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, мы вели траншеи, онъ смѣло двинулся впередъ и, предупредивъ насъ, занялъ укрѣпленіями — сперва слабыми, но потомъ значительными—тѣ самыя позиціи, на кои мы предполагали направиться, чтó заставило насъ впослѣдствіи предпринять, для овладѣнія ими, настоящіе штурмы... Видя, что мы не рѣшаемся атаковать Малаховъ, нашъ неусыпный противникъ воспользовался временемъ и, можно сказать, что онъ, до самаго іюня, какъ будто бы осаждалъ наши траншеи...).

Нѣсколько дней было употреблено съ нашей стороны на подробное обозрѣніе мѣстности за Киленъ-балкою и на распоряженія по войскамъ. Для постройки укрѣпленія и прикрытія рабочихъ были назначены три баталіона Селенгинскаго полка и Волынскій полкъ, подъ общимъ начальствомъ столь же храбраго, сколько и распорядительнаго генерала Хрущова. Подъ вечеръ 10-го (22-го) февраля подвезены съ Сѣверной стороны въ Троицкую балку шанцовой инструментъ и туры на баржахъ, изъ коихъ потомъ, по распоряженію вице-адмирала Нахимова, устроенъ черезъ Киленъ-бухту мостъ, для удобнаго сообщенія съ Корабельною стороною. На случай нападенія непріятеля, приказано пароходамъ *Владиміръ*, *Херсонесъ* и *Громоносецъ* по-

дойти къ Киленъ-бухтѣ. Въ сумерки полковникъ Тотлебенъ съ штабсъ-капитаномъ Тидебелемъ, подъ прикрытіемъ секрета изъ пластуновъ, произвели разбивку редута, въ разстояніи 400 саж. отъ ближайшей части непріятельской параллели и 450 саж. по прямому направленію отъ 2-го бастіона. Съ наступленіемъ ночи, генералъ-маіоръ Хрущовъ, съ Волынскимъ полкомъ, подойдя по Саперной дорогѣ, выдвинулъ впередъ 4-й баталіонъ, построенный въ ротныхъ колоннахъ, и разсыпалъ цѣпь впереди мѣста, назначеннаго для построенія редута, между Георгіевскою и Киленъ-балками, а остальные баталіоны, въ колоннахъ къ атакѣ, поставилъ по обѣ стороны редута. Впереди цѣпи были расположены секреты изъ пластуновъ. Тогда же назначенные на работу три баталіона Селенгинскаго полка, перейдя черезъ Киленъ-бухту по мосту и взявъ инструментъ и туры, взошли на гору и принялись за работу, имѣя при себѣ ружья, на случай нападенія. Сооруженіе редута представляло чрезвычайныя затрудненія, по качеству грунта, скалистаго, покрытаго лишь тонкимъ слоемъ земли. Почти вся работа производилась кирками. Чтобы ускорить построеніе бруствера и доставить необходимую защиту рабочимъ къ утру, брали землю съ обѣихъ сторонъ: изъ рва и изъ внутренности редута. Къ разсвѣту, туры на контръ-эскарпѣ были наполнены землею и можно было работать во рву, не подвергаясь ружейному огню. Въ ту же ночь, каждая изъ ротныхъ колоннъ Волынскаго полка построила, на равномъ разстояніи отъ редута и отъ непріятельской траншеи, по одному ложементу на 25 человѣкъ, а на разсвѣтѣ эти ложементы были заняты штуцерными Волынскаго же полка, въ числѣ до ста человѣкъ. Только тогда непріятель замѣтилъ наши

работы и открылъ перестрѣлку съ Волынцами, но не причинилъ имъ почти никакого вреда.

11-го (23-го), на разсвѣтѣ, Волынскій полкъ былъ отведенъ назадъ, въ Троицкую балку, и расположился тамъ шагахъ въ 400 отъ редута. Селенгинскій полкъ также былъ отведенъ назадъ, на 2-й бастіонъ, кромѣ трехъ ротъ 4-го баталіона, которыя продолжали работать внутри укрѣпленія, между тѣмъ какъ непріятель велъ перестрѣлку съ нашими штуцерными, занимавшими ложементы. Вечеромъ, войскà, назначенныя для защиты и постройки *Селенгинскаго* редута, снова стали на указанныхъ имъ мѣстахъ: 4-й баталіонъ Волынскаго полка, въ ротныхъ колоннахъ, разсыпалъ цѣпь впереди ложементовъ, занятыхъ штуцерными и 36-ю пластунами 8-го Черноморскаго казачьяго баталіона, подъ командою сотника Даниленко. Остальные три баталіона Волынцевъ были расположены шагахъ въ 250-ти за цѣпью: 1-й баталіонъ впереди редута, 2-й—близъ Киленъ-балки, а 3-й—у Троицкой балки. На работѣ, производившейся подъ руководствомъ инженеръ-штабсъ-капитана Тидебеля и 4-го сапернаго баталіона штабсъ-капитана Сахарова, съ командою саперъ, находились три баталіона Селенгинскаго полка, изъ коихъ одинъ былъ расположенъ внутри редута, а два работали во рву и подносили матеріалы. Всего же на работѣ и въ прикрытіи состояло до 4-хъ тысячъ человѣкъ. Сами наши непріятели отдали должную справедливость мѣрамъ, принятымъ генераломъ Хрущовымъ для охраненія вновь сооруженнаго укрѣпленія ([7]). По словамъ Ніеля: „La position sur laquelle les Russes venaient d'établir un ouvrage de contre-approche était habilement choisie; il était placé sur une croupe où convergaient les feux de l'enceinte de la place, des bateaux à vapeur et des batteries

sur la rive du nord". (Позиція, на которой Русскіе построили контръ-апрошное укрѣпленіе, была избрана искусно; оно стояло на гребнѣ высоты, гдѣ сосредоточивались выстрѣлы крѣпости, пароходовъ и батарей Сѣверной стороны".

11-го же (23-го) февраля генералъ Ніель возвратился въ Камышъ изъ Константинополя, получивъ тамъ приказаніе Наполеона III—содѣйствовать генералу Бизо въ веденіи осадныхъ работъ подъ Севастополемъ. Вѣроятно, по его настоянію, генералъ Канроберъ рѣшился атаковать, въ слѣдующую-же ночь, наше новое укрѣпленіе. Для этого были назначены: два баталіона 2-го полка Зуавовъ, одинъ баталіонъ ново-сформированнаго 4-го морскаго полка (infanterie de marine) и по одному баталіону 6-го и 10-го линейныхъ полковъ, подъ общимъ начальствомъ дивизіоннаго генерала Майрана.

Въ половинѣ 2-го часа пополуночи, когда зашла луна и совершенно стемнѣло, Французы вышли изъ своихъ траншей и въ нашей цѣпи раздались выстрѣлы. Генералъ Хрущовъ приказалъ тотчасъ зажечь фальшфейеръ, чтобы дать сигналъ пароходу *Владиміръ* объ открытіи огня по Георгіевской балкѣ, что̀ немедленно было исполнено. При первыхъ же выстрѣлахъ, инженеръ-штабсъ-капитанъ Тидебель приказалъ рабочимъ взять ружья и размѣстилъ ихъ по банкету, а командиръ Селенгинскаго полка, полковникъ Сабашинскій вывелъ изъ рва работавшій тамъ баталіонъ и построилъ его правѣе редута, для охраненія позиціи отъ обхода со стороны Киленъ-балки. Французы наступали стремительно тремя колоннами, подъ общимъ начальствомъ бригаднаго генерала Монѐ (Monet): баталіонъ морскаго полка двигался прямо на редутъ, а баталіоны Зуавовъ — въ обходъ фланговъ нашей позиціи; прочіе два батали-

она слѣдовали въ резервѣ. Средняя и лѣвая колонны были задержаны переходомъ черезъ крутые овраги и пальбою изъ нашихъ ложементовъ; правой же колоннѣ удалось незамѣтно пробраться чрезъ линію ложементовъ и подойти ко рву редута. Самъ Хрущовъ тогда находился на правомъ флангѣ позиціи, близъ 2-го Волынскаго баталіона, но, услыша влѣво отъ себя выстрѣлы и крики Французовъ, кинулся противъ нихъ и занялъ 2-мъ баталіономъ траншею лѣвѣе редута; 1-му баталіону было приказано отступить на лѣвый флангъ 2-го баталіона и стать лѣвѣе траншеи, и 3-й баталіонъ, сдѣлавъ изъ знаменныхъ взводовъ залпъ по наступавшей непріятельской колоннѣ, пристроился къ лѣвому флангу 1-го баталіона: такимъ образомъ почти весь Волынскій полкъ расположился подъ входящимъ угломъ лѣвѣе редута, прикрывъ траншею и спускъ въ Троицкую балку. Французы, еще не дойдя до этой позиціи, были встрѣчены огнемъ нашихъ ближайшихъ батарей и стоявшихъ на-готовѣ пароходовъ, которыхъ орудія еще съ вечера были наведены на пространство, гдѣ, по всей вѣроятности, могъ наступать непріятель. Полковникъ Клеръ, съ правою колонною, не обращая вниманія на градъ снарядовъ, осыпавшій его Зуавовъ, кинулся на нашу позицію почти одновременно съ атакою средней колонны на редутъ. Завязался упорный рукопашный бой. Генералъ Хрущовъ былъ окруженъ Французами; одинъ изъ офицеровъ полка Зуавовъ занесъ надъ его головою саблю и былъ заколотъ рядовымъ Волынскаго полка Бѣлоусовымъ. Генералъ Монè самъ повелъ среднюю колонну на редутъ, но здѣсь Французы, встрѣченные батальнымъ огнемъ, остановились и залегли на контръ-эскарпѣ за турами; нѣсколько смѣльчаковъ перешли черезъ ровъ и стали взлѣзать на брустверъ, гдѣ были подняты на штыки нашими солдатами.

Монè, раненый уже три раза, передалъ команду надъ наступавшими колоннами полковнику Клеру, однакоже остался при войскахъ и побуждалъ ихъ идти впередъ, восклицая: „За мною, въ укрѣпленіе!“ Генералъ Хрущовъ, замѣтя колебаніе непріятеля, атаковавшаго редутъ, приказалъ ударить сборъ, устроилъ свои баталіоны и повелъ ихъ впередъ съ барабаннымъ боемъ. Правая французская колонна была опрокинута ударомъ въ штыки на резервъ, спѣшившій ей въ помощь, а охотники и средняя колонна, штурмовавшіе редутъ, завидя у себя на флангѣ Волынцевъ, обратились въ бѣгство и снова попали подъ выстрѣлы пароходовъ и батарей оборонительной линіи. Французы порывались остановить наступленіе нашихъ войскъ, но каждый разъ были опрокидываемы русскими штыками и, потерявъ множество людей, отступили окончательно въ свои траншеи. Между тѣмъ полковникъ Сабашинскій, съ однимъ изъ баталіоновъ Селенгинскаго полка, отбросилъ лѣвую непріятельскую колонну, а полковникъ Свищевскій, съ 4-ю гренадерскою ротою Волынскаго полка, кинулся вверхъ по Саперной дорогѣ и встрѣтивъ небольшую французскую колонну (вѣроятно—часть резерва), заставилъ ее отступить по направленію къ Георгіевской балкѣ.

Рукопашный бой въ совершенной темнотѣ продолжался около часа. Уронъ нашихъ войскъ, понесенный почти исключительно Волынскимъ полкомъ, состоялъ: убитыми изъ 67-ми нижнихъ чиновъ; ранеными и контуженными изъ 6-ти офицеровъ и 342 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропавшими—изъ 2-хъ нижнихъ чиновъ, вообще же изъ 6-ти офицеровъ и 411-ти нижнихъ чиновъ, но 104 человѣка, легко раненые, остались во фронтѣ, и потому выбыло изъ рядовъ только 313 человѣкъ. Французы потеряли: убитыми болѣе ста человѣкъ, въ числѣ коихъ были одинъ

штабъ-офицеръ и 7 оберъ-офицеровъ; ранеными нѣсколько сотъ человѣкъ; плѣнными 5 офицеровъ и 26 нижнихъ чиновъ, вообще же отъ 500 до 600 чел. ([8]).

Дѣло въ ночи съ 11-го (23-го) на 12-е (24-е) февраля, въ которомъ четыре Волынскихъ баталіона съ небольшимъ лишь участіемъ трехъ баталіоновъ Селенгинскаго полка, отразили съ блестящимъ успѣхомъ нападеніе пяти отборныхъ баталіоновъ, поселило въ нашихъ войскахъ твердую увѣренность удержаться на позиціи, ими занятой въ значительномъ разстояніи отъ оборонительной линіи.

На слѣдующее утро прибыли на мѣсто боя Ихъ Императорскія Высочества, Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ. Ихъ „спасибо", отъ Августѣйшаго Имени Государя Императора, возбудило въ войскахъ величайшій восторгъ. Въ тотъ же день, по распоряженію начальника гарнизона, генерала Сакена, были устроены торжественныя похороны. Французовъ хоронили особо, причемъ панихиду отслужилъ католическій священникъ. Всѣ плѣнные, въ числѣ коихъ былъ капитанъ Зуавовъ Пьеръ, находились при погребальной церемоніи.

Въ слѣдующіе дни, съ 12-го (24-го) по 16-е (28-е) февраля, продолжались работы на Селенгинскомъ редутѣ и временно онъ вооруженъ 24-хъ-фунтовыми карронадами, по трудности подъема въ гору болѣе тяжелыхъ орудій ([9]).

Французы предполагали построить противъ Селенгинскаго редута двѣ новыя батареи, но прежде еще, нежели они приступили къ исполненію своего проекта, мы заложили, въ ночи съ 16-го (28-го) на 17-е февраля (1-е марта), въ ста саженяхъ впереди и нѣсколько лѣвѣе Селенгинскаго редута, и въ 300 саженяхъ отъ непріятельской траншеи, другой редутъ, названный *Волынскимъ*. У Французовъ, оба

эти укрѣпленія вмѣстѣ были извѣстны подъ названіемъ: *Ouvrages blancs* (Бѣлые редуты), потому что первоначально бруствера редутовъ были насыпаны изъ земли бѣлаго цвѣта. Разбивка Волынскаго редута на мѣстѣ и разстановка рабочихъ произведены полковникомъ Тотлебеномъ, а постройка редута— штабсъ-капитаномъ Тидебелемъ.

Для обстрѣливанія части Саперной дороги надъ рейдомъ и для фланкированія Волынскаго редута, лѣвѣе его была построена батарея на два орудія, соединенная съ редутомъ траншеей, приспособленною къ ружейной оборонѣ. Впереди редута устроены ложементы, которыхъ передъ обоими укрѣпленіями было 12, вообще на 200 стрѣлковъ. Въ обоихъ редутахъ и на батареѣ, къ 26-му февраля (10-го марта), поставлено 24 орудія, изъ коихъ 16 могли дѣйствовать фронтально противъ подступовъ атакующаго ([10]).

Передовая позиція за Киленъ-балкою, находясь впереди 4-го отдѣленія оборонительной линіи, была подчинена контръ-адмиралу Истомину. Комендантами редутовъ назначены: Селенгинскаго—капитанъ-лейтенантъ Шестаковъ, а Волынскаго—капитанъ-лейтенантъ Швендперъ. Позицію занимали постоянно шесть баталіоновъ отъ Волынскаго, Селенгинскаго и Якутскаго полковъ, смѣняясь одни другими чрезъ каждыя трое сутокъ. Рабочіе наряжались отъ сихъ же полковъ. Начальство надъ всѣми этими войсками было ввѣрено генералъ-маіору Хрущову, неусыпно слѣдившему, чтобы люди были всегда на-готовѣ къ отраженію непріятеля ([11]).

Наступательная оборона Севастопольскаго гарнизона за Киленъ-балкою оказалась столь важною, что непріятель былъ принужденъ противопоставить намъ на этомъ пунктѣ шесть батарей, вооруженныхъ 46-ю орудіями. Въ лѣвой французской атакѣ, про-

тивъ Городской стороны, непріятель сталъ возводить демонтиръ-батарею противъ 4-го бастіона, за третьею параллелью, и вывелъ траншею по капитали 5-го бастіона и полупараллель, въ разстояніи 225 саж. отъ исходящаго угла его.

Съ нашей стороны, производились усиленныя работы на всей оборонительной линіи, съ тою цѣлью, чтобы, по возможности, усилить ее на случай атаки открытою силою, а также обезпечить отъ канонады и бомбардированія. Какъ суда, затопленныя въ минувшемъ году при входѣ въ рейдъ, были зимою размыты бурями, то вице-адмиралъ Нахимовъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, устроилъ въ половинѣ (въ концѣ) февраля вторую преграду, затопивъ между батареями Михайловскою и № 8-го шесть судовъ, именно: корабли *Двѣнадцать Апостоловъ*, *Ростиславъ*, *Святославъ* и *Гавріилъ*, и фрегаты *Мидія* и *Месемврія*.

Въ продолженіи времени съ 9-го по 26-е февраля (съ 21-го февраля по 10-е марта), непріятель дѣйствовалъ исключительно штуцернымъ огнемъ, продолжая слабо дѣйствіе изъ мортиръ и почти совершенно прекративъ канонаду изъ длинныхъ орудій. Съ половины же (съ конца) февраля, онъ началъ бросать Конгревовы ракеты—сперва съ редута *Викторія*, а потомъ и изъ-за Стрѣлецкой бухты; но онѣ не причинили намъ большаго вреда. Ослабленіе непріятельскаго прицѣльнаго огня позволило намъ также ослабить канонаду и дѣйствовать по осаднымъ работамъ изъ мортиръ и, въ особенности сильнымъ, штуцернымъ огнемъ, производя пальбу изъ длинныхъ орудій только по новымъ подступамъ непріятеля. Причиною тому было опасеніе истощить пороховые запасы, которые не легко могли пополняться,

по весьма плохому состоянію дорогъ въ южной Россіи.

Непріятель, предугадавъ наше намѣреніе—занять курганъ впереди Малахова, хотѣлъ предупредить насъ на этомъ пунктѣ; но принужденъ былъ подвигаться къ нему постепенно; эта работа шла весьма медленно, по причинѣ каменистаго свойства мѣстности, на которой Французы вели свои траншеи. Пользуясь тѣмъ и обезпечивъ себя съ лѣваго фланга укрѣпленіемъ позиціи на Киленъ-балочныхъ высотахъ, мы рѣшились съ-разу занять курганъ впереди Малахова и заложить тамъ укрѣпленіе. Это смѣлое предпріятіе было предложено мужественнымъ защитникомъ Севастополя, полковникомъ Тотлебеномъ, временно командовавшему Крымскою арміей генералъ-адъютанту Остенъ-Сакену, который, приступая къ исполненію столь рискованнаго дѣла, счелъ нужнымъ испросить разрѣшеніе на то, находившагося тогда въ Симферополѣ, князя Меншикова ([12]), и на слѣдующій же день получилъ отзывъ, въ коемъ бывшій главнокомандующій войсками въ Крыму писалъ:

„Поспѣшаю отвѣтствовать на письмо Вашего Высокопр—ва, отъ 24-го февраля, въ коемъ Вы желаете знать мое мнѣніе, относительно построенія редута, въ 250-ти саж. отъ Малахова кургана, дабы парализировать дѣйствіе англійскихъ батарей, сосредоточивающихъ свои выстрѣлы на этотъ курганъ. Я нахожу предположеніе это еще тѣмъ болѣе полезнымъ, что таковой редутъ послужить можетъ опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій къ овладѣнію англійскими батареями между Киленъ и Лабораторною балками"...

26-го февраля (10-го марта), всѣ орудія бастіоновъ Корнилова, 2-го и 3-го, могшія принять участіе въ оборонѣ Зеленой горы, были на нее направ-

лены полковникомъ Тотлебеномъ; въ сумерки произведена имъ же, подъ прикрытіемъ секретовъ—разбивка укрѣпленія въ 315 саженяхъ впереди Малахова кургана, а постройка его поручена штабсъ-капитану Сахарову. Укрѣпленіе должно было обстрѣливать не только впереди-лежащую мѣстность между Киленъ-балкою и Доковымъ оврагомъ, но и подступы Французовъ за Киленъ-балкою и Англичанъ впереди 3-го бастіона, и потому признано выгоднымъ устроить это укрѣпленіе въ видѣ отрѣзнаго реданта, открытаго съ горжи, котораго передній фасъ имѣлъ длины 27 саженъ, лѣвый—40, а правый—50 саженъ. Къ ночи пришли на работу три баталіона Якутскаго полка, которые, пользуясь оплошностью непріятеля, замѣтившаго новую постройку не прежде разсвѣта, сложили брустверъ изъ находившихся вблизи камней и углубили рвы и внутренность укрѣпленія на столько, что можно было днемъ продолжать работу. Въ слѣдующую ночь былъ наряженъ на смѣну Якутскимъ баталіонамъ Камчатскій полкъ, отъ чего вновь сооруженный люнетъ получилъ названіе *Камчатскаго* (Французы называли его: „Ouvrage du mamelon vert“). 28-го февраля (12-го марта) Союзники открыли огонь изъ 6-ти орудій по Камчатскому люнету, но, несмотря на то, работы въ немъ продолжались весь день. Утромъ замѣчено было, что непріятель заложилъ въ ночи новую траншею по направленію къ Доковой балкѣ. Чтобы помѣшать этой работѣ, по распоряженію контръ-адмирала Панфилова, была произведена, въ ночи на 1-е (13-е) марта, вылазка лейтенантами Бирилевымъ и Астаповымъ и мичманомъ Макшеевымъ, съ 80-ю охотниками изъ матросовъ, подъ прикрытіемъ 60-ти штуцерныхъ Охотскаго полка. Наши охотники ворвались въ траншею и принесли на 3-й бастіонъ болѣе ста совер-

шенно годныхъ туровъ. Потери съ нашей стороны не было (13).

Камчатскій люнетъ образовалъ центръ контръ-параллели, которая простиралась къ сѣверо-востоку до Киленъ-балки и далѣе до Большой бухты, а къ юго-западу до Лабораторной балки, опираясь лѣвымъ флангомъ на Волынскій и Селенгинскій редуты, а правымъ — на каменоломни впереди 3-го бастіона (14).

Сооруженіе Камчатскаго люнета заставило Французовъ немедленно приступить къ осаднымъ работамъ на высотахъ противъ Зеленой горы. Начальникъ французскихъ инженеровъ, генералъ Бизо̀ предложилъ штурмовать нашъ люнетъ въ ночи на 1-е (13-е) марта, но генералъ Канроберъ, послѣ неудачнаго покушенія овладѣть Селенгинскимъ редутомъ, потерялъ охоту къ рѣшительнымъ предпріятіямъ и предпочелъ подвигаться впередъ шагъ за шагомъ. Съ этою цѣлью, первая параллель атаки *Викторіи*, назначенная для соединенія французскихъ работъ съ англійскими, была заложена въ ту-же ночь, въ разстояніи отъ Камчатскаго люнета на лѣвомъ флангѣ около 225, а на правомъ около 350 саженъ. Успѣху этой работы способствовало то, что люнетъ еще не былъ вооруженъ артиллеріей, и потому не могъ обстрѣливать картечью впереди-лежащую мѣстность. Чтобы замедлить послѣдующіе подступы непріятеля, были заложены ложементы въ разстояніи ста саженъ отъ его параллели и въ полутораста отъ люнета; а для поддержанія ихъ предпринято устройство второй линіи ложементовъ, на половинномъ разстояніи (около 75 саж.) отъ люнета (15).

Въ ночи со 2-го (14-го) на 3-е (15-е) марта, Французы нѣсколько разъ покушались занять наши ложементы, но каждый разъ были выбиваемы изъ

нихъ 1-мъ баталіономъ Камчатскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Китаева. Къ утру ложементы остались въ нашихъ рукахъ. Уронъ непріятеля, по собственному его показанію, простирался до 65-ти человѣкъ 100-го линейнаго полка, въ числѣ коихъ захвачены въ плѣнъ одинъ офицеръ и три рядовыхъ. Съ нашей стороны убиты поручикъ Неукъ и 7 нижнихъ чиновъ; ранены подполковникъ Китаевъ и 59 нижнихъ чиновъ. Въ слѣдующія ночи, непріятель нѣсколько разъ нападалъ на наши ложементы, но былъ отражаемъ съ урономъ, а днемъ ограничивался канонадою по нашимъ передовымъ укрѣпленіямъ. Со стороны обороняющагося были значительно подвинуты работы на люнетѣ и заложено нѣсколько новыхъ ложементовъ ([16]).

2-го (14-го) марта помощникъ начальника гарнизона, вице-адмиралъ Нахимовъ, вступилъ въ должность командира Севастопольскаго порта и военнаго губернатора города Севастополя. Въ тотъ же день отданъ былъ имъ слѣдующій приказъ:

„Усилія, употребленныя непріятелемъ противъ Севастополя, 5-го декабря и въ послѣдующіе затѣмъ дни, даютъ основательный поводъ думать, что, рѣшившись продолжать осаду, враги наши разсчитываютъ на средства еще болѣе громадныя; но теперь шестимѣсячные труды по укрѣпленію Севастополя приходятъ къ концу, средства обороны нашей почти утроились, и потому, кто изъ насъ, вѣрующихъ въ правосудіе Божіе, усомнится въ торжествѣ надъ дерзкими замыслами непріятеля? Но разрушить ихъ, при большой потерѣ съ нашей стороны, не есть еще полное торжество, и потому-то я считаю долгомъ напомнить всѣмъ начальникамъ священную обязанность, на нихъ лежащую, именно предварительно озаботиться, чтобы, при открытіи огня съ

непріятельскихъ батарей, не было ни одного лишняго человѣка, не только въ открытыхъ мѣстахъ и безъ дѣла, но даже прислуга у орудій и число людей для неразлучныхъ съ боемъ работъ были ограничены крайнею необходимостью. Заботливый офицеръ, пользуясь обстоятельствами, всегда отыщетъ средства сдѣлать экономію въ людяхъ и тѣмъ уменьшить число подвергающихся опасности. Любопытство, свойственное отвагѣ, одушевляющей доблестный гарнизонъ Севастополя, въ особенности не должно быть допущено частными начальниками. Пусть каждый будетъ увѣренъ въ результатѣ боя и спокойно останется на указанномъ ему мѣстѣ; это въ особенности относится къ гг. офицерамъ.

„Я надѣюсь, что гг. дистанціонные и отдѣльные начальники войскъ обратятъ полное вниманіе на этотъ предметъ и раздѣлятъ своихъ офицеровъ на очереди, приказавъ свободнымъ находиться подъ блиндажами и въ закрытыхъ мѣстахъ. При этомъ прошу внушить имъ, что жизнь каждаго изъ нихъ принадлежитъ отечеству, и что не удальство, а только истинная храбрость приноситъ пользу ему и честь умѣющему отличить ее въ своихъ поступкахъ отъ перваго.

„Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы еще разъ повторить запрещеніе частой пальбы. Кромѣ невѣрности выстрѣловъ, естественнаго слѣдствія торопливости, трата пороха и снарядовъ составляетъ такой важный предметъ, что никакая храбрость, никакая заслуга не должна оправдать офицера, допустившаго ее. Заботливость объ охраненіи города, ввѣреннаго Государемъ нашей чести, пусть будетъ ручательствомъ за мѣткость и хладнокровіе нашихъ молодцовъ артиллеристовъ“.

4-го (16-го) марта назначены: начальникомъ всѣхъ войскъ на Корабельной сторонѣ и на пере-

довой позиціи лѣваго фланга—генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, комендантомъ Камчатскаго люнета—капитанъ-лейтенантъ Сенявинъ, а Волынскаго редута—лейтенантъ Креммеръ.

Непріятель, имѣя въ виду снова атаковать, въ ночи съ 5-го (17-го) на 6-е (18-е) марта, ложементы впереди Камчатскаго люнета, назначилъ для этого болѣе значительныя силы, вѣроятно, предполагая, въ случаѣ успѣха атаки, штурмовать люнетъ. Полковникъ Весьè (Vaissier), которому было поручено произвести предварительное обозрѣніе нашей позиціи, въ сумерки 5-го (17-го), палъ, смертельно пораженный пулею. Вслѣдъ затѣмъ, французскія батареи открыли сильный огонь по люнету, а стрѣлки по ложементамъ. Послѣ пальбы, продолжавшейся съ четверть часа, двѣ роты 3-го полка Зуавовъ, поддержанныя остальными ротами того же полка, 86-мъ линейнымъ полкомъ и 4-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, кинулись на ложементы и выбили изъ нихъ прикрытіе отъ Якутскаго полка. Но полковникъ Свищевскій, выйдя изъ люнета съ тремя ротами Волынцевъ, ударилъ въ штыки и заставилъ Французовъ отступить въ ихъ параллель. Непріятель, снова устроившись, открылъ батальный огонь по ложементамъ. Зуавы вторично кинулись впередъ, но были опрокинуты баталіономъ Якутскаго и двумя ротами Томскаго полка, вышедшими изъ люнета, подъ начальствомъ полковника Бялаго, и потеряли до 50-ти человѣкъ убитыми и десять плѣнными, въ числѣ которыхъ былъ одинъ офицеръ. Наши войска преслѣдовали непріятеля по пятамъ и ворвались въ его траншею, гдѣ, несмотря на прибытіе въ помощь Зуавамъ 2-го стрѣлковаго баталіона, истребили множество Французовъ и только лишь по приказанію генералъ-лейтенанта Хрулева были выведены изъ жаркаго рукопашнаго боя и ото-

шли въ ложементы. Съ нашей стороны, въ этомъ дѣлѣ, убито 15 нижнихъ чиновъ; ранено и контужено 5 офицеровъ и 150 нижнихъ чиновъ. Со стороны Французовъ убитъ капитанъ Зуавовъ Буа́ (Bouat) и ранены бо́льшею частью смертельно 7 офицеровъ; о числѣ нижнихъ чиновъ, выбывшихъ у непріятеля изъ строя, нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній (17).

7-го (19-го) марта, не стало доблестнаго защитника Малахова кургана—Истомина. Онъ погибъ въ то время, когда возвращался на бастіонъ Корнилова съ Камчатскаго люнета, по гребню траншеи; по сторонамъ его шли комендантъ люнета Сенявинъ и инженерный офицеръ Чистяковъ. „Ваше Превосходительство, сойдите въ траншею: тутъ очень опасно"—сказалъ ему Сенявинъ. „Э, батюшка, все равно; отъ ядра не спрячешься"—отвѣчалъ Истоминъ. Въ это мгновеніе ядро оторвало ему голову, контузивъ Сенявина и ударивъ Чистякова въ голову костями черепа адмирала. Истоминъ былъ достойнымъ членомъ семьи Черноморскихъ моряковъ, возросшей и преисполнившейся духомъ безстрашія подъ руководствомъ Лазарева. Поступивъ на Малаховъ курганъ, Истоминъ заботился о немъ и берегъ его, какъ прежде берегъ свой корабль „Парижъ". Съ самаго начала осады онъ не раздѣвался, спалъ весьма мало и въ послѣдніе дни свои, постоянно находясь въ нервическомъ раздраженіи, принималъ мускусъ, чтобы поддержать физическія силы свои. Благодаря его неусыпной дѣятельности, Малаховъ курганъ сталъ отдѣльною сильною крѣпостью. Чувство долга поселило въ Истоминѣ совершенное равнодушіе къ смерти. Когда многіе храбрые, испытанные сослуживцы адмирала изъявляли удивленіе его необыкновенной отвагѣ, онъ повторялъ: „а я удивляюсь вашему удивленію; я и такъ незаконно живу на свѣтѣ; мнѣ слѣ-

довало быть убитымъ въ первую бомбардировку; почему же не играть мнѣ тѣмъ, чѣмъ пользуюсь долѣе срока“. Наканунѣ вечеромъ, когда у него въ башнѣ сидѣлъ генералъ Хрулевъ и собралось нѣсколько офицеровъ, пришелъ какой-то ластовой офицеръ съ жалобою, что его не произвели въ поручики, между тѣмъ, какъ младшій въ чинѣ былъ удостоенъ этой награды за дѣло, въ коемъ меньше его принималъ участіе. Когда онъ ушелъ, Истоминъ, обратясь къ своимъ гостямъ, сказалъ: „Странно; какое время теперь, а онъ хочетъ поручичьяго чина! Ну, не все ли равно умереть—поручикомъ или подпоручикомъ? Я, напримѣръ, убѣжденъ, что не выйду живъ отсюда и мнѣ рѣшительно все равно—генераломъ ли меня убили бы, или поручикомъ“ ([18]).

По смерти Истомина, начальникомъ 4-го отдѣленія оборонительной линіи былъ назначенъ капитанъ 1-го ранга Юрковскій.

Въ теченіи трехъ дней, съ 6-го (18-го) по 9-е (21-е) марта, Французы продолжали первую параллель до самаго дна Киленъ-балки и вывели два подступа къ люнету: одинъ изъ средины параллели былъ подвинутъ впередъ саженъ на сто; другой же, лѣвѣе перваго, былъ замедляемъ ружейною пальбою изъ ложементовъ, такъ что въ теченіи семи дней, съ 3-го (15-го) по 9-е (21-е) марта, атакующій подвинулъ его едва на 35 саженъ. Но ближайшая изъ непріятельскихъ траншей находилась въ разстояніи около сорока саженъ отъ передовой линіи нашихъ ложементовъ, чтó способствовало Французамъ атаковать въ превосходныхъ силахъ ложементы, рано утромъ 10-го (22-го) марта. Наше прикрытіе было выбито и отступило въ люнетъ, но непріятель, поражаемый огнемъ съ нашего укрѣпленія, скрылся въ траншеяхъ, не успѣвъ разрушить ложементы ([19]).

Въ это время брустверъ люнета уже былъ насыпанъ въ полную профиль (10 ф. вышины и 17 ф. толщины) и увѣнчанъ земляными мѣшками. Люнетъ былъ вооруженъ 10-ю 24-хъ-фунтовыми пушками и въ немъ устроены траверсы. Непріятель, съ своей стороны, тогда же усилилъ батареи, дѣйствовавшія по контръ-апрошамъ лѣваго фланга, такъ что они были подвержены огню 34-хъ пушекъ и гаубицъ и 7-ми мортиръ, не считая полевыхъ орудій, изъ которыхъ Французы и Англичане обстрѣливали Камчатскій люнетъ и ложементы ([20]).

Съ нашей стороны, для доставленія контръ-апрошамъ лѣваго фланга сильнаго артиллерійскаго огня съ оборонительной линіи, увеличено вооруженіе 2-го бастіона, Малахова кургана и ближайшихъ батарей 10-ю длинными орудіями и 4-мя пудовыми мортирами.

Въ продолженіи времени съ 26-го февраля по 9-е марта (съ 10-го по 21-е марта), Французы возводили новыя батареи противъ бастіона № 4-го и редута Шварца; Англичане заложили новую батарею для дѣйствія противъ батареи Никонова.

Для отвлеченія вниманія непріятеля отъ нашего лѣваго фланга, вечеромъ 3-го (15-го) марта, была произведена съ батареи Шемякина вылазка, изъ 600 охотниковъ разныхъ полковъ и 90 волонтеровъ греческаго баталіона, (за нѣсколько дней предъ тѣмъ введеннаго въ городъ), подъ общимъ начальствомъ Минскаго полка маіора Рудановскаго. Наши охотники ворвались во французскую траншею, гдѣ завязался упорный рукопашный бой; по отступленіи же нашего отряда былъ открытъ сильный огонь съ 6-го бастіона и съ батарей Шемякина по непріятелю, столпившемуся въ траншеѣ. Генералъ Боскè доносилъ, что: „de braves travailleurs de l'ennemi s'étaient glissés, malgré notre feu, et avaient réparé quel-

ques portions des embuscades, sans les occuper toutefois“. (Храбрые русскіе рабочіе пробрались, несмотря на нашъ огонь, и исправили часть заваловъ, хотя и не остались въ нихъ). Съ нашей стороны убито и ранено 70 человѣкъ. Въ числѣ раненыхъ было три офицера. Потеря непріятеля нигдѣ не показана: „le major Roudanovski ne fut pas sans faire éprouver aux Français des pertes assez graves“ (маіоръ Рудановскій нанесъ Французамъ значительный уронъ)—пишетъ французскій историкъ ([21]).

8-го (20-го) марта прибылъ на Сѣверную сторону новый главнокомандующій, генералъ-адъютантъ генералъ-отъ-артиллеріи князь М. Д. Горчаковъ 2-й, съ главными чинами своего штаба, въ составѣ котораго находились: начальникъ штаба—генералъ-адъютантъ Коцебу; начальникъ артиллеріи—генералъ-лейтенантъ Сержпутовскій; начальникъ инженеровъ—генералъ-лейтенантъ Бухмейеръ; генералъ-квартирмейстеръ—генералъ-лейтенантъ Бутурлинъ; дежурный генералъ—генералъ-лейтенантъ Ушаковъ 2-й; генералъ-интендантъ — генералъ-маіоръ Затлеръ и походный атаманъ—генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ.

Войска приняли князя Горчакова и его увѣренія скораго изгнанія непріятелей изъ Крыма съ ледянымъ равнодушіемъ; тѣ, которые служили подъ его начальствомъ на Дунаѣ, знали его личную храбрость и безпредѣльную преданность Царю и отечеству, уважали въ немъ справедливаго начальника и благороднаго, великодушнаго человѣка; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, знали, что отъ него нельзя было ожидать ничего рѣшительнаго; морякамъ онъ былъ вовсе неизвѣстенъ.

Послѣ перваго дѣла, происшедшаго при немъ подъ Севастополемъ и стоившаго намъ довольно дорого, всѣ энергическія предположенія новаго глав-

нокомандующаго были отложены до прибытія подкрѣпленій. Нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ въ Севастополь, князь Горчаковъ писалъ Государю:

„Положеніе наше довольно трудно; подступы непріятеля столь сближены, что Севастополь можетъ держаться только при весьма сильномъ гарнизонѣ; у непріятеля уже до 90 тыс. европейцевъ и до 30 тыс. турокъ, а наши подкрѣпленія поспѣютъ только къ половинѣ апрѣля. Оно сдѣлается крайне опаснымъ, если до ихъ прихода непріятель, какъ вѣроятно, получитъ еще до 30-ти тысячъ: оставя до 80-ти тыс. у Севастополя, съ тѣмъ, чтобы при удаленіи моемъ начать огромное бомбардированіе, и потомъ идти на штурмъ, онъ можетъ меня отвлечь отъ Севастополя движеніемъ съ 70-ю тысяч. или отъ Качи, или отъ Евпаторіи. Случись что́, будемъ отбиваться какъ можемъ. Впрочемъ, я ни мало не теряю надежды, что, съ Божіею помощью, намъ удастся отбиться со всѣхъ сторонъ: война имѣетъ много случайностей, и надобно разсчитывать, что непріятель не всегда дѣлаетъ, что́ могъ бы“ ([22]).

Въ концѣ марта 1855 года, онъ же писалъ Государю:

...„Князь Долгоруковъ доложитъ Вашему Императорскому Величеству записку, въ коей я изъясняю, сколь необходимо назначить мнѣ новыя подкрѣпленія, независимо отъ тѣхъ, которыя идутъ сюда, ибо съ приходомъ ихъ я все-таки буду несравненно слабѣе непріятеля. Осмѣлюсь доложить, что это дѣло первой важности. Ходъ дѣлъ въ Крыму издавна весьма испорченъ, и полагая даже, что мнѣ удастся отстоять Севастополь до прибытія 40 баталіоновъ, слѣдующихъ изъ Южной арміи—что̀, впрочемъ, весьма сомнительно—я не менѣе того буду гораздо слабѣе

непріятеля, который стягиваетъ сюда огромныя силы"... ([23]).

По оставленіи нами ложементовъ впереди Камчатскаго люнета, непріятель, на слѣдующее утро, 10-го (22-го) марта, сосредоточилъ на люнетъ огонь 15-ти-пушечной французской батареи и до 30-ти полевыхъ орудій и малыхъ мортиръ, поставленныхъ въ траншеяхъ, а также нѣсколькихъ орудій съ англійской атаки. Подъ защитою артиллеріи, Французы рѣшились вести свои подступы днемъ и приступили къ заложенію второй параллели. Какъ въ это время голова лѣваго французскаго подступа отстояла не далѣе 40 саженъ отъ нашихъ ложементовъ, и непріятелю достаточно было одной ночи, чтобы, занявъ эти ложементы, повернуть ихъ противъ люнета и соединить съ своими траншеями, то рѣшено было произвести, въ слѣдующую же ночь, сильную вылазку, чтобы разрушить лѣвый французскій подступъ. Для этого были назначены слѣдующія войскà: Камчатскаго полка 2 батал., Днѣпровскаго—3, Волынскаго—2, Углицкаго—1, отъ 35-го, 20-го и 44-го экипажей—1, всего девять баталіоновъ, въ числѣ до 5 тыс. человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Хрулева. Кромѣ того, два баталіона, 2-й и 4-й Камчатскаго полка, наряжены были на работы и въ прикрытіе люнета. Для развлеченія вниманія непріятеля, положено было, одновременно съ главною вылазкою, сдѣлать двѣ меньшихъ, подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Будищева и лейтенанта Бирилева, противъ англійскихъ атакъ.

Какъ только стемнѣло, то цѣпь, назначенная на смѣну стрѣлковъ, занимавшихъ вторую линію ложементовъ, пришла на указанное ей мѣсто и, наткнувшись на непріятеля, работавшаго въ первой линіи

нашихъ ложементовъ, завязала съ нимъ перестрѣлку и отошла въ люнетъ, послѣ чего съ передняго фаса люнета былъ открытъ картечный огонь. Генералъ Хрулевъ, чтобы не дать времени Французамъ утвердиться въ ложементахъ, рѣшился тотчасъ сдѣлать вылазку. Тогда же поданъ условленный сигналъ съ люнета барабаннымъ боемъ Будищеву и Бирилеву; но за пальбою не былъ услышанъ, и потому вылазки ихъ отрядовъ послѣдовали нѣсколько позже.

По данному сигналу, два баталіона Камчатскаго полка, находившіеся впереди люнета, подъ начальствомъ полковника Голева, двинулись въ атаку противъ Французовъ, занимавшихъ переднюю линію нашихъ ложементовъ: 1-й былъ построенъ въ ротныхъ колоннахъ; 3-й—въ колоннѣ къ атакѣ. Лѣвѣе люнета шли, въ такомъ же порядкѣ, 1-й и 4-й баталіоны Днѣпровскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Радомскаго. Остальныя войска были размѣщены по обѣ стороны люнета. Французы, мгновенно выбитые изъ ложементовъ, отступили въ траншею, куда на плечахъ ихъ ворвался 1-й баталіонъ Камчатскаго и впереди всѣхъ поручикъ Ковалевскій съ 1-ою егерскою ротою. Непріятель встрѣтилъ егерей батальнымъ огнемъ; многіе изъ нашихъ солдатъ повалились, но остальные взлѣзли на гребень траншеи. Загорѣлся ожесточенный рукопашный бой между Зуавами и Камчатцами: дрались штыками и прикладами; заваливали одни другихъ камнями и турами, а между тѣмъ саперы, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Тидебеля, приступили къ возобновленію передовыхъ ложементовъ, отчасти уже передѣланныхъ Французами. Генералъ Хрулевъ, не давая времени непріятелю усилиться спѣшившими къ нему въ помощь резервами, выслалъ изъ люнета 4-й баталіонъ Камчатскаго полка и приказалъ тремъ Кам-

чатскимъ баталіонамъ атаковать лѣвый непріятельскій подступъ у Доковой балки, а рабочимъ солдатамъ и морякамъ, по выбитіи Французовъ изъ подступа, разрушить его. Тогда же два Днѣпровскихъ баталіона были направлены противъ средняго непріятельскаго подступа. Несмотря на сильный ружейный огонь, встрѣтившій наши войска, полковникъ Голевъ опрокинулъ Французовъ, занялъ лѣвый ихъ подступъ и атаковалъ ихъ первую параллель; а 4-й Камчатскій баталіонъ, устремясь правѣе прочихъ, (причемъ смертельно раненъ командиръ 11-й егерской роты штабсъ-капитанъ Михно), ворвался на ближайшую изъ англійскихъ батарей, перебилъ прислугу и опрокинулъ стоявшія тамъ орудія. Тогда-же наши штуцерные, изъ отряда Будищева, занявъ западную сторону Доковой балки, открыли огонь во флангъ и тылъ Французамъ. Между тѣмъ, генералъ Хрулевъ, полагая, что моряки уже успѣли разрушить лѣвый подступъ, послалъ полковнику Голеву приказаніе отступить. Но когда Голевъ донесъ, что его люди, тревожимые ружейнымъ огнемъ изъ первой параллели, еще не окончили работы, Хрулевъ разрѣшилъ Голеву выбить Французовъ изъ параллели и устремилъ лѣвую колонну по среднему непріятельскому подступу. По разрушеніи моряками лѣваго подступа, полковникъ Голевъ сталъ отводить назадъ войска своей колонны, но какъ въ то же время въ непріятельскихъ траншеяхъ раздались сигналы наступленія, то, для удержанія непріятеля, онъ двинулъ изъ резерва 1-й баталіонъ Волынскаго полка въ обходъ праваго фланга Французовъ, а генералъ Хрулевъ направилъ съ другой стороны по Докову оврагу двѣ роты 2-го баталіона Волынцевъ и двѣ роты Углицкаго полка и моряковъ. Лѣвой колоннѣ было приказано повернуть вправо и кинуться во флангъ

непріятелю, наступавшему противъ Голева, а для связи между колоннами направлены въ промежутокъ между ними остальныя двѣ роты Волынскаго полка. Такимъ образомъ были введены въ бой почти всѣ войска отряда.

Какъ только четыре роты нашей правой колонны двинулись по дну Доковой балки, то съ лѣваго берега ея раздался ружейный огонь во флангъ и тылъ Французовъ. Какъ открылось вскорѣ—это были штуцерные лейтенанта Завалишина, принадлежавшіе къ отряду Будищева. Лѣвый флангъ Французовъ обратился въ бѣгство, что̀ заставило и прочія войска ихъ совершенно оставить первую параллель. Баталіоны Камчатскаго и Днѣпровскаго полковъ ворвались туда вслѣдъ за непріятелемъ, перебили прислугу батареи и опрокинули орудія.

Достигнувъ цѣли вылазки, Хрулевъ приказалъ отступать; но не легко было это исполнить. Солдаты, возбужденные успѣхомъ, не слушали неоднократно повторенныхъ сигналовъ, полагая, что они подавались Французами, и, несмотря на усиленіе непріятеля направленными ему въ помощь резервами, продолжали идти впередъ и, миновавъ параллель, двинулись къ Ланкастерской батареѣ. Генералъ Хрулевъ, разославъ всѣхъ своихъ адъютантовъ и ординарцевъ, для удержанія наступавшихъ, приказалъ іеромонаху Іоанникію Савинову, находившемуся при войскахъ во все время боя (*), вызвать ихъ назадъ пастырскимъ увѣщаніемъ. По отступленіи отряда Хрулева, Французы снова заняли первую параллель.

(*) Въ самый разгаръ рукопашной схватки, неустрашимый Іоанникій возглашалъ: „Спаси Господи люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды Благовѣрному Императору нашему на супротивныя даруя"... Одинъ изъ непріятелей бросился на безоружнаго монаха и ударомъ штыка разорвалъ на немъ рукавъ рясы и эпитрахиль, но въ то же мгновеніе былъ убитъ юнкеромъ Негребецкимъ.

Для дѣйствій противъ англійскихъ работъ, одновременно съ вылазкою изъ Камчатскаго люнета, были назначены два отряда: капитана 2-го ранга Будищева, изъ четырехъ ротъ греческихъ волонтеровъ, 150-ти охотниковъ флотскихъ экипажей и 200 охотниковъ Минскаго полка, и лейтенанта Бирилева, изъ 475-ти охотниковъ: флотскихъ экипажей, Охотскаго полка и 6-го резервнаго баталіона Волынскаго полка; въ резервы обоихъ отрядовъ было назначено по одной ротѣ Охотскаго полка.

Отрядъ Будищева, выйдя изъ 3-го бастіона, былъ раздѣленъ на три колонны. Главная изъ нихъ, изъ четырехъ греческихъ ротъ князя Мурузи и 30-ти матросовъ мичмана Макшеева, служившаго проводникомъ, направилась противъ средины третьей параллели (маіора Гордона), застала врасплохъ Англичанъ, которые приняли Русскихъ за Французовъ, и, овладѣвъ тамъ батареей, перебила прислугу и заклепала нѣсколько орудій. Здѣсь были убиты капитаны Броунъ и Викаръ и самъ Гордонъ раненъ двумя пулями. Лѣвая колонна, изъ 64-хъ штуцерныхъ-моряковъ, подъ командою мичмана Завалишина, двигаясь по западному берегу Докова оврага, на присоединеніе къ главной колоннѣ, услыша сильную перестрѣлку за этимъ оврагомъ, открыла (какъ уже сказано) огонь по Французамъ. Правая колонна, изъ 60-ти матросовъ и 200 охотниковъ 6-го резервнаго баталіона Волынскаго полка, подъ командою лейтенанта Астапова, обошла съ лѣваго фланга третью параллель, выбила прикрытіе и захватила въ плѣнъ подполковника Келли и нѣсколько рядовыхъ. Между тѣмъ, отрядъ лейтенанта Бирилева, выступя съ батареи Никонова, по Лабораторной балкѣ, поднялся вправо на Зеленую гору, овладѣлъ второю параллелью (маіора Чапмана) и заклепалъ мортиру. Здѣсь

въ рукопашномъ бою захваченъ въ плѣнъ инженеръ-капитанъ Монтегю и 6 рядовыхъ. Затѣмъ, разрывъ значительную часть непріятельскихъ траншей, отряды Будищева и Бирилева возвратились на оборонительную линію.

Несмотря на одержанный нами успѣхъ, уронъ нашихъ войскъ, наступавшихъ противъ непріятеля, прикрытаго траншеями, былъ весьма значителенъ, именно: въ отрядѣ генерала Хрулева убито 7 офицеровъ и 369 нижнихъ чиновъ; ранено 17 офицеровъ и 920 нижнихъ чиновъ; въ отрядахъ Будищева и Бирилева: убито 2 офицера и 10 нижнихъ чиновъ; ранено 4 офицера и 60 нижнихъ чиновъ. Вообще же у насъ убито и ранено 30 офицеровъ и 1,360 нижнихъ чиновъ; но какъ многіе изъ раненыхъ остались въ строю, то наша убыль не превышала 1,000 человѣкъ (24).

Со стороны Союзниковъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, Французы потеряли: убитыми и ранеными 24 офицера и 500 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропавшими: 4 офицера и 83 рядовыхъ, всего же 611 человѣкъ (25). Но въ дѣйствительности уронъ ихъ былъ гораздо болѣе, потому что изъ одного 82-го полка выбыло 320 человѣкъ, въ числѣ коихъ 6 офицеровъ. У Англичанъ выбыло изъ строя до 100 человѣкъ; захвачены въ плѣнъ 2 офицера и 12 рядовыхъ (26).

Во все время боя, городъ былъ сильно бомбардированъ. Въ продолженіе ночи непріятель бросилъ нѣсколько сотъ бомбъ и до ста конгревовыхъ ракетъ почти безъ вреда войскамъ гарнизона, укрывавшимся въ блиндажахъ (27).

Хотя эта вылазка стоила намъ много крови, однакоже она вполнѣ достигла своей цѣли: головныя работы осаждающаго были разрушены и мы выиграли

время, необходимое для возстановленія и усиленія укрѣпленій оборонительной линіи.

11-го (23-го) марта, въ три часа по-полудни, высланъ изъ Севастополя парламентеръ, съ предложеніемъ перемирія для уборки тѣлъ. Въ 8 часовъ вечера полученъ отвѣтъ, которымъ перемиріе было назначено на слѣдующій день, въ полдень.

12-го (24-го), въ половинѣ перваго часа по-полудни, съ обѣихъ сторонъ раздались звуки сигнальныхъ рожковъ и развернулись бѣлые флаги. Наши батареи и гребни непріятельскихъ траншей мгновенно были покрыты зрителями, и толпы войскъ вышли однѣ другимъ на-встрѣчу. Съ нашей стороны распоряжался генералъ-маіоръ Заливкинъ, а со стороны Французовъ — дивизіонный генералъ Брюнè, угрюмый старикъ съ угловатыми манерами. Между тѣмъ какъ рабочіе уносили тѣла своихъ убитыхъ, офицеры обѣихъ сторонъ сходились на демаркаціонной линіи, обозначенной цѣпью нашею и непріятельскою, бесѣдовали между собою, мѣнялись сигарами. Наши солдаты и матросы, незнавшіе ни одного иностраннаго слова, также нашли возможность объясняться по-своему съ Французами. Три часа продолжалось затишье, прервавшее цѣлые мѣсяцы грозной борьбы. Наконецъ, когда поле недавней битвы было очищено отъ покрывавшихъ его тѣлъ, опустились флаги, раздались залпы и до самаго утра продолжалась канонада ([28]).

Удачное дѣло 10-го (22-го) марта, убѣдивъ на опытѣ въ пользѣ контръ-апрошей, побудило обороняющагося распространить и усилить контръ-апрошную систему. Съ этою цѣлью предположено было: во 1-хъ, ложементы впереди редутовъ за Киленъ-балкою и Камчатскаго люнета соединить между собою траншеями; во 2-хъ, впереди 3-го бастіона

устроить двѣ линіи ложементовъ, изъ коихъ передняя находилась бы въ разстояніи отъ 75 до 150 саженъ отъ третьей англійской параллели, соединить ихъ между собою траншеями и связать также траншеями вторую линію ложементовъ съ контръ-апрошами Камчатскаго люнета. Такимъ образомъ контръ-апрошная система должна была прикрыть все пространство противъ правой французской и обѣихъ англійскихъ атакъ, между рейдомъ и Лабораторною балкою. Всѣ эти работы были окончены къ 28-му марта (9-му апрѣля), дню открытія втораго усиленнаго бомбардированія, несмотря на сосредоточенный огонь непріятельскихъ батарей противъ нашихъ передовыхъ укрѣпленій, которому, за недостаткомъ пороха, мы не могли отвѣчать съ достаточною силою, и на потерю людей въ рабочихъ командахъ и прикрытіи, простиравшуюся ежедневно до 150 человѣкъ. Въ числѣ убитыхъ были: капитанъ-лейтенантъ Серебряковъ, 40-го флотскаго экипажа лейтенантъ Богдановичъ и 4-го сапернаго баталіона штабсъ-капитанъ Сахаровъ ([29]).

Тогда-же на оборонительной линіи и въ передовыхъ укрѣпленіяхъ, въ ожиданіи бомбардированія, упрочивались брустверa и амбразуры, строились пороховые погреба, сооружались траверсы и блиндированныя помѣщенія. Всего къ 28-му марта (9-му апрѣля) было устроено 140 блиндажей, въ которыхъ, хотя и весьма тѣсно, могли укрыться до 6-ти тысячъ человѣкъ. Наконецъ—усилено вооруженіе редутовъ за Киленъ-балкою и Камчатскаго люнета 22-мя орудіями.

Контръ-минныя наши работы продолжались неусыпно. 12-го (24-го) марта, произведенъ былъ съ нашей стороны взрывъ, заставившій непріятельскаго минера работать съ такою осторожностью,

что его вовсе не было слышно до 26-го марта (7-го апрѣля), когда онъ камуфлетомъ разбилъ голову одного изъ нашихъ рукавовъ на капитали 4-го бастіона. Здѣсь мы понесли первую потерю въ минахъ: убито 3 и контужено 5 нижнихъ чиновъ ([30]).

Въ продолженіи времени съ 10-го по 28-е марта (съ 22-го марта по 9-е апрѣля), на оборонительной линіи усилено вооруженіе и построено нѣсколько новыхъ батарей ([31]).

Вооруженіе сухопутныхъ укрѣпленій Южной стороны было доведено до тысячи орудій, слѣдовательно послѣ 2-го (14-го) ноября, въ истекшіе пять мѣсяцевъ, увеличено вдвое. Противъ осадныхъ батарей могли дѣйствовать 466 орудій, коихъ огонь былъ почти вчетверо сильнѣе, чѣмъ въ первое бомбардированіе. Прочія же 532 орудія были назначены частью для обстрѣливанія ближайшей мѣстности, частью же для фланговой, тыльной и внутренней обороны укрѣпленій ([32]).

Съ 8-го (20-го) по 28-е марта (9-е апрѣля) въ составѣ севастопольскаго гарнизона произошли слѣдующія перемѣны:

Переведены на Южную сторону полки:

8-го (20-го) марта, Днѣпровскій пѣхотный и Углицкій егерскій . . . . на 4-е отдѣленіе.

10-го (22-го) марта, Его Высоч. Велик. Князя Михаила Николаевича (Казанскій) егерскій . . . . . . на Малах. курганъ.

13-го (25-го) марта, Суздальскій пѣхотный. . . . . на 1-е отдѣленіе.

16-го (28-го) марта, Украинскій егерскій . . . . . на Камчатск. люнетъ.

25-го марта (6-го апрѣ-
ля) Владимірскій пѣхотный. . на 3-е отдѣленіе.

Выведены съ Южной стороны полки:

17-го (29-го) марта, Днѣ-
провскій пѣхотный. . . . . на Сѣверн. сторону.
24-го марта (5-го апрѣ-
ля), Селенгинскій пѣхотный. . на Бельбекъ.
25-го марта (6-го апрѣ-
ля), Якутскій пѣхотный . . . на Сѣверн. сторону.

Къ 28-му марта (9-му апрѣля) въ составѣ гарнизона находились:

Пѣхота.

10-я пѣхотн. дивизія.	Екатеринбургскій пѣхотный полкъ. Тобольскій. Томскій егерскій полкъ. Колыванскій.
11-й пѣх.-див. 2-я бригада.	Охотскій егерскій полкъ. Камчатскій.
12-й пѣхотн. дивизіи.	Днѣпровскій пѣхотный полкъ. Украинскій егерскій полкъ.
14-й пѣх. див. 1-я бригада.	Волынскій пѣхотный полкъ. Минскій.
16-я пѣхотн. дивизія.	Владимірскій пѣхотный полкъ. Суздальскій. Углицкій егерскій полкъ. Его Высоч. Велик. Князя Михаила Николаев. (Казанск.) егерск. полкъ.
	4-й Стрѣлковый баталіонъ.
	Резервная бригада 13-й пѣх. дивиз.
	6-е резервные баталіоны Волынскаго и Минскаго полковъ.
	2-й и 8-й Черноморскіе казачьи баталіоны.

Въ пѣхотныхъ полкахъ состояло отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ человѣкъ въ каждомъ; въ 4-мъ Стрѣлковомъ баталіонѣ 562; въ резервной бригáдѣ 13-й дивизіи 3,691; въ резервныхъ баталіонахъ Волынскаго и Минскаго полковъ 1.452; въ двухъ Черноморскихъ баталіонахъ 968. Вообще же пѣхоты было около 37-ми тыс. человѣкъ.

Прислуга Артиллеріи.

Отъ флотскихъ экипажей	8,886	челов.
Гарнизонной артиллеріи.	1,285	„
Полевой артиллеріи: легкія батареи № 2-го 10-й и 5-го 11-й артиллерійской бригады.	391	челов.
Итого . . .	10,562	челов.
4-й и 6-й саперные баталіоны .	961	челов.

Всего же 48,487 человѣкъ, изъ числа коихъ, за исключеніемъ людей въ домашній расходъ, состояло въ гарнизонѣ до 34 тыс. штыковъ и до 9-ти тыс. челов. артиллерійской прислуги ([33]).

Замедленіе успѣха подступовъ осаждающаго заставило его обратиться къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Союзники предполагали усиленно бомбардировать городъ и потомъ овладѣть имъ штурмомъ. Приготовленія къ новому продолжительному бомбардированію состояли въ постройкѣ и вооруженіи новыхъ батарей и въ огромномъ подвозѣ боевыхъ припасовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прибыли значительныя подкрѣпленія для укомплектованія Союзныхъ армій и перевезены изъ Евпаторіи въ Камышъ двѣ дивизіи, одна турецкая и другая египетская, въ числѣ до 18 тыс. человѣкъ, подъ личнымъ начальствомъ Омера-паши.

Къ 28-му марта (9-му апрѣля)—дню, въ который было рѣшено начать бомбардированіе Севастополя

изъ всѣхъ орудій, поставленныхъ на батареяхъ — осаждающіе имѣли въ готовности къ бою:

Французы, на своей правой атакѣ:

65 орудій противъ верковъ Корабельной слободы и передовыхъ укрѣпленій.

33 орудія противъ Сѣверной стороны и рейда.

Англичане, на обѣихъ своихъ атакахъ:

148 орудій, преимущественно противъ Малахова кургана и 3-го бастіона.

Французы, на лѣвой атакѣ противъ города:

133 орудія, противъ 3-го и 4-го бастіоновъ съ примыкающими къ нимъ верками.

105 орудій, противъ 5-го бастіона и сосѣднихъ съ нимъ верковъ.

57 орудій, противъ 6-го бастіона.

Итого со стороны Французовъ 393, а со стороны Англичанъ 148, всего же 541 орудіе. Подобно тому какъ и у насъ, значительная часть артиллерійской прислуги состояла изъ моряковъ и пѣхотныхъ солдатъ ([34]).

Зарядовъ среднимъ числомъ находилось въ наличности:

На каждую	пушку	по	600
„ „	гаубицу	„	400
„ „	мортиру	„	500 ([35]).

Хотя мы могли противопоставить непріятелю равносильную артиллерію, какъ по числу, такъ и по калибрамъ орудій, однакоже же у насъ не было средствъ поддерживать продолжительное время уча-

щенную пальбу, по незначительному запасу зарядовъ и пороха, остававшемуся въ Севастополѣ. При открытіи втораго усиленнаго бомбардированія, у насъ было 135,300 зарядовъ, полтора милліона слишкомъ патроновъ и 1,728 пудовъ пороха ([36]), передѣлавъ часть котораго въ заряды, мы могли имѣть ихъ отъ 140 до 142 тысячъ, слѣдовательно кругомъ только по 300 зарядовъ на орудіе.

ГЛАВА XXIX.

Второе бомбардированіе Севастополя. Контръ-апроши на правомъ флангѣ оборонительной линіи.

(Съ 28-го марта (9 апрѣля) по 12-е (24-е) мая 1855 года).

Въ концѣ марта (въ первой половинѣ апрѣля), на Страстной недѣлѣ, Союзники готовились къ усиленному бомбардированію Севастополя, не переставая отъ времени до времени обстрѣливать городъ, гдѣ войска и жители, наполняя ярко освѣщенныя церкви, слушали Божественныя сказанія Христовыхъ страданій и, невольно примѣняя ихъ къ своему положенію, укрѣплялись въ рѣшимости страдать и гибнуть за Царя и Россію. 27-е марта (8-е апрѣля), первый день Свѣтлаго праздника, несмотря на чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ находились Севастопольцы, былъ ими встрѣченъ съ обычными нашему народу торжествомъ и радостью: у кого при себѣ была семья, тотъ вмѣстѣ съ нею, прочіе же вмѣстѣ съ однополчанами, молились у заутрени, а потомъ офицеры, въ парадныхъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ вышедшихъ изъ употребленія мундирахъ, отправились поздравлять начальниковъ. Все приняло праздничный видъ — даже на бастіонахъ. Солдаты

усыпали площадки пескомъ, обчистили платформы, подкрасили либо обтерли орудійные станки, пріодѣлись сами. Женщины и дѣти, не обращая вниманія на явную опасность, бѣжали подъ пулями на батареи, къ роднымъ своимъ—матросамъ, съ куличами и пасхою, освященными въ городскихъ церквахъ, христосовались съ мужьями и братьями, бесѣдовали между собою. А между тѣмъ въ толпу, собравшуюся кругомъ какого-либо веселаго разсказчика, нежданно-негаданно, падала тяжелая бомба и разрывалась съ зловѣщимъ трескомъ, либо прилетало ядро съ непріятельской батареи. Наши тоже не оставались въ долгу, изрѣдка посылая врагу грозные гостинцы. Какой-то шутникъ бомбардиръ разкрасилъ разряженную двухъ-пудовую бомбу въ родѣ пасхальнаго яйца и съ дозволенія батарейнаго командира отправилъ эту *писанку* непріятелямъ, которые, съ своей стороны, бросили въ отвѣтъ огромную чиненую бомбу. Впрочемъ, первый день праздника, совпавшій съ католическимъ, сравнительно прошелъ тихо и спокойно (1).

То было затишье передъ бурею. На разсвѣтѣ 28-го марта (9-го апрѣля), въ то самое время, когда поднялся вдругъ порывистый вѣтеръ и полилъ дождь какъ изъ ведра, около 5-ти часовъ, внезапно, по сигналу ракетою, данному съ корабля, стоявшаго у Стрѣлецкой бухты, загремѣли всѣ французскія батареи, а въ 6 часовъ Англичане также открыли огонь.

Съ нашей стороны отвѣчали на грозный вызовъ всѣ батареи. Въ продолженіи пяти часовъ мы поддерживали неумолкаемый огонь, но въ 10 часовъ ограниченное количество нашихъ боевыхъ запасовъ заставило генерала Сакена разослать по батареямъ приказаніе—отвѣчать однимъ выстрѣломъ не менѣе какъ на два выстрѣла непріятеля (2).

Одновременно съ началомъ боя, замѣчено было, что непріятельскій флотъ разводилъ пары. Ожидали, что онъ, по примѣру дѣла 5-го (17-го) октября, приметъ участіе въ бомбардированіи города. Но Союзники, дорожа флотомъ, доставлявшимъ имъ единственное средство къ полученію подкрѣпленій и запасовъ, не отважились подвергнуть его случайностямъ борьбы съ приморскими укрѣпленіями Севастополя (3). Только лишь по ночамъ приближались къ берегу, какъ-бы украдкою, непріятельскіе пароходы и сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ по нашимъ батареямъ, уходили въ море (4).

Въ продолженіи дня и слѣдующей ночи, въ которую непріятель усилилъ въ особенности навѣсный и штуцерной огонь, Французы выпустили до 30-ти тысячъ, а Англичане—до 4-хъ тысячъ артиллерійскихъ снарядовъ. Съ нашей стороны израсходовано около 12-ти тыс. снарядовъ и 165 тыс. патроновъ (5).

5-й бастіонъ и смежныя съ нимъ батареи были такъ повреждены, что въ сумерки совершенно прекратили огонь. 4-й бастіонъ, по которому осаждающій дѣйствовалъ изъ 56-ти мортиръ и 30-ти длинныхъ бомбовыхъ орудій, будучи засыпанъ разрывными снарядами, также понесъ значительныя поврежденія и большую потерю въ людяхъ. Наиболѣе же потерпѣли передовыя укрѣпленія лѣваго фланга—Камчатскій люнетъ и редуты Волынскій и Селенгинскій, которые къ вечеру были обращены въ груды развалинъ. Вообще же на оборонительной линіи подбито 15 орудій и завалено 122 амбразуры. Убито 62, ранено 311 и контужено 163 человѣка; въ числѣ убитыхъ былъ командиръ батареи капитанъ-лейтенантъ Шемякинъ; въ числѣ смертельно раненыхъ артиллеріи подполковникъ Розенталь (6).

Непріятельскія батареи также подверглись зна-

чительнымъ поврежденіямъ, въ особенности же англійскія на Зеленой горѣ и французскія на Киленъбалочной высотѣ. У Французовъ выбыло изъ строя 69, у Англичанъ—25 человѣкъ ([7]). Бомбардированіе 28-го марта (9-го апрѣля) было сильнѣе, нежели то, которое происходило 5-го (17-го) октября, но причинило нашимъ войскамъ менѣе вреда, благодаря закрытіямъ (блиндажамъ и траверсамъ), устроеннымъ въ нашихъ укрѣпленіяхъ.

Въ продолженіи слѣдующей ночи, несмотря на грязь, затруднявшую доставку орудій и матеріаловъ на оборонительную линію, и на страшный огонь непріятеля, всѣ укрѣпленія были исправлены, почти всѣ подбитыя орудія замѣнены новыми, и Севастополь былъ готовъ продолжать столь же упорную защиту, какъ и наканунѣ. Одинъ изъ французскихъ писателей, весьма недоброжелательный къ Русскимъ, несмотря на то, сознается, что Наполеонъ I-й завоевалъ бы три или четыре государства съ половиною тѣхъ средствъ, въ людяхъ и деньгахъ, коихъ стоила Французамъ осада Севастополя, и что Вобанъ, Тюрень, и Конде, при Людовикѣ XIV, не располагали такими средствами для присоединенія къ Франціи нѣсколькихъ областей и многихъ укрѣпленныхъ городовъ, уступленныхъ ей по Нимвегенскому миру ([8]).

29-го марта (10-го апрѣля), въ пять часовъ утра, непріятель возобновилъ канонаду, на которую, съ нашей стороны, приказано отвѣчать какъ можно рѣже, ни въ какомъ случаѣ не расходуя болѣе 30-ти зарядовъ въ день на орудіе. Съ утра погода стояла ненастная, но къ 10-ти часамъ вѣтеръ стихъ и небо прояснилось. Союзный флотъ развелъ пары и около полудня подошелъ къ береговымъ батареямъ, но ограничился демонстраціей и въ 6 часовъ вечера

удалился въ море. Начальникъ гарнизона генералъ-адъютантъ Сакенъ, подъ громомъ артиллеріи, посѣтилъ 4-й и 5-й бастіоны, христосовался съ офицерами и нижними чинами и благодарилъ ихъ за молодецкую службу.

Къ вечеру 5-й бастіонъ былъ принужденъ совершенно замолчать. На 4-мъ бастіонѣ подбито 8 орудій и завалены почти всѣ амбразуры, такъ что въ сумерки онъ могъ дѣйствовать только изъ двухъ орудій. Редуты за Киленъ-балкою также прекратили огонь. По Камчатскому же люнету непріятель производилъ менѣе сильную прицѣльную пальбу, но нанесъ большой вредъ навѣснымъ огнемъ изъ мортиръ и гаубицъ. Вообще же у насъ подбито 15 орудій.

У непріятеля подбито до 50-ти орудій и пять батарей принуждены замолчать (9).

Въ 9-ть часовъ вечера, осаждающій атаковалъ ложементы впереди 5-го бастіона и редута Шварца, и успѣлъ занять ихъ, но былъ выбитъ баталіономъ Колыванскаго егерскаго полка, подъ начальствомъ маіора Жданко, и четырьмя ротами рабочихъ отъ разныхъ полковъ, подъ командою маіора Колесникова. Французскіе рабочіе, пораженные паническимъ страхомъ, бѣжали въ свою траншею, побросавъ шанцовой инструментъ и оружіе (10).

Въ продолженіи ночи, благодаря усердію и дѣятельности Севастопольскаго гарнизона, были окончены всѣ починки на оборонительной линіи, кромѣ редутовъ за Киленъ-балкою, гдѣ исправлены только пороховые погреба и амбразуры. Всѣ ждали штурма на полуразрушенныя укрѣпленія, и потому, за часъ до разсвѣта, войскà, занимавшія ихъ, стали въ ружье; орудія были заряжены картечью; но Союзники оста-

вались въ своихъ траншеяхъ, продолжая, съ настойчивостью, бомбардированіе и канонаду.

Въ продолженіи дня 29-го марта (10-го апрѣля) и слѣдующей ночи, Французы выпустили до 30-ти тысячъ, а Англичане около 3-хъ тысячъ снарядовъ. Съ нашей стороны израсходовано 11,450 зарядовъ. Уронъ нашъ простирался: убитыми до 85-ти, ранеными до 377-ми и контуженными до 273-хъ человѣкъ. У Французовъ выбыло изъ строя 113, у Англичанъ — 22 человѣка ([11]).

30-го марта (11-го апрѣля), Французы преимущественно обратили огонь на 5-й бастіонъ, редутъ Шварца и батарею Шемякина, и къ вечеру совершенно разстроили оборону этихъ укрѣпленій. На 4-мъ бастіонѣ были сбиты всѣ орудія у исходящаго угла и завалены амбразуры лѣваго фаса. Батареи 3-го отдѣленія, контръ-адмирала Панфилова, съ успѣхомъ выдерживали борьбу съ Англичанами и нанесли ихъ батареямъ значительныя поврежденія. Противъ передовыхъ укрѣпленій нашего лѣваго фланга Французы дѣйствовали прицѣльно только изъ половины своихъ орудій, продолжая обстрѣливать наши войска навѣснымъ огнемъ. Вечеромъ непріятель усилилъ мортирный и штуцерной огонь, а съ Херсонеса сталъ бросать ракеты на Сѣверную сторону ([12]).

Союзники, не рѣшаясь на штурмъ, но желая воспользоваться разстройствомъ нашихъ укрѣпленій, предприняли овладѣть ложементами у кладбища. Съ этою цѣлью, 30-го марта (11-го апрѣля), былъ высланъ полковникъ Го (Gault), съ 46-мъ линейнымъ полкомъ; рабочими, наряженными для перестройки ложементовъ, завѣдывалъ инженерный штабъ-офицеръ Манженъ. Въ 10½ часовъ вечера, Французы заняли ложементы и приступили къ работѣ, несмотря на сильный картечный огонь заранѣе направленныхъ

на этотъ пунктъ нашихъ орудій. Чтобы не дать непріятелю времени утвердиться въ его траншеѣ, были высланы два Колыванскихъ баталіона, подъ начальствомъ командира полка, подполковника Темирязева, которые выбили Французовъ, но, будучи атакованы превосходными силами, залегли въ оврагахъ, завязали съ непріятелемъ частую перестрѣлку и нѣсколько разъ кидались въ штыки, что̀ не дозволило Французамъ углубить ихъ траншею. На разсвѣтѣ ложементы снова были заняты нашими стрѣлками. Уронъ непріятеля простирался до 250 человѣкъ; въ числѣ раненыхъ офицеровъ былъ Манженъ.

Къ утру всѣ укрѣпленія были исправлены и подбитыя орудія замѣнены новыми. Гарнизонъ усиленъ Селенгинскимъ и Якутскимъ полками ([13]).

Непріятель, съ своей стороны, сосредоточивъ противъ 4-го бастіона сильный прицѣльный и навѣсный огонь, лишилъ наши войска, несмотря на самоотверженіе саперъ и артиллерійской прислуги, всякой возможности производить непрерывный картечный огонь и продолжалъ всю ночь работать въ своихъ подступахъ, но подвинулъ ихъ весьма мало.

Въ продолженіи сутокъ, 30-го марта (11-го апрѣля), со стороны Союзниковъ выпущено до 18-ти тысячъ, а съ нашей—9,240 снарядовъ. Потеря наша состояла изъ 92-хъ убитыхъ и 639-ти раненыхъ и контуженныхъ. У Французовъ выбыло изъ строя 256 человѣкъ. Въ числѣ смертельно раненыхъ былъ заслужившій своими талантами и храбростью уваженіе Союзной арміи, начальникъ французскихъ инженеровъ, генералъ Бизо́ (Bizot) ([14]).

Въ слѣдующіе два дня, Французы сосредоточили огонь на 4-й бастіонъ и привели его въ такое разстройство, что намъ надлежало все сооружать вновь. Безпрестанное бомбардированіе, уже продолжав-

шееся сряду пять сутокъ, чрезвычайно утомило войскà гарнизона. По свидѣтельству очевидца: „...въ городѣ господствуетъ общее истощеніе. Солдаты не ослабѣли въ исполненіи своего долга; но, безчувственные ко всему, дѣйствуютъ почти безсознательно, какъ автоматы, и ежели, по прежнему, пренебрегаютъ опасностью, то лишь потому, что, помышляя постоянно о смерти, они равнодушны ко всему, и даже къ самой смерти“... Англичане дѣйствовали усиленно по 3-му бастіону, который удерживался съ успѣхомъ: нѣсколько англійскихъ батарей были принуждены замолчать и на одной изъ нихъ взорванъ пороховой погребъ. Ослабленіе огня Французовъ противъ передовыхъ укрѣпленій нашего лѣваго фланга дозволило намъ исправить Киленъ-балочные редуты и Камчатскій люнетъ въ такой мѣрѣ, что они могли снова дѣйствовать по непріятельскимъ батареямъ. Севастопольскій гарнизонъ былъ усиленъ Одесскимъ егерскимъ полкомъ ([15]).

Въ ночи съ 1-го на 2-е (съ 13-го на 14-е) апрѣля, для возстановленія 4-го бастіона было собрано полторы тысячи рабочихъ и доставлено большое количество матеріаловъ (500 туровъ, 500 фашинъ, 5,000 земляныхъ мѣшковъ и 1,500 кольевъ). Работами здѣсь распоряжался начальникъ 2-го отдѣленія, вице-адмиралъ Новосильскій, въ присутствіи котораго саперы, матросы и солдаты соперничали между собою въ усердіи, не обращая вниманія на градъ снарядовъ, осыпавшій укрѣпленіе.

Въ эту же ночь предполагалось обратить ложементы впереди 5-го бастіона въ сплошную траншею. Туда были назначены три баталіона Волынскаго полка, въ числѣ 900 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Лушкова: одинъ на работы, другой — въ прикрытіе, а третій—въ резервъ. Въ ложементахъ

впереди редута Шварца находилось 50 охотниковъ и одна рота 5-го резервнаго баталіона Брестскаго полка, а въ резервѣ ихъ—двѣ роты Колыванскаго полка.

Едва лишь наши войскà успѣли занять назначенныя имъ мѣста, въ 8 часовъ вечера, какъ Французы атаковали ложементы впереди 5-го бастіона и редута Шварца. Какъ наканунѣ подобное предпріятіе, стоившее непріятелю 250 человѣкъ, не имѣло успѣха, то на сей разъ были высланы имъ довольно значительныя силы, именно: полки 14-й, 42-й и 46-й линейные, 2-й полкъ Иностраннаго легіона и 5-й стрѣлковый баталіонъ, подъ командою генерала Ривè, должны были атаковать ложементы впереди редута, а 98-й линейный полкъ и 9-й стрѣлковый баталіонъ, подъ командою генерала Бретóна—овладѣть ложементами у кладбища. Изъ числа этихъ войскъ, генералъ Ривè ввелъ въ дѣло 10, а генералъ Бретóнъ 6 ротъ, всего же до 2,400 человѣкъ. Волынцы сражались упорно, но, будучи атакованы превосходными силами, за которыми слѣдовалъ многочисленный резервъ, отступили на оборонительную линію, откуда тогда же былъ открытъ картечный огонь по ложементамъ, занятымъ непріятелемъ ([16]).

Зарядовъ въ оба дня, 31-го марта и 1-го (12-го и 13-го) апрѣля, израсходовано: съ нашей стороны 19,000; у Союзниковъ—31,400. Наша убыль состояла въ 280-ти убитыхъ и 1,568-ми раненыхъ и контуженныхъ. Въ числѣ убитыхъ находились командиръ Колыванскаго полка подполковникъ Темирязевъ, и лейтенантъ Титовъ, а въ числѣ смертельно раненыхъ командующій 2-ю бригадою 10-й пѣхотной дивизіи полковникъ Загоскинъ. Тяжело раненъ командиръ Волынскаго полка Лушковъ ([17]). Подбито

у насъ 37 орудій. У непріятеля выбыло изъ строя 500 человѣкъ ([18]).

Утромъ 2-го (14-го) апрѣля, замѣчено, что непріятель успѣлъ срыть захваченные имъ ложементы впереди праваго фланга оборонительной линіи. Днемъ огонь его батарей преимущественно былъ направленъ противъ 4-го и 3-го бастіоновъ, а также по Камчатскому люнету; 3-й бастіонъ нанесъ большой вредъ англійскимъ батареямъ; артиллерія люнета и совершенно исправленныхъ Киленъ-балочныхъ редутовъ также сильно разстроила одну изъ французскихъ батарей. Французамъ удалось затопить семь судовъ моста на Южной бухтѣ, и потому адмиралъ Нахимовъ приказалъ устроить новый мостъ на плотахъ, нѣсколько далѣе отъ непріятельскихъ батарей, у Новаго Адмиралтейства. Ночью непріятель, желая отвлечь наше вниманіе отъ работъ въ ложементахъ впереди 4-го и 5-го бастіоновъ, обстрѣливалъ ихъ навѣснымъ огнемъ. Съ нашей же стороны, батареи дѣйствовали всю ночь по рабочимъ картечью и ружейнымъ огнемъ, что̀ заставляло Французовъ нѣсколько разъ оставлять ложементы.

Въ эти сутки издержано зарядовъ: нами 9 тысячъ, а Союзниками до 15-ти тысячъ. У насъ выбыло изъ строя: убитыми 66, ранеными и контужеными 452 человѣка; у Союзниковъ вообще—158 человѣкъ.

Необходимость пополнить чрезвычайный расходъ зарядовъ заставила насъ приступить къ раздѣлкѣ ружейныхъ патроновъ. Начальникъ гарнизона, желая ограничить до послѣдней крайности растрату пороха, предписалъ имѣть по 50-ти зарядовъ на орудіе неприкосновенными на случай штурма и издерживать на важнѣйшихъ батареяхъ, изъ 162-хъ орудій, не болѣе 15-ти зарядовъ, а на прочихъ—

изъ 224-хъ орудій—не болѣе 10-ти и изъ 53-хъ—не болѣе 5-ти зарядовъ. На слѣдующій день, къ общей радости, прибылъ транспортъ съ 900 пуд. пороха и получено извѣстіе, что вскорѣ прибудетъ другой съ 2-мя тысячами пудовъ ([19]).

3-го (15-го) апрѣля, днемъ, непріятель продолжалъ усиленно дѣйствовать по 4-му бастіону, а также по 3-му бастіону и Камчатскому люнету. На 6-мъ бастіонѣ взорванъ непріятельскимъ выстрѣломъ пороховой погребъ, въ которомъ находилось 40 снаряженныхъ бомбъ и столько же зарядовъ, заключавшихъ въ себѣ до 10-ти пудовъ пороха. Этимъ взрывомъ убито и ранено 19 человѣкъ и обрушенъ валгангъ въ длину на 4 сажени. Непріятель въ этотъ день рѣшился взорвать мину впереди 4-го бастіона. Уже нѣсколько дней носились слухи о подведеніи подъ бастіонъ, для подорванія его, огромныхъ горновъ. Наши инженеры, слѣдившіе за подземными работами осаждающаго, старались разсѣять это неосновательное опасеніе, и только тогда, когда услышали вблизи себя непріятельскаго минера, 31-го марта (12-го апрѣля), взорвали горнъ, съ зарядомъ въ 21 пудъ. Казалось, непріятель прекратилъ свою работу; но 3-го (15-го) апрѣля, въ 8 часовъ вечера, онъ взорвалъ четыре усиленныхъ горна, каждый въ 32 пуда, близъ капитали 4-го бастіона, въ разстояніи около 35-ти саженъ отъ его шпица. Цѣлыя кучи земли и камней упали на бастіонъ и тогда же непріятель усилилъ по немъ мортирный и ружейный огонь. На бастіонѣ и въ образовавшихся впереди его воронкахъ, убито 30, ранено и контужено камнями до 70 человѣкъ. Съ нашей стороны, послѣ взрыва, былъ немедленно открытъ картечный и навѣсный огонь съ бастіона и со всѣхъ смежныхъ батарей по мѣстности между воронками и параллелью.

Въ продолженіи сутокъ израсходовано зарядовъ: съ нашей стороны 9 тысячъ, а со стороны Союзниковъ 11 тысячъ. Уронъ нашъ состоялъ въ 78-ти убитыхъ и 554-хъ раненыхъ и контуженныхъ, а непріятеля въ 40-а убитыхъ и 168-ми раненыхъ ([20]).

Въ слѣдующіе три дня, 4-го, 5-го и 6-го (16-го, 17-го и 18-го) апрѣля, непріятель продолжалъ общее бомбардированіе и канонаду Севастополя, но огонь его былъ не такъ силенъ, какъ прежде. Съ нашей стороны, огонь также былъ ослабленъ, но пространство передъ 4-мъ бастіономъ обстрѣливалось постоянно днемъ и ночью, чтобы не позволить непріятелю утвердиться въ воронкахъ. Здѣсь съ большимъ успѣхомъ бросали изъ мортиръ корзины, наполненныя гранатами. (Наши солдаты называли такой снарядъ—*капральствомъ*, а Французы—mitraille claire, въ отличіе отъ корзинъ, наполненныхъ осколками бомбъ, либо камнями, которыя у нихъ были извѣстны подъ именемъ mitraille noire) ([21]). По ночамъ, на батареяхъ исправлялись поврежденія и подбитыя орудія замѣнялись новыми, а между тѣмъ огонь нашихъ укрѣпленій замедлялъ непріятельскія работы и способствовалъ вылазкамъ охотниковъ.

Ночью съ 5-го (17-го) на 6-е (18-е) апрѣля, когда Французы возобновили свое обычное покушеніе—соединить воронки летучею сапою, по этимъ работамъ былъ открытъ сильный огонь, и потомъ предпринята вылазка. Въ три часа ночи, три роты и сто охотниковъ Тобольскаго полка, подъ начальствомъ маіора Прикота, выйдя съ батареи Костомарова, кинулись на воронки, разогнали непріятельскихъ рабочихъ и, разбросавъ вѣнчаніе бруствера, отступили съ потерею 3-хъ убитыхъ и 3-хъ раненыхъ нижнихъ чиновъ. Въ слѣдующую ночь, по полученіи изъ секретовъ извѣстія, что Французы устрои-

вали сообщеніе воронки на капитали съ третьею параллелью, произведена была вторичная вылазка тѣми же войсками. По сигналу къ наступленію, поданному свисткомъ, 2-я гренадерская рота, давъ залпъ по непріятелю, занимавшему воронку, ударила на него въ штыки; 1-я мушкатерская рота обошла воронку слѣва и, разогнавъ рабочихъ, приступила къ разрушенію сапы; въ то же время 1-я гренадерская рота опрокинула штыками часть 74-го линейнаго полка, прикрывавшую рабочихъ. Когда же на мѣсто боя прибыли непріятельскіе резервы, Тобольцы, по вторичному сигналу, поданному маіоромъ Прикотомъ, отошли назадъ, захвативъ 8 плѣнныхъ и 30 ружей, и подвели Французовъ подъ картечь съ батареи Костомарова. Въ этомъ дѣлѣ у насъ убито 14 и ранено 76 человѣкъ. Уронъ непріятеля вообще простирался до 150 человѣкъ ([22]).

6-го (18-го) апрѣля, непріятель, усиленно дѣйствуя по 4-му бастіону, сбилъ почти всѣ орудія (что́, впрочемъ, случалось уже нѣсколько разъ въ продолженіи бомбардированія). Большая часть офицеровъ и старой опытной прислуги была перебита. Но храбрый и распорядительный капитанъ-лейтенантъ Реймерсъ постоянно находилъ возможность возстановлять картечную оборону ввѣреннаго ему бастіона ([23]).

Въ продолженіи трехъ сутокъ, 4—6-го (16—18-го) апрѣля, съ нашей стороны израсходовано около 19,000, а со стороны Союзниковъ до 24,000 снарядовъ. Уронъ нашъ состоялъ въ 198-ми убитыхъ и 927-ми раненыхъ и контуженныхъ; въ числѣ убитыхъ былъ капитанъ-лейтенантъ Швендперъ. У непріятеля выбыло изъ фронта до 400 человѣкъ ([24]).

7-го (19-го) апрѣля, Союзники прекратили 10-тидневное общее бомбардированіе Севастополя, ограничиваясь усиленнымъ обстрѣливаніемъ 4-го бастіона,

что̀ дозволило намъ приступить къ прочному исправленію прочихъ укрѣпленій. Гарнизонъ города былъ усиленъ тремя полками незадолго предъ тѣмъ пришедшей 8-й пѣхотной дивизіи, и тогда же стали прибывать ежедневно подвозы пороха.

Утромъ 7-го (19-го) апрѣля, все пространство между батареей Костомарова и воронками было усѣяно убитыми и ранеными Французами. Чтобы убрать тѣла и подать помощь остававшимся въ живыхъ, въ три часа по-полудни, на 4-мъ бастіонѣ поднятъ бѣлый флагъ и предложено перемиріе, которое тотчасъ же было принято непріятелемъ. Между тѣмъ какъ на демаркаціонную линію между бастіономъ и воронкою сносили убитыхъ и раненыхъ, офицеры обѣихъ сторонъ сходились и бесѣдовали между собою, отдавая взаимно одни другимъ должную дань уваженія ([25]).

Мы уже видѣли, что, по числу орудій, дѣйствовавшихъ съ обѣихъ сторонъ во время втораго усиленнаго бомбардированія, обороняющійся былъ почти равносиленъ съ осаждающимъ. Относительно же калибровъ, перевѣсъ былъ на сторонѣ послѣдняго, и при томъ онъ имѣлъ болѣе орудій, дѣйствовавшихъ разрывными снарядами, которые могли сильнѣе сплошныхъ разрушать земляныя насыпи и наносить бо̀льшій вредъ войскамъ. На сторонѣ атакующаго также были и выгоды мѣстности. Занимая охватывающую позицію, онъ могъ удобно сосредоточивать огонь и поражать нѣкоторыя укрѣпленія, особенно же 4-й бастіонъ и Камчатскій люнетъ, продольными и тыльными выстрѣлами. Къ тому же, непріятельскіе снаряды, перелетавшіе черезъ оборонительную линію, поражали вторую линію укрѣпленій и попадали въ городъ. Обороняющійся, въ ожиданіи штурма, былъ

принужденъ, независимо отъ гарнизоновъ укрѣпленій, держать резервы вблизи, подъ огнемъ непріятеля. Напротивъ того, у атакующаго находились подъ выстрѣлами только прислуга орудій и траншейные караулы, размѣщенные въ траншеяхъ; всѣ же прочія войска Союзниковъ были расположены внѣ выстрѣловъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, мы должны были терпѣть несравненно бо̀льшій уронъ, нежели непріятель. Важнѣйшее же преимущество на сторонѣ атакующаго состояло въ изобиліи боевыхъ припасовъ, въ которыхъ мы терпѣли крайній недостатокъ. Союзники удобно доставляли ихъ моремъ въ Камышъ и Балаклаву, откуда перевозка къ осаднымъ паркамъ не представляла затрудненія, въ особенности же со времени открытія, въ половинѣ (въ концѣ) марта, желѣзной дороги изъ Балаклавы, устроенной Англичанами. Напротивъ того, доставка пороха и снарядовъ къ нашей арміи замедлялась чрезвычайно плохимъ состояніемъ дорогъ и недостаткомъ перевозочныхъ средствъ.

Во время бомбардированія, имѣлось на оборонительной линіи всего-на-все около 81 тысячи зарядовъ и 4,628 пудовъ пороха, итого до 112 тысячъ выстрѣловъ. Изъ этого количества, въ продолженіи 10-ти-дневнаго бомбардированія, съ 28-го марта по 6-е (съ 9-го по 18-е) апрѣля включительно, израсходовано на оборонительной линіи болѣе 80 тыс. зарядовъ, т.-е. почти весь запасъ, за исключеніемъ оставленнаго на случай штурма. Союзники издержали отъ 150-ти до 160-ти тыс. зарядовъ, слѣдовательно осадныя батареи, въ общей сложности, отвѣчали двумя выстрѣлами на каждый выстрѣлъ съ оборонительной линіи ([26]).

Въ продолженіи бомбардированія, выбыло изъ строя: у Французовъ 1,585, у Англичанъ—265, а

у насъ 6,130 человѣкъ (27), т.-е. болѣе нежели втрое въ сравненіи съ урономъ Союзниковъ. Весьма понятно, что, при множествѣ раненыхъ и контуженныхъ, перевязочные пункты и госпитали были переполнены; когда же непріятель, приблизясь къ городу, сталъ осыпать его разрывными снарядами, пребываніе на Городской сторонѣ сдѣлалось весьма опасно для больныхъ и раненыхъ, чтó заставило отправлять ихъ въ Николаевскую батарею, гдѣ находился временный госпиталь на 600 человѣкъ, и на Сѣверную сторону, гдѣ имѣлись два постоянныхъ госпиталя, военно-сухопутный, въ баракахъ и палаткахъ у Панаіотовой балки, и морской, на Михайловской батареѣ. Безнадежные оставались въ Инженерномъ домѣ и въ домахъ Гущина и Орловскаго; а въ Екатерининскомъ дворцѣ было устроено отдѣленіе для раненыхъ офицеровъ (28).

Независимо отъ усердной помощи страждущимъ, оказываемой медиками, подъ руководствомъ столь же просвѣщенныхъ, сколько и преданныхъ своему дѣлу, профессоровъ Пирогова и Гюббенета, принимали живое участіе въ судьбѣ раненыхъ начальникъ гарнизона, графъ Остенъ-Сакенъ и начальникъ его штаба, князь В. И. Васильчиковъ; адмиралъ Нахимовъ, съ отеческою заботливостью, также старался облегчить ихъ тяжкое положеніе.

Главнымъ центромъ медицинской дѣятельности—операцій и подані я первоначальной помощи раненымъ—былъ домъ Благороднаго собранія. Туда, среди падавшихъ у самаго входа ракетъ и бомбъ, тянулись ряды носильщиковъ, подъ командою неусыпнаго и распорядительнаго подпоручика Яни. Огромная бывшая танцовальная зала, въ продолженіи десяти-дневнаго бомбардированія, безпрестанно наполнялась и опорожнивалась; въ боковой, довольно боль-

шой, комнатѣ, на трехъ столахъ, производились операціи, а, между тѣмъ, сестры Крестовоздвиженской общины, подъ управленіемъ своей достойной начальницы, госпожи Стаховичъ — то помогали врачамъ при перевязкахъ, то разносили раненымъ вино и чай, то принимали отъ нихъ на сохраненіе вещи и деньги. О-бокъ съ подвигами самоотверженія Севастопольскихъ героевъ на бастіонахъ оборонительной линіи, совершались столь же дивные подвиги христіанской любви неутомимыхъ врачей и усердныхъ сестеръ милосердія ([29]). Имена этихъ ангеловъ-утѣшителей страждущаго человѣчества: Бакуниной, Барщевской, Мещерской и сотрудницъ ихъ, начертаны неизгладимо въ народной памяти.

Результаты втораго усиленнаго бомбардированія заключались: во 1-хъ, почти въ совершенномъ разрушеніи и обезоруженіи 4-го бастіона. Еще 21-го октября (2-го ноября), Французы заложили противъ него 3-ю параллель, въ разстояніи 65-ти саженъ, но съ тѣхъ поръ, въ продолженіи пяти мѣсяцевъ, не подвинулись ни на шагъ, чтó заставило ихъ обратиться къ помощи минъ; 3-го (15-го) апрѣля, они взорвали, какъ уже сказано, впереди бастіона четыре усиленныхъ горна, причемъ образовались три большія воронки, въ 30—40 саженяхъ отъ контръ-эскарпа. Затѣмъ, они покушались соединить воронки между собою и съ третьею параллелью, но всѣ ихъ усилія, въ продолженіи шести сутокъ, оставались напрасны. Во 2-хъ, противъ Камчатскаго люнета, Французы соорудили передовую параллель, въ разстояніи около 200 саженъ, но не успѣли сбить орудія на этомъ укрѣпленіи. Киленъ-балочные же редуты, на второй день бомбардированія, были совершенно обезоружены, и если бы непріятель ихъ занялъ, то дальнѣйшая оборона Камчатскаго люнета

сдѣлалась бы невозможна. Но Французы, ослабивъ огонь по редутамъ, позволили намъ исправить и вооружить эти укрѣпленія. Въ 3-хъ, противъ 3-го бастіона, успѣхъ Англичанъ ограничился занятіемъ одного изъ нашихъ ложементовъ.

Цѣль Союзниковъ, при второмъ бомбардированіи, состояла въ томъ, чтобы потушить огонь на всей нашей оборонительной линіи; но для этого оказались недостаточны ихъ огромныя средства, несмотря на то, что мы, терпя крайнюю нужду въ зарядахъ, не могли отвѣчать имъ равносильною пальбою. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что они достигли-бы несравненно болѣе рѣшительныхъ результатовъ, еслибы сосредоточили огонь противъ двухъ или трехъ пунктовъ, въ особенности же противъ 4-го бастіона, къ которому ихъ подступы были подведены ближе двухъ-сотъ шаговъ, а по занятіи воронокъ находились-бы всего въ ста шагахъ. Союзники должны были усилить батареи, дѣйствовавшія по бастіону и редуту Шварца, и устроить за третьею параллелью демонтирную батарею, которой одной было бы достаточно для совершеннаго разрушенія и обезоруженія 4-го бастіона. Даже и въ настоящемъ его состояніи Союзники могли овладѣть имъ, а съ потерею нами 4-го бастіона мы не удержались бы и въ 5-мъ, чтó повлекло-бы за собою паденіе Севастополя. Но непріятель не рѣшался на штурмъ, съ изумленіемъ видя каждое утро наши укрѣпленія, разрушенныя наканунѣ, столь же грозными, какъ и до открытія бомбардированія ([30]). Кромѣ того, причины нерѣшительности Союзниковъ заключались въ трудности согласить дѣйствія двухъ отдѣльныхъ армій и въ инструкціи, присланной Канроберу изъ Парижа, въ которой было сказано: „Ежели штурмъ Севастополя невозможенъ, или сопряженъ съ большою поте-

рею въ войскахъ, не обѣщая совершеннаго овладѣнія городомъ, оставайтесь въ оборонительномъ положеніи и распорядитесь такимъ образомъ, чтобы вы могли отрядить двѣ пѣхотныя дивизіи, гвардію и всю кавалерію, съ восемью батареями, на соединеніе съ сорока-тысячнымъ корпусомъ, собраннымъ у Маслака, близъ Константинополя, для совокупнаго дѣйствія противъ непріятеля въ полѣ" ([31]). Все это заставило Союзниковъ отложить штурмъ на неопредѣленное время, тѣмъ болѣе, что они надѣялись вынудить защитниковъ Севастополя на атаку контръвалаціонной линіи, и, отразивъ ихъ, штурмовать городъ ([32]).

Съ 28-го марта (9-го апрѣля) по 9-е (21-е) апрѣля, прибыли на подкрѣпленіе нашей Крымской арміи слѣдующія войска:

Въ концѣ марта и въ началѣ (въ первой половинѣ) апрѣля: три полка 2-й драгунской дивизіи: Рижскій, Финляндскій и принца Эмилія Гессенскаго (Казанскій), съ конно-батарейною № 4-го и конно-легкими №№ 25 и 26 батареями и съ 1-мъ конно-піонернымъ дивизіономъ (безъ понтоновъ), въ Симферополь. Донской казачій № 42 полкъ, 5-е и 6-е резервные баталіоны Московскаго и Бутырскаго пѣхотныхъ полковъ и Уральскій казачій полкъ № 2-го, въ Перекопъ. 2-я бригада 14-й пѣхотной дивизіи (Подольскій и Житомирскій егерскіе полки) въ Бахчисарай. Донской казачій № 9-го полкъ въ Чоргунъ ([33]).

7-го (19-го) апрѣля, Французы настойчиво покушались соединить воронки впереди 4-го бастіона и связать ихъ съ третьею параллелью. Съ нашей стороны артиллерія непрестанно дѣйствовала по не-

пріятельскимъ работамъ; когда же наконецъ, 8-го (20-го) къ вечеру, 4-й бастіонъ былъ принужденъ замолчать, тогда противъ этихъ работъ былъ направленъ огонь малыхъ мортиръ, что однако-же не помѣшало Французамъ соединить воронки сапою и приспособить ихъ къ ружейной оборонѣ. Въ ночи съ 9-го (21-го) на 10-е (22-е), непріятель взорвалъ близъ капитали 4-го бастіона два горна, но не причинилъ тѣмъ почти никакого вреда нашимъ контръ-минамъ.

Въ это время 4-й бастіонъ, угрожаемый близостью французскихъ подступовъ и громимый сосредоточеннымъ огнемъ осадныхъ батарей, подвергался не меньшей опасности со стороны подступовъ, веденныхъ противъ редута Шварца, по узкой возвышенной площадкѣ, между Городскимъ оврагомъ и Загородною балкою. Атакующій могъ, смѣло выйдя впередъ по этому направленію, затруднить сообщеніе редута съ городомъ. Чтобы остановить наступленіе непріятеля по площадкѣ, рѣшено было устроить на ней линію контръ-апрошей. Сообразно профили мѣстности, приходилось расположить эту линію въ 75-ти саженяхъ отъ редута и въ 50-ти отъ ближайшихъ подступовъ непріятеля, и какъ при этомъ наши резервы находились-бы далѣе непріятельскихъ отъ контръ-апрошей, то найдено полезнымъ расположить за ними, въ разстояніи не далѣе 25-ти саженъ, другую контръ-апрошную линію, соединивъ ее траншеями съ позади-лежащими укрѣпленіями.

Эти обѣ линіи контръ-апрошей предполагалось вооружить сперва легкими орудіями, а потомъ, по утолщеніи насыпей, орудіями большаго калибра, причемъ имѣлось въ виду предохранить устроенныя въ нихъ батареи отъ продольнаго огня французскихъ

траншей, загнувъ назадъ фланги контръ-апрошей и устроивъ въ нихъ траверсы и кремальеры ([34]).

Исполненіе этого смѣлаго предпріятія было поручено тому самому генералу, который столь успѣшно соорудилъ Киленъ-балочные редуты — генералъ-маіору Хрущову. На работы назначены два баталіона Суздальскаго полка, въ числѣ около 800 человѣкъ, а въ прикрытіе—три баталіона Екатеринбургскаго и два баталіона Волынскаго полка (до 2,200 человѣкъ). Постройка ложементовъ была возложена, подъ вѣдѣніемъ капитана 1-го сапернаго баталіона Ахбауера, на инженеръ-штабсъ-капитана Тидебеля ([35]).

Съ наступленіемъ ночи 11-го (23-го) апрѣля, вышло прикрытіе изъ редута и батарей Забудскаго. Екатеринбургскіе баталіоны, въ ротныхъ колоннахъ, стали впереди мѣста, указаннаго для ложементовъ, и выслали цѣпь; за флангами линіи расположились Волынскіе баталіоны, въ колоннахъ къ атакѣ. Вслѣдъ за ними были высланы изъ редута назначенные для работъ два баталіона Суздальскаго полка. Между тѣмъ сгустились тучи и настала темнота, продолжавшаяся около трехъ-четвертей часа, пользуясь чѣмъ войска приступили къ работѣ. Французы замѣтили ее уже тогда, когда рабочіе успѣли нѣсколько прикрыться. Непріятельскія траншеи освѣтились сильнымъ ружейнымъ огнемъ; пальба продолжалась всю ночь, но наша работа кипѣла, и къ разсвѣту четыре ложемента, каждый на 30 или 40 стрѣлковъ, были готовы и снабжены бойницами изъ мѣшковъ, а заднія крутости ихъ сгласированы, для обстрѣливанія ихъ съ редута Шварца. Уронъ нашъ во всю ночь не превышалъ 15-ти человѣкъ. По окончаніи работъ, ложементы были заняты штуцерными, которые тотчасъ открыли огонь по непрія-

тельскимъ траншеямъ. Французы, въ отвѣтъ, обстрѣливали ложементы ядрами и гранатами и успѣли повредить одинъ изъ нихъ до такой степени, что находившіеся тамъ стрѣлки были принуждены перейти въ сосѣдніе ложементы.

Для работъ на слѣдующую ночь, снова были назначены два баталіона Суздальскаго полка, а въ прикрытіе—три баталіона Екатеринбургскаго и два баталіона Алексопольскаго полковъ.

12-го (24-го) апрѣля, въ сумерки, прибыли къ редуту 1-й и 3-й баталіоны Екатеринбургскаго и два баталіона Суздальскаго полковъ, а 2-й баталіонъ Екатеринбургскаго полка и 3-й и 4-й Алексопольскіе баталіоны стали въ Городскомъ оврагѣ, у батареи Забудскаго. Когда же стемнѣло, генералъ Хрущовъ выслалъ изъ редута Шварца впередъ цѣпь охотниковъ, подъ начальствомъ генеральнаго штаба штабсъ-капитана Лаврова, и двинулъ вслѣдъ за ними два баталіона Екатеринбургскаго полка, изъ коихъ, по его приказанію, двѣ роты смѣнили штуцерныхъ въ ложементахъ, а прочія шесть, въ ротныхъ колоннахъ, составили резервъ; 2-й Екатеринбургскій баталіонъ расположился за лѣвымъ флангомъ линіи ложементовъ, а Алексопольскіе баталіоны остались на днѣ Городскаго оврага, въ общемъ резервѣ. Едва лишь Екатеринбургскія роты успѣли подойти къ ложементамъ, какъ Французы, въ довольно значительныхъ силахъ, выйдя изъ своей траншеи, кинулись имъ на встрѣчу. У лѣваго ложемента закипѣлъ рукопашный бой; прочіе же ложементы были мгновенно заняты непріятелемъ, который сталъ разрушать ихъ, открывъ въ то же время сильный ружейный огонь по нашимъ ротнымъ колоннамъ. Екатеринбургцы, объятые безотчетнымъ страхомъ, подались назадъ, стрѣляя вверхъ, но генералъ Хрущовъ

удержалъ отступавшія части, возстановилъ въ нихъ порядокъ подъ жестокимъ огнемъ и двинулъ ихъ впередъ на занятые непріятелемъ ложементы. Подполковникъ Богенскій и офицеры Екатеринбургскаго полка, въ головѣ своихъ солдатъ, съ барабаннымъ боемъ и громкимъ крикомъ „ура", пошли на встрѣчу Французамъ, выбили ихъ изъ ложементовъ и отбросили въ траншею. Французы порывались снова овладѣть ложементами, но были удержаны Екатеринбургцами, поддержанными резервомъ. Французы, окончательно отступивъ въ свои траншеи, открыли жестокій ружейный огонь по ложементамъ, одновременно съ канонадою батарей, какъ по ложементамъ, такъ и по редуту Шварца, но, несмотря на то, храбрые саперы и Суздальцы, къ разсвѣту 13-го (25-го) апрѣля, не только исправили разрытые ложементы, но усилили ихъ профиль и устроили во второй линіи два новыхъ ложемента ([36]).

Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли убитыми 5 офицеровъ и 53 нижн. чин., а ранеными и контуженными 13 офицеровъ и 319 нижнихъ чиновъ. Въ числѣ смертельно раненыхъ находились: подполковникъ Богенскій, капитанъ Ахбауеръ и генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Лавровъ. Генералъ-маіоръ Хрущовъ, отдавая должную справедливость храбрости всѣхъ чиновъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ съ 12-го (24-го) на 13-е (25-е) апрѣля, отозвался съ особенною похвалою о генеральнаго штаба подполковникѣ Циммерманѣ ([37]).

У непріятеля выбыло изъ фронта 11 офицеровъ и около 200 нижнихъ чиновъ ([38]).

Въ слѣдующіе дни, несмотря на сильный огонь Французовъ, обѣ линіи контръ-апрошей, имѣвшія около 250 саженъ протяженія, были почти совершенно устроены, снабжены траверсами и соедине-

ны, какъ между собою, такъ и съ редутомъ Шварца, ходами сообщенія. Во время этихъ работъ убитъ инженеръ-поручикъ Фащевскій и смертельно раненъ подпоручикъ Тржетржевинскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, контръ-апроши вооружены девятью 6-ти-фунтовыми мортирками, которыя, вмѣстѣ съ стрѣлками, безпрестанно дѣйствовали по ближайшимъ непріятельскимъ работамъ.

Такимъ образомъ и впереди редута Шварца, какъ и на лѣвомъ флангѣ оборонительной линіи, намъ удалось предупредить непріятеля. „Il semble vraiment— писалъ генералъ Боске—que l'ingénieur russe réponde jour par jour à toutes nos idées, à tous nos projets, comme s'il avait assisté à nos conférences. Sans faire tort à son intelligence trop bien prouvée, je pense aujourd'hui particulièrement à des espions... ([39]). (Право, кажется, что русскій инженеръ отвѣчаетъ день въ день на всѣ наши мысли, на всѣ наши предположенія, какъ будто бы онъ участвуетъ въ нашихъ совѣщаніяхъ. Отдавая справедливость его искусству, доказанному на опытѣ, я все-таки подумываю о лазутчикахъ...).

13-го (25-го) апрѣля, главнокомандующій, получивъ свѣдѣніе, что непріятель намѣревался сдѣлать высадку между Евпаторіей и устьемъ Качи, приказалъ генералъ-лейтенанту Липранди быть готовымъ къ выступленію съ 12-ю дивизіей съ Инкерманской позиціи къ мѣсту высадки; командованіе же войсками у Инкермана, на время отбытія генерала Липранди, было поручено Хрущову, который въ тотъ же день передалъ позицію, нами занятую впереди редута Шварца, въ вѣдѣніе начальника 1-го отдѣленія.

19-го апрѣля (1-го мая), непріятель, сосредоточеннымъ огнемъ батарей, нанесъ значительныя поврежденія контръ-апрошамъ впереди редута. Вече-

ромъ на работу въ нихъ было назначено два баталіона Волынскаго полка, подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ Углицкаго полка. Около 10-ти часовъ, осадныя батареи открыли сильный огонь по правому фасу 4-го, лѣвому фасу 5-го бастіоновъ и по люнету Бѣлкина, и въ то же время Французы, выйдя изъ своихъ траншей въ значительныхъ силахъ, атаковали безъ выстрѣла контръ-апроши тремя колоннами: лѣвая, изъ 24-хъ ротъ, подъ начальствомъ бригаднаго генерала Базена, должна была обойти нашу передовую позицію съ праваго фланга; средняя, изъ двухъ баталіоновъ, подъ командою бригаднаго генерала Ла-Мотружа, направилась съ фронта, а правая, изъ пяти ротъ, въ обходъ лѣваго фланга нашей позиціи ([40]). Войсками всѣхъ трехъ колоннъ командовалъ дивизіонный генералъ де-Саль (de-Salles), подъ наблюденіемъ предложившаго это предпріятіе и настоявшаго на его исполненіи, генерала Пелисье́. Въ резервѣ находился 98-й линейный полкъ. Траншейный караулъ былъ усиленъ 5-ю баталіонами ([41]).

Баталіоны Углицкаго полка, застигнутые врасплохъ стремительнымъ нападеніемъ Французовъ, отступили въ безпорядкѣ къ редуту; но рабочіе Волынскаго полка удержали штыками 46-й линейный полкъ, что́ заставило де-Саля поддержать его стоявшимъ въ резервѣ 98-мъ линейнымъ полкомъ. Наконецъ Волынцы, послѣ отчаянной обороны, были принуждены отступить. Французы заняли обѣ контръ-апрошныя траншеи, взяли стоявшія въ нихъ мортирки и достигли до рва редута, но тамъ были остановлены картечью съ лѣваго фланга 5-го бастіона и ружейнымъ огнемъ отступившихъ войскъ. Съ нашей стороны были высланы съ Ростиславскаго редута впередъ два баталіона Владимірскаго полка, а изъ города Минскій полкъ; но они пришли уже тогда,

когда непріятель успѣлъ утвердиться въ контръ-апрошахъ. Несмотря на огонь, производившійся всю ночь по занятой Французами мѣстности, они обратили противъ насъ контръ-апроши и соединили ихъ съ своими подступами ([42]).

Въ этомъ дѣлѣ уронъ простирался съ нашей стороны до 420, а со стороны Французовъ—до 600 человѣкъ ([43]). Непріятель понесъ бо̀льшій уронъ, но за то вдругъ подвинулся впередъ на 75 саженъ къ 5-му бастіону и находился отъ него около ста, а отъ исходящаго угла редута Шварца около 56-ти саженъ. Успѣхъ Французовъ долженъ быть приписанъ: во 1-хъ, оплошности Углицкаго полка, облегчившей занятіе непріятелемъ контръ-апрошей, и во 2-хъ, значительному разстоянію нашихъ резервовъ отъ контръ-апрошей: надлежало имѣть сильные резервы въ Городскомъ оврагѣ, либо въ редутѣ Шварца, по-крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока контръ-апроши были бы вооружены артиллеріей бо̀льшаго калибра. Конечно—такое расположеніе резервовъ могло подвергнуть ихъ значительному урону отъ дѣйствія осадныхъ батарей, но эта жертва была необходима для удержанія непріятеля въ дали отъ оборонительной линіи и вознаградилась бы тѣми потерями, которыя онъ понесъ бы при атакѣ контръ-апрошей.

Овладѣніе Французами нашей позиціи впереди редута Шварца было для насъ весьма чувствительно; положено было отбить занятые непріятелемъ контръ-апроши, не давъ ему времени утвердиться въ нихъ, и для этого назначено шесть баталіоновъ Минскаго, Колыванскаго и Его Высочества Михаила Николаевича (Казанскаго) полковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Семякина. Наступленіе предполагалось повести 20-го апрѣля (2-го мая) въ 6 часовъ вечера. Но главнокомандующій, неизвѣстно почему, измѣнилъ

первоначальное распоряженіе и приказалъ сдѣлать вылазку только двумъ баталіонамъ Колыванскаго и Владимірскаго полковъ съ 180-ю охотниками отъ разныхъ полковъ. Исполненіе этого предпріятія было ускорено и войска наши атаковали непріятеля въ 3 часа пополудни, въ присутствіи начальника главнаго штаба арміи, генералъ-адъютанта Коцебу. Несмотря на малочисленность нашихъ войскъ, они атаковали непріятеля столь рѣшительно, что Французы были принуждены ввести въ дѣло 4 роты гвардейскихъ волтижеровъ, по одному баталіону 43-го, 46-го и 98-го линейныхъ полковъ и двѣ отборныя роты 2-го полка Иностраннаго легіона. Атакованные превосходными силами, Владимірцы сражались упорно и отступили только тогда, когда были обойдены съ обѣихъ сторонъ французскими резервами ([44]). Уронъ нашъ простирался убитыми до 162, а ранеными и контуженными до 385-ти человѣкъ. На счетъ потери Французовъ, въ донесеніи генерала Канробера, показаны убитыми въ обоихъ дѣлахъ, въ ночи на 20-е и днемъ 20-го апрѣля (2-го мая): 11 офицеровъ и 158 нижнихъ чиновъ; ранеными 22 офицера и 600 нижнихъ чиновъ ([45]).

Не трудно было предвидѣть неудачу этой вылазки, предпринятой слабыми силами и въ такое время, когда осаждающій, подъ вліяніемъ боя предшествовавшей ночи, оставался на-сторожѣ, въ полной готовности къ отраженію грозившаго ему удара.

Непріятель, однакоже, несмотря на одержанный имъ успѣхъ, не предпринималъ рѣшительныхъ дѣйствій и, отложивъ ихъ до прибытія изъ Константинополя резервнаго корпуса, ограничивался веденіемъ подступовъ и постройкою новыхъ батарей, преимущественно противъ 5-го бастіона и редута Шварца. Французы также сооружали батареи противъ на-

шихъ передовыхъ укрѣпленій и заложили вторую параллель въ 210-ти саженяхъ отъ Волынскаго редута. Англичане, съ своей стороны, строили нѣсколько батарей противъ 3-го и 4-го бастіоновъ и вооружали прежнія батареи орудіями болѣе тяжелаго калибра, что́ было необходимо по значительному разстоянію ихъ осадныхъ работъ отъ нашихъ укрѣпленій.

Обороняющійся старался замедлять непріятельскія работы, обстрѣливая ихъ ночью ружейнымъ огнемъ изъ ложементовъ, а днемъ—дѣйствіемъ артиллеріи. При этомъ намъ удалось взорвать пороховые погреба: 4-го (16-го) апрѣля, на одной изъ англійскихъ батарей правой атаки, гдѣ были сброшены всѣ орудія; 23-го апрѣля (5-го мая), на французской батареѣ противъ 4-го бастіона, и въ ночи съ 30-го апрѣля на 1-е (съ 12-го на 13-е) мая, на французской рейдовой батареѣ (batterie du fond du port), которая была до того разрушена, что ее пришлось построить совершенно вновь ([46]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы тревожить непріятеля и заставить его подводить свои резервы подъ нашъ картечный и навѣсный огонь, безпрестанно дѣлались вылазки, бо́льшею частью съ 5-го бастіона, редута Шварца и 3-го бастіона. Въ ночи съ 29-го на 30-е апрѣля (съ 11-го на 12-е мая), вылазка была предоставлена однимъ Охотцамъ, которые готовились праздновать юбилей шести-мѣсячной стоянки на оборонительной линіи Севастополя. Команда, назначенная для вылазки, состояла изъ охотниковъ—175-ти нижнихъ чиновъ, подъ начальствомъ 5-ти офицеровъ. Въ темную дождливую ночь, прапорщикъ Говинскій, съ бо́льшею частью людей, тихо полѣзъ по Лабораторной балкѣ, а подпоручикъ Рытовъ, съ сорока охотниками, нѣсколько правѣе. Передовая англійская цѣпь, застигнутая врасплохъ, обратилась

въ бѣгство; а наши охотники, сдѣлавъ залпъ по бѣгущимъ, съ крикомъ „ура“, кинулись на батарею. Началась спѣшная работа: кто старался заклепать орудія, кто рубилъ колеса и принадлежности; нѣкоторые изъ охотниковъ, отыскавъ пороховой погребъ, истребляли заряды и топтали въ грязь порохъ; другіе, забравшись въ траншеи, тащили оттуда плѣнныхъ и отбитое оружіе. Командиръ полка, полковникъ Малевскій, съ большимъ лишь трудомъ отозвалъ назадъ охотниковъ, которые возвратились на Пересыпь, таща трехъ плѣнныхъ, много оружія и всякаго рода добычи, и забравъ съ собою 5 убитыхъ и 33 раненыхъ своихъ товарищей.

1-го (13-го) мая, Охотцы праздновали удачную вылазку и полугодовой юбилей. По обычаю православныхъ, торжество началось молитвою — панихидою за упокой Охотцевъ, убитыхъ съ начала осады. Затѣмъ, послѣ обѣдни и молебна въ устроенной наскоро, по распоряженію генерала Хрулева, въ полупостроенномъ домѣ, полковой церкви, прошелъ церемоніальнымъ маршемъ взводъ георгіевскихъ кавалеровъ, въ числѣ коихъ были трое, награжденные крестами за послѣднюю вылазку. Обѣдъ для всего полка, музыка и пляски, продолжавшіяся до самой ночи, подъ громомъ непріятельскихъ выстрѣловъ, завершили праздникъ храбрыхъ Охотцевъ.

На оборонительной линіи, съ 11-го (23-го) апрѣля по 9-е (21-е) мая, были произведены многія работы, причемъ главное вниманіе обращено на редутъ Шварца, отъ котораго непріятель находился, какъ уже сказано, не далѣе 56-ти саженъ. Это тѣсное сомкнутое укрѣпленіе, построенное еще до высадки Союзниковъ, не соотвѣтствовало условіямъ выгодной обороны, и потому оно было перестроено, значительно увеличено и открыто съ тыла, а позади

его лежащія батареи вооружены полевыми орудіями, для дѣйствія картечью по внутренности укрѣпленія, на случай занятія его непріятелемъ. Оборона же мѣстности впереди редута усилена новыми батареями, на которыхъ поставлено 23 орудія. Съ подобною же цѣлью построены батареи, для усиленія обороны мѣстности впереди 5-го и 6-го бастіоновъ, и увеличено вооруженіе на высотахъ у 3-го и 4-го бастіоновъ. Батареи лѣвѣе Камчатскаго люнета вооружены девятью 24-хъ-фунтовыми пушками-карронадами, а на батареѣ Жервѐ установлено пять 2-хъ-пудовыхъ мортиръ. Для усиленія обороны Киленъ-балочныхъ редутовъ, построены двѣ батареи: одна, правѣе Селенгинскаго редута, на три 24-хъ-фунтовыя пушки-карронады, и другая, названная *Забалканскою*, по имени строившаго ее Черниговскаго графа Забалканскаго полка, на четыре 68-ти-фунтовыя пушки. (Она была извѣстна также подъ названіемъ *Минскаго редута*, а у моряковъ—*батареи Колокольцова*).

Кромѣ того, по всей оборонительной линіи исправлялись поврежденія, нанесенныя вторымъ бомбардированіемъ, и строились блиндажи, траверсы и пороховые погреба ([47]).

Одновременно съ этими работами, велась нами весьма успѣшно подземная война впереди 4-го бастіона.

Съ 12-го (24-го) по 25-е апрѣля (7-го мая), прибыли изъ Бессарабіи къ Бахчисараю 6-я и 9-я пѣхотныя дивизіи съ ихъ артиллеріей, 3-мъ стрѣлковымъ баталіономъ и двумя ротами 3-го сапернаго баталіона; артиллерійскіе парки: подвижные №№ 7-го и 10-го и летучій № 9-го съ половиною лабораторной роты № 2-го; два отдѣленія осаднаго

инженернаго № 2-го парка и донской казачій 22-й полкъ (48).

Потери, понесенныя войсками гарнизона, въ теченіи продолжительной обороны, заставили переформировать полки: имѣвшіе на-лицо около 800 нижнихъ чиновъ—въ одно-баталіонный, а имѣвшіе отъ 1,100 до 1,600 нижнихъ чиновъ — въ двухъ-баталіонный составъ (49).

Переведены на Южную сторону: полки, въ 4-хъ-баталіонномъ составѣ: Муромскій, князя Варшавскаго (Орловскій), Подольскій и Житомірскій; легкія батареи: 10-й артилл. бригады № 1-го и 14-й—№ 4-го, и двѣ роты 3-го сапернаго баталіона. Переведенъ съ Инкерманскихъ высотъ на Сѣверную сторону Брянскій полкъ. Выведенъ съ Южной стороны на Сѣверную двухъ-баталіонный Якутскій полкъ.

Въ началѣ (въ половинѣ) мая, наши сухопутныя силы въ Крыму находились въ составѣ: 153¼ баталіоновъ, въ числѣ отъ 90 до 95 тыс. чел. пѣхоты, ста десяти эскадроновъ и 84-хъ казачьихъ сотенъ, всего до 15 тыс. чел. кавалеріи, итого до 110 тыс. человѣкъ, съ 442-мя полевыми орудіями, которыя были расположены слѣдующимъ образомъ:

1) На Южной сторонѣ Севастополя: 68 баталіоновъ и 5 ротъ, 2 казачьихъ сотни и 36 полевыхъ орудій, въ числѣ до 40 тыс. чел.

2) На Сѣверной сторонѣ: 9 баталіоновъ и 1 рота, 5 казачьихъ сотенъ и 30 полевыхъ орудій, въ числѣ до 6 тыс. человѣкъ.

3) На Инкерманскихъ и Мекензіевыхъ высотахъ, у сел. Чоргуна, на Бельбекѣ и въ Байдарской долинѣ, подъ непосредственнымъ начальствомъ главнокомандующаго: 38¼ баталіоновъ, 6 эскадроновъ, 16 казачьихъ сотенъ и 76 полевыхъ орудій, въ числѣ до 24-хъ тыс. человѣкъ.

4) Для наблюденія южнаго берега Крыма и дороги изъ Алушты въ Симферополь 2 роты и 3 казачьихъ сотни.

5) Въ общемъ резервѣ, у Симферополя, въ Бахчисараѣ и на Качѣ: 16 баталіоновъ и 2 роты, 32½ эскадрона, 12 казачьихъ сотенъ и 178 орудій, въ числѣ до 16 тыс. челов.

6) Въ общемъ вагенбургѣ, на рѣкѣ Салгирѣ, у сел. Бакшая, на пути отъ Симферополя къ Чонгарской переправѣ ([50]): 36 орудій и 2½ подвижныхъ артиллерійскихъ парка.

7) Въ Евпаторійскомъ отрядѣ: 8 баталіоновъ, 64 эскадрона, 24 казачьи сотни и 60 полевыхъ орудій, въ числѣ до 12 тыс. челов.

8) Въ Перекопѣ: 3 баталіона съ 4-мя орудіями, въ числѣ до 1,800 человѣкъ.

9) У Чонгарской переправы: 1 баталіонъ, 6 казачьихъ сотенъ и 2 орудія, въ числѣ до 1,200 человѣкъ.

10) Въ восточной части Крыма: 7½ баталіоновъ, 8 эскадроновъ, 16 сотенъ и 20 орудій, въ числѣ около 9 тыс. человѣкъ ([51]).

Послѣ втораго усиленнаго бомбардированія, въ продолженіи мѣсяца, прибыло въ Севастополь, изъ Николаева, Измаила, Кіева, Шостенскаго завода и другихъ мѣстъ, до 27 тыс. пудовъ пороха и болѣе 2-хъ милл. патроновъ, что̀ позволило усилить съ нашей стороны огонь. Кромѣ того, было доставлено: 12 шести-фунтовыхъ мортиръ и значительное количество снарядовъ и припасовъ ([52]).

Союзная армія, въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая (въ маѣ 1855 г.), была значительно усилена: сперва сардинскимъ корпусомъ, генерала Ламармора, въ числѣ 15 тыс. человѣкъ, а потомъ прибывшимъ изъ Константинополя резервнымъ французскимъ кор-

пусомъ, генералаРеньо-де-Сенъ-Жанъ д'Анжели, числомъ около 25 тыс. человѣкъ.

Союзные главнокомандующіе не могли согласиться между собою на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Рагланъ домогался, чтобы Французы повели рѣшительную атаку на передовыя укрѣпленія нашего лѣваго фланга, предлагая, съ своей стороны, ускорить работы противъ 3-го бастіона; а Канроберъ медлилъ, въ ожиданіи прибытія подкрѣпленій, и наконецъ, чтобы выдти изъ пассивнаго положенія, изъявилъ согласіе на предложеніе адмираловъ Лайонса и Брюа предпринять экспедицію въ восточную часть Крыма. Съ этою цѣлью, эскадра, на которую были посажены по одной дивизіи отъ обѣихъ Союзныхъ армій и турецкій отрядъ, подъ общимъ начальствомъ англійскаго генерала Броуна, вышла изъ Камыша, сдѣлала демонстрацію къ Одессѣ и 22-го апрѣля (4-го мая) уже была въ виду Керчи. Но въ это самое время Союзные адмиралы получили отъ главнокомандующихъ приказаніе возвратиться къ Севастополю. Причиною тому было присланное, по незадолго предъ тѣмъ устроенному между Георгіевскимъ монастыремъ и Варною подводному телеграфу, повелѣніе Наполеона III Канроберу—сосредоточить у Севастополя силы для открытія рѣшительныхъ дѣйствій. Самъ Наполеонъ предполагалъ прибыть въ Крымъ и принять начальство надъ арміей; но потомъ, отказавшись отъ своего намѣренія, прислалъ составленный имъ планъ дѣйствій, сущность котораго заключалась въ томъ, чтобы Союзная армія немедленно открыла наступательныя дѣйствія. Съ этою цѣлью, предполагалось раздѣлить силы, собранныя въ Крыму, на три части: во 1-хъ, осадный корпусъ, въ числѣ 40 тыс. Французовъ и 30 тыс. Турокъ, подъ

начальствомъ генерала Пелисье; во 2-хъ, 25 тыс. Англичанъ, 25 тыс. Сардинцевъ, 5 тыс. Французовъ и 10 тыс. Турокъ, подъ начальствомъ лорда Раглана, должны были занять Байдарскую долину и направить авангардъ къ высотамъ Мекензи, для угроженія сообщенія русской арміи съ Симферополемъ, между тѣмъ какъ третью часть, изъ 40 тыс. Французовъ, подъ начальствомъ генерала Канробера, назначено было направить, по Воронцовской дорогѣ, къ Алуштѣ, и по присоединеніи къ ней высаженныхъ тамъ 22-хъ тыс. человѣкъ резервнаго корпуса, двинуть къ Симферополю, въ тылъ русской арміи. Въ случаѣ движенія русской арміи къ Симферополю, для прикрытія своихъ сообщеній, лордъ Рагланъ, направясь на Бахчисарай, угрожалъ-бы нашему правому флангу и тылу. Если же русская армія, оставя Симферополь, сосредоточилась-бы у Севастополя, то Канроберъ двинулся-бы противъ насъ на Бахчисарай, а лордъ Рагланъ атаковалъ-бы насъ, взойдя на Инкерманскія высоты ([53]).

При обсужденіи этого плана дѣйствій, въ совѣщаніи Канробера съ Рагланомъ и Омеръ-пашею, англійскій главнокомандующій призналъ его неудобнымъ, да и самъ Канроберъ, нераздѣлявшій убѣжденій Наполеона, просилъ объ увольненіи своемъ отъ званія главнокомандующаго французскою арміей, съ назначеніемъ на его мѣсто генерала Пелисье. Получивъ согласіе Императора, Канроберъ передалъ 7-го (19-го) мая начальство надъ арміей генералу Пелисье, а самъ принялъ командованіе своею прежнею дивизіею ([54]).

На слѣдующій день, новый главнокомандующій отдалъ приказъ, съ росписаніемъ арміи на три корпуса:

Корпусъ генерала Де-Саля.

1-я пѣхотная дивизія генер. д'Отмара. 2-я » » » Левальяна 3-я » » » Патѐ 4-я » » » Буа̀ Кавалерійская » Моррнса	16 линейныхъ полковъ, 4 стрѣлков. баталіона, 4 кавалерійск. полка и 9 пѣшихъ батарей.

Корпусъ генерала Боске.

1-я пѣхотная дивизія генер. Канробера 2-я » » » Каму 3-я » » » Мейрана 4-я » » » Дюла̀ка 5-я » » » Брюнѐ Кавалерійская » д'Алонвиля	21 линейный полкъ, 5 стрѣлк. баталіоновъ, 4 кавалерійск. полка и 10 пѣшихъ батарей.

Резервный корпусъ генерала Реньо д'Анжели.

1-я пѣхотная дивизія генер. Гербильона 2-я » » » д'Ореля гвардейская » » Меллинѐ Кавалерійская бригада » де-Фортона	12 линейныхъ полковъ, 3 стрѣлков. баталіона, 1 батал. гвард. Зуавовъ. 3 инжен. роты, 2 кирас. полка и 4 пѣш. батареи.

Всего же 111 баталіоновъ, 50 эскадроновъ, 3 инженерныя роты и 23 пѣшія батареи, въ числѣ подъ ружьемъ до 100 тысячъ человѣкъ (55).

Англійская армія, получивъ значительныя подкрѣпленія, находилась въ слѣдующемъ составѣ:

Пѣхотная дивизія Колина Кемпбля . .	9	батал.
" " Пеннефазера . . .	7	"
" " Ингленда	10	"
" " Джона Кемпбля . .	7	"
Легкая пѣхотная дивизія Броуна. . .	10	"
Кавалерійская дивизія Скерлета . . .	24	эскадр.

Всего 43 баталіона, 24 эскадрона и 10 батарей, въ числѣ 25,000 чел.

Сардинскій корпусъ, подъ начальствомъ Альфонса де-ла-Мармора, въ составѣ двухъ пѣхотныхъ дивизій: Дурандо и Александра де-ла-Мармора, каждая

въ 10 баталіоновъ, и резервной бригады Жайле, изъ 5-ти баталіоновъ, одного кавалерійскаго полка и 6-ти батарей, всего въ числѣ до 15-ти тыс. человѣкъ.

Турецкій контингентъ, подъ начальствомъ Омера-паши, изъ 4-хъ дивизій, въ числѣ 28-ми тыс. человѣкъ.

Всего же въ Союзной арміи, дѣйствовавшей въ Крыму, было подъ ружьемъ до 170-ти тыс. челов. ([56]).

До этого времени, Союзники, владѣя моремъ, пользовались своимъ флотомъ почти исключительно для доставки къ арміи подкрѣпленій, артиллеріи и припасовъ, не употребляя его для быстраго передвиженія войскъ на различные пункты морскаго прибрежья и для нанесенія намъ вреда въ восточной части Крымскаго полуострова. Но въ началѣ (въ половинѣ) мая, съ этою цѣлью былъ составленъ корпусъ, въ числѣ 16-ти тысячъ человѣкъ, который, сѣвъ на суда, 9-го (21-го) мая, въ Камышѣ и Балаклавѣ, отплылъ въ ночи съ 10-го (22-го) на 11-е (23-е) по направленію къ Керченскому проливу (*).

Генералъ Пелисье тогда же предложилъ измѣнить направленіе главной атаки на Севастополь, будучи убѣжденъ, что овладѣніе Малаховымъ курганомъ должно было имѣть рѣшительныя послѣдствія. Какъ, между тѣмъ, успѣхъ осадныхъ работъ противъ 4-го и 5-го бастіоновъ наиболѣе угрожалъ Городской сторонѣ, то наше вниманіе было преимущественно обращено на оборону праваго фланга. Занятіе Французами въ ночь на 20-е апрѣля (2-е мая) контръ-апрошей впереди редута Шварца могло доставить имъ возможность не только устроить ближнія демонтиръ-батареи противъ этого редута, но и

(*) Дѣйствія Союзныхъ войскъ въ восточной части Крыма изложены въ слѣдующей главѣ.

поражать во флангъ 4-й бастіонъ и Язоновскій редутъ; а занявъ Кладбищенскую высоту, непріятель могъ поражать 5-й бастіонъ и правый фасъ люнета Бѣлкина, а также обстрѣливать поверхъ оборонительной линіи всѣ выходы изъ города между 5-мъ и 6-мъ бастіонами. Такимъ образомъ, ослабивъ оборону праваго фланга оборонительной линіи, атакующій рѣшился бы съ вѣроятностью успѣха штурмовать наши укрѣпленія.

Для противодѣйствія непріятелю, повидимому, оставалось единственное средство — занять сильно Кладбищенскую высоту, что̀ давало намъ средства не только удержать за собою этотъ важный пунктъ, но и дѣйствовать во флангъ ближайшимъ французскимъ подступамъ передъ редутомъ Шварца. Высота у кладбища была занята еще зимою отдѣльными ложементами; но упорная защита ея требовала гораздо бо́льшаго числа войскъ, нежели то, которое помѣщалось въ ложементахъ, и потому генералъ Тотлебенъ предположилъ заложить параллельно оградѣ кладбища траншею, длиною около 200 саженъ, и соединить ее ходомъ сообщенія съ люнетомъ Бѣлкина. Такимъ образомъ имѣлось въ виду соорудить обширный плацдармъ, который долженъ былъ поддерживаться сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ съ оборонительной линіи, именно: лѣвый фасъ его—картечью съ люнета Бѣлкина и съ правыхъ сторонъ 5-го бастіона и редута Шварца, а правый фасъ — съ батарей Шемякина. Генералъ Хрулевъ, кромѣ того, предложилъ устроить контръапроши и у Карантинной бухты, къ верховью которой примыкалъ лѣвый флангъ французскихъ траншей. По его мнѣнію, надлежало соединить устроенные тамъ нами ложементы траншеею, и, занявъ сильно этотъ пунктъ закрыто-расположенными войсками,

замедлять ходъ непріятельскихъ работъ ружейнымъ огнемъ съ той мѣстности, которая не обстрѣливалась съ оборонительной линіи; впослѣдствіи же онъ предполагалъ соединить эти контръ-апроши съ плацдармомъ у кладбища.

Князь Горчаковъ, признавая важность предложенныхъ мѣръ, собралъ для рѣшенія этого вопроса военный совѣтъ, на которомъ большинство выразилось за необходимость наступательныхъ работъ, подававшихъ единственное средство замедлить дальнѣйшіе подступы непріятеля къ городу. На основаніи этого мнѣнія, рѣшено приступить къ постройкѣ контръ-апрошей впереди 5-го бастіона и у Карантинной бухты, въ ночи съ 9-го (21-го) на 10-е (22-е) мая.

По разсчету, предварительно сдѣланному начальникомъ инженеровъ, генераломъ Тотлебеномъ, требовалось для работъ 2,400 человѣкъ и въ прикрытіе 3,000 человѣкъ. Необходимые матеріалы, 1,000 туровъ и 3,000 мѣшковъ, были собраны у 5-го и 6-го бастіоновъ, гдѣ также заготовлялись платформы для предположенныхъ батарей. Ночью съ 8-го (20-го) на 9-е (21-е) мая, генералъ Тотлебенъ произвелъ разбивку проектированныхъ контръ-апрошей и указалъ начальникамъ частей войскъ, а равно инженернымъ и саперньмъ офицерамъ, назначеннымъ для этой работы, порядокъ слѣдованія войскъ, расположеніе ихъ и распредѣленіе рабочихъ.

На основаніи диспозиціи, составленной генералъ-лейтенантомъ Хрулевымъ, по соглашенію съ генераломъ Тотлебеномъ, и утвержденной начальникомъ гарнизона, наблюденіе за непріятелемъ возложено на секреты изъ охотниковъ отъ полковъ Великаго Князя Михаила Николаевича (Казанскаго) и Владимірскаго, резервныхъ баталіоновъ 13-й дивизіи и

Черноморскаго казачьяго № 8-го баталіона, хорошо знавшихъ тамошнюю мѣстность. На работу же и въ прикрытіе назначены Подольскій и князя Варшавскаго (Орловскій) полки и два баталіона Житомірскаго полка, всего 10 баталіоновъ, въ числѣ 5,500 штыковъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Хрулева; изъ нихъ 9 баталіоновъ, подъ командою генералъ-маіора (Александра Яковлевича) Адлерберга, должны были заложить контръ-апроши у кладбища, а 2-й баталіонъ Житомірскаго полка—у Карантинной бухты. Работами у кладбища завѣдывали инженеръ-штабсъ-капитаны Небольсинъ и Тидебель, а работами у Карантинной бухты—командиръ 3-го сапернаго баталіона полковникъ Зацѣпинъ, коимъ приданы инженерные офицеры и команды саперъ.

Съ наступленіемъ ночи, 9-го (21-го) мая, войска, назначенныя на работу и въ прикрытіе, выйдя съ 6-го бастіона и съ батарей Бутакова и Бѣлкина, заняли указанныя имъ мѣста и приступили къ заложенію контръ-апрошей, подъ личнымъ наблюденіемъ генерала Тотлебена. Одновременно съ тѣмъ, Французы повели подступы къ нашимъ ложементамъ и, будучи заняты этою работою, не замѣтили того, чтó происходило у кладбища и Карантинной бухты. Обѣ стороны, желая скрыть свои намѣренія, обмѣнивались лишь изрѣдка гранатами и картечью. Хотя устройство контръ-апрошей замедлялось твердостью грунта, однако же наши рабочіе, въ продолженіи короткой майской ночи, успѣли вырыть рвы на всемъ протяженіи обоихъ фасовъ плацдарма и соединить ложементы у Карантинной бухты траншеями, въ длину всего до 450 саженъ, и уставить ихъ турами, наполненными землею; эти траншеи имѣли ширину въ 4, а глубину—отъ одного до 3-хъ футъ, вооб-

ще же могли, вмѣстѣ съ прежними ложементами, доставить закрытое помѣщеніе двумъ баталіонамъ. При этомъ, во всю ночь, у насъ раненъ одинъ изъ нижнихъ чиновъ.

Передъ разсвѣтомъ, рабочіе и прикрытія ихъ были отведены за оборонительную линію, а вновь заложенныя контръ-апроши, по распоряженію начальника войскъ на 1-мъ отдѣленіи, генералъ-маіора Семякина, заняты 70-ю стрѣлками ([57]). Утромъ, французскіе инженеры были изумлены, замѣтя, что „Русскіе, совершивъ громадныя и искусно скрытыя работы, соединили свои ложементы и заложили на лѣвомъ флангѣ французскихъ подступовъ обширный укрѣпленный лагерь, откуда могли производить большія вылазки, не подвергаясь опасности, въ случаѣ неудачи, быть преслѣдованными до самаго города“ ([58]). Тогда же обнаружилось, что непріятель, постоянно тревожимый пальбою изъ ложементовъ, устроенныхъ на Кладбищенской высотѣ, предпринялъ занять ее, и съ этою цѣлью вывелъ подступъ, длиною около 50-ти саженъ, по направленію на ложементы близъ угла кладбища, обращеннаго къ 5-му бастіону. Съ обѣихъ сторонъ былъ открытъ огонь по вновь заложеннымъ работамъ и продолжалась весьма живая канонада до самаго вечера.

Заложеніе обширнаго плацдарма на высотѣ у кладбища угрожало лѣвой французской атакѣ не только анфилированіемъ ближайшихъ траншей, но и вылазками въ тылъ ихъ работамъ значительныхъ силъ. Чтобы предупредить такія покушенія, генералъ Пелисьѐ рѣшился немедленно атаковать наши новыя контръ-апроши. Въ продолженіи дня 10-го (22-го) мая, инженерное вѣдомство устроило выходы изъ траншей къ сторонѣ кладбища и приготовило въ значительномъ количествѣ туры, фашины, земляные мѣшки и шан-

цевой инструментъ. Для работъ въ слѣдующую ночь было назначено два отряда саперовъ и 660 человѣкъ пѣхоты, подъ общимъ начальствомъ инженеръ-капитана Рульѐ, а для нападенія на наши контръ-апроши—восемь баталіоновъ, отборныя роты 1-го полка Иностраннаго легіона и три стрѣлковыя роты, подъ начальствомъ генерала Патѐ, въ числѣ до 5-ти тысячъ человѣкъ, поддержанные четырьмя баталіонами и нѣсколькими стрѣлковыми ротами. Войска генерала Патѐ были раздѣлены на двѣ колонны: правая, составленная изъ отборныхъ ротъ Иностраннаго легіона и двухъ баталіоновъ 28-го линейнаго полка, съ резервомъ изъ одного баталіона 18-го линейнаго полка и двухъ баталіоновъ гвардейскихъ волтижеровъ, поддержанныхъ другими двумя баталіонами волтижеровъ, стрѣлковыми ротами и 80-мъ линейнымъ полкомъ, подъ начальствомъ генерала Ла-Мотружа, должна была атаковать контръ-апроши у кладбища. Лѣвая же колонна, изъ трехъ ротъ 10-го стрѣлковаго баталіона, двухъ баталіоновъ 2-го полка Иностраннаго легіона и одного баталіона 98-го линейнаго полка, подъ начальствомъ генерала Бѐрѐ, назначена была для атаки ложементовъ у Карантинной бухты.

Въ тотъ же день, 10-го (22-го) мая, вечеромъ, съ нашей стороны были собраны, у люнета Бѣлкина и бастіона № 6-го, для работъ и прикрытія контръ-апрошей, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Хрулева, тѣ же войска, чтó и наканунѣ, именно: Подольскій и Орловскій полки и два Житомірскихъ баталіона. Около 9-ти часовъ, когда они уже готовились выступать на назначенныя имъ мѣста, осадныя батареи открыли жестокій прицѣльный и навѣсный огонь по 1-му отдѣленію и правой половинѣ 2-го отдѣленія оборонительной линіи, и тогда же

секреты донесли, что непріятель собираетъ въ траншеяхъ и выводитъ оттуда значительныя силы. Наша артиллерія отвѣчала непріятельской, причемъ батареи, фланкировавшія вновь устроенный плацдармъ, дѣйствовали по мѣстности впереди контръ-апрошей и по траншеямъ, въ которыхъ собирались французскіе резервы.

Между тѣмъ, несмотря на сильный огонь осадныхъ батарей, Подольскій полкъ, выйдя изъ люнета Бѣлкина, приступилъ къ заложенію, впереди праваго фаса люнета, батареи на 8 полевыхъ орудій, для фланкированія лѣваго фаса плацдарма. Прочія же войска, которымъ предстояло спускаться открыто со стороны 6-го бастіона, по отлогости Загородной балки, оставались, въ ожиданіи темноты, до половины 10-го часа, на оборонительной линіи. Непріятель, пользуясь тѣмъ, занялъ контръ-апроши. Но генералъ Хрулевъ, не давъ времени Французамъ утвердиться въ нашихъ траншеяхъ, направилъ Подольскій полкъ и 2-й и 3-й баталіоны князя Варшавскаго (Орловскаго) полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Адлерберга, на Кладбищенскій плацдармъ, а два Житомірскихъ баталіона и 1-й баталіонъ князя Варшавскаго полка—на контръ-апроши у Карантинной бухты. Подольскій полкъ опрокинулъ отборныя роты Иностраннаго легіона на 28-й линейный полкъ, выбилъ ихъ и французскихъ рабочихъ изъ плацдарма и, послѣ упорнаго, нѣсколько разъ возобновленнаго боя, преслѣдовалъ непріятеля до его траншей, нанеся ему значительный уронъ. Генералъ Ла-Мотружъ двинулъ въ помощь отступавшимъ войскамъ четыре баталіона гвардейскихъ волтижеровъ. Отчаянный рукопашный бой возгорѣлся подъ громомъ нѣсколькихъ сотъ орудій обѣихъ сторонъ, сосредоточившихъ выстрѣлы на про-

странствѣ впереди 5-го и 6-го бастіоновъ; изъ множества бомбъ, пускаемыхъ съ обѣихъ сторонъ, образовался огненный сводъ, на полѣ битвы, надъ головами сражавшихся. Въ короткое время на 5-мъ бастіонѣ подбито нѣсколько орудій, а батареи Шемякина (*) были принуждены замолчать. Генералъ Адлербергъ подкрѣпилъ Подольцевъ двумя баталіонами Орловскаго полка, но самъ былъ убитъ и наши войска, атакованныя превосходными силами, потерпѣвъ значительный уронъ, отступили въ Загородную балку.

Въ эту рѣшительную минуту, генералъ Тотлебенъ двинулъ изъ люнета Бѣлкина, въ помощь отступившимъ войскамъ, 4-й баталіонъ Орловскаго полка, подъ командою 4-го саперная баталіона полковника Гарднера, о чемъ тогда же извѣстилъ генерала Хрулева. Полковникъ Гарднеръ, выведя баталіонъ впередъ, устроилъ Подольскій полкъ и снова овладѣлъ кладбищемъ; часть этого полка ворвалась въ слѣдъ за опрокинутымъ непріятелемъ во французскій подступъ. Генералъ Хрулевъ, замѣтя, что оба сражавшіеся полка были значительно ослаблены понесеннымъ ими урономъ и предвидя новое нападеніе Французовъ на наши контръ-апроши, выслалъ семь ротъ Углицкаго полка, въ числѣ 600 человѣкъ, къ правому флангу плацдарма и два баталіона Минскаго полка (до 1,000 человѣкъ) къ исходящему углу его.

Дѣйствительно — непріятель, усилясь свѣжими войсками, около полуночи, опять атаковалъ контръ-апроши. Завязался снова отчаянный штыковой бой. Плацдармъ переходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. Наши баталіоны соперничали между собою въ

(*) Батарей Шемякина было двѣ, построенныхъ въ различные періоды обороны Севастополя.

мужествѣ, въ особенности же отличились здѣсь семь ротъ Углицкаго полка. Французскіе волтижеры также дрались весьма упорно и потеряли въ эту ночь 27 офицеровъ и до 1,200 нижнихъ чиновъ. Наконецъ, послѣ пяти-часоваго, почти непрерывнаго побоища, незадолго до разсвѣта, совершенно разстроенные непріятельскія войска ушли въ свои траншеи, успѣвъ занять только часть нашихъ контръ-апрошей. Канонада и бомбардированіе постепенно стихли, и наши баталіоны, несмотря на значительную убыль въ рядахъ и на крайнее утомленіе, возвратились съ пѣснями на оборонительную линію, оставя на день въ плацдармѣ 250 охотниковъ отъ Минскаго полка.

Не менѣе упорное дѣло происходило на оконечности нашего праваго фланга, у Карантинной бухты. Туда былъ направленъ 2-й баталіонъ Житомірскаго полка, за коимъ расположились въ резервѣ 1-й баталіонъ того же полка и 1-й баталіонъ князя Варшавскаго (Орловскаго) полка, поставленные въ лощинѣ, впереди батарей Шемякина. 2-й Житомірскій баталіонъ, найдя контръ-апроши у бухты въ рукахъ непріятеля, выбилъ его оттуда штыками. Французы, усилясь свѣжими войсками, снова заняли контръ-апроши, послѣ жестокаго рукопашнаго боя, продолжавшагося цѣлые два часа. Здѣсь былъ убитъ распоряжавшій работами, командиръ 3-го сапернаго баталіона, полковникъ Зацѣпинъ. Состоявшіе въ резервѣ, первые баталіоны Житомірскаго и Орловскаго полковъ кинулись впередъ на помощь 2-му Житомірскому баталіону и вмѣстѣ съ нимъ атаковали непріятеля. Траншея и ложементы три раза переходили изъ рукъ въ руки и наконецъ, около часа по-полуночи, были окончательно заняты Французами.

Потери нашихъ войскъ въ обоихъ дѣлахъ были слѣдующія:

	Генераловъ.	Шт. и об. оф.	Нижн. чиновъ.
Убито:	1	18	746.
Ранено:		58	1.527.
Безъ вѣсти пропало . .		1	165.
	1	77	2,438.

Вообще же у насъ выбыло изъ фронта 2,516 человѣкъ. Въ числѣ тяжело-раненыхъ былъ инженеръ-капитанъ Небольсинъ.

Французы понесли слѣдующій уронъ:

	Штабъ и об. офиц.	Нижн. чиновъ.
Убито: . . .	23	549.
Ранено: . . .	79	1,587.
Безъ вѣсти пропало		65.

Вообще же у нихъ выбыло изъ фронта 2,303 человѣка ([59]).

Результаты этого дѣла ясно указывали, что устройство контръ-апрошей поставляло осаждающаго въ невыгодное положеніе, изъ котораго онъ могъ выдти не иначе, какъ приступивъ немедленно къ нападенію на нихъ, пока обороняющійся еще не успѣлъ окончить свои работы. Защита контръ-апрошей, весьма слабой профили и занятыхъ позже нежели слѣдовало, стоила дорого нашимъ войскамъ; но и непріятель также понесъ чувствительный уронъ, и ежели ему удалось овладѣть нашею траншеею и ложементами у Карантинной бухты, то причиною тому, кромѣ значительнаго превосходства его въ числѣ войскъ, по всей вѣроятности, было отдаленіе оттуда главныхъ распорядителей въ этомъ дѣлѣ, генераловъ Хрулева и Тотлебена. Не трудно было предвидѣть, что непріятель, для котораго овладѣніе нашими контръ-апрошами у кладбища и Карантинной бухты составляло вопросъ объ успѣхѣ его лѣвой атаки, не-

премѣнно возобновитъ неудавшееся ему нападеніе, и потому съ нашей стороны надлежало, въ слѣдующую же ночь, выслать для защиты плацдарма у кладбища и для отнятія контръ-апрошей у бухты такія силы, которыя заставили бы непріятеля оставить надежду на успѣхъ подобныхъ покушеній.

Но, вмѣсто того, князь Горчаковъ, пораженный понесеннымъ нами урономъ, отказался отъ дальнѣйшаго отстаиванія кладбищенскихъ траншей и приказалъ нарядить туда въ слѣдующую ночь только два баталіона Житомірскаго полка, изъ которыхъ одинъ былъ назначенъ для занятія цѣпью траншеи плацдарма и для продолженія работъ, а другой—въ резервъ. Въ случаѣ же наступленія непріятеля въ значительныхъ силахъ, предписано обоимъ баталіонамъ отступить ([60]).

Вечеромъ, 11-го (23-го) мая, 3-й и 4-й баталіоны Житомірскаго полка, въ числѣ до 1,000 человѣкъ, были выведены впередъ изъ-за люнета Бѣлкина. Одинъ баталіонъ, смѣнивъ охотниковъ Минскаго полка, расположился цѣпью въ траншеѣ плацдарма, а другой сталъ въ ротныхъ колоннахъ на днѣ Загородной балки.

Генералъ Пелисьѐ, съ своей стороны, сдѣлалъ распоряженіе для занятія нашихъ контръ-апрошей значительными силами. По его приказанію, это предпріятіе было поручено генераломъ Де-Салемъ генералу Левальяну, подъ начальствомъ котораго войскà, назначенныя для нападенія на нашу позицію, двинулись по двумъ направленіямъ: четыре баталіона, подъ командою генерала Кустона, должны были занять и удерживать траншею у Карантинной бухты, а шесть баталіоновъ, подъ начальствомъ генерала Дюваля, были назначены для овладѣнія плацдармомъ у кладбища. Вмѣстѣ съ войсками были вы-

сланы команды саперовъ, снабженныя всѣми нужными матеріалами.

Въ 9-ть часовъ вечера, непріятель усилилъ канонаду по 5-му и 6-му бастіонамъ, а спустя полчаса, колонна Кустона, выйдя изъ траншей, заняла контръапроши у бухты и приступила къ работѣ; тогда же двинулись впередъ и войска Дюваля: полковникъ Го (Gault), съ двумя баталіонами, атаковалъ лѣвую оконечность плацдарма; другіе два баталіона направились съ фронта, пятая колонна обошла кладбище справа, а шестая слѣдовала въ резервѣ. Житомірскій баталіонъ, подавленный превосходными силами, собрался въ Загородной балкѣ и, вмѣстѣ съ стоявшимъ тамъ другимъ баталіономъ, отступилъ за оборонительную линію, съ которой былъ тотчасъ открытъ сильный ружейный и картечный огонь по непріятелю, занявшему контръ-апроши. Французы немедленно приступили къ обращенію заложенныхъ нами траншей противъ оборонительной линіи и къ соединенію ихъ ходомъ сообщенія съ своею параллелью. Обоюдная канонада продолжалась всю ночь. Непріятель такъ мало подвинулъ свои работы, что нѣсколько ротъ 14-го линейнаго полка, оставленныя на разсвѣтѣ въ плацдармѣ, должны были, въ продолженіи всего слѣдующаго дня, укрываться за турами, лёжа на землѣ, и не могли продолжать работу ([61]).

Уронъ нашъ, въ эту ночь, простирался: убитыми до 110-ти человѣкъ, въ числѣ коихъ было 2 офицера; ранеными и контужеными до 305 челов., и въ томъ числѣ 6-ти офицеровъ, всего же у насъ выбыло изъ фронта 415 чел. ([62]).

Французы потеряли: убитыми 4 офицера и 56 нижнихъ чиновъ, ранеными 20 офицеровъ и 382

нижн. чиновъ и безъ вѣсти пропавшими 39 нижнихъ чиновъ, всего же 500 человѣкъ ([63]).

Въ числѣ особенно отличившихся при оборонѣ контръ-апрошей нашего праваго фланга, главнокомандующій съ особою похвалою отозвался, кромѣ главныхъ распорядителей въ обоихъ дѣлахъ, генераловъ Хрулева и Тотлебена, о начальникѣ 1-го отдѣленія генералъ-маіорѣ Семякинѣ, начальникѣ штаба гарнизона генералъ-маіорѣ князѣ Васильчиковѣ, командирѣ 4-го сапернаго баталіона полковникѣ Гарднерѣ, генеральнаго штаба подполковникѣ Ростовцевѣ 1-мъ и командирѣ 2-го баталіона Житомірскаго полка маіорѣ Романовичѣ ([64]).

Днемъ 12-го (24-го) мая, былъ поднятъ съ нашей стороны переговорный флагъ и предложено перемиріе для уборки тѣлъ. Непріятель, во второмъ часу по-полудни, на то изъявилъ согласіе, и въ продолженіи трехъ часовъ дѣйствія были прекращены.

Государь Императоръ, получивъ донесеніе князя Горчакова о дѣлахъ 10-го (22-го) и 11-го (23-го) мая, писалъ ему:

...„Отдавая полную справедливость стойкости и храбрости нашихъ войскъ въ дѣлѣ съ 10-го на 11-е число, Я не могу однако же не сожалѣть, что оно стоило намъ столько дорогой крови и не принесло никакого результата, ибо мы сами очистили окопы и приготовили нѣкоторымъ образомъ траншеи для непріятеля“... ([65]).

Занятіе Французами контръ-апрошей впереди праваго фланга нашей оборонительной линіи подвинуло впередъ работы непріятеля съ-разу на 250 саженъ и приблизило головныя части непріятельскихъ тран-

шей на разстояніе двухъ-сотъ саженъ отъ 6-го бастіона. Французы получили возможность распространить свою лѣвую атаку до морскаго берега и обезпечили себя какъ отъ анфиладнаго дѣйствія батарей, которыя мы предполагали устроить на этомъ пунктѣ, такъ и отъ вылазокъ значительныхъ силъ въ лѣвый флангъ и тылъ осадныхъ работъ своихъ ([66]).

По занятіи нашихъ контръ-апрошей у кладбища и Карантинной бухты, Пелисье предпринялъ овладѣть теченіемъ рѣчки Черной.

Но прежде изложенія дальнѣйшихъ дѣйствій подъ Севастополемъ, необходимо перейти къ экспедиціи Союзниковъ въ восточную часть Крымскаго полуострова.

ГЛАВА XXX.

Экспедицiя Союзниковъ въ восточную часть Крыма.

(Съ 11-го (23-го) мая по 31-е августа (12-го сентября) 1855 г.).

Керченскiй полуостровъ, выдающiйся на востокѣ Крыма, составляетъ одну изъ сторонъ Керченскаго пролива, по другую сторону котораго находится полуостровъ Тамань, на низменномъ продолженiи Кавказскаго хребта. Проливъ имѣетъ наибольшую глубину у входовъ въ Черное (до 60 фут.) и Азовское (до 30 фут.) моря; въ прочихъ же мѣстахъ его глубина не превосходитъ 20—24 футовъ, и даже мѣстами встрѣчаются отмели. Керченскiй проливъ съуживается на двухъ пунктахъ: у Павловскаго мыса и у Еникале. У Павловскаго мыса ширина пролива 6 верстъ, но фарватеръ, у Крымскаго берега, не шире полуторы версты и не глубже 25 футовъ. У Еникале, проливъ, шириною около $4\frac{1}{2}$ верстъ, раздѣляется отмелью на два прохода, глубиною до 15-ти футовъ. Наибольшая глубина Азовскаго моря доходитъ до 40 футовъ, но у береговъ она гораздо менѣе: такъ, наприм., у Таганрога—всего 10 футовъ, при илистомъ вязкомъ грунтѣ. Тѣмъ не менѣе однакоже въ нынѣшнемъ столѣтiи развилась довольно

значительная торговля хлѣбомъ и шерстью въ приморскихъ городахъ: Ростовѣ, Таганрогѣ, Маріуполѣ, Бердянскѣ, Ейскѣ и Геническѣ. Азовское море ограничено: съ востока землею Черноморскихъ казаковъ, съ сѣвера — землею Донскихъ казаковъ, а съ запада—Ногайскою степью и Арабатскою косою, отдѣляющею Азовское море отъ Сиваша, или Гнилаго моря, которое соединяется съ Азовскимъ моремъ Геническимъ проливомъ.

Обладаніе Азовскимъ моремъ и охраненіе его отъ непріятельскаго вторженія было для насъ весьма важно, какъ по большому количеству хлѣба, находившемуся въ тамошнихъ портахъ, такъ и по тому, что одно изъ сообщеній нашей Крымской арміи съ внутренними областями Россіи проходило по Арабатской косѣ, чрезъ Геническъ, а другое, въ незначительномъ разстояніи оттуда, чрезъ Чонгарскій мостъ. Для защиты доступа въ Керченскій проливъ была расположена у Еникале небольшая эскадра, изъ трехъ пароходовъ и 11-ти другихъ судовъ съ 62-мя орудіями. Но какъ она не могла оказать сопротивленія огромнымъ морскимъ силамъ Союзниковъ, то оборона пролива была усилена батареями. Двѣ изъ нихъ, на Павловскомъ мысу и на мысѣ Акъ-Бурунъ, вооруженныя шестью 68-ми-фунтовыми и 23-мя меньшими орудіями, обстрѣливали южный входъ; другія двѣ, съ шестью орудіями, обороняли Керченскій рейдъ; для обстрѣливанія же сѣвернаго входа у Еникале, были устроены три батареи: одна съ 15-ю орудіями, на приморскомъ фасѣ упраздненной Еникальской крѣпости; другая, съ 4-мя орудіями, у города, и третья, съ 8-ю орудіями, на восточной сторонѣ пролива, на косѣ Ческѣ. Всѣ эти батареи, весьма слабо вооруженныя, были открыты съ тыла [1].

Одновременно съ устройствомъ батарей, еще въ 1854 году, было приступлено къ загражденію пролива. Сначала считали достаточнымъ устроить у Павловскаго мыса бонъ изъ бревенъ и желѣзныхъ цѣпей; когда же, осенью того же года, онъ былъ поврежденъ сильнымъ напоромъ воды, тогда его вытянули на берегъ и, по распоряженію генералъ-адъютанта Хомутова, заградили входы у Павловскаго мыса и у Еникале 53-мя затопленными судами и въ мелкихъ мѣстахъ якорями, которыхъ было погружено до двухъ сотъ. Весною 1855 года, устроены подводныя мины впереди обоихъ загражденій: по сорока у Павловскаго мыса и у Еникале и 20—для защиты Керченскаго рейда. Тогда же полуразрушенная крѣпостца Арабатъ была приведена въ оборонительное положеніе и вооружена 17-ю орудіями (2).

Войска, назначенныя для обороны Керченскаго полуострова, въ числѣ 8,850 человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона ф. Врангеля (Карла Карловича), были расположены частью у Ѳеодосіи, Арабата и на половинѣ пути между этими пунктами (4 батал. въ числѣ 3,132 чел. съ 8-ю орудіями); частью—по берегу Керченскаго пролива, въ Еникале, Керчи, у Павловскаго мыса и у Камышъ-Буруна (3½ батал. въ числѣ 2,682 чел. съ 4-мя орудіями). Кавалерія, въ составѣ 8-ми эскадроновъ, числомъ 1,325 чел. съ 8-ю орудіями, стояла у Аргина, а 16 казачьихъ сотенъ, въ числѣ 1,711 человѣкъ, занимали береговую линію отъ Керчи до Судака. Пѣхота отряда состояла изъ мѣстныхъ войскъ, мало способныхъ къ полевымъ дѣйствіямъ (3).

Оборона береговъ Азовскаго моря, на пространствѣ отъ устья Дона до Чонгарскаго моста на Сивашѣ, была возложена на походнаго атамана войска

Донскаго, генералъ-лейтенанта Краснова, съ казачьими полками №№ 66-го и 68-го. Донской казачій № 59-го полкъ наблюдалъ пространство отъ устья Дона до Ейскаго лимана.

Для экспедиціи въ восточную часть Крыма были назначены эскадры: 1) французская, подъ начальствомъ адмирала Брюа̀, состоявшая изъ 3-хъ линейныхъ кораблей, 7-ми фрегатовъ, 7-ми корветовъ, и проч., вообще же изъ 24-хъ паровыхъ судовъ; 2) англійская, подъ начальствомъ адмирала Лайонса, изъ 6-ти линейныхъ кораблей и 27-ми паровыхъ судовъ меньшей величины. Союзныя войска, назначенныя для высадки, подъ общимъ начальствомъ англійскаго генерала Броуна, состояли изъ французской дивизіи генерала д'Отмара, въ числѣ 7-ми тыс. человѣкъ съ 18-ю орудіями, англійской бригады Камерона съ 6-ю орудіями и полуэскадрономъ гусаръ, всего въ числѣ 3-хъ тысячъ человѣкъ, и турецкаго отряда Решидъ-паши, въ числѣ до 5-ти тысячъ человѣкъ (4).

12-го (24-го) мая, въ 8 часовъ утра, баронъ Врангель, находясь въ Керчи и получивъ съ береговыхъ постовъ донесеніе о появленіи въ виду Таклинскаго маяка непріятельскаго флота, направлявшагося къ Керченскому проливу, немедленно сосредоточилъ у Камышъ-Буруна 9 ротъ, въ числѣ около 1,900 человѣкъ съ 4-мя орудіями (5), и перевелъ гусарскій гроссъ-герцога Веймарскаго (Ингерманландскій) полкъ съ Донскою резервною № 4-го батареей, въ числѣ 1,325 человѣкъ съ 8-ю орудіями, отъ Аргина къ Султановкѣ. Ѳеодосійскій же подвижной отрядъ былъ оставленъ у станціи Парпача и въ Арабатѣ, для охраненія сообщеній Керченскаго отряда съ

главными силами арміи. Не имѣя достаточно войскъ для противодѣйствія значительной высадкѣ, и получивъ изъ главной квартиры преувеличенное извѣстіе о силахъ, отправленныхъ Союзниками въ восточную часть Крыма, Врангель сдѣлалъ распоряженіе объ уничтоженіи береговыхъ батарей, на случай занятія ихъ непріятелемъ; начальнику эскадры контръ-адмиралу Вульфу было предписано принять заблаговременно мѣры къ спасенію судовъ и въ крайнемъ случаѣ истребить ихъ; начальнику Керченскаго адмиралтейства поручено вывезти наиболѣе цѣнное казенное имущество, а все остальное затопить, либо сжечь; Керчь-еникальскому градоначальнику приказано уничтожить всѣ имѣвшіеся въ городѣ хлѣбные запасы и затопить оставшіяся въ гавани суда. Для спасенія казеннаго имущества назначены были пароходы *Бердянскъ* и *Донецъ* и шкуна *Аргонавтъ* ([6]).

12-го (24-го) мая, въ началѣ втораго часа пополудни, Союзный флотъ приступилъ къ высадкѣ между сел. Амбелаки и Камышъ-Буруномъ: сперва вышли на берегъ бригады: шотландская Камерона и 1-я французская Ніоля, а потомъ—2-я французская бригада Лебретона и Турки. По мѣрѣ успѣха высадки, генералъ Броунъ постепенно выстраивалъ войска на высотахъ у сел. Амбелаки и выслалъ патрули по направленію къ Павловской батареѣ. Командовавшій Керченскимъ отрядомъ, полковникъ Карташевскій, не видя возможности удержать превосходнаго въ силахъ непріятеля, началъ отступать на большую Ѳеодосійскую дорогу и донесъ о томъ генералу Врангелю, который тотчасъ приказалъ нагружавшимся пароходамъ уходить изъ Керченской гавани въ Азовское море, а самъ прибылъ на высоту къ Павловской батареѣ и приказалъ Карта-

шевскому отойти къ Султановкѣ и занять тамъ позицію. Вслѣдъ затѣмъ, командиры Павловской и Акъ-Бурунской батарей, заклепавъ свои орудія и потопивъ снаряды, въ третьемъ часу по-полудни, взорвали батареи и отступили съ орудійною прислугою къ Султановкѣ. Устроенныя нами загражденія не удержали непріятеля, какъ равно и наши подводныя мины съ ударнымъ механизмомъ, которыя, по всей вѣроятности, были очень плохи; тѣ же подводныя мины, которыя предполагалось взорвать съ берега электрическимъ токомъ, не были взорваны по случаю оставленія Павловской батареи (⁷).

Непріятель, послѣ взрыва нашихъ батарей, выслалъ пароходъ, который, дѣлая промѣры, прошелъ чрезъ первое (южное) загражденіе, а за нимъ послѣдовали и другія суда. Въ это самое время, паровая шкуна *Аргонавтъ*, вышедшая изъ Керчи, подходила къ Еникале, а передовая англійская канонерская лодка *Змѣй* преслѣдовала *Аргонавта* съ пальбою; контръ-адмиралъ Вульфъ послалъ въ помощь шкунѣ пароходъ *Боецъ*. Непріятельское судно, подойдя подъ выстрѣлы Еникальскихъ орудій, остановилось, пользуясь чѣмъ, *Аргонавтъ* и *Боецъ* успѣли миновать второе (сѣверное) загражденіе и ушли въ Азовское море. Вслѣдъ затѣмъ, изъ Керченской гавани вышелъ пароходъ *Бердянскъ*, на которомъ находились архивы и денежныя суммы различныхъ вѣдомствъ. Непріятель, для преслѣдованія его, выслалъ четыре парохода. Командиръ *Бердянска*, лейтенантъ Свѣшниковъ, не видя возможности избѣжать встрѣчи съ непріятельскими судами, поворотилъ къ берегу, и когда пароходъ сталъ на мель, отправилъ команду на берегъ и сжегъ свое судно, со всѣмъ имуществомъ и грузомъ, причемъ самъ былъ раненъ отъ взрыва крюйтъ-камеры. Пароходы

Могучій, чинившійся въ Керчи, и *Донецъ*, не успѣвшій выдти изъ тамошней гавани, были нами сожжены, причемъ, отъ взрыва крюйтъ-камеры на *Могучемъ*, убитъ лейтенантъ Ушаковъ и двое нижнихъ чиновъ, и ранены: командиръ парохода лейтенантъ Кушакевичъ, прапорщикъ Ивановъ и четыре нижнихъ чина.

Тогда же сожжены въ Керчи казенные магазины съ огромнымъ количествомъ (болѣе 100 тыс. четвертей) провіанта, а въ девять часовъ вечера керчь-еникальскій градоначальникъ приказалъ также зажечь магазины въ Еникале, загвоздить орудія на батареяхъ и взорвать пороховые погреба, заключавшіе въ себѣ до полуторы тысячи пудовъ пороха, и затѣмъ увелъ еникальскій гарнизонъ по дорогѣ, ведущей вдоль Азовскаго моря, на соединеніе съ войсками отступавшими чрезъ Султановку. Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ подводъ, нельзя было вывезти изъ Еникале лежавшихъ въ тамошнихъ госпиталяхъ до ста тяжело-раненыхъ нижнихъ чиновъ, доставленныхъ въ различное время изъ Севастополя ([8]). Оставляя Керчь, баронъ Врангель отнесся къ генералу Броуну съ слѣдующимъ отзывомъ:

Генералъ!

„Прежде чѣмъ оставить Керчь, я считаю необходимымъ исполнить долгъ, котораго требуетъ человѣчество и который возлагается на меня какъ моимъ положеніемъ, такъ и живымъ участіемъ, питаемымъ мною къ тяжело больнымъ храбрымъ солдатамъ. Лишенные возможности, по своей слабости, отступить съ отрядомъ, эти солдаты оставлены въ военномъ городскомъ госпиталѣ, на попеченіе доктора Марценовскаго (отличнаго во всѣхъ отноше-

ніяхъ), которому приданы въ помощь аптекарь, коммиссаръ и 40 служителей.

„Генералъ! Прошу Васъ принять подъ свое покровительство нашихъ больныхъ, равно какъ и лицъ, попеченію которыхъ они ввѣрены, и оказать имъ ваше вниманіе.

„Больные обезпечены съ избыткомъ на нѣсколько недѣль припасами и всѣмъ необходимымъ для облегченія ихъ тяжкаго положенія.

„Матеріальная часть госпиталя, устроеннаго на гораздо бо́льшее противу наличнаго числа больныхъ, осталась неприкосновенна. Считая ее исключительно посвященною облегченію страданій человѣческихъ, я не уничтожилъ ее.

„Въ увѣренности, что мое ходатайство о страждущихъ и слабыхъ воинахъ будетъ принято вашимъ превосходительствомъ, какъ долгъ передъ человѣчествомъ, прошу васъ принять увѣреніе въ моихъ лучшихъ чувствахъ къ вамъ“.

Письмо это осталось безъ отвѣта. Но когда Врангель, узнавъ о тяжкомъ положеніи нашихъ больныхъ, просилъ отпустить ихъ въ его отрядъ и прислалъ за ними подводы, то просьба его была уважена.

Жители Керчи, встревоженные появленіемъ флота и высадкою Союзниковъ, уходили толпами изъ города, оставляя тамъ почти все свое имущество, и искали убѣжища въ татарскихъ деревняхъ. Изъ 12-ти тысячъ керченскихъ жителей оставалось не болѣе 2-хъ тысячъ.

Союзники не преслѣдовали Керченскаго отряда и уже на слѣдующій день, 13-го (25-го) мая, утромъ, двинулись къ Керчи. Прибывъ туда въ полдень, генералъ д'Отмаръ былъ встрѣченъ у городской заставы депутаціей изъ Татаръ и Евреевъ, съ хлѣбомъ и солью, но эта малодушная покорность не-

пріятелю не спасла ихъ отъ разоренія. Какъ только Союзныя войска, пройдя Керчь, двинулись къ Еникале, (куда прибыли въ полночь), городъ наполнился мародёрами, которые принялись грабить и опустошать дома жителей и казенныя строенія, не щадя даже госпиталей и керченскаго музея, гдѣ были выломаны мраморные полы и растасканы сохранявшіяся тамъ древнія вещи. Въ особенности же отличались неистовствомъ и жестокостью Турки, истреблявшіе, по указанію Татаръ, русскихъ жителей города, не щадя ни дѣтей, ни женщинъ. Уже по прошествіи трехъ дней, небольшія команды, высланныя Союзными адмиралами, заняли керченское адмиралтейство и учредили изъ оставшихся горожанъ полицію, въ числѣ до 50-ти человѣкъ, которая однакоже нисколько не прекратила грабежей и насилій, продолжавшихся во все время пребыванія въ восточной части Крыма Союзныхъ войскъ ([9]).

По занятіи Союзниками всего западнаго берега Керченскаго пролива, баронъ Врангель отошелъ къ Султановкѣ, и оставя тамъ генералъ-маіора Сухотина, съ его кавалеріей, продолжалъ отступать, 13-го (25-го) мая, къ Аргину, гдѣ собралась вся пѣхота Керченскаго отряда. Тогда же прибылъ изъ Карасубазара къ Ѳеодосіи драгунскій принца Эмиля Гессенскаго (Казанскій) полкъ съ 26-ою конно-легкою батареей. Генералъ Врангель, опасаясь, чтобы непріятель, сдѣлавъ высадку у Ѳеодосіи или Арабата, не отрѣзалъ сообщеній отряда, отступилъ къ Парпачу, оставя кавалерію съ донскою батареей у Аргина. Въ Ѳеодосіи оставался прежній гарнизонъ, а гарнизонъ Арабата былъ усиленъ до двухъ баталіоновъ ([10]).

Какъ только князь Горчаковъ получилъ, 13-го (25-го) мая, извѣстіе о занятіи Союзниками Керченскаго пролива, то, имѣя въ виду обезпечить отъ покушеній непріятеля сѣверную часть Крыма, чрезъ которую проходили всѣ сообщенія Крымской арміи съ Имперіей, предписалъ флигель-адъютанту подполковнику князю Лобанову-Ростовскому отправиться въ Чонгаръ и оставить тамъ, для охраненія Чонгарскаго моста, сотню Донскаго № 62 полка съ 6-мъ резервнымъ баталіономъ Московскаго полка и двумя орудіями 3-й артиллерійской бригады, а потомъ поспѣшить въ Геническъ и принять мѣры къ защитѣ этого города отъ высадокъ непріятеля въ незначительныхъ силахъ; въ случаѣ же нападенія его въ большихъ силахъ, отступать отъ Геническа къ Чонгарскому мосту. Князь Лобановъ приказалъ перевести въ Сивашъ находившіяся въ Геническѣ суда, но нѣсколько изъ нихъ осталось въ Азовскомъ морѣ, по невозможности ввести ихъ въ Геническій проливъ, гдѣ, для преграждения доступа непріятельскому флоту, было потоплено четыре большихъ судна, нагруженныя каменнымъ углемъ (11).

Генералъ-адъютантъ Хомутовъ, тогда находившійся въ Новочеркаскѣ, отправился въ городъ Тамань, предписавъ походному атаману генералъ-лейтенанту Краснову принять самыя дѣятельныя мѣры для обороны Таганрога, и предложивъ таганрогскому военному губернатору, графу Толстому—вывезти изъ города: дѣвичій институтъ, денежныя суммы и казенное имущество, и ввести въ устья Дона казенные пароходы.

Союзные адмиралы, войдя въ Азовское море, выслали 20 небольшихъ пароходовъ и множество легкихъ судовъ къ Бердянску, 15-го (27-го) мая, и не найдя тамъ войскъ, сожгли безъ сопротивленія ма-

газины съ 40 тысячами четвертей пшеницы и истребили всѣ суда, не пощадивъ и рыбацкихъ лодокъ.

16-го (28-го) мая, часть непріятельской флотиліи, въ числѣ 13-ти вымпеловъ, появилась передъ Арабатомъ и въ 6 часовъ утра открыла по лѣвому фасу укрѣпленія канонаду, на которую могли отвѣчать только пять 24-хъ-фунтовыхъ орудій. Несмотря на сильный огонь многихъ непріятельскихъ орудій большаго калибра, наша артиллерія не прекращала пальбы и нанесла вредъ двумъ изъ ближайшихъ судовъ. Спустя три часа, непріятель удалился въ море. Съ нашей стороны уронъ состоялъ въ 7-ми убитыхъ и 45-ти раненыхъ нижнихъ чинахъ; въ укрѣпленіи взорванъ пороховой ящикъ. Неожиданное Союзниками сопротивленіе Арабата заставило ихъ увеличить эскадру, вошедшую въ Азовское море. Съ этою цѣлью французскія суда отдѣлились отъ англійскихъ и отплыли къ Керчи, чтобы, усилясь тамъ частью флота, присоединиться къ Англичанамъ, 21-го мая (2-го іюня), на таганрогскомъ рейдѣ. Между тѣмъ, капитанъ Лайонсъ, съ англійскими судами, 16-го (28-го) мая, прибывъ къ Геническу, открылъ огонь по финляндскимъ и греческимъ судамъ, тамъ стоявшимъ, зажегъ ихъ и чрезъ парламентера потребовалъ выдачи всѣхъ казенныхъ судовъ и провіантскихъ магазиновъ, находившихся въ городѣ, и, получивъ отказъ, открылъ огонь со всей эскадры. Князь Лобановъ, не желая подвергать ввѣренныя ему войска напрасной потерѣ, вывелъ ихъ изъ города и расположилъ у ближайшихъ колодцевъ, въ пяти верстахъ отъ Геническа. Около полудня, непріятель, спустивъ семь шлюпокъ, вооруженныхъ фалконетами, отправилъ ихъ въ проливъ; однѣ изъ нихъ сѣли на мель, а другія стали жечь стоявшія тамъ суда и лодки. Тогда князь Лобановъ, быстро подведя къ проливу

два орудія, съ прикрытіемъ изъ двухъ ротъ и казачьей команды, открылъ огонь по англійскимъ шлюпкамъ и заставилъ ихъ возвратиться къ эскадрѣ, которая, вслѣдъ затѣмъ, отошла отъ берега. Пользуясь тѣмъ, князь Лобановъ ввелъ свои войска въ городъ и принялъ мѣры для потушенія пожаровъ, произведенныхъ непріятельскою канонадою. Изъ находившагося на Генической пристани казеннаго провіанта и фуража, всего 117,725 четвертей, сгорѣло около 100 тыс. четвертей; сожжены Англичанами 48 судовъ и лодокъ. Чтобы удержать непріятеля, въ случаѣ покушенія его пробраться въ Сивашъ, князь Лобановъ устроилъ двѣ батареи, для обстрѣливанія пролива, и присоединилъ къ своему небольшому отряду Черноморскіе казачьи баталіоны №№ 2-го и 8-го, которые были отпущены изъ Севастополя на родину; вслѣдъ затѣмъ пришелъ къ Геническу присланный княземъ Горчаковымъ изъ Евпаторійскаго отряда, стоявшій у Перекопа, Сводный уланскій полкъ съ 4-мя орудіями 12-й конно-легкой батареи ([13]).

20-го мая (1-го іюня), вечеромъ, непріятельская эскадра прибыла къ Таганрогу. Въ продолженіи ночи поднялся сильный восточный вѣтеръ, отъ котораго понизилась вода на таганрогскомъ рейдѣ; Союзная эскадра была принуждена отойти отъ города версты на три. На слѣдующій день пришли къ непріятелю изъ Еникале 9 пароходовъ и 24 шлюпки; а 22-го мая (3-го іюня), Союзники, снова приблизясь къ берегу на хорошій пушечный выстрѣлъ, послали въ городъ парламентера, съ требованіемъ выступленія оттуда нашихъ войскъ и выдачи казеннаго имущества. Командовавшій войсками въ Таганрогѣ, генералъ-лейтенантъ Красновъ успѣлъ собрать до 2,500 человѣкъ, но, не имѣя артиллеріи, могъ принять мѣры только для отраженія непріятельскаго дессанта, въ

ожиданіи коего приказалъ вывозить изъ города находившійся тамъ казенный запасъ провіанта въ селеніе Николаевъ, лежащее верстахъ въ 12-ти отъ Таганрога.

Въ отвѣтъ на предложеніе непріятельскаго парламентера—сдать городъ, генералы Красновъ и графъ Толстой отправили таганрогскаго прокурора Войну и состоявшаго при военномъ губернаторѣ по особымъ порученіямъ барона Франка, приказавъ имъ объявить: во 1-хъ, что наши войска не оставятъ города безъ боя, и во 2-хъ, что начальствующіе надъ войсками и въ городѣ благодарятъ непріятеля за его человѣколюбивое расположеніе къ жителямъ Таганрога, и что если онъ дѣйствительно не желаетъ наносить вредъ мирнымъ жителямъ, то можетъ, не открывая бомбардировки по городу, выдти на берегъ, и въ такомъ случаѣ пусть оружіе рѣшитъ, кому владѣть Таганрогомъ. Непріятель, раздраженный такимъ отвѣтомъ, тотчасъ открылъ сильный огонь и, послѣ получасоваго бомбардированія госпиталей и крѣпостныхъ верковъ, выслалъ до 50-ти гребныхъ судовъ, съ орудіями и ракетными станками, которыя, подойдя сперва къ биржѣ, а потомъ къ городу, стали его обстрѣливать; нѣсколько разъ непріятели покушались сдѣлать высадку, но каждый разъ были отражаемы казаками и волонтерами; а стоявшій на берегу съ гарнизоннымъ полубаталіономъ, отставной саперный подполковникъ Македонскій повелъ впередъ одну изъ ротъ, ударилъ въ штыки и опрокинулъ непріятеля къ лодкамъ. Послѣ этой неудачи, Союзники еще съ полчаса продолжали бомбардировать городъ, а потомъ, около 4-хъ часовъ по-полудни, ушли въ море и на слѣдующее утро, 23-го мая (4-го іюня), отправились къ Маріуполю. Уронъ нашъ былъ незначителенъ: убиты одинъ казакъ и 11 жи-

телей; ранены: 2 офицера, 12 нижнихъ чиновъ и 47 жителей. Сгорѣло около ста магазиновъ и другихъ зданій; повреждены выстрѣлами: 4 церкви, 4 казенныя строенія и 52 частныхъ дома ([14]).

24-го мая (5-го іюня), утромъ, Союзная эскадра, прибывъ къ Маріуполю, потребовала выдачи казеннаго имущества, и, получивъ отказъ, открыла въ 9½ часовъ огонь по городу; черезъ полчаса пять вооруженныхъ непріятельскихъ баркасовъ вошли въ устье рѣки Калміуса. Командиръ Донскаго казачьяго №66-го полка, подполковникъ Кастрюковъ, желая спасти суда, стоявшія въ лиманѣ рѣки, спѣшилъ своихъ казаковъ, разсыпалъ ихъ по берегу въ цѣпь и открылъ огонь по баркасамъ, что̀ заставило ихъ удалиться. Тѣмъ не менѣе однакоже нѣсколько непріятельскихъ матросовъ успѣли выдти на берегъ и зажгли ближайшія строенія и магазины, большею частью принадлежавшіе австрійскимъ подданнымъ и другимъ иностранцамъ. Около 6-ти часовъ по-полудни, Союзная эскадра ушла въ море и вечеромъ того же дня появилась у Ейска. На слѣдующій день, 25-го мая (6-го іюня), непріятель потребовалъ выдачи казеннаго имущества. Жители города просили мѣстное начальство не подвергать ихъ бомбардированію напраснымъ сопротивленіемъ. Начальникъ Ейскаго военнаго округа, Черноморскаго казачьяго войска полковникъ Борзиковъ, принявъ во вниманіе, что не было никакой возможности отразить непріятеля, рѣшился вступить съ нимъ въ переговоры. Небольшое количество казеннаго провіанта и фуража, находившееся въ городѣ, было истреблено и впослѣдствіи добровольно пополнено тамошнимъ купечествомъ. Подобнымъ же образомъ уничтожены запасы въ Темрюкѣ и другихъ приморскихъ пунктахъ ([15]).

По упраздненіи Черноморской береговой линіи,

оставались наши войска только въ Анапѣ и Новороссійскѣ, пунктахъ, ближайшихъ къ Кубанской линіи и могшихъ оказать сопротивленіе небольшимъ непріятельскимъ отрядамъ. Но, по занятіи Союзниками Керчи и появленіи въ Азовскомъ морѣ ихъ сильнаго флота, Наказный атаманъ войска Донскаго, генералъ Хомутовъ, опасаясь подвергнуть гибели гарнизоны помянутыхъ укрѣпленій, приказалъ очистить ихъ, что̀ и было исполнено въ концѣ мая (въ началѣ іюня).

Адмиралы Союзныхъ эскадръ, узнавъ о томъ, отправились въ Анапу и, прибывъ туда, 2-го (14-го) іюня, нашли уже Турокъ. Крѣпость, вооруженная болѣе нежели ста орудіями, могла бы оказать сопротивленіе непріятелю, еслибы въ ней были колодцы съ хорошею водою. Выступая изъ Анапы, наши войска оставили за собою только однѣ развалины. Орудія, заклепанныя, были сброшены съ изломанныхъ лафетовъ; пороховые погреба взорваны; казармы сожжены; крѣпостная ограда въ нѣсколькихъ мѣстахъ разрушена взрывами ([16]).

Одновременно съ опустошеніемъ Азовскаго прибрежья, отрядъ Союзныхъ сухопутныхъ войскъ сооружалъ укрѣпленія въ Еникале, на Павловскомъ мысу и на горѣ *Митридатъ*, у Керчи, чтобы утвердиться на Керченскомъ проливѣ. Генералъ Броунъ, оставя тамъ въ укрѣпленіяхъ одинъ французскій и одинъ англійскій полки и весь турецкій отрядъ, съ остальными войсками отплылъ, 3-го (15-го) іюня, въ окрестности Севастополя, гдѣ, въ Камышевой бухтѣ и въ Балаклавѣ, собралась вся эскадра, участвовавшая въ экспедиціи ([17]).

Главная цѣль предпріятія Союзниковъ заключалась въ лишеніи нашей Крымской арміи жизненныхъ запасовъ. Для этого они произвели вторженіе въ

Азовское море, гдѣ въ прибрежныхъ пунктахъ были собраны огромные склады провіанта и фуража, и покушались пробраться въ Сивашъ, чтобы впослѣдствіи, занявъ Чонгарскую переправу и Перекопъ, совершенно отрѣзать нашу армію отъ сообщенія съ внутренними областями Имперіи. Истребленіе запасовъ въ приморскихъ городахъ удалось непріятелю вполнѣ; напротивъ того, усилія Союзниковъ войти въ Сивашъ были напрасны, несмотря на весьма небольшое число нашихъ войскъ, находившихся въ восточной части полуострова.

Убытокъ, понесенный казною, при опустошеніи Азовскаго прибрежья, былъ весьма значителенъ; но цѣль, предположенная Союзниками—лишить продовольствія нашу армію—не была достигнута, потому что, какъ уже выше сказано, Крымская армія была обезпечена продовольствіемъ на весь 1855-й годъ. Преимущественно-же потерпѣли мирные жители и иностранные негоціанты. Если можно въ нѣкоторой степени оправдать подобный способъ дѣйствій обычнымъ въ войнѣ правомъ—истреблять средства противника, то грабежи, насилія и убійства, совершенныя англо-французскими мародёрами и союзниками ихъ — Турками, должны быть отмѣчены слезами и кровью невинныхъ жертвъ въ Исторіи войны противъ Россіи, которой войска, за сорокъ лѣтъ предъ тѣмъ, исполняя завѣтъ своего Монарха, стояли на стражѣ неприкосновенности Парижа.

Опасность, угрожавшая Таганрогу, прекратилась по удаленіи непріятельскаго флота, но военное начальство, предвидя возможность новыхъ враждебныхъ попытокъ, считало необходимымъ усилить оборону Азовскаго прибрежья. На 4-й день послѣ бомбарди-

рованія, прибыли въ Таганрогъ до 600 матросовъ, высаженныхъ съ пароходовъ, которые были истреблены непріятелемъ во время прорыва его въ Азовское море. Баталіонъ, сформированный изъ этихъ моряковъ, былъ порученъ капитанъ-лейтенанту Ивкову. Нѣсколько дней спустя, пришла въ Таганрогъ резервная полубатарея капитана Савицкаго, а въ половинѣ (концѣ) іюня, на смѣну ея, донская 2-я легкая батарея. Какъ регулярнымъ войскамъ, такъ и милиціи, производились ученія. На мѣсто учебнаго донскаго полка, потребованнаго въ Новочеркаскъ, прибыли новые полки №№ 70, 74 и 76. Вообще же по берегу Азовскаго моря было расположено восемь донскихъ полковъ ([18]).

Въ началѣ (въ половинѣ) іюля, снова появилась у сѣверныхъ береговъ Азовскаго моря непріятельская эскадра. 3-го (15-го), двѣнадцать пароходовъ открыли довольно сильную канонаду по Бердянску. Затѣмъ— непріятель бомбардировалъ нѣсколько приморскихъ селеній, а 5-го (17-го) покушался на высадки у Бердянска и у селенія Глафировки на Ейскомъ лиманѣ, но былъ отраженъ казаками, успѣвъ зажечь только нѣсколько строеній и хлѣбныхъ амбаровъ. Еще неудачнѣе были нападенія Союзниковъ между Кривою Косою и Маріуполемъ, гдѣ есаулъ Тарасовъ, съ частью сотни 66-го полка, защищая свой собственный поселокъ, встрѣтилъ высадившихся съ лодки непріятелей ружейнымъ огнемъ, обратилъ ихъ въ бѣгство и, догнавъ въ морѣ, по-колѣно въ водѣ, изрубилъ собственноручно двухъ человѣкъ. Между тѣмъ большой пароходъ, приблизясь къ берегу, осыпалъ казаковъ картечью, но не успѣлъ нанести имъ ни малѣйшаго вреда ([19]).

6-го (18-го) іюля, непріятельскія суда снова подошли къ Таганрогу. Съ этого дня, въ продолженіи двухъ

съ половиною недѣль, постоянно нѣсколько пароходовъ громили городъ, ежедневно выпуская отъ двадцати до ста и болѣе выстрѣловъ. Вечеромъ 9-го (21-го) іюля, въ субботу, во время всенощнаго бдѣнія въ соборѣ Успенія Богородицы, 92-хъ-фунтовое ядро попало въ алтарь и сильно ушибло осыпавшеюся штукатуркою одного изъ священниковъ, стоявшаго тамъ на молитвѣ. Другой священникъ, совершавшій богослуженіе, приказалъ діакону произнести, съ колѣнопреклоненіемъ народа, обычную при нашествіи враговъ молитву; никто не вышелъ изъ церкви до окончанія всенощной службы.

По-утру 12-го (24-го) іюля, одинъ изъ англійскихъ пароходовъ сѣлъ на мель близъ Кривой Косы, въ 60-ти верстахъ отъ Таганрога. Командиръ Донскаго № 70-го полка, подполковникъ Демьяновъ, донося о томъ генералу Краснову, просилъ прислать ему два орудія, а между тѣмъ казаки открыли ружейный огонь по матросамъ непріятельскаго парохода, съ котораго отвѣчали пулями и картечью. Въ восемь часовъ утра, появился другой пароходъ, который, по величинѣ своей, не имѣя возможности подойти къ берегу, остановился въ разстояніи около полуверсты и сталъ осыпать казаковъ гранатами и картечью, но, несмотря на то, экипажъ стоявшаго на мели парохода, потерявъ надежду на его спасеніе, зажегъ его и ушелъ въ шлюпкахъ на большой пароходъ. Нѣсколько охотниковъ, вызванныхъ изъ казачьихъ командъ, бросились въ воду и доплыли до брошеннаго непріятелемъ парохода, гдѣ нашли флаги неснятыми, орудія не заклепанными, и даже сигнальныя книги, брошенныя при поспѣшномъ уходѣ англійскаго экипажа.

Подполковникъ Македонскій, прибывъ съ орудіями, когда пароходъ былъ уже взятъ казаками,

немедленно приступилъ къ снятію съ него орудій. Двѣ 24-хъ-фунтовыя карронады были вытащены на берегъ и отправлены въ Таганрогъ; хотѣли также увезти съ парохода 92-хъ-фунтовую бомбическую пушку и паровую машину; но когда, 15-го (27-го) іюля, прибылъ для этого изъ Таганрога морскаго вѣдомства подполковникъ Вердеманъ, съ слесарями, водолазами и инструментами, внезапно появились два непріятельскихъ парохода, которые открыли сильный огонь по нашимъ рабочимъ и заставили ихъ удалиться на берегъ. По истребленіи почти всѣхъ домовъ и рыбныхъ заводовъ на Кривой Косѣ, непріятельская флотилія отплыла къ Таганрогу, 22-го іюля (3-го августа), а, между тѣмъ, затонувшій пароходъ залило водою, такъ что съ берега почти не было его видно. Въ слѣдующіе четыре дня, непріятель бомбардировалъ Таганрогъ и Новомаріинское селеніе, принадлежащее г. Бенардаки, а 28-го іюля (9-го августа), вся непріятельская флотилія, крейсировавшая вдоль сѣвернаго прибрежья въ Азовскомъ морѣ, прошла мимо Маріуполя и скрылась въ отдаленіи. Въ продолженіи іюльской экспедиціи, непріятель, истративъ много пороха, успѣлъ сжечь только немногія изъ нашихъ поселеній, а всѣ высадки его, произведенныя съ цѣлью истребленія и грабежа домовъ мирныхъ жителей, были отражаемы съ успѣхомъ казаками ([20]).

Въ первыхъ числахъ (въ половинѣ) августа, таганрогскій отрядъ былъ усиленъ сводною резервною бригадою, въ составѣ шести баталіоновъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора фонъ-Лейна. Изъ Ростова, по распоряженію начальства Донскаго войска, были доставлены восемь 24-хъ-фунтовыхъ карронадъ.

Тогда же приступлено къ постройкѣ лафетовъ для этихъ орудій и къ сооруженію батарей. Инженерными работами завѣдывалъ командиръ донской № 2-го батареи, подполковникъ Донцовъ, причемъ въ вооруженіи ихъ содѣйствовалъ ему донской артиллеріи сотникъ Красновъ, а приготовленіемъ лафетовъ занимался помощникъ городскаго архитектора Трусовъ. Въ теченіи трехъ недѣль всѣ батареи были построены и вооружены орудіями, командованіе коими поручено сотнику Краснову.

По-утру 19-го (31-го) августа, непріятель въ третій разъ появился подъ Таганрогомъ. Три парохода стали на рейдѣ, а одинъ изъ нихъ, приблизясь къ Воронцовской пристани, открылъ по городу пальбу, на которую наши ближайшія батареи отвѣчали столь удачно, что непріятельскій пароходъ былъ принужденъ удалиться.

Въ тотъ же день, три парохода, подойдя къ поселку Кирпичеву, открыли по немъ сильный огонь. Владѣлецъ поселка, есаулъ Тарасовъ, предвидя намѣреніе непріятеля сдѣлать высадку, скрылъ въ тѣнистомъ саду, въ полуверстѣ отъ Кирпичева, свою спѣшенную сотню. Послѣ довольно продолжительнаго обстрѣливанія поселка, Англичане выслали къ берегу шлюпки и высадили до 80-ти матросовъ, подъ командою двухъ офицеровъ, которые успѣли зажечь три крестьянскія избы. Но какъ только непріятель подошелъ къ саду, гдѣ была скрыта засада, казаки сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ и кинулись на высадившихся матросовъ, которые, не ожидая нападенія, обратились въ бѣгство къ берегу. Казаки ранили нѣсколько человѣкъ шашками, отрѣзали путь двумъ офицерамъ и одному матросу и захватили ихъ въ плѣнъ, вытащивъ изъ болотистаго ручья, въ который они попали, ища спасенія. Плѣнные,

совершенно измокшіе, испачканные въ грязи, были приведены въ домъ Тарасова, гдѣ дали имъ чистое бѣлье и платье и угостили чаемъ, пуншемъ и обѣдомъ. Англичане, захваченные не въ бою, а какъ зажигатели, сознавались впослѣдствіи, что они, вмѣсто угощенія, ожидали себѣ вѣрной смерти. Не менѣе радушно они были приняты полковымъ командиромъ, подполковникомъ Кастрюковымъ. Вѣсть о предстоявшемъ прибытіи въ Таганрогъ плѣнныхъ мгновенно распространилась и побудила собраться на улицѣ противъ квартиры походнаго атамана до тысячи человѣкъ. Генералъ Красновъ, зная озлобленіе таганрогскихъ жителей противъ Англичанъ, счелъ нужнымъ напомнить народу о христіанской обязанности состраданія къ несчастнымъ; но вскорѣ оказалось, что плѣнные, вмѣсто оскорбленій, были приняты весьма радушно и снабжены всѣмъ нужнымъ. Нѣсколько дней спустя, подходили къ Таганрогу непріятельскіе пароходы, которые бросали въ городъ огромныя ядра и бомбы, но не причинили большого вреда. Затѣмъ, въ продолженіи почти полутора мѣсяца, Союзники прекратили свои покушенія противъ сѣвернаго Азовскаго прибрежья ([21]).

8-го (20-го) сентября, генералъ Врангель, находясь у Аргина, получилъ донесеніе, что непріятель, выйдя изъ Керчи, занялъ сел. Сеитъ-Эли и Сараймилъ. Начальникъ авангарда, генералъ-маіоръ Сухотинъ выслалъ на встрѣчу непріятелю разъѣзды, поддержанные отрядами отъ Своднаго Черноморскаго коннаго и Донскаго № 56-го полковъ. Казаки обратили въ бѣгство непріятельскую кавалерію и захватили въ плѣнъ 22-ва англійскихъ гусара и 3-хъ африканскихъ конныхъ егерей.

Послѣдующія дѣйствія непріятеля, въ восточной части Крыма и Черноморіи, состояли въ бомбарди-

рованіи и сожженіи Ейска и разореніи Тамани и Фанагоріи.

7-го (19-го) октября, по полученіи свѣдѣній о прибытіи въ Керчь непріятельскихъ подкрѣпленій, въ числѣ 10-ти тыс. человѣкъ, посланы были, на усиленіе керченскаго отряда, въ сел. Колечъ-Мечитъ, 2-я бригада 7-й резервной пѣхотной дивизіи, съ батарейною № 2-го батареею 7-й артиллерійской бригады, и двѣ дружины калужскаго ополченія, а Геническій отрядъ, генералъ-маіора Вагнера, усиленъ тремя дружинами тульскаго ополченія (22).

ГЛАВА XXXI.

Штурмъ передовыхъ укрѣпленій лѣваго фланга оборонительной линіи. Отбитіе штурма на Корабельную сторону.

(Съ 22-го мая (3-го іюня) по 6-е (18-е іюня).

По взятіи Французами нашихъ ложементовъ у кладбища, генералъ Пелисьѐ немедленно приступилъ къ исполненію своего плана дѣйствій, состоявшаго въ томъ, чтобы, обезпечивъ отъ нападенія лѣвое крыло Союзной арміи, повести главную атаку на бастіонъ Корнилова. Овладѣніе этимъ пунктомъ, по мнѣнію французскаго главнокомандующаго и начальника инженеровъ Ніеля, могло доставить болѣе рѣшительный результатъ, нежели взятіе 4-го бастіона и редута Шварца, отъ которыхъ передовыя работы Французовъ уже находились въ весьма близкомъ разстояніи (отъ 4-го бастіона въ 35-ти, а отъ редута Шварца—въ 56-ти саженяхъ). При исполненіи новаго плана дѣйствій, надлежало Союзникамъ сперва овладѣть укрѣпленіями впереди нашего лѣваго фланга, Селенгинскимъ и Волынскимъ редутами и Камчатскимъ люнетомъ, и потомъ вести трудную атаку на сильно-укрѣпленный Малаховъ курганъ. Но все это не остановило настойчиваго Пелисьѐ.

Послѣ нѣсколькихъ рекогносцировокъ, произведенныхъ къ сел. Чоргуну, во второй половинѣ мая (въ началѣ іюня), онъ направилъ сильные отряды къ рѣкѣ Черной. Въ это время, главныя силы наши въ полѣ стояли на Инкерманскихъ и Мекензіевыхъ высотахъ. Впереди ихъ, у Чоргуна, были расположены 4 баталіона Лейбъ-Бородинскаго полка съ одною ротою 6-го стрѣлковаго баталіона, 2 эскадрона гусарскаго Князя Николая Максимиліановича (Кіевскаго) полка, семь донскихъ сотенъ и 5 ротъ Греческаго легіона, а въ Байдарскую долину высланы 8 сотенъ 56-го и 57-го донскихъ казачьихъ полковъ.

22-го мая (3-го іюня), отрядъ генерала Морриса, въ составѣ пѣхотной дивизіи Канробера и кавалерійской д'Алонвиля, съ двумя конными и одною горною батареями, перейдя черезъ Черную въ бродъ у сел. Чоргуна и по каменному мосту у Трактира, заняли деревню Варнутку и двинулись къ селеніямъ Байдары и Біюкъ-Мискоміи, откуда казачьи посты 56-го полка отступили къ Уркустѣ (Ріукаста). По занятіи Байдары, куда направилась также сардинская дивизія генерала Ла-Мармора, часть французской кавалеріи была выслана для обозрѣнія къ Форосскому проходу, по дорогѣ въ Ялту, а затѣмъ Союзныя войска, оставя посты впереди Чоргуна и моста у Трактира, отошли обратно на Ѳедюхины высоты (1).

Начальники Союзныхъ войскъ, предвидя затрудненія, которыя были неизбѣжны при атакѣ нашихъ передовыхъ укрѣпленій лѣваго фланга, и въ особенности Камчатскаго люнета, отстоявшаго отъ головныхъ работъ атакующаго около двухъ-сотъ саженъ и прикрытаго двойною линіей контръ-апрошей, предлагали, для облегченія этой атаки, произвести, одновременно съ нею, нападеніе на Городскую сторону.

Нѣкоторые изъ генераловъ считали нужнымъ, на случай успѣха предположенной атаки, приготовить средства для неотлагательнаго штурма Малахова кургана. Но Пелисьѐ рѣшился штурмовать передовыя укрѣпленія прямо, безъ всякихъ демонстрацій, и на первый разъ ограничиться взятіемъ редутовъ и люнета. Нападеніе, назначенное на 26-е мая (7-е іюня), было поручено генералу Боскѐ, съ дивизіями Майрана, Дюлàка, Каму и Брюнѐ, 2-го корпуса ([2]).

На основаніи общей диспозиціи для штурма, генералъ Майранъ долженъ былъ овладѣть Киленъ-балочными редутами (les Ouvrages Blancs), раздѣливъ для атаки войска своей дивизіи на двѣ колонны, изъ коихъ правая, подъ начальствомъ генерала Лаваранда, была назначена для нападенія на Волынскій редутъ, а лѣвая—генерала Фальи (Failly)—противъ Селенгинскаго редута ([3]). Дивизія Дюлàка, въ составѣ восьми баталіоновъ ([4]), должна была находиться въ резервѣ, а по одному баталіону 61-го и 97-го полковъ—направиться по дну Киленъ-балки, въ обходъ нашихъ войскъ, занимавшихъ редуты. Атака Камчатскаго люнета была поручена дивизіи генерала Каму: для штурма назначены шесть баталіоновъ бригады Вимпфена, въ резервъ имъ—пять баталіоновъ бригады Вержѐ ([5]); а для поддержанія атаки—генералъ Брюнѐ, съ 9-ю баталіонами своей дивизіи, получилъ приказаніе расположиться въ Доковомъ оврагѣ ([6]). Такимъ образомъ, для нападенія на передовыя укрѣпленія лѣваго фланга нашей оборонительной линіи, были назначены четыре дивизіи корпуса Боскѐ, въ составѣ 39-ти баталіоновъ. Кромѣ того, двѣ тысячи Англичанъ, различныхъ полковъ 2-й и легкой дивизій, подъ начальствомъ полковника Ширлея, должны были штурмовать завалы впереди 3-го бастіона. Наконецъ, въ общемъ резервѣ, къ сѣ-

веровостоку отъ редута Викторіи, находилась турецкая дивизія Османа-паши, въ числѣ отъ 7-ми до 8-ми тысячъ человѣкъ. Вообще же противъ нашихъ передовыхъ укрѣпленій было направлено до 40 тыс. человѣкъ. Положено произвести нападеніе въ $6^1/_2$ часовъ по-полудни, чтобы, овладѣвъ укрѣпленіями засвѣтло, утвердиться въ нихъ въ продолженіи ночи ([7]).

25-го мая (6-го іюня), наканунѣ штурма, на нашихъ сухопутныхъ укрѣпленіяхъ Южной стороны находилось для борьбы съ осадными батареями 571 орудіе, а для фланговой и внутренней обороны—603, всего же 1,174 орудія, слѣдовательно, со времени втораго усиленнаго бомбардированія, вооруженіе Севастополя было усилено 176-ю орудіями. Со стороны же непріятеля, вооруженіе осадныхъ батарей, увеличенное на 144 орудія, возрасло до 588 орудій, изъ коихъ 544 назначались для дѣйствія по укрѣпленіямъ Южной стороны, а остальныя—частью для бомбардированія города, рейда и Сѣверной стороны, частью же для дѣйствія по вылазкамъ ([8]).

Въ это время гарнизонъ Южной стороны состоялъ изъ 60-ти баталіоновъ пѣхоты и $2^1/_2$ баталіоновъ саперъ, всего же изъ 36-ти тысячъ штыковъ, съ 20-ю полевыми орудіями. На правой (Городской) сторонѣ оборонительной линіи, по близости непріятельскихъ подступовъ къ 4-му бастіону, редуту Шварца и 5-му бастіону, положено имѣть большее число войскъ, именно 35 баталіоновъ съ 8-ю орудіями, а на лѣвой (Корабельной)—22 баталіона съ 12-ю орудіями; 2 баталіона находились на береговыхъ батареяхъ; 4-й же стрѣлковый и саперные баталіоны были размѣщены по всѣмъ укрѣпленіямъ.

Войска, оборонявшія Корабельную сторону, въ числѣ до 16-ти тысячъ человѣкъ, съ 14-го (26-го) мая находились подъ начальствомъ генералъ-лейте-

нанта Жабокритскаго и, по предложенію его, были расположены 26-го мая (7-го іюня) слѣдующимъ образомъ:

На 3-мъ отдѣленіи: 6 баталіоновъ, въ числѣ 4,670 челов. (по 2 баталіона Камчатскаго и Охотскаго и по одному резервному Волынскаго и Минскаго полковъ). Изъ нихъ, ночью: $1\frac{1}{2}$ баталіона Камчатскихъ составляли гарнизонъ 3-го бастіона; остальныя двѣ роты того же полка—находились въ цѣпи на лѣвомъ флангѣ отдѣленія; двѣ роты и 60 штуцерныхъ Охотскаго полка—у батареи на Пересыпи; двѣ роты—въ цѣпи на правомъ флангѣ; двѣ роты—прикрывали всѣ штурмовыя батареи и стѣнку; двѣ остальныя роты—оставались въ резервѣ. Одинъ изъ резервныхъ баталіоновъ занималъ средніе ложементы; другой находился на работѣ, или въ резервѣ. Въ случаѣ штурма, всѣ роты, разсыпанныя въ цѣпи, и баталіонъ, занимающій ложементы, должны были отступать къ батареямъ Будищева и Яновскаго и къ Пересыпи.

Днемъ, всѣ войска 3-го отдѣленія, кромѣ рабочихъ и штуцерныхъ, занимающихъ ложементы, и двухъ ротъ резерва, находились въ Александровскихъ казармахъ.

На 4-мъ отдѣленіи: 10 баталіоновъ, въ числѣ 7,137 человѣкъ (4 баталіона Полтавскаго и по два—Дибича-Забалканскаго [Черниговскаго], Владимірскаго и Суздальскаго полковъ). Изъ нихъ, ночью: въ траншеяхъ передъ Камчатскимъ люнетомъ—2 баталіона; въ Камчатскомъ люнетѣ—$1\frac{1}{2}$ баталіона; на бастіонѣ Корнилова—$1\frac{1}{2}$ баталіона; на батареяхъ Докова оврага—двѣ роты; въ траншеѣ между бастіонами Корнилова и 2-мъ—одинъ баталіонъ; на 2-мъ бастіонѣ—двѣ роты; въ главномъ резервѣ—три баталіона.

Днемъ, всѣ войска 4-го отдѣленія, кромѣ штуцерныхъ, разсыпанныхъ въ передовыхъ траншеяхъ,

одного баталіона въ Камчатскомъ люнетѣ и одного на работѣ въ бастіонѣ Корнилова, отдыхали въ домахъ и казармахъ Корабельной слободки.

На 5-мъ отдѣленіи: 6 баталіоновъ, въ числѣ 3,879 человѣкъ (Муромскій полкъ и два баталіона графа Забалканскаго [Черниговскаго] полка). Изъ нихъ ночью: въ цѣпи—одинъ баталіонъ; на Волынскомъ и Селенгинскомъ редутахъ—по одному баталіону и въ резервахъ за ними — также по одному баталіону; на работѣ — одинъ баталіонъ, который, по тревогѣ, долженъ былъ стать между редутами.

Днемъ, въ редутахъ оставалось по двѣ роты, а въ резервѣ, у бухты, одинъ баталіонъ; остальные же четыре отдыхали въ Ушаковой балкѣ ([9]).

Такимъ образомъ—днемъ, для обороны Киленъ-балочныхъ редутовъ и Камчатскаго люнета, оставались всего-на-все 5½ баталіоновъ и штуцерные, въ числѣ около 3,500 человѣкъ.

25-го мая (6-го іюня), съ нашихъ наблюдательныхъ постовъ былъ замѣченъ сборъ войскъ въ непріятельскихъ траншеяхъ; дезертиры еще прежде доносили о намѣреніи Союзниковъ штурмовать редуты и Камчатскій люнетъ. Но войска въ редутахъ и люнетѣ не были усилены. Въ три часа пополудни, непріятель открылъ по нашимъ передовымъ укрѣпленіямъ огонь изъ 500 орудій, на который сильно отвѣчала Севастопольская артиллерія. У насъ подбито нѣсколько орудій, а у Французовъ чувствительно пострадали батареи, дѣйствовавшія противъ Волынскаго редута, и взорваны два пороховыхъ погреба. Къ ночи, непріятель сталъ усиленно бомбардировать городъ и произвелъ нѣсколько пожаровъ, а къ утру наши укрѣпленія были исправлены и подбитыя орудія замѣнены другими.

26-го мая (7-го іюня), возобновилась канонада,

сперва по укрѣпленіямъ Корабельной, а потомъ и по Городской сторонѣ. Генералъ Жабокритскій рапортовался больнымъ и отправился на Сѣверную сторону; а назначенный снова начальникомъ войскъ Корабельной стороны, генералъ Хрулевъ едва успѣлъ принять мѣры для усиленія гарнизоновъ на передовыхъ укрѣпленіяхъ, какъ непріятель повелъ на нихъ штурмъ.

Въ пять часовъ по-полудни, генералъ Пелисьѐ со всѣмъ своимъ штабомъ пріѣхалъ на редутъ Викторію, одновременно съ прибытіемъ генерала Боскѐ на Ланкастрову батарею и лорда Раглана на высоту между Лабораторною и Сарандинакиною балками. Въ половинѣ седьмаго взлетѣли нѣсколько ракетъ съ редута Викторіи: это былъ сигналъ къ штурму.

Тогда же Хрулевъ, прискакавъ на Малаховъ курганъ, направилъ къ передовой линіи укрѣпленій резервы изъ Корабельной слободки и послалъ за подкрѣпленіями на Городскую сторону.

Колонна генерала Лаваранда, стоявшая до начала штурма всего въ трехъ-стахъ шагахъ отъ Волынскаго редута, устремилась къ нему подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ столь быстро, что наша пѣхота успѣла сдѣлать по наступавшему непріятелю едва нѣсколько выстрѣловъ; Французы почти безъ потерь перешли черезъ ровъ и ворвались въ редутъ чрезъ амбразуры и бреши. Колонна же генерала де-Фальи, которой до Селенгинскаго редута надлежало пройти около пятисотъ шаговъ, двинулась на штурмъ нѣсколько позже. Непріятель, пользуясь малочисленностью гарнизоновъ въ обоихъ редутахъ, состоявшихъ всего-на-все изъ одного баталіона Муромскаго полка, въ числѣ 450 человѣкъ, атаковалъ ихъ восемью баталіонами; но, несмотря на то, храбрые Муромцы, въ рукопашной схваткѣ, оказали отчаян-

ное сопротивленіе, нанесли Французамъ чувствительный уронъ и отошли къ Забалканской батареѣ только тогда, когда потеряли бо́льшую часть сражавшихся людей. Здѣсь убиты: комендантъ обоихъ редутовъ капитанъ-лейтенантъ Шестаковъ и баталіонный командиръ маіоръ Бѣляевъ.

По достиженіи Забалканской батареи, остальные люди Муромскаго баталіона были поддержаны находившимся вблизи другимъ баталіономъ того же полка. Но это подкрѣпленіе не остановило непріятеля, усиленнаго всею дивизіей Дюлака. Французы овладѣли батареей и преслѣдовали нашъ отрядъ къ Киленъ-бухтѣ, поражая Муромцевъ ружейными выстрѣлами и картечью изъ двухъ горныхъ гаубицъ, которыя солдаты тащили на лямкахъ.

Спустя полчаса, два остальные баталіона Муромскаго полка, стоявшіе въ Ушаковой балкѣ, перейдя черезъ мостъ на Киленъ-бухтѣ, стали подниматься на крутой берегъ, но въ это самое время были атакованы съ фронта и фланга Французами и, понеся огромный уронъ, едва успѣли пробиться штыками обратно къ мосту и отступили на 1-й бастіонъ. Непріятель, увлеченный успѣхомъ, преслѣдовалъ наши войска по пятамъ, пока былъ остановленъ картечью 5-й легкой батареи 11-й артиллерійской бригады, выдвинутой изъ резерва, по приказанію Хрулева, и расположенной между 1-мъ и 2-мъ бастіонами.

Между тѣмъ подошли изъ Ушаковой балки на 1-й бастіонъ два баталіона графа Забалканскаго (Черниговскаго) полка и прибылъ 3-й баталіонъ Полтавскаго полка, подъ начальствомъ полковаго командира князя Урусова (Сергія Семен.), который, присоединивъ къ своему баталіону охотниковъ отъ Муромскаго и Забалканскаго полковъ, перешелъ черезъ Киленъ-балку, разсѣялъ Французовъ, разсыпавшихся

въ цѣпи за мостомъ, и овладѣлъ Забалканскою батареей. Здѣсь былъ убитъ начальникъ войскъ, оборонявшихъ передовыя укрѣпленія, генералъ-маіоръ Тимофеевъ, осколкомъ гранаты, поразившимъ его въ голову, и въ баталіонѣ князя Урусова изъ 500 человѣкъ выбыло 250. При отступленіи непріятеля была захвачена одна изъ его гаубицъ.

Одновременно съ этими дѣйствіями, Французы штурмовали Камчатскій люнетъ.

Туда, около шести часовъ вечера, предвидя угрожавшую опасность, прибылъ Нахимовъ. Оставя свою лошадь у горжи, адмиралъ пошелъ вдоль фасовъ, какъ вдругъ раздался крикъ „штурмъ", и три французскія колонны, выбивъ нашихъ стрѣлковъ изъ контръ-апрошей, устремились на люнетъ. Нахимовъ приказалъ ударить тревогу. Артиллеристы бросились къ орудіямъ, а пѣхота 4-го баталіона Полтавскаго полка, въ числѣ всего 350-ти человѣкъ, поспѣшно выстроилась на банкетахъ. Но едва лишь было сдѣлано по непріятелю два картечныхъ выстрѣла, какъ алжирскіе стрѣлки правой французской колонны заняли нашу батарею въ четыре орудія, влѣво отъ люнета. Полковникъ Брансіонъ, съ 50-мъ линейнымъ полкомъ, въ средней колоннѣ, перейдя черезъ полузасыпанный ровъ, устремился съ фронта сквозь амбразуры въ люнетъ. Самъ Нахимовъ, окруженный непріятелями, подвергался крайней опасности. Одѣтый, по обыкновенію, въ сюртукѣ съ эполетами, онъ едва не былъ захваченъ въ плѣнъ и спасся только благодаря усиліямъ моряковъ и Полтавцевъ, которые, составя кругомъ его стальную ограду, неоднократно кидались въ штыки и выручили обожаемаго ими начальника. Здѣсь были убиты баталіонный командиръ маіоръ Щепетильниковъ и многіе офицеры. Вслѣдъ затѣмъ и зуавы лѣвой французской колонны

пошли на штурмъ праваго фаса люнета. Несмотря на огромное превосходство въ числѣ Французовъ, Полтавцы продолжали обороняться, и только появленіе непріятеля въ тылу нашего люнета заставило горсть храбрыхъ отступить за куртину между Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастіономъ. Французы быстро преслѣдовали ихъ, но были остановлены почти у самаго рва бастіона Корнилова картечью съ оборонительной линіи; здѣсь пали въ числѣ ихъ: полковникъ Брансіонъ и подполковникъ Лебланъ. Нѣсколькимъ смѣльчакамъ удалось перейти черезъ неглубокій ровъ и взлѣзть на валъ бастіона; но всѣ они погибли; остальные, въ совершенномъ разстройствѣ, частью бѣжали, частью залегли въ каменоломняхъ впереди Малахова кургана и стрѣляли оттуда по нашимъ амбразурамъ. Тогда же непріятель обратилъ огонь своихъ батарей преимущественно на бастіонъ Корнилова и прочія укрѣпленія, могшія дѣйствовать по Камчатскому люнету. На укрѣпленіяхъ Малахова кургана тогда было очень мало войскъ, и еслибы Французы штурмовали его вслѣдъ за взятіемъ Камчатскаго люнета, то, по всей вѣроятности, овладѣли бы бастіономъ Корнилова и сосѣдственными батареями. Но вскорѣ затѣмъ стали прибывать наши резервы: первымъ пришелъ 2-й Владимірскій баталіонъ, а потомъ самъ Хрулевъ привелъ: два баталіона графа Забалканскаго (Черниговскаго) полка, подъ командою подполковника Трунова, два Суздальскихъ баталіона, полковника Дарагана, и два Полтавскихъ, подполковника князя Урусова. Войска эти были направлены двумя колоннами, частью прямо на Камчатскій люнетъ, частью влѣво, между люнетомъ и Киленъ-балкою. Правая колонна почти безъ сопротивленія заняла люнетъ, а лѣвая, пройдя мимо по пятамъ уходившаго непріятеля, овладѣла всѣми

передовыми контръ-апрошами, причемъ было захвачено въ плѣнъ нашими войсками болѣе трехъ-сотъ человѣкъ ([10]).

По отбитіи Камчатскаго люнета, генералъ Хрулевъ отправился туда, гдѣ непріятель одержалъ наибольшіе успѣхи—за Киленъ-балку, и послалъ въ помощь находившимся тамъ войскамъ подполковника князя Урусова съ однимъ изъ баталіоновъ Полтавскаго полка. Но, между тѣмъ, генералъ Боскè, рѣшась снова штурмовать люнетъ, сосредоточилъ на этотъ пунктъ жестокій перекрестный огонь со всѣхъ ближайшихъ батарей, и, когда занимавшія люнетъ наши войска были разстроены и ослаблены, произвелъ нападеніе обѣими бригадами дивизіи Каму, поддержавъ ихъ дивизіей генерала Брюнè. Потерявъ большую часть начальниковъ, защитники люнета были принуждены уступить несравненно сильнѣйшему непріятелю и отойти за куртину между Корниловымъ и 2-мъ бастіонами. На этотъ разъ французскія войска не отважились преслѣдовать отступавшихъ, а провожали ихъ довольно частымъ ружейнымъ огнемъ ([11]).

Только лишь тогда, когда Французы появились въ первый разъ на брустверѣ Камчатскаго люнета, Англичане рѣшились атаковать контръ-апроши у Каменоломни, впереди 3-го бастіона. Полковникъ Ширлей, съ отрядомъ въ 400 человѣкъ, поддержаннымъ сильными резервами, кинулся на контръ-апроши, занятыя штуцерными и одною ротою Камчатскаго полка, въ числѣ около 200 человѣкъ. Завязался упорный рукопашный бой, послѣ котораго Камчатцы, потерявъ двухъ офицеровъ и половину нижнихъ чиновъ, отошли на 3-й бастіонъ. Англичане не преслѣдовали ихъ, а приблизясь къ бастіону, залегли за мѣстными прикрытіями и стрѣляли въ амбразуры

нашихъ укрѣпленій, пока сильный картечный огонь съ оборонительной линіи заставилъ непріятельскихъ стрѣлковъ отступить въ каменоломни. Чтобы выбить ихъ оттуда, высланы были три роты 1-го баталіона Камчатскаго полка и двѣ роты резервныхъ баталіоновъ Волынскаго и Минскаго полковъ, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Будищева. Несмотря на сильный огонь, обращенный на нихъ непріятелемъ, они выбили Англичанъ изъ контръ-апрошей, но въ это самое время Будищевъ былъ раненъ и захваченъ въ плѣнъ, а командиръ Камчатскаго баталіона маіоръ Хоменко убитъ. Отрядъ, лишенный начальниковъ и подавшійся нѣсколько назадъ, былъ остановленъ и приведенъ въ порядокъ капитаномъ 3-го сапернаго баталіона Рейтлингеромъ, который снова атаковалъ англійскія войска, опрокинулъ ихъ и выручилъ Будищева, но самъ былъ раненъ въ голову, послѣ чего наши роты отступили на оборонительную линію. Уже гораздо позже, когда совсѣмъ стемнѣло, былъ высланъ, для отбитія контръ-апрошей впереди 3-го бастіона, пришедшій изъ города Волынскій полкъ въ одно-баталіонномъ составѣ, подъ начальствомъ подполковника Смѣлкова. Волынцы два раза выбивали Англичанъ изъ контръ-апрошей, но, потерявъ много людей и въ числѣ раненыхъ своего начальника, были принуждены отойти на оборонительную линію ([12]).

Выше уже сказано, что, по отбитіи штурма на Камчатскій люнетъ, генералъ Хрулевъ отправился на лѣвый флангъ оборонительной линіи. Сколько можно судить изъ несогласныхъ между собою донесеній нашихъ частныхъ начальниковъ и изъ показаній Французовъ, подполковникъ Краевскій, присланный съ Городской стороны, съ полкомъ князя Варшавскаго (Орловскимъ), въ двухъ-баталіонномъ со-

ставѣ, числомъ всего до 800 человѣкъ, спускаясь къ мосту на Киленъ-балкѣ, былъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ Французовъ, залегшихъ по сю сторону моста. Въ это самое время, прибывшій туда Хрулевъ приказалъ Краевскому атаковать непріятеля. Французы были опрокинуты и преслѣдованы по направленію къ Селенгинскому редуту, что ввело въ заблужденіе князя Урусова, который донесъ генералу Хрулеву, что оба редута были отбиты нашими войсками. Въ сумерки, подошелъ съ Городской стороны къ Забалканской батареѣ четырехъ-баталіонный Кременчугскій полкъ. Между тѣмъ, Хрулевъ, получивъ донесеніе о взятіи нашими войсками редутовъ, приказалъ князю Урусову принять команду надъ войсками за Киленъ-балкою; но какъ командиръ Кременчугскаго полка полковникъ Свищевскій былъ старше его чиномъ, то князь Урусовъ поѣхалъ на встрѣчу ему къ Забалканской батареѣ и сдавъ ему начальство, отправился къ своему полку на Малаховъ курганъ. Тамъ еще прежде генералъ Хрулевъ, встрѣтясь съ адмираломъ Нахимовымъ и генераломъ Тотлебеномъ, сообщилъ имъ объ отбитіи нашими войсками редутовъ. Но когда Тотлебенъ, усомнившись въ достовѣрности этого извѣстія, отправился за Киленъ-балку, то самъ князь Урусовъ сознался, что онъ не знаетъ на-вѣрно, въ чьихъ рукахъ находятся редуты, а полковникъ Свищевскій былъ тяжело раненъ, и потому бывшему коменданту Селенгинскаго редута, лейтенанту Скарятину было поручено отправиться, съ командою моряковъ и ротою князя Варшавскаго полка, и развѣдать — кто занимаетъ редуты. Скарятинъ подошелъ къ Селенгинскому редуту такъ близко, что слышалъ тамъ говоръ Французовъ. Такимъ образомъ генералъ Тотлебенъ, убѣдившись въ томъ, что редуты были въ

рукахъ Французовъ, приказалъ: во 1-хъ, на Забалканской батареѣ расклепать орудія, расчистить амбразуры и открыть огонь по редутамъ, чтобы замедлить въ нихъ работы непріятеля, и во 2-хъ, Кременчугскому полку и баталіонамъ графа Забалканскаго и Полтавскому остаться на позиціи за Киленъ-балкою, а полку князя Варшавскаго и остаткамъ Муромскаго—отойти на 1-й бастіонъ. Самъ же Тотлебенъ возвратился на Малаховъ курганъ и донесъ Хрулеву объ окончательной потерѣ редутовъ (13).

Ночью съ 26-го на 27-е мая (съ 7-го на 8-е іюня), съ обѣихъ сторонъ производился сильный навѣсный огонь. Кромѣ того, редуты за Киленъ-балкою были обстрѣливаемы съ пароходовъ *Крымъ* и *Бессарабія* (14).

Еще засвѣтло (вечеромъ), дежурный пароходъ *Бессарабія*, успѣвъ придти въ восточную часть рейда, сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ по мѣстности, на которой происходила борьба; пароходъ *Крымъ* пришелъ туда еще нѣсколько прежде *Бессарабіи;* а пароходъ *Владиміръ*, на которомъ разводились пары антрацитомъ, успѣлъ пройти Киленъ-балку и стать на якорь у берега уже тогда, когда дѣло было кончено. Какъ на ближайшемъ берегу нельзя было навѣрно узнать о положеніи дѣла и въ чьихъ рукахъ находились редуты, то командиръ парохода *Владиміръ* оставался на мѣстѣ до утра 27-го мая (8-го іюня), готовясь защищать съ лѣваго фланга Забалканскую батарею. Когда же, на разсвѣтѣ, объяснилось, что непріятель овладѣлъ редутами за Киленъ-балкою и Камчатскимъ люнетомъ, пароходъ *Владиміръ* отошелъ къ сѣверному берегу рейда (15).

Потери, понесенныя обѣими сторонами при штурмѣ, были весьма значительны. У насъ выбыло изъ фронта:

	генер.	шт.-офиц.	об.-офиц.	нижнихъ чиновъ.
Убитыми	1	4	34	900
Ранеными	—	12	89	3,475
Контуженными . .	—	5	28	652
Безъ вѣсти пропавш.	—	—	2	247

Вообще же мы потеряли: 1 генерала, 21 штабъ-офицера, 153-хъ оберъ-офицеровъ и 5,274-хъ нижнихъ чиновъ. Въ числѣ убитыхъ были: маіоръ Хоменко, воспитанникъ Нѣжинскаго лицея, одинъ изъ достойнѣйшихъ офицеровъ нашей арміи, и прапорщикъ Максимовичъ, получившій въ упорномъ рукопашномъ бою семь ранъ штыкомъ и нѣсколько ударовъ прикладомъ въ голову ([16]). Въ оставленныхъ непріятелю укрѣпленіяхъ находилось 73 орудія, бóльшею часть негодныхъ къ употребленію ([17]).

Со стороны Французовъ:

	штабъ и об.-офиц.	нижн. чиновъ.
Убиты.	69	628
Ранены	203	4,160
Безъ вѣсти проп. .	4	379

Вообще же у нихъ выбыло изъ фронта 276 штабъ и оберъ-офицеровъ и 5,167 нижнихъ чиновъ ([18]).

Англичане потеряли не менѣе 500 человѣкъ ([19]).

Снарядовъ въ оба дня, 25-го и 26-го мая (6-го и 7-го іюня), выпущено: съ нашей стороны 21 тысяча; у Французовъ около 30-ти тысячъ; у Англичанъ болѣе 14-ти тысячъ ([20]).

Генералъ Хрулевъ предполагалъ на слѣдующее утро атаковать потерянныя нами укрѣпленія. Съ этою цѣлью, начальникъ штаба Севастопольскаго гарнизона, князь Васильчиковъ увѣдомилъ запискою капитана 1-го ранга Бутакова о предстоявшемъ нападеніи на отбитые у насъ редуты и просилъ содѣй-

ствія пароходовъ. Немедленно пароходы: *Громоносецъ*, *Крымъ*, *Одесса*, *Владиміръ* и *Бессарабія* стали въ позиціи противъ Киленъ-балки и открыли по Селенгинскому и Волынскому редутамъ огонь, на который отвѣчали французскія батареи, направляя выстрѣлы исключительно по *Владиміру*. Между тѣмъ оказалось, что, для отбитія нашихъ укрѣпленій, мы, даже взявъ часть войскъ съ Городской и Сѣверной сторонъ, могли собрать не болѣе 12-ти баталіоновъ, бо́льшею частью разстроенныхъ при оборонѣ редутовъ. Этому отряду надлежало спуститься съ 1-го бастіона, перейти черезъ Киленъ-бухту и подняться на высоту подъ сильнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей, и потомъ, судя по числу войскъ, сражавшихся съ нами наканунѣ, атаковать, по крайней мѣрѣ, втрое сильнѣйшій корпусъ Боскѐ. Генералъ Тотлебенъ, поставя на видъ всѣ эти обстоятельства, убѣдилъ Хрулева отказаться отъ предположеннаго имъ нападенія, по отмѣнѣ коего, всѣ пароходы были отведены на сѣверную сторону рейда ([21]).

На слѣдующій день, генералъ Лаварандъ, вышедшій изъ Волынскаго редута, для обозрѣнія мѣстности, былъ пораженъ ядромъ, снесшимъ ему голову ([22]).

Главною причиною потери нами передовыхъ укрѣпленій лѣваго фланга было непомѣрное ослабленіе ихъ гарнизоновъ. Выше уже сказано, что Селенгинскій и Волынскій редуты были заняты однимъ слабымъ баталіономъ, и что ближайшій резервъ ихъ, изъ одного такого-же баталіона, стоялъ въ Троицкой балкѣ; главный же резервъ, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ, находился въ Ушаковой балкѣ, гдѣ онъ не только былъ удаленъ отъ редутовъ на значитель-

ное разстояніе, но совершенно разобщенъ отъ нихъ глубокою и затруднительною для перехода Киленъ-балкою. Если наши укрѣпленія, при слабыхъ гарнизонахъ и при несвоевременномъ прибытіи резервовъ, стоили непріятелю болѣе 5-ти тысячъ человѣкъ, то можно ли сомнѣваться въ отбитіи штурма, еслибы, съ самаго начала, мы, имѣя весь резервъ въ Троицкой балкѣ, встрѣтили Французовъ шестью баталіонами. Удержаніе въ нашихъ рукахъ Киленъ-балочныхъ редутовъ было необходимо, тѣмъ болѣе, что, потерявъ ихъ, мы не имѣли возможности оставаться въ Камчатскомъ люнетѣ, ежели бы намъ даже удалось окончательно отбить его, потому что люнетъ, по занятіи непріятелемъ редутовъ, подвергался перекрестному огню его батарей (23).

Нѣсколько дней спустя, графъ ф.-деръ Остенъ-Сакенъ, вмѣстѣ съ генераломъ Тотлебеномъ, объѣхавъ передовую линію укрѣпленій, обращался нѣсколько разъ къ войскамъ съ рѣчью, въ коей напоминалъ, что оборону Севастополя поручилъ имъ Самъ Государь, что вся Россія на нихъ смотритъ, что Святая Православная Церковь надѣется на ихъ защиту. „Я буду впереди васъ,—сказалъ онъ—и, съ Божіей помощью, побѣдимъ, или умремъ всѣ“. Эти слова глубоко уважаемаго начальника совершенно разсѣяли невыгодное впечатлѣніе потери нашихъ редутовъ.

Непосредственно послѣ штурма передовыхъ укрѣпленій нашего лѣваго фланга, князь Горчаковъ писалъ Государю:

„Положеніе мое начинаетъ дѣлаться отчаяннымъ: 25-го непріятель открылъ усиленную канонаду; мы отвѣчали ему съ успѣхомъ и взорвали нѣсколько пороховыхъ погребовъ, а также засыпали много амбразуръ; ночью онъ произвелъ бомбардированіе силь-

нѣйшее чѣмъ когда-либо; на другой день возобновилъ канонаду, а въ 7 часовъ вечера повелъ на приступъ три дивизіи, не считая резервовъ, на контръапрошные редуты наши: Камчатскій, Селенгинскій и Волынскій. Бой завязался самый кровавый; но превосходство непріятеля было слишкомъ велико, и намъ удалось окончательно отбить только одну батарею между Селенгинскимъ редутомъ и бастіономъ № 1. Непріятель понесъ огромный уронъ—дѣйствительно бо́льшій чѣмъ мы. Но числительное превосходство его столь несоразмѣрно, что потеря для него не чувствительна. Что наши дрались славно, доказательствомъ тому: выбитіе непріятеля изъ Камчатскаго редута, которымъ онъ овладѣлъ только послѣ введенія въ дѣло свѣжихъ резервовъ; взятіе до 275-ти плѣнныхъ, въ томъ числѣ 7-ми офицеровъ; взятіе у непріятеля двухъ горныхъ орудій, имъ въ поле вывезенныхъ, и наконецъ, овладѣніе снова батареею по ту сторону Киленъ-балки. Но какая отъ этого польза? Редуты съ 50-ю орудіями, хотя бо́льшею частью и заклепанными, остались въ рукахъ непріятеля, и, что́ всего хуже, черезъ нѣсколько дней онъ устроитъ на нихъ, или около, батареи, которыя пресѣкутъ всякое дневное, а, можетъ быть, и ночное сообщеніе по бухтѣ; наконецъ—у меня съ имѣющимся и ожидаемымъ порохомъ не болѣе 135,000 выстрѣловъ по 6-е іюня, а тамъ порохъ будетъ подходить весьма малыми количествами; этого менѣе чѣмъ на 10 дней, если отвѣчать огню непріятеля хотя въ умѣренной соразмѣрности.

„Теперь я думаю объ одномъ только, какъ оставить Севастополь, не понеся непомѣрнаго, можетъ быть болѣе 20 тысячъ урона. О корабляхъ и артиллеріи и помышлять нельзя, чтобы ихъ спасти. Ужасно подумать.

„Всемилостивѣйшій Государь! Прибывъ сюда, тому восемь недѣль назадъ, я засталъ непріятеля превосходнаго числомъ, въ неприступной, съ тыла укрѣпленной позиціи, охватывающаго городъ своими апрошами и редутами, по всему объему его, и находящагося уже въ 60-ти саженяхъ отъ 4-го бастіона. Теперь, послѣ 8-ми недѣль утомительнѣйшей осады, послѣ выдержанія неслыханнаго бомбардированія, причинившаго намъ огромную потерю въ людяхъ, и особенно въ штабъ и оберъ-офицерахъ, я вижу непріятеля снова усилившагося и безпрестанно продолжающаго получать новыя подкрѣпленія. Онъ угрожаетъ прервать сообщенія по бухтѣ; пороху у меня на десять дней. Я въ невозможности болѣе защищать этотъ несчастный городъ.

„Государь, будьте милостивы и справедливы! Отъѣзжая сюда, я зналъ, что обреченъ на гибель, и не скрылъ это передъ лицомъ Вашимъ. Въ надеждѣ на какой-либо неожиданный оборотъ, я долженъ былъ упорствовать до крайности; но теперь она настала; мнѣ нечего мыслить о другомъ, какъ о томъ: какъ вывести остатки храбрыхъ Севастопольскихъ защитниковъ, не подвергнувъ болѣе половины ихъ гибели. Но и въ этомъ мало надежды. Одно, въ чемъ не теряю я надежды, это то, что можетъ быть отстою полуостровъ. Богъ и Ваше Величество свидѣтели, что во всемъ этомъ не моя вина“ ([24]).

Государь Императоръ удостоилъ князя Горчакова слѣдующимъ отзывомъ:

...„Изъ послѣдняго телеграфическаго донесенія вашего, отъ 31-го числа, Я усмотрѣлъ, что непріятель ограничивался покуда перестроеніемъ одного только Камчатскаго люнета, и по словамъ флиг.-адъют. Олсуфьева можно полагать, что, съ усиленіемъ нашихъ батарей на Сѣверной сторонѣ, ему

трудно будетъ укрѣпиться на Инкерманскихъ высотахъ; по сему Я еще не теряю надежды, что, съ Божіею помощью, можно будетъ вамъ удержаться, по крайней мѣрѣ, до прихода 7-й дивизіи.

„Если же, по волѣ Всевышняго, Севастополю суждено пасть, то Я вполнѣ на васъ надѣюсь, что, со вновь прибывающими къ вамъ тремя дивизіями, вамъ удастся отстоять Крымскій полуостровъ.

„Защитники Севастополя, послѣ *9-ти-мѣсячной небывалой осады покрыли себя неувядаемою славой, неслыханною въ военной исторіи;* вы, съ вашей стороны, сдѣлали *все, что человѣчески было возможно;* въ этомъ отдастъ вамъ справедливость вся Россія и вся Европа; слѣдовательно, повторяю вамъ, что́ Я уже вамъ писалъ, *совѣсть ваша можетъ быть спокойна.*

„*Уповайте на Бога и не забывайте, что съ потерею Севастополя еще не все потеряно.* Можетъ быть суждено вамъ въ открытомъ полѣ нанести врагамъ нашимъ рѣшительный ударъ.

...„Поручаю вамъ поблагодарить нашихъ молодцовъ за бой *26-го числа*; скажите имъ, что Я въ нихъ увѣренъ, отъ генерала до солдата, что они не посрамятъ чести русской“ ([25]).

Послѣдующее вскорѣ затѣмъ событіе — пораженіе непріятеля подъ стѣнами Севастополя, 6-го (18-го) іюня, совершенно оправдало надежды Россійскаго Монарха.

По взятіи нашихъ передовыхъ укрѣпленій Союзниками, они тотчасъ приступили къ передѣлкѣ ихъ. Контръ-апрошную линію передъ Камчатскимъ люнетомъ Французы обратили въ 3-ю параллель, а траншеи по обѣ стороны люнета—въ 4-ю параллель; впослѣдствіи же вывели летучею сапою, въ

разстояніи около 200 саженъ отъ Малахова кургана и около 250 саженъ отъ 2-го бастіона, 5-ую параллель, длиною въ 250 саженъ, и устроили сообщенія параллелей съ своими траншеями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, къ 5-му (17-му) іюня, они возвели въ люнетѣ четыре батареи и вооружили ихъ 28-ю орудіями. На Киленъ-балочной высотѣ, Селенгинскій редутъ былъ окруженъ параллелью-анвелопою, въ разстояніи около 400 саженъ отъ исходящаго угла 2-го бастіона и 500 саженъ отъ исходящаго угла 1-го бастіона, и устроены сообщенія, какъ между редутами, такъ и съ задними траншеями. Въ Селенгинскомъ редутѣ сооружены двѣ батареи, вооруженныя 18-ю орудіями; а въ Волынскомъ редутѣ—также двѣ, вооруженныя 6-ю орудіями.

Со стороны англійской атаки, по перестройкѣ каменоломней, траншеи были подвинуты впередъ на разстояніе около 115-ти саженъ отъ 3-го бастіона; а въ концѣ мая (11-го іюня), въ параллели у каменоломней, заложены двѣ батареи для 19-ти орудій ([26]).

Въ лѣвой французской атакѣ, было построено на Херсонесѣ и близъ кладбища пять батарей, вооруженныхъ 25-ю орудіями, преимущественно для дѣйствія по 6-му и 5-му бастіонамъ. Траншеи нѣсколько подвинулись впередъ и находились, 5-го (17-го) іюня, въ разстояніи 28-ми саженъ отъ исходящаго угла 4-го бастіона и 42-хъ саженъ отъ 5-го бастіона ([27]).

Съ нашей стороны, дальнѣйшее удержаніе Забалканской батареи признано безполезнымъ, по близости непріятеля, занимавшаго редуты, и затруднительности сообщенія съ оборонительною линіей, а потому, въ ночи съ 27-го на 28-е мая (съ 8-го на 9-е іюня), батарея была нами оставлена, орудія съ нея сброшены въ бухту, а прислуга и прикрытіе пере-

ведены на 1-й бастіонъ. Тогда же мостъ на Киленъ-бухтѣ снятъ и отведенъ въ Южную бухту (28).

Непріятель продолжалъ усиленно бомбардировать Корабельную сторону, и въ особенности Малаховъ курганъ и 3-й бастіонъ. Съ 25-го по 29-е мая (съ 6-го по 10-е іюня), включительно, въ теченіи пяти сутокъ, атакующій выпустилъ болѣе 90 тысячъ зарядовъ, именно: Англичане около 32-хъ тысячъ, а Французы болѣе 60-ти тысячъ. Съ нашей же стороны снова оказался недостатокъ въ порохѣ, и потому начальникъ гарнизона графъ Сакенъ приказалъ сократить расходъ зарядовъ въ такой степени, чтобы производить изъ каждаго орудія не болѣе сорока выстрѣловъ въ сутки. Вообще же въ помянутое время нами выпущено около 40 тысячъ зарядовъ. Съ 30-го же мая по 4-е іюня (съ 11-го по 16-е іюня), непріятель ослабилъ огонь, что̀ дозволило и намъ ограничить стрѣльбу, производя ежедневно всего около 1,500 выстрѣловъ. Въ продолженіи пятисуточнаго бомбардированія, мы теряли отъ непріятельскаго огня ежедневно около 700 человѣкъ; въ слѣдующіе три дня по 150-ти, а въ послѣдніе три—отъ 70-ти до 90 человѣкъ (29).

28-го мая (9-го іюня), Союзники выставили на Селенгинскомъ редутѣ переговорный флагъ и предложили перемиріе, въ отвѣтъ на что̀ появились съ нашей стороны такіе же сигналы на бастіонѣ Корнилова и на 3-мъ бастіонѣ. Перемиріе, условленное для уборки тѣлъ, продолжалось отъ полудня до 6-ти часовъ вечера (30).

Для пополненія убыли, понесенной Севастопольскимъ гарнизономъ, были переведены съ Сѣверной стороны на Корабельную три баталіона Брянскаго и два баталіона Селенгинскаго полковъ (около 3,000 чел.), а на Городскую—Украинскій и Одесскій полки

(4,000 чел.); съ Южной стороны на Сѣверную переведенъ Волынскій полкъ въ одно-баталіонномъ составѣ ([31]).

Занятіе непріятелемъ передовыхъ укрѣпленій лѣваго фланга нашей оборонительной линіи, угрожавшее штурмомъ Корабельной части, заставило насъ обратить преимущественно вниманіе на усиленіе пространства между рейдомъ и Доковымъ оврагомъ. Съ этою цѣлью, на лѣвомъ флангѣ была сооружена большая батарея (такъ-назыв. *Парижская*), служившая продолженіемъ прежняго 1-го бастіона, за которою находилась оборонительная казарма въ видѣ редюита. Для усиленія огня осадныхъ батарей, въ разныхъ мѣстахъ оборонительной линіи, были прорѣзаны амбразуры, нѣкоторыя части линіи приспособлены къ вооруженію артиллеріей и установлены орудія значительнаго калибра. При этомъ было сосредоточено на Камчатскій люнетъ 39, а на осадныя батареи Киленъ-балочной высоты—съ оборонительной линіи 27 и съ Сѣверной стороны 21 орудіе. Послѣднія, впрочемъ, дѣйствовали на разстояніе болѣе тысячи саженъ. На случай штурма, въ разныхъ мѣстахъ оборонительной линіи были насыпаны барбеты для полевыхъ орудій. Усилена внутренняя оборона укрѣпленій, какъ устройствомъ новыхъ батарей, такъ и присыпкою банкетовъ къ траверсамъ и блиндажамъ. Важнѣйшая же работа, въ это время, состояла въ сооруженіи на Корабельной сторонѣ общаго ретраншамента, который, кромѣ внутренней обороны всей лѣвой части оборонительной линіи, долженъ былъ служить для закрытаго помѣщенія ближайшихъ резервовъ и для доставленія фланговой обороны Малахову кургану. Этотъ ретраншаментъ, примыкая правымъ флангомъ къ морскимъ казармамъ, былъ направленъ чрезъ Доковъ оврагъ къ горжѣ Корнилова

бастіона, а оттуда сперва параллельно оборонительной линіи до 2-го бастіона, и далѣе, надъ лѣвымъ берегомъ Ушаковой балки, до рейда. Для устройства ретраншамента, первоначально, по всему протяженію его, былъ сложенъ изъ камня на-сухо завалъ, къ которому присыпали постепенно съ обѣихъ сторонъ приносную землю, а потомъ, присыпкою банкетовъ и барбетовъ, приспособили его къ ружейной и артиллерійской оборонѣ.

Для усиленія обороны Городской стороны, на люнетѣ Бѣлкина и смежной батареѣ прибавлено шесть 24-хъ-фунтовыхъ пушекъ.

По всей оборонительной линіи очищены рвы, исправлены мерлоны, блиндажи, траверсы и проч. (32).

Для бо̀льшаго удобства обороны лѣваго фланга оборонительной линіи, 4-е отдѣленіе было раздѣлено на два: 4-е и 5-е. 4-е, оставшись подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Юрковскаго, состояло изъ Малахова кургана и части линіи отъ Докова оврага до выхода въ куртинѣ между бастіонами Корниловымъ и 2-мъ. 5-е же, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Павла Александровича Перелешина 2-го, заключало въ себѣ 1-й и 2-й бастіоны съ прилежащими къ нимъ частями оборонительной линіи.

Осадныя батареи были вооружены къ 5-му (17-му) іюня 587-ю орудіями (421 франц. и 166 англ.), изъ коихъ 548 могли дѣйствовать по оборонительной линіи, а прочія 39—какъ по рейду и Сѣверной сторонѣ, такъ и противъ вылазокъ.

На оборонительной же линіи къ тому времени находилось 1,129 орудій; изъ нихъ были назначены: 549 для дѣйствія по осаднымъ батареямъ; 319 для обстрѣливанія лощинъ и овраговъ и для фланкированія укрѣпленій и 261 для внутренней обороны. Но, при равенствѣ числа орудій для артиллерійской

борьбы, на сторонѣ атакующаго было рѣшительное превосходство въ количествѣ боевыхъ припасовъ. Непріятель имѣлъ отъ 400 до 500 зарядовъ на каждое осадное орудіе. На оборонительной же линіи назначено было имѣть: на каждое длинное орудіе, дѣйствовавшее противъ осадныхъ батарей и противъ штурма—140 зарядовъ; на каждое орудіе, которое должно было дѣйствовать только при штурмѣ—70; на каждую мортиру—60, и на каждое орудіе для внутренней обороны—отъ 5-ти до 30-ти зарядовъ. Всего же на Южной сторонѣ было 117 тыс. зарядовъ, заключавшихъ въ себѣ около 23-хъ тыс. пудовъ пороха. Кромѣ того, на береговыхъ батареяхъ и на Сѣверной сторонѣ имѣлось въ зарядахъ и боченкахъ 15 тыс. пудовъ пороха. Тогда же оказался недостатокъ въ нѣкоторыхъ снарядахъ, именно въ ядрахъ 36-ти-фунт. и въ бомбахъ 5-ти-пуд. и 68-ми-фунтовыхъ. Для полученія 36-ти-фунт. ядеръ разрыли старый валъ на Сѣверной сторонѣ, за мишенью, служившею для практической стрѣльбы Черноморскаго флота. Въ немъ было найдено до 5 тыс. ядеръ 36-ти-фунт. калибра. Кромѣ того, употребляли, какъ и прежде, вмѣсто 36-ти-фунт. ядеръ, брандскугели, насыпанные пескомъ; 5-ти-пудовыя бомбы замѣняли брандскугелями. Для зарядныхъ картузовъ, за недостаткомъ армяка, употребляли: фланелевыя рубахи адмиральскихъ гребцовъ, крестьянское сукно, и проч. (33).

Въ то время, когда Союзники готовились произвести рѣшительное наступленіе на Малаховъ курганъ, у насъ въ Севастополѣ было всего-на-все 78 баталіоновъ пѣхоты, одинъ стрѣлковый и $2^1/_2$ саперныхъ баталіона, съ 24-мя запряженными полевыми орудіями, въ числѣ 44,768 штыковъ. Кромѣ того, въ прислугѣ орудій, отъ флотскихъ экипажей, командъ

морскаго вѣдомства и пѣхоты, 8,868 человѣкъ ([34]). Въ окрестностяхъ Севастополя, именно: на Сѣверной сторонѣ, на Инкерманскихъ и Мекензіевыхъ высотахъ и на среднемъ Бельбекѣ, находилось 39 баталіоновъ и около ста полевыхъ орудій, въ числѣ 21 тыс. человѣкъ. Такимъ образомъ силы наши въ Севастополѣ и окрестностяхъ его не превышали 75-ти тыс. человѣкъ. Союзники же имѣли подъ Севастополемъ:

Французы. . . .	около	100	тыс.	чел.
Англичане. . . .	„	45	„	„
Сардинцы. . . .	„	15	„	„
Турки	„	10	„	„

Слѣдовательно, слишкомъ вдвое въ сравненіи съ числомъ нашихъ войскъ ([35]).

5-го (17-го) іюня, гарнизонъ Севастополя былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ:

На береговыхъ батареяхъ: № 10-го, Александровской и № 8-го, резервные баталіоны Литовскаго и Виленскаго полковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Пихельштейна.

На Городской сторонѣ: 41 баталіонъ съ 6-ю полевыми орудіями, въ числѣ около 24,000 штыковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Мартинау.

Изъ нихъ, *на 1-мъ Отдѣленіи:* 2 баталіона Минскаго полка, 2 баталіона Подольскаго полка, 4 баталіона Алексопольскаго полка; по два баталіона полковъ Велик. Кн. Михаила Николаевича (Казанскаго), Житомірскаго и Углицкаго, резервные баталіоны Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ, всего 16 баталіоновъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Семякина. *На 2-мъ Отдѣленіи:* 2 баталіона Екатеринбургскаго полка, 2 баталіона Одесскаго полка, по 4 баталіона Тобольскаго и Томскаго полковъ и 2

баталіона Колыванскаго полка, всего 14 баталіоновъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шульца (*). *Въ главномъ резервѣ Городской стороны:* по четыре баталіона Украинскаго и Елецкаго полковъ, 2 баталіона Одесскаго полка и Муромскій полкъ (въ однобаталіонномъ составѣ), всего 11 баталіоновъ съ 6-ю полевыми орудіями.

На Корабельной сторонѣ: 35-ть баталіоновъ съ 18-ю полевыми орудіями, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Хрулева.

Изъ нихъ: *на 3-мъ Отдѣленіи* 9 баталіоновъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лисенко, именно: *на Пересыпи* 2 баталіона Охотскаго полка, подъ начальствомъ полковника Малевскаго; *между батареей Никонова и 3-мъ бастіономъ* баталіонъ Брянскаго полка и Сводный рез. баталіонъ Волынскаго и Минскаго полковъ, подъ начальствомъ подполковника Богдановича; *на 3-мъ бастіонѣ*—3 баталіона Брянскаго полка, подъ начальствомъ полковника Гана; *на батареяхъ Яновскаго и Будищева*—2 баталіона Камчатскаго полка, подъ начальствомъ полковника Голева.

На 4-мъ Отдѣленіи 10 баталіоновъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Замарина, именно: *на батареѣ Жерве*—баталіонъ Полтавскаго полка, подъ начальствомъ маіора Борна; *на Малаховомъ курганѣ*—3 баталіона Полтавскаго, 4 Сѣвскаго и 2 графа Забалканскаго (Черниговскаго) полковъ, подъ личнымъ начальствомъ Замарина.

На 5-мъ Отдѣленіи 10 баталіоновъ, подъ начальствомъ Свиты Его Велич. генералъ-маіора князя

(*) Комендантъ крѣп. Александрополя, ген.-маіоръ Шульцъ, испросивъ увольненіе въ отпускъ, пріѣхалъ въ Севастополь и былъ назначенъ Начальникомъ 2-го Отдѣленія, на мѣсто заболѣвшаго генералъ-маіора Баумгартена.

(Павла Александр.) Урусова, именно: *На куртинѣ между Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастіономъ, на 2-мъ бастіонѣ и на отлогости Ушаковой балки, въ ближайшемъ резервѣ 2-го бастіона*—по два баталіона Владимірскаго и Суздальскаго полковъ, подъ начальствомъ полковника (Ѳед. Иван.) Дарагана; *на куртинахъ до 1-го бастіона, на 1-мъ бастіонѣ, между 1-мъ бастіономъ и Киленъ-бухтою и въ ближайшемъ резервѣ, позади оборонительной казармы:* охотники Владимірскаго, Кременчугскаго и князя Варшавскаго (Орловскаго) полковъ, въ числѣ 180 человѣкъ, 2 баталіона князя Варшавскаго полка и 4 баталіона Кременчугскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Сербенина.

Въ главномъ резервѣ Корабельной стороны: на заднемъ склонѣ Малахова кургана 2 баталіона графа Забалканскаго (Черниговскаго) полка; близъ Аполлоновой балки по два баталіона Селенгинскаго и Якутскаго полковъ и 18 запряженныхъ полевыхъ орудій ([36]).

Вообще же число нашей пѣхоты, назначенной для обороны Корабельной стороны, простиралось до 20,378 штыковъ. Въ подкрѣпленіе этимъ войскамъ, при самомъ началѣ штурма, были посланы начальникомъ гарнизона съ Городской на Корабельную сторону 2 баталіона Углицкаго и 2 баталіона Одесскаго полковъ, всего въ числѣ 2,378 штыковъ; но послѣдніе два прибыли уже по отступленіи непріятеля ([37]).

Въ ожиданіи штурма, главнокомандующій предписалъ: 1) по пробитіи тревоги, раненыхъ не подбирать до окончанія дѣла; 2) гарнизоны бастіоновъ не оставляютъ ихъ, хотя бы были атакованы превосходными силами, а сражаются на мѣстахъ до послѣдней крайности, пока прибудутъ резервы, дабы

дать артиллеріи возможность продолжать дѣйствіе на ближайшемъ разстояніи.

Начальникъ гарнизона, съ своей стороны, приказалъ: 1) въ случаѣ дневнаго штурма, начальники войскъ, не ожидая приказаній, поддерживаютъ смежныя съ ними укрѣпленія, атакованныя непріятелемъ; 2) когда непріятель спустится въ ровъ, тогда войска, расположенныя по банкетамъ, взлѣзаютъ на брустверъ для встрѣчи атакующаго штыками; 3) по отбитіи штурмующихъ колоннъ, не преслѣдовать ихъ, а провожать только ружейнымъ огнемъ; 4) людямъ, занимающимъ банкеты, воспретить крикъ *ура* и стараться, чтобы не было ни шума, ни суеты; 5) войскамъ, находящимся на работахъ, по тревогѣ, оставлять рабочій инструментъ и строиться къ бою на указанномъ мѣстѣ; 6) всѣ нижніе чины, находящіеся въ домашнемъ расходѣ, какъ-то: каптенармусы, артельщики, кашевары, и проч., по тревогѣ, собираются на указанныхъ имъ мѣстахъ, въ боевой амуниціи и съ ружьями ([38]).

Успѣхъ атаки на передовыя укрѣпленія нашего лѣваго фланга возвысилъ духъ французскихъ войскъ и самоувѣренность генерала Пелисьѐ, который, донося телеграммою въ Парижъ о взятіи нашихъ редутовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстилъ о своемъ намѣреніи—довершить побѣду Союзниковъ взятіемъ Малахова кургана, которое, по его давнишнему убѣжденію, должно было повлечь за собою паденіе Севастополя. Наполеонъ III, быть можетъ, еще болѣе возбужденный, нежели Пелисьѐ, желалъ, по возможности, ускорить торжество оружія Французовъ и, для приданія ему бòльшаго блеска, назначилъ штурмовать Севастополь 6-го (18-го) іюня, въ годовщину

сраженія при Ватерлоо, чтобы изгладить славнымъ подвигомъ братства Французовъ съ Англичанами память невзгоды, имѣвшей, за сорокъ лѣтъ предъ тѣмъ, послѣдствіемъ окончательное паденіе Наполеонидовъ. Не зная, насколько подвинулись приготовленія къ предположенному штурму, Наполеонъ III изъявилъ генералу Пелисье́ свое желаніе атаковать Севастополь въ день 6-го (18-го) іюня. Французскій главнокомандующій счелъ возможнымъ исполнить волю своего Государя, а лордъ Рагланъ, изъ опасенія нарушить сердечное согласіе (entente cordiale) между Союзниками, рѣшился содѣйствовать генералу Пелисьѐ. Положено было, по взятіи Малахова кургана, непосредственно устремить на Мекензіевы высоты, по направленію къ Бахчисараю, 25-ти-тысячный французскій отрядъ, поддержанный частью англійской арміи, вмѣстѣ съ сардинскимъ и турецкимъ контингентами. Сколько можно судить, генералъ Боскѐ, столь-же осторожный въ военномъ совѣтѣ, сколько рѣшительный на полѣ битвы, не одобрялъ такого поспѣшнаго штурма. Эта-ли причина, или желаніе генерала Пелисьѐ лично руководить дѣйствіями, имѣли вліяніе на распоряженія французскаго главнокомандующаго, но—какъ бы то ни было—начальство надъ войсками, назначенными штурмовать Севастополь, было поручено не генералу Боске́, а командиру императорской гвардіи Реньо де-Сентъ-Анжели, а Боскѐ долженъ былъ тогда же двинуться съ рѣки Черной на сообщенія русской арміи. Подъ его начальство поступили наиболѣе обстрѣлянныя дивизіи: Канробера, Каму и Дюла́ка, резервная дивизія Гербильона и вся кавалерія. Для штурма же назначены: 1-го корпуса дивизія д'Отмара (9 баталіоновъ), 2-го корпуса дивизіи Майрана (9 баталіоновъ) и Брюне́ (9 баталіоновъ) и Импе-

раторская гвардія, подъ непосредственнымъ начальствомъ Реньо де-Сентъ-Анжели, въ составѣ 17-ти баталіоновъ, изъ коихъ три прибыли въ концѣ мая (въ началѣ іюня), всего же 44 баталіона, въ числѣ до 30-ти тысячъ человѣкъ. Устраненіе съ пункта рѣшительныхъ дѣйствій генерала, извѣстнаго всей арміи своими подвигами и знаніемъ мѣстности, по которой предстояло наступать на Малаховъ курганъ, не могло не оказать вреднаго вліянія на успѣхъ предпріятія Союзниковъ.

Одновременно съ атакою Малахова кургана, Англичане должны были штурмовать 3-й бастіонъ. Для этого назначены три дивизіи: легкая, 2-я Пеннефазера и 4-я Джона Кемпбеля, всего въ числѣ 11 тыс. человѣкъ, подъ общимъ начальствомъ генерала Броуна; кромѣ того, назначены были двинуться отъ 3-й англійской дивизіи Ингленда: бригада Барнара (около 1,000 человѣкъ), по Лабораторной балкѣ, на правый флангъ 3-го бастіона; а бригада Эйра (около 2,000 челов.), по Сарандинакиной балкѣ, противъ укрѣпленій на Пересыпи.

Слѣдовательно—число Союзныхъ войскъ, назначенныхъ для штурма Корабельной стороны, простиралось до 44-хъ тысячъ человѣкъ—болѣе нежели вдвое числа защитниковъ этой части Севастополя ([39]).

5-го (17-го) іюня, съ разсвѣтомъ, непріятель открылъ четвертое усиленное бомбардированіе (*) противъ Корабельной стороны и лѣваго фаса 4-го бастіона, дѣйствуя также съ Киленъ-балочныхъ батарей по батареямъ Сѣверной стороны и по судамъ на рейдѣ. Это бомбардированіе не уступало въ силѣ тремъ прежнимъ; но какъ осадныя батареи дѣйство-

(*) Бомбардированія происходили: первое—въ началѣ октября 1854 года; второе—на Святой недѣлѣ, въ концѣ апрѣля 1855 года; третье—съ 25-го по 30-е мая.

вали преимущественно навѣсными выстрѣлами, то огонь ихъ болѣе поражалъ орудійную прислугу и людей прикрытія, нежели вредилъ укрѣпленіямъ. Съ нашей стороны, послѣ трехъ-часовой учащенной пальбы, былъ мало-по-малу ослабленъ огонь, какъ по недостатку въ зарядахъ, такъ и по распоряженію начальника артиллеріи полковника Шейдемана, сберегавшаго заряды до болѣе рѣшительной минуты—появленія непріятельскихъ колоннъ въ виду укрѣпленій. Французы сознаются, что ослабленіе нашей канонады ввело ихъ въ заблужденіе и побудило на слѣдующій день съ самаго разсвѣта начать штурмъ, не подготовя его, какъ сперва предполагалъ Пелисьè, продолженіемъ дѣйствія своей артиллеріи ([40]).

Около 9-ти часовъ утра, послѣ пяти-часоваго усиленнаго огня непріятельскихъ батарей, наша оборонительная линія понесла значительныя поврежденія. Въ особенности же пострадалъ бастіонъ Корнилова, гдѣ вскорѣ по открытіи канонады былъ раненъ смертельно начальникъ 4-го отдѣленія, капитанъ 1-го ранга Юрковскій. Мѣсто его занялъ капитанъ 1-го ранга Кернъ, остававшійся хозяиномъ на Малаховомъ курганѣ почти до самаго конца осады Севастополя.

На этомъ бастіонѣ, а равно на бастіонахъ 1-мъ и 2-мъ, со смежными батареями, половина амбразуръ была завалена, подбито нѣсколько орудій и выбыло много людей изъ артиллерійской прислуги. Замѣчено было на осадныхъ батареяхъ также нѣсколько заваленныхъ амбразуръ, особенно же у Англичанъ на Воронцовской высотѣ и у Французовъ на высотѣ Камчатскаго люнета, а на французской батареѣ, на мѣстѣ Волынскаго редута, взорванъ пороховой погребъ.

Въ половинѣ 3-го часа по-полудни, непріятель,

усиливъ дѣйствіе артиллеріи по Корабельной, открылъ также весьма сильный огонь и по Городской сторонѣ. Съ наступленіемъ же темноты, канонада нѣсколько ослабилась; но за то бомбардированіе производилось залпами. Какъ оборонительная линія, такъ Корабельная слободка, городъ и даже Сѣверная сторона были осыпаемы бомбами и боевыми ракетами со всякими зажигательными снарядами. Съ 11-ти до 3-хъ часовъ ночи, девять непріятельскихъ пароходовъ, подойдя ко входу на рейдъ, стрѣляли залпами по городу, по береговымъ батареямъ и вдоль бухты по нашимъ судамъ, которыя, со времени взятія непріятелемъ Киленъ-балочныхъ редутовъ, стояли ближе къ морю; съ нашей стороны громили непріятеля береговыя батареи. Въ городѣ произошло нѣсколько пожаровъ, изъ коихъ самый значительный былъ у Артиллерійской бухты, позади батареи № 8-го: тамъ сгорѣлъ артиллерійскій цейхгаузъ, причемъ взорвано до 300 снаряженныхъ бомбъ, которыя поражали осколками людей, тушившихъ пожаръ и стоявшихъ на батареѣ. И въ эту грозную ночь, превосходившую ужасами всѣ прежнія, когда, подъ градомъ огня и чугуна, падавшимъ на защитниковъ Севастополя, они должны были отвѣчать по возможности на огонь непріятельской артиллеріи, когда голосъ начальниковъ и распоряженія ихъ заглушались громомъ своихъ и вражескихъ выстрѣловъ, наши воины дружно исполняли свои обязанности по исправленію разрушенныхъ укрѣпленій: очищали засыпанныя землею амбразуры и платформы, засыпали на пороховыхъ погребахъ воронки, образовавшіяся отъ паденія и разрыва бомбъ, перемѣняли подбитыя орудія. Работа кипѣла; въ тяжкомъ трудѣ, истощая силы, но какъ будто-бы не чувствуя усталости, всѣ были возбуждены одною мыслью—отстоять родной

городъ. Къ двумъ часамъ по-полуночи, Севастопольцы успѣли исправить всѣ важнѣйшія поврежденія въ брустверахъ, платформахъ и пороховыхъ погребахъ и замѣнить подбитыя орудія, послѣ чего, для сохраненія людей, всѣ рабочіе были отведены въ резервъ, кромѣ неустрашимыхъ саперовъ и команды отъ Сѣвскаго полка, которые, подъ огненнымъ сводомъ непріятельскихъ бомбъ, продолжали насыпать на Малаховомъ курганѣ, въ закругленіи передняго фаса, 4 барбета для полевыхъ орудій ([41]).

6-го (18-го) іюня, въ началѣ 3-го часа утра, раздалась общая канонада со всѣхъ французскихъ и англійскихъ батарей. Тогда же находившійся въ секретахъ впереди 5-го отдѣленія оборонительной линіи, Брянскаго полка подпоручикъ Хрущевъ донесъ на 1-й бастіонъ, что въ Киленъ-балкѣ замѣчены значительныя непріятельскія силы. Генералъ-маіоръ князь Урусовъ приказалъ на 1-мъ бастіонѣ ударить тревогу, которая немедленно была передана по всему протяженію укрѣпленій Корабельной стороны. Войска расположились по банкетамъ и ближайшіе резервы были введены въ укрѣпленія. Тогда же главный резервъ Корабельной стороны расположился слѣдующимъ образомъ: два баталіона графа Забалканскаго (Черниговскаго) полка, стоявшіе на задней отлогости Малахова кургана, вошли въ бастіонъ Корнилова; два баталіона Якутскаго полка и 6 полевыхъ орудій стали вправо отъ горжи этого бастіона, а два баталіона Селенгинскаго полка и 12 полевыхъ орудій—влѣво отъ кургана. Баталіонъ, собранный изъ патронщиковъ, расположился у морскихъ казармъ, а двѣ роты, изъ кашеваровъ и артельщиковъ, въ Корабельной слободкѣ ([42]).

На основаніи диспозиціи для штурма, условленной между Союзными главнокомандующими, сдѣланы были слѣдующія распоряженія: Французскія войска двинутся въ атаку двумя колоннами. *Правая*, состоящая изъ дивизій Майрана и двухъ баталіоновъ 1-го полка гвардейскихъ стрѣлковъ (voltigeurs), образуетъ правую колонну, которая раздѣлится на двѣ части: бригада полковника Сореня (Saurin), въ составѣ $4^1/_2$ баталіоновъ, расположась на Саперной дорогѣ, у водопровода, направится на 1-й бастіонъ, а бригада де-Фальи (Failly), въ составѣ также $4^1/_2$ баталіоновъ, двинется на 2-й бастіонъ ([43]). Въ резервѣ дивизіи Майрана слѣдуютъ отъ Селенгинскаго редута гвардейскіе стрѣлки. *Въ лѣвой колоннѣ*, французскія дивизіи Брюнè и д'Отмáра направятся къ Малахову кургану. Изъ войскъ дивизіи Брюнè, бригада Кёра (Coeur), въ составѣ 5-ти баталіоновъ, построясь въ параллели, правѣе и нѣсколько впереди Камчатскаго люнета, двинется противъ лѣваго фаса Малахова кургана, а бригада Лафонъ-де-Вилліеръ (Lafont-de-Villiers), въ составѣ 4-хъ баталіоновъ, слѣдуетъ въ резервѣ ([44]). Изъ войскъ дивизіи д'Отмàра, бригада Ніоля (Niol), въ составѣ 5-ти баталіоновъ, построясь въ параллели, лѣвѣе и нѣсколько впереди Камчатскаго люнета, направится противъ праваго фаса Малахова кургана и на батарею Жервè, а бригада Бретóна, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ, слѣдуетъ въ резервѣ ([45]). За Камчатскимъ люнетомъ станутъ 12 незапряженныхъ орудій, съ достаточнымъ числомъ прислуги, которая должна везти ихъ на лямкахъ въ слѣдъ за пѣхотою, для вооруженія русскихъ батарей, какъ только онѣ будутъ взяты штурмовыми колоннами. Въ главномъ резервѣ, за редутомъ *Викторія*, находится Императорская гвардія, въ составѣ 15-ти баталіоновъ, подъ непосредственнымъ началь-

ствомъ генерала Реньо де-Сентъ-Анжели. Въ случаѣ, ежели потребовалось бы поддержать дивизіи д'Отмáра и Брюнѐ, гвардія могла придти къ нимъ въ помощь въ продолженіи 45-ти минутъ, а въ помощь Майрану—въ продолженіи часа. Каждой изъ колоннъ были приданы рабочіе, снабженные штурмовыми лѣстницами, топорами, фашинами и шанцовымъ инструментомъ (46).

Для атаки 3-го бастіона назначены были три англійскія дивизіи; каждая изъ дивизій была раздѣлена на двѣ части: штурмовую колонну и резервъ. Во всякой изъ штурмовыхъ колоннъ находилось по пяти полковъ одно-баталіоннаго состава, каждый въ числѣ 350-ти штыковъ, и, кромѣ того, имъ было придано по 60-ти матросовъ, всего же въ каждой изъ колоннъ было 1,810 человѣкъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: въ головѣ колонны—цѣпь изъ ста стрѣлковъ; за ними—60 матросовъ и 50 человѣкъ пѣхоты съ лѣстницами, 400 человѣкъ въ резервахъ цѣпи и 400 другихъ съ шанцовымъ инструментомъ и съ фашинами; наконецъ — 800 человѣкъ—въ непосредственномъ распоряженіи начальника штурмовой колонны. Каждый изъ резервовъ штурмовыхъ колоннъ состоялъ также изъ пяти полковъ, всего въ числѣ 1,750 человѣкъ. Легкая дивизія должна была атаковать лѣвый флангъ 3-го бастіона; 2-я дивизія, генерала Пеннефазера—исходящій уголъ, а 4-я дивизія, Джона-Кемпбеля—правый флангъ того же бастіона. Кромѣ того, обѣ бригады 3-й дивизіи, генерала Ингленда, должны были, спустившись по Лабораторной и Сарандинакиной балкамъ къ Южной бухтѣ, атаковать батареи на Пересыпи (47).

Союзные главнокомандующіе сперва предполагали продолжать усиленное бомбардированіе Севастополя, 6-го (18) іюня, въ теченіи двухъ или трехъ часовъ,

а потомъ уже произвести штурмъ; но генералъ Пелисьѐ, введенный въ заблужденіе ослабленіемъ огня оборонительной линіи, счелъ возможнымъ штурмовать наши укрѣпленія съ самаго разсвѣта. Самъ онъ отправился на Ланкастрову батарею, откуда долженъ былъ послѣдовать сигналъ тремя ракетами къ одновременному наступленію всѣхъ колоннъ. Съ своей стороны, лордъ Рагланъ, со всѣмъ своимъ штабомъ, въ ожиданіи штурма, прибылъ на господствующій пунктъ Зеленой горы, между Лабораторною и Сарандинакиною балками. Генералъ Пелисьѐ имѣлъ намѣреніе подать условленный сигналъ въ три часа утра, но еще ранѣе бой начался совершенно случайно.

Выше уже сказано, что, до начатія штурма, бригада Сореня должна была расположиться на Саперной дорогѣ, у пересѣченія ея водопроводомъ. Генералъ Майранъ, опасаясь опоздать при переходѣ войскъ чрезъ мостъ на водопроводѣ, расположилъ бригаду Сореня заблаговремемно впереди моста, весьма близко отъ нашихъ передовыхъ постовъ. Какъ только командовавшій на лѣвомъ флангѣ Корабельной части, генералъ-маіоръ князь Урусовъ получилъ донесеніе о появленіи значительныхъ непріятельскихъ силъ въ Киленъ-балкѣ, то приказалъ войскамъ занять указанныя имъ мѣста и выслать патрули для развѣданія о непріятелѣ. Одинъ изъ этихъ патрулей, наткнувшись на передовую цѣпь бригады Сореня, завязалъ съ нею перестрѣлку. Генералъ Майранъ, видя, что дальнѣйшее замедленіе могло лишить Французовъ выгоды нечаяннаго нападенія, на которую разсчитывалъ самъ Пелисьѐ, рѣшился немедленно идти на штурмъ ([48]). Въ $2^3/_4$ часа утра, за четверть часа до поданія условленнаго сигнала, колонна Сорѐня устремилась къ 1-му бастіону, а гене-

ралъ де-Фальи, усмотрѣвъ наступленіе правой колонны, повелъ свою бригаду на 2-й бастіонъ. Непріятель, наступавшій противъ 1-го бастіона, былъ встрѣченъ картечью и ружейнымъ огнемъ Кременчугскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Сербенина. Тогда же пароходы: *Владимiръ*, *Громоносецъ*, *Херсонесъ*, *Крымъ*, *Одесса* и *Бессарабія*, стоявшіе противъ устья Киленъ-бухты, открыли усиленную пальбу по Киленъ-балкѣ. Множество офицеровъ въ колоннѣ Майрана было убито, либо ранено. Французы въ безпорядкѣ подались назадъ. Не меньшій уронъ понесла колонна де-Фальи на штурмѣ 2-го бастіона, обороняемаго Владимірцами, подъ начальствомъ подполковника де-Жервè. Полковники Мальгеръ (Malher) и Будвиль (Boudville), нѣсколько другихъ штабъ-офицеровъ, множество оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, пали, едва успѣвъ достигнуть волчьихъ ямъ впереди бастіона. Самъ Майранъ, тяжело раненый картечью въ локоть, былъ пораженъ вторично и унесенъ за-мертво съ поля битвы. Французскія войска отошли назадъ въ крайнемъ разстройствѣ. Наши пароходы, а равно батареи Сѣверной стороны, также нанесли большой вредъ непріятельскимъ резервамъ и много содѣйствовали отраженію штурма. Французы покушались поддержать наступленіе своей пѣхоты дѣйствіемъ нѣсколькихъ орудій, выдвинутыхъ къ бывшей Забалканской батареѣ, но, будучи встрѣчены бѣглымъ ружейнымъ огнемъ и картечью, укрылись въ Киленъ-балкѣ.

Въ то время, когда непріятель штурмовалъ 1-й и 2-й бастіоны, генералъ Пелисьè находился еще въ разстояніи около версты отъ Ланкастеровой батареи, откуда онъ долженъ былъ подать сигналъ къ общему штурму. Генералъ Реньо де-Сентъ-Анжели, прибывъ нѣсколько ранѣе на батарею, услышалъ

вправо отъ себя пальбу и послалъ въ ту сторону одного изъ своихъ адъютантовъ, для развѣданія о положеніи дѣлъ на правомъ флангѣ, но не рѣшился сдѣлать какое-либо распоряженіе для выручки дивизіи Майрана до прибытія Пелисьѐ, который, прискакавъ на батарею, тотчасъ послалъ изъ резерва впередъ генераловъ Мелинѐ (Mellinet) и Уриха (Uhrich), съ 4-мя гвардейскими баталіонами. Вслѣдъ затѣмъ взвились три ракеты—сигналъ къ штурму, но дивизія Майрана тогда еще не успѣла оправиться отъ понесенныхъ ею потерь, а дивизія Брюнѐ не окончила всѣхъ необходимыхъ приготовленій къ бою ([49]).

Въ такомъ положеніи находились французскія войска, когда, въ три часа утра, поданъ былъ сигналъ къ штурму. Головные баталіоны дивизіи Брюнѐ, не будучи готовы къ наступленію, колебались выдти изъ траншей, а прочіе замедлили свое движеніе. Съ большимъ трудомъ наконецъ собрались рабочіе, приданные штурмовымъ колоннамъ. Охотники съ лѣстницами и густыя стрѣлковыя цѣпи вышли изъ 5-й параллели, а также изъ Камчатскаго люнета и Докова оврага; за ними слѣдовали сильныя колонны. Французы одновременно устремились на куртину между бастіонами 2-мъ и Корниловымъ, на Малаховъ курганъ и батарею Жервѐ, и тогда же Англичане пошли на штурмъ 3-го бастіона и батарей на Пересыпи. Французскія войска, подойдя на сто шаговъ ко рву куртины, были встрѣчены ужаснымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, разгромившимъ ихъ колонны. (Quand les têtes d'attaque ne furent plus qu'à cent pas du fossé, un feu terrible de mousqueterie et de mitraille les foudroya—пишетъ Геренъ). Когда же, не смотря на понесенныя потери, Французы перешли черезъ ровъ и стали приставлять лѣстницы къ валу, ихъ встрѣтили два баталіона Суздальскаго полка,

подъ начальствомъ полковника Дарагана, и 600 штуцерныхъ Якутскаго и Селенгинскаго полковъ, подъ командою маіора Степанова, которые, по распоряженію генерала Хрулева, прибывъ изъ резерва, заняли банкеты куртины, имѣя въ резервѣ двѣ свободныя роты Суздальскаго полка, подъ командою капитана Мичурина. Неустрашимые защитники куртины, вскочивъ на крону бруствера, стрѣляли въ упоръ по непріятелямъ, взлѣзавшимъ на валъ, кололи ихъ штыками, били прикладами и поражали во рву камнями. Французы были принуждены отступить, но потомъ снова два раза порывались штурмовать куртину, и каждый разъ были отражены съ урономъ. 91-й линейный полкъ потерялъ командира своего, полковника Пикара и почти половину офицеровъ и солдатъ; артиллерійскій полковникъ Ла-Буссиніèръ убитъ на поваль; самъ Брюне́ былъ пораженъ смертельно пулею, а генералъ Лафонъ-де-Вильèръ, принявшій команду надъ 5-ою французскою дивизіей, раненъ. Все пространство между Малаховымъ курганомъ и французскими траншеями было усѣяно убитыми и ранеными ([50]).

Генералъ Хрулевъ, желая усилить войска, оборонявшія 2-й бастіонъ, который подвергался опасности быть атакованнымъ съ тыла, въ случаѣ прорыва непріятеля чрезъ куртину, придвинулъ къ горжѣ этого бастіона отъ Ушаковой балки стоявшій тамъ Селенгинскій баталіонъ, а на мѣсто его въ резервѣ расположилъ баталіонъ патронщиковъ, находившійся позади 3-го бастіона ([51]).

Противъ бастіона Корнилова и батареи Жерве́ было направлено 18 баталіоновъ, въ числѣ до 12-ти тысячъ человѣкъ. Войска эти, бо́льшею частью, устремились на бастіонъ; но здѣсь, по распоряженію генералъ-маіора Юферова, все было готово къ отра-

женію непріятеля. Французы, встрѣченные сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, остановились въ ста шагахъ отъ рва и отступили обратно въ Доковый оврагъ. Вторичное нападеніе ихъ было столь же безуспѣшно. Отбитію штурма на этомъ мѣстѣ много способствовали полевыя орудія, поставленныя на переднемъ фасѣ бастіона и дѣйствовавшія чрезъ банкъ картечью. Большую пользу намъ принесли также стрѣлки, разставленные на насыпяхъ траверсовъ.

Вслѣдъ за первою попыткою непріятеля на бастіонъ Корнилова, бригада Ніоля, направясь по Докову оврагу, взошла на правую его отлогость и быстро ударила на батарею Жервѐ. 5-й стрѣлковый баталіонъ, шедшій въ головѣ французской колонны, несмотря на сильный огонь батареи, взобрался на невысокій брустверъ ея, у котораго мѣстами вовсе не было рва, и послѣ упорнаго рукопашнаго боя съ 1-мъ баталіономъ Полтавскаго полка, считавшимъ въ своихъ рядахъ не болѣе 300 человѣкъ, заставилъ его отступить. Командовавшій нашимъ баталіономъ, маіоръ Борнъ, оставя два взвода на лѣвомъ флангѣ батареи Жервѐ, для защиты прохода къ правому фасу бастіона Корнилова, отвелъ назадъ своихъ остальныхъ людей и артиллерійскую прислугу. Французскіе стрѣлки, поддержанные 19-мъ линейнымъ полкомъ, бросились вслѣдъ за Полтавцами, достигли (бо́льшею частью разрушенныхъ) домиковъ, на западномъ скатѣ Малахова кургана, и засѣли въ нихъ, между тѣмъ какъ огонь праваго фаса Корнилова бастіона и 6-ти полевыхъ орудій, стоявшихъ за общимъ ретраншаментомъ у острога, остановилъ прочія войска бригады Ніоля ([52]).

Въ то самое время, когда непріятель, послѣ многократныхъ отчаянныхъ усилій, успѣлъ прорваться на одномъ изъ пунктовъ нашей оборонительной ли-

нiи, генералъ Хрулевъ, зорко слѣдя за ходомъ боя, явился тамъ, гдѣ наиболѣе угрожала опасность. Подъѣзжая къ Докову оврагу, онъ встрѣтилъ возвращавшуюся съ работъ 5-ую мушкатерскую роту Сѣвскаго полка, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Островскаго. Неустрашимый воинъ построилъ эту горсть войскъ (всего 138 человѣкъ) за ретраншаментомъ и, обратясь къ солдатамъ со словами: „Благодѣтели мои, въ штыки! за мною! Сейчасъ придетъ дивизiя!“ повелъ ихъ, безъ выстрѣла, противъ Французовъ и приказалъ идти вслѣдъ за собою маiору Борну съ остальными людьми Полтавскаго баталiона. Уже французскiе саперы поворачивали противъ нашего ретраншамента орудiя батареи Жерве̑, когда подоспѣлъ Хрулевъ съ Сѣвцами и Полтавцами и опрокинулъ непрiятелей. Французы, засѣвшiе въ домикахъ на западной покатости Малахова кургана, видя себя отрѣзанными отъ слѣдовавшихъ за ними подкрѣпленiй, открыли огонь изъ дверей и оконъ занятыхъ ими построекъ и оборонялись весьма упорно. Надлежало брать штурмомъ каждый домикъ. Наши солдаты взлѣзали на крыши, разбирали ихъ, били камнями укрывавшихся въ строенiяхъ Французовъ, либо врывались въ окна и двери, дрались штыками и прикладами, и наконецъ выбили непрiятеля изъ домиковъ, захвативъ въ плѣнъ одного штабъ-офицера, 8 оберъ-офицеровъ и до ста нижнихъ чиновъ.

Какъ въ то время уже была отбита атака Англичанъ на 3-й бастiонъ и на Пересыпь, то прибывшiя къ нашимъ войскамъ подкрѣпленiя, бо̀льшею частью, направились въ помощь войскамъ, сражавшимся подъ личнымъ начальствомъ Хрулева. Изъ числа присланныхъ, по его приказанiю, генералъ-лейтенантомъ Павловымъ, 6-ти ротъ Якутскаго полка,

двѣ роты, подъ командою подполковника Новашина, ударили на Французовъ съ фронта, одновременно съ атакою прочихъ 4-хъ ротъ, полковника Аленникова, со стороны Докова оврага. Непріятель окончательно былъ сбитъ съ батареи Жервè и преслѣдованъ за брустверъ. Къ сожалѣнію, успѣхъ на этомъ пунктѣ намъ стоилъ дорого; наиболѣе же пострадала Сѣвская рота, въ которой осталось всего-на-все 33 человѣка. Въ числѣ падшихъ былъ храбрый Островскій, убитый въ самомъ началѣ боя; послѣ него принялъ начальство надъ ротою подпоручикъ Келлеръ.

Вскорѣ затѣмъ подошли къ Малахову кургану 4 баталіона Елецкаго полка, высланные туда изъ города, начальникомъ штаба княземъ Васильчиковымъ, по первому извѣстію о штурмѣ. 3-й баталіонъ былъ оставленъ на батареѣ Жервè, прочіе же, по приказанію Хрулева, отведены назадъ и составили ближайшій резервъ этой батареи.

По отбитіи нашими войсками непріятеля, генералъ Ніоль еще два раза покушался овладѣть батареею, но каждый разъ былъ отражаемъ ружейнымъ огнемъ и картечью, причемъ, по недостатку артиллерійской прислуги, которая почти вся была перебита, солдаты Сѣвскаго, Якутскаго и Елецкаго полковъ заряжали орудія. Наконецъ—Французы, понеся огромный уронъ, скрылись въ Доковомъ оврагѣ и въ своихъ траншеяхъ ([53]).

Нѣсколько спустя послѣ атаки Французовъ на Малаховъ курганъ, Англичане штурмовали 3-й бастіонъ и батареи на Пересыпи.

Находясь въ разстояніи около четырехъ-сотъ шаговъ отъ этихъ укрѣпленій, англійскія войска должны были пройти значительное пространство подъ выстрѣлами нашей артиллеріи. Въ $3^{1}/_{2}$ часа утра

лордъ Рагланъ подалъ условленный сигналъ къ наступленію. Штурмовыя колонны легкой и 4-й дивизій тотчасъ стали выступать изъ траншей; но какъ для выхода ихъ оттуда не было заблаговременно приготовлено ступеней, то движеніе колоннъ замедлилось и было произведено небольшими частями и въ безпорядкѣ. Начальникъ правой колонны, полковникъ Ей (Yea), видя совершенную невозможность вести на штурмъ нестройную толпу своихъ людей, хотѣлъ подать сигналъ къ сбору; но отозвать назадъ солдатъ, разсыпавшихся между траншеями и нашими батареями, было столь же трудно, какъ и двинуть ихъ впередъ; въ довершеніе суматохи, резервы, выйдя на-спѣхъ изъ траншей, смѣшались съ штурмовыми колоннами. Начальникъ 3-го отдѣленія оборонительной линіи, контръ-адмиралъ Панфиловъ, при появленіи непріятеля, тотчасъ встрѣтилъ его картечью съ бастіона, а генералъ-маіоръ Лисенко—залпами разставленнаго по банкетамъ Брянскаго полка. Головныя части непріятельскихъ колоннъ, бросивъ лѣстницы и фашины, подались назадъ, но вскорѣ, снова устроившись, вторично пошли на штурмъ. Одна изъ колоннъ направилась на батареи Будищева и Яновскаго; другая—прямо на 3-й бастіонъ и стала разбирать впереди его засѣки; нѣкоторые изъ Англичанъ легли на-земь и открыли пальбу по амбразурамъ бастіона. Командиръ 4-й дивизіи Джонъ Кемпбель, видя страшный уронъ, понесенный его полками, кинулся впередъ и былъ пораженъ на-поваль; почти всѣ полковые командиры и другіе начальники войскъ выбыли изъ рядовъ. Полковникъ Виндгамъ, устроивъ на-скоро 4-ю дивизію, повелъ ее на 3-й бастіонъ и на сосѣдственныя батареи. Англичане уже успѣли растаскать часть засѣки и срубить нѣсколько палисадовъ, когда старый, но бодрый какъ юноша, ге-

нералъ-маіоръ Лисенко вскочилъ съ охотниками Брянскаго полка на брустверъ; непріятель, осыпанный градомъ ружейныхъ пуль и картечью, былъ отброшенъ въ Доковый оврагъ. Тогда же англійская колонна, снова двинувшаяся на исходящій уголъ бастіона и ломавшая засѣку, и другая, направленная на правый фасъ, также были встрѣчены пальбою и принуждены отступить частью въ Доковый оврагъ, частью въ Лабораторную балку. Самъ Рагланъ, кругомъ котораго нѣсколько человѣкъ его свиты было убито, долженъ былъ удалиться съ мѣста побоища въ ближайшую параллель.

Одновременно съ нападеніемъ на 3-й бастіонъ, Англичане атаковали наши батареи на Пересыпи. Бригада Эйра, 3-й дивизіи, въ составѣ пяти баталіоновъ (всего до 2,000 челов.), имѣя въ головѣ 200 охотниковъ отъ всѣхъ частей бригады, двинулась внизъ по Сарандинакиной балкѣ, а бригада Барнара, той же дивизіи, спустилась по Лабораторной балкѣ. Какъ и въ прежніе дни, ночные секреты, расположенные впереди нашихъ батарей, на разсвѣтѣ смѣнялись штуцерными. Едва лишь окончилась смѣна, какъ густая цѣпь Англичанъ бросилась на 37 штуцерныхъ и 12 матросовъ, стоявшихъ въ секретахъ, и заставила ихъ отступить отъ каменоломни къ батареѣ Сталя, съ потерею 6-ти человѣкъ. Непріятельскіе охотники и шедшій за ними 18-й полкъ (въ одно-баталіонномъ составѣ), не рѣшаясь однако же штурмовать наши укрѣпленія, засѣли въ строеніяхъ и за оградами садовъ, въ лощинѣ, у спуска съ Зеленой горы. Батареи Брылкина, Сталя и Перекомскаго, подъ распоряженіемъ флигель-адъютанта капитана 1-го ранга Кислинскаго, встрѣтили непріятеля сильнымъ огнемъ. Англичане, въ нѣсколькихъ колоннахъ, покушались овладѣть нашими батареями, но были

постоянно отражаемы картечью и огнемъ прикрывавшаго батареи на Пересыпи Охотскаго полка, подъ командою подполковника Малевскаго, и нѣсколькихъ ротъ Томскаго полка. Одна изъ непріятельскихъ колоннъ атаковала батарею у Грибка и была опрокинута двумя ротами Томскаго полка, съ потерею нѣсколькихъ человѣкъ плѣнными ([54]).

Въ 6 часовъ утра, штурмъ былъ отраженъ на всѣхъ пунктахъ. Непріятель скрылся въ свои траншеи, и только лишь бригада Эйра оставалась въ строеніяхъ впереди Пересыпи и на уступѣ крутости лѣвѣе 4-го бастіона. Непосредственно послѣ отступленія непріятельскихъ колоннъ, былъ открытъ жестокій огонь со всѣхъ французскихъ и англійскихъ батарей; наши укрѣпленія отвѣчали имъ столь же усиленнымъ огнемъ. Для уменьшенія потерь, войска на бастіонахъ были по возможности укрыты отъ выстрѣловъ, а резервы осажены за ретраншаментъ.

Послѣ полудня, обоюдная канонада стала постепенно утихать, и только батареи на Пересыпи продолжали усиленно дѣйствовать по садамъ и строеніямъ у подошвы Зеленой горы, гдѣ бригада Эйра, какъ-бы забытая при отступленіи прочихъ Союзныхъ войскъ, оставалась до самаго вечера. Самъ генералъ Эйръ, тяжело раненый въ голову, ожидалъ дальнѣйшихъ распоряженій своего начальства до 5-ти часовъ по-полудни, а потомъ уѣхалъ, приказавъ подполковнику Адамсону собрать разсѣянныхъ людей и отвести ихъ въ лагерь. Это трудное порученіе было исполнено подъ перекрестнымъ огнемъ нашихъ батарей уже въ сумерки ([55]).

Одновременно съ приступомъ на укрѣпленія Корабельной части, Союзники произвели демонстрацію отъ Черной рѣчки противъ лѣваго фланга нашихъ войскъ, расположенныхъ на высотахъ Мекензи. Съ

этою цѣлью, генералъ Боскѐ выдвинулъ свой корпусъ на позицію между селеніями Кучка и Шуло, но потомъ отвелъ войска назадъ по направленію къ Уркустѣ ([56]).

На слѣдующій день, 7-го (19-го) мая, отслуженъ былъ благодарственный молебенъ въ городскихъ церквахъ и на бастіонахъ, гдѣ нѣсколько туровъ, покрытые парчей, замѣнили налой. Вечеромъ, впереди 2-го бастіона, услышали стонъ раненыхъ Французовъ, взывавшихъ о помощи, что̀ заставило нѣкоторыхъ изъ нашихъ солдатъ незамѣтно пробраться за брустверъ и напоить страдальцевъ ([57]).

8-го (20-го) іюня, назначено было перемиріе для уборки тѣлъ и раненыхъ, которыми было покрыто огромное пространство впереди Корабельной. Въ третьемъ часу по-полудни, взвились съ обѣихъ сторонъ бѣлые флаги, и цѣпи безъ оружія расположились одна противъ другой между оборонительною линіею и осадными батареями. Множество офицеровъ вышли одни другимъ на встрѣчу; но въ этотъ разъ Французы, огорченные неудачею штурма, были не столь привѣтливы и разговорчивы, какъ послѣ взятія нашихъ передовыхъ укрѣпленій. Англичане выставили въ цѣпь Шотландцевъ, рослыхъ парней, съ атлетическими формами, въ ихъ оригинальномъ костюмѣ. У самой засѣки, предъ исходящимъ угломъ 3-го бастіона, найдено было тѣло генерала Джона Кемпбеля; офицеры, положивъ его на носилки, унесли въ свои траншеи. Въ сумерки обѣ цѣпи были отведены назадъ; перемиріе прекратилось, но много труповъ еще оставалось на мѣстѣ побоища ([58]).

Въ продолженіи усиленнаго бомбардированія и штурма, 5-го и 6-го (17-го и 18-го іюня), выпущено съ оборонительной линіи 19 тысячъ, а со сто-

роны Союзниковъ около 72 тысячъ снарядовъ (Французами—50 тыс., а Англичанами 22,700) ([59]).

Уронъ нашъ былъ слѣдующій:

	генер.	шт.-офиц.	об.-офиц.	нижн. чин.
Убиты . .		3	14	781
Ранены . .	1 (*)	4	43	3,132
Контужены .	1 (**)	5	29	815

Всего выбыло изъ фронта: штабъ-офицеровъ 12 (*убиты:* капитаны 1-го ранга Будищевъ и Юрковскій и маіоръ Минскаго полка Рудановскій; *ранены:* начальникъ батарей на Пересыпи, флиг.-адъютантъ капитанъ 1-го ранга Кислинскій; подполковники: Елецкаго пѣхотнаго полка князь Багратіонъ и Одесскаго Никитинъ); оберъ-офицеровъ 86; нижнихъ чиновъ 4,728. Сверхъ того, оказалось легко раненыхъ, оставшихся во фронтѣ: штабъ-офицеровъ 12, оберъ-офицеровъ 57 и нижнихъ чиновъ 879. Большая часть нашей потери понесена отъ бомбардированія, во время котораго всѣ главные пункты оборонительной линіи были сильно заняты войсками и только незначительныя части ихъ могли быть помѣщены въ блиндажахъ. Собственно же наша убыль на штурмѣ не превышала 1,500 человѣкъ ([60]).

Со стороны Союзниковъ, нѣтъ положительныхъ свѣдѣній о потерѣ Французовъ, но, соображая ихъ собственныя, несогласныя между собою, показанія, можно безошибочно принять, что у нихъ было убито до 2,000 и ранено до 3,000 человѣкъ. Въ числѣ убитыхъ находились (какъ уже сказано), генералы Майранъ и Брюне̂, а въ числѣ раненыхъ: генералы: Ніоль, Сенъ-Поль, Лафо̂нъ, и Лорансе̂. Англичане

(*) Раненъ легко генералъ Тотлебенъ.

(**) Контуженъ командиръ 1-й бригады 8-й пѣхотн. дивизіи Замаринъ.

потеряли убитыми до 400 и ранеными болѣе 1,600 человѣкъ. Убитъ генералъ Джонъ Кемпбель; ранены генералы: Гарри Джонсъ, Броунъ и Эйръ. Въ плѣнъ захвачено: Французовъ—17 офицеровъ и 270 нижн. чиновъ; Англичанъ—1 офицеръ и 5 нижн. чиновъ (61).

Французы старались объяснить неудачу штурма 6-го (18-го) іюня ошибкою генерала Майрана, который будто бы счелъ бомбу, брошенную съ одной изъ осадныхъ батарей, за сигнальную ракету. Но, принимая во вниманіе, что съ нашей стороны были приняты всѣ мѣры къ отраженію приступа, и что мы, теряя много людей отъ канонады и бомбардированія, желали штурма, надѣясь устоять въ борьбѣ съ непріятелемъ, нельзя усомниться, что покушеніе Союзниковъ было преждевременно и не могло имѣть успѣха. Къ тому же, намѣреніе генерала Пелисье—овладѣть Севастополемъ въ годовщину сраженія при Ватерлоо—не дозволило ему сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія: подвести параллели ближе къ нашимъ укрѣпленіямъ, устроить удобные выходы изъ траншей, и проч. Французы пошли на штурмъ въ разстояніи около 200 саженъ отъ Малахова кургана и около 300—отъ 2-го бастіона, двигаясь подъ сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ съ оборонительной линіи и подъ выстрѣлами съ пароходовъ. Гораздо было бы выгоднѣе для нихъ штурмовать 4-й бастіонъ и редутъ Шварца, изъ коихъ отъ перваго они находились около 30-ти, а отъ втораго—не далѣе 50-ти саженъ, и если Пелисье не рѣшился повести атаку на 4-й бастіонъ, то, по всей вѣроятности, изъ опасенія контръ-минъ, искусно устроенныхъ нашими инженерами. Англичане, коихъ головы траншей находились въ разстояніи отъ 120

до 140 саженъ отъ 3-го бастіона, также не могли разсчитывать на успѣхъ штурма.

Осадныя батареи не успѣли ослабить дѣйствіе нашей артиллеріи, и даже вовсе не открыли огня передъ штурмомъ, несмотря на то, что Союзные генералы условились между собою „штурмовать Севастополь, 6-го (18-го) іюня, послѣ двухъ-часовой канонады“. Но генералъ Пелисьѐ полагалъ, что бомбардированіе и канонада 5-го (17-го) іюня достаточно ослабили огонь оборонительной линіи и не возобновилъ ихъ на слѣдующее утро, надѣясь атаковать насъ врасплохъ, подобно тому какъ удалось ему при взятіи редутовъ 26-го мая (7-го іюня). Слѣдствіемъ того было ужасное разстройство штурмовыхъ колоннъ огнемъ оборонительной линіи. Наконецъ—одною изъ главныхъ причинъ пораженія Союзниковъ было неимѣніе достаточныхъ резервовъ, безъ которыхъ штурмъ не могъ обѣщать успѣха, тѣмъ болѣе, что, по овладѣніи нашими ближайшими укрѣпленіями, надлежало штурмовать другія, устроенныя во второй линіи.

Генералъ князь Горчаковъ, донося Государю Императору объ отбитіи штурма, вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ военному министру, князю Долгорукову, прося его исходатайствовать слѣдующія награды:

Орденъ Георгія 3-й степени—князю Васильчикову и Тотлебену. Cette decoration ne les honorera pas autant, qu'elle sera honorée en brillant sur leurs poitrines.—(Эти знаки не столько почтятъ ихъ, сколько будутъ почтены, находясь на груди ихъ)—писалъ главнокомандующій.

Предоставляя награду графу Сакену на Высо-

чайшее благоусмотрѣніе (*), князь Горчаковъ просилъ о пожалованіи аренды адмиралу Нахимову.

Орденъ Св. Владиміра 2-й степени генералу Хрулеву — „которому преимущественно принадлежитъ честь отбитія штурма, потому что онъ, командуя войсками на всемъ атакованномъ участкѣ оборонительной линіи, былъ отличнымъ генераломъ и солдатомъ", и генералъ-адъютанту князю Урусову, отбившему штурмъ на 1-й и 2-й бастіоны.

Шпагу, украшенную брилліантами, контръ-адмиралу Панфилову, который „выше всякихъ похвалъ", и коменданту крѣпости Александрополя, генералъ-маіору Шульцу, который, „получивъ 4-хъ-мѣсячный отпускъ, воспользовался имъ, чтобы провести его на 4-мъ бастіонѣ—самомъ опасномъ пунктѣ нашей оборонительной линіи. Такіе молодцы (des gaillards de cette espèce) достойны всякихъ наградъ, и должно радоваться, что они не перевелись" (et il faut se rejouir que la graine n'en soit pas perdue).

Чинъ генералъ-лейтенанта—генералъ-маіорамъ: исправляющему должность генералъ-квартирмейстера при войскахъ въ Крыму, Бутурлину, и начальнику 1-го отдѣленія оборонительной линіи, Семякину. „Это превосходный солдатъ"—писалъ главнокомандующій.

Чинъ генералъ-маіора—полковнику Шейдеману—„въ высшей степени достойному человѣку, который, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, исполняетъ чертовскую работу (la diabolique besogne) начальника Севастопольской артиллеріи" ([62]).

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать всѣ эти награды.

...„Вы уже знаете—писалъ Государь князю Гор-

(*) Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать графу фонъ-деръ-Остенъ-Сакену аренду въ 6 тыс. рублей.

чакову—о радостномъ впечатлѣніи, произведенномъ на Меня извѣстіемъ *о геройскомъ отбитіи штурма 6-го числа.* Воздавъ отъ глубины сердца благодареніе Всевышнему, повторяю вамъ и всѣмъ нашимъ молодцамъ Мою искреннюю и душевную благодарность. Безпримѣрные защитники Севастополя покрыли себя въ этотъ день еще новою неувядаемою славою. *Скажите имъ, что Я и вся Россія ими гордимся.*

„Военный министръ сообщаетъ вамъ о наградахъ главнымъ вашимъ сотрудникамъ; о прочихъ буду ожидать съ нетерпѣніемъ вашихъ представленій. Нижнимъ чинамъ, кромѣ того, что́ вы, вѣроятно, уже дали отъ себя, Я посылаю еще по три знака отличія военнаго ордена на роту и 40 знаковъ для раздачи артиллерійской прислугѣ на батареяхъ (*).

„Брянскому егерскому полку, также отличившемуся въ семъ дѣлѣ, *приказалъ Я именоваться вашимъ именемъ;* да послужитъ оно вамъ новымъ доказательствомъ Моей искренней и сердечной признательности за ваше самоотверженіе и неусыпную ревность, съ коими вы всегда исполняли и исполняете, среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, всѣ порученія довѣріемъ Незабвеннаго нашего Благодѣтеля и Моимъ на васъ возлагаемыя...

„Объ оставленіи Севастополя, надѣюсь, съ Божіею помощью, что рѣчи не будетъ больше“... ([63])

Изъ письма князя Горчакова къ Его Величеству Государю Императору, посланнаго на другой день по отбитіи штурма, видно, что этотъ блистательный подвигъ не разсѣялъ опасеній главнокомандующаго Крымской арміи. По прежнему, онъ пишетъ

(*) Всѣмъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ дѣлѣ 6-го іюня Всемилостивѣйше пожаловано по два рубля.

объ очищеніи Севастополя, которое—„по всей вѣроятности, будетъ намъ стоить отъ 10-ти до 15-ти тыс. человѣкъ“; по прежнему жалуется на недостатокъ въ порохѣ. По словамъ его: „Вся бѣда въ томъ, что Севастополь не былъ заранѣе укрѣпленъ съ сухопутной стороны, хотя хорошими полевыми отдѣльными верками. Тогда расходъ пороха не выходилъ бы много изъ нормальной для большихъ крѣпостей соразмѣрности. Будь восемь или десять сильныхъ отдѣльныхъ верковъ, хотя полевыхъ, на высотахъ, Севастополь окружающихъ, все дѣло было бы иначе“... (64)

Восемь дней спустя, князь Горчаковъ доносилъ Государю Императору:

„Послѣ 6-го числа, непріятель медленно велъ апроши къ бастіону Корнилова и къ бастіонамъ 5-му и 6-му; дѣйствующія войска его отошли на лѣвый берегъ рѣчки Черной. Холера у него развивается, особенно у Сардинцевъ, у коихъ, по показанію дезертировъ, умерло болѣе 2,000 человѣкъ, и въ числѣ ихъ генералъ Ла-Мармора, братъ главнокомандующаго. 7-я и 15-я дивизіи пришли сюда Суворовскими маршами; у насъ холерныхъ немного; наконецъ—почти совершенное прекращеніе огня непріятельской артиллеріи даетъ намъ возможность исправлять верки и сберегать порохъ, такъ что теперь я покоенъ въ отношеніи пороховаго запаса. Все это и въ особенности упадокъ духа у Союзниковъ, послѣ отбитаго, стоившаго имъ до 10 тыс. чел. штурма, дастъ благопріятнѣйшій оборотъ нашимъ дѣламъ. Но не смѣю еще увлекаться надеждою. По числительному превосходству непріятеля и по близости его апрошей къ 4 и 5 бастіонамъ, не смѣю ручаться за успѣхъ, но если дѣло протянется до сближенія сюда ополченія и 4-й и 5-й пѣхот-

ныхъ дивизій, то перевѣсъ будетъ на нашей сторонѣ и можно будетъ помыслить о совокупномъ наступленіи со стороны Черной и со стороны Севастополя отъ Корниловскаго бастіона, которое, хотя и будетъ намъ дорого стоить, но ослабитъ дѣйствія непріятеля противъ Севастополя, а съ наступленіемъ осени онъ отплыветъ отсюда; другой зимы онъ не рѣшится здѣсь провести"... ([65]).

Тогда же князь Горчаковъ писалъ военному министру, князю Долгорукову:

„Дѣло 6-го іюня принесло намъ двойную пользу: оно весьма ослабило духъ непріятеля и дало намъ десять дней сравнительнаго спокойствія (de tranquillité comparative), что̀ дало мнѣ возможность сберечь порохъ въ такой мѣрѣ, что я считаю себя на этотъ счетъ вполнѣ обезпеченнымъ. До 20-го іюня, я получу 10 тыс. пудовъ, а до 1-го іюля еще 23 тыс. пудовъ пороха", и проч. ([66]).

Нѣкоторые изъ защитниковъ Севастополя полагали, что слѣдовало оставить его непосредственно по отбитіи штурма 6-го (18-го) іюня. И дѣйствительно—очистивъ Севастополь и занявъ позицію по сѣверную сторону рейда, мы сохранили бы до 42-хъ тысячъ человѣкъ, выбывшихъ изъ фронта съ 7-го (19-го) іюня по конецъ августа. Но можно-ли было ручаться, что преждевременная уступка Севастополя не поведетъ за собою потерю всего Крыма? Въ 1812 году, мы пожертвовали для сохраненія арміи Москвою, сердцемъ Россіи. Но и Севастополь, послѣ небывалой геройской обороны, имѣлъ высокую цѣну въ понятіяхъ русскаго народа. Могъ-ли рѣшиться на такую жертву князь Горчаковъ, не предавъ себя на всемъ пространствѣ необъятной Россіи горькимъ упрекамъ современниковъ и потомства?

ГЛАВА XXXII.

Осада Севастополя отъ перваго штурма до сраженія на рѣкѣ Черной.

(Отъ 6-го (18-го) іюня до 4-го (16-го) августа 1855 г.).

Блистательное отраженіе штурма 6-го (18-го) іюня возвысило духъ защитниковъ Севастополя, но вскорѣ было омрачено выбытіемъ изъ рядовъ ихъ главнаго распорядителя обороны. 8-го (20-го), генералъ Тотлебенъ, находясь на батареѣ Жервѐ, былъ раненъ пулею въ ногу на-вылетъ и принужденъ передать завѣдываніе всѣми работами, на Городской сторонѣ—командиру 3-го сапернаго баталіона, полковнику Гарднеру, а на Корабельной—штабсъ-капитану Тидебелю, мѣсто котораго, съ 25-го іюня (7-го іюля), занялъ полковникъ Геннерихъ. Хотя генералъ Тотлебенъ, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, находясь въ болѣзненномъ и часто въ безнадежномъ состояніи, продолжалъ руководить оборонительными работами, однако-же не могъ лично находиться на мѣстѣ дѣйствій, что́, безъ сомнѣнія, затрудняло успѣхъ задуманныхъ имъ соображеній.

Съ 7-го (19-го) по 23-е іюня (5-го іюля) включительно, огонь непріятельскій былъ довольно слабъ,

что̀ дало намъ возможность продолжать усиленно работы на оборонительной линіи. На случай штурма, приступили къ устройству на Корабельной сторонѣ общаго ретраншамента, который долженъ былъ служить для помѣщенія резервовъ и доставлять фланговую оборону Малахову кургану и внутреннюю оборону всей Корабельной. Для противодѣйствія же постепенной атакѣ—Тотлебенъ предполагалъ усилить артиллерію Малахова кургана, 2-го и 3-го бастіоновъ и промежуточныхъ линій 60-ю орудіями большихъ калибровъ, и по возведеніи на Корабельной сторонѣ общаго ретраншамента, устроить на немъ, лѣвѣе кургана, возвышенныя батареи, на 30 орудій большаго калибра, для обстрѣливанія слѣва Камчатскаго люнета; а для обстрѣливанія его справа возвести на отлогости, спускающейся съ 3-го бастіона къ Докову оврагу, позади оборонительной линіи, рядъ батарей, въ видѣ кремальеровъ, также на 30 орудій большаго калибра, которыя могли-бы дѣйствовать поверхъ оборонительной линіи, противъ непріятельскихъ подступовъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ намѣреніе немедленно приступить къ устройству обширной контръ-минной системы впереди Малахова кургана (1).

Но эти предположенія не были вполнѣ исполнены и, вмѣсто проектированнаго генераломъ Тотлебеномъ усиленнаго вооруженія оборонительной линіи, въ продолженіи почти двухъ мѣсяцевъ, съ 6-го (18-го) іюня по 3-е (15-го) августа, вновь поставлено орудій: на Городской сторонѣ 24, на Пересыпи 14 и на Корабельной 75.

Какъ, по мнѣнію адмирала Нахимова, непріятельскій флотъ имѣлъ возможность прорваться на рейдъ, то на сѣверномъ берегу большой бухты было по-

строено нѣсколько новыхъ батарей, вооруженныхъ 44-мя орудіями ([2]).

Неудача штурма 6-го (18-го) іюня и потери, понесенныя Союзными войсками, побудили начальника инженеровъ англійской арміи Джонса подать, 10-го (22-го), записку, въ которой онъ предлагалъ совершенно оставить атаку Англичанъ противъ 3-го бастіона. Полагая, что англійскія батареи не могли преодолѣть огня этого бастіона и сосѣдственныхъ ему верковъ, генералъ Джонсъ поставилъ на видъ, что атака 3-го бастіона находилась въ связи съ атакою не Малахова кургана, а 4-го бастіона, которая была почти совершенно оставлена Французами, и что по тому атака 3-го бастіона не имѣла никакого значенія и могла повести только къ напрасной тратѣ людей и боевыхъ матеріаловъ. Начальникъ инженеровъ французской арміи генералъ Ніель, въ возраженіи на эту записку, указывалъ на то, что Англичане первые подали мысль къ атакѣ Малахова кургана, и полагалъ, что оставленіе атаки 3-го бастіона было-бы равносильно снятію осады. Союзные главнокомандующіе приняли мнѣніе генерала Ніеля ([3]).

Атакующій, отказавшись на время отъ штурма, снова обратился къ постепенной атакѣ. При этомъ имѣлось въ виду: 1) пріобрѣсти перевѣсъ надъ артиллеріею оборонительной линіи; 2) приблизиться, по возможности, траншеями къ нашимъ укрѣпленіямъ, и 3) усилить огонь по рейду, чтобы не позволить нашимъ пароходамъ занимать выгодныя для ихъ дѣйствія позиціи, какъ напримѣръ въ устьѣ Киленъ-бухты.

Французы, на лѣвой атакѣ, старались подойти траншеями къ 5-му бастіону и соединить взаимно между собою работы на Кладбищенской высотѣ и

на площадкѣ впереди люнета Шварца (*). Но сильный картечный и ружейный огонь съ 5-го бастіона и съ люнетовъ Бѣлкина и Шварца постоянно затруднялъ эти работы, что̀ заставило непріятеля ограничиться расширеніемъ прежнихъ траншей и исправленіемъ 4-й параллели (4). Кромѣ того, Французы построили батареи: позади кладбища, для пораженія лѣваго фаса 6-го бастіона, и на лѣвомъ берегу Городскаго оврага, противъ Язоновскаго редута и внутренности города (5).

Англичане обратили противъ крѣпости взятую ими, 26 мая (7-го іюня), нашу контръ-параллель и, продолживъ ее, устроили 4-ю параллель, вывели участокъ 5-й параллели, въ разстояніи 130-ти саженъ отъ 3-го бастіона, и приступили къ заложенію нѣсколькихъ новыхъ батарей, противъ 3-го бастіона, батарей Никонова и Жервѐ и Малахова кургана (6).

Впереди Малахова кургана, на такъ называемой „атакѣ Викторіи“ — Французы продолжили 5-ую параллель влѣво до Докова оврага, вывели отъ лѣвой ея оконечности впередъ нѣсколько зигзаговъ, направляясь на закругленіе передняго фаса кургана, и устроили въ бывшихъ каменоломняхъ обширный плацдармъ. Затѣмъ, выйдя зигзагами изъ правой оконечности траншеи, заложили 6-ую параллель противъ 2-го бастіона и куртины, соединявшей этотъ бастіонъ съ Малаховымъ курганомъ, и устроили сообщенія съ прежними своими работами. Къ концу іюня (10-го іюля), головныя траншеи непріятеля отстояли отъ бастіона Корнилова на 110 саженъ, а отъ 2-го бастіона на 145 саженъ; впослѣдствіи же (при открытіи бомбардированія въ августѣ), лѣ-

(*) Послѣ перестройки редута, въ началѣ (въ половинѣ) апрѣля, онъ получилъ форму люнета.

вый флангъ 6-й параллели находился въ разстояніи около 50-ти саженъ отъ исходящаго угла Корниловскаго бастіона, а полу-параллель, устроенная передъ правымъ флангомъ 6-й параллели—въ 60-ти саженяхъ отъ исходящаго угла 2-го бастіона. Въ этой атакѣ, по скатамъ Камчатскаго люнета, впереди и сзади 5-й параллели, для дѣйствія по бастіонамъ Корнилова, 2-му и 3-му, заложено въ іюнѣ семь батарей, вооруженныхъ 35-ю орудіями.

На Киленъ-балочныхъ высотахъ, Французы подались впередъ зигзагами вдоль праваго берега Киленъ-балки и вывели по дну ея траншею къ водопроводу. Къ концу іюня (10 іюля), передовыя непріятельскія работы здѣсь отстояли отъ 2-го бастіона на 220, а отъ 1-го на 240 саженъ. Французы, утвердясь на этой позиціи, заложили пять батарей, вооруженныхъ 25-ю орудіями, которыя могли не допускать наши пароходы въ Киленъ-бухту, и вмѣстѣ съ тѣмъ анфилировать длинную куртину между 2-мъ и Корниловымъ бастіонами ([7]).

Въ концѣ іюня (въ началѣ іюля) непріятель усилилъ огонь, преимущественно противъ Корабельной, но выпускалъ въ сутки не болѣе 1,000 снарядовъ. Штуцерной же огонь его постоянно былъ силенъ, особенно по ночамъ.

Обороняющійся, напротивъ того, имѣя въ виду замедлять осадныя работы, поддерживалъ сравнительно сильный огонь, и въ особенности во второй половинѣ іюня (въ началѣ іюля), когда Французы заложили свои новыя батареи. Батареи Сѣверной стороны и пароходы содѣйствовали оборонѣ Корабельной части. Ружейный огонь съ оборонительной линіи былъ постоянно силенъ. Ежедневно расходовалось, среднимъ числомъ, около 1,700 артиллерійскихъ снарядовъ и до 12 тыс. патроновъ ([8]).

Ночи на бастіонахъ проводились не смыкая глазъ. Прислуга находилась вблизи своихъ орудій, наведенныхъ по гласису и заряженныхъ съ вечера картечью; прикрытіе не сходило съ банкетовъ; цѣпь и секреты, впереди укрѣпленій, зорко сторожили непріятеля. Отдыхали утромъ. Артиллеристы, оставя дежурныхъ у орудій, отправлялись соснуть въ блиндажи, либо въ устроенныя на батареѣ конурки; прикрытіе, кромѣ нѣсколькихъ штуцерныхъ, сходило съ банкетовъ: одни изъ людей, не снимая амуниціи, ложились на батареѣ, другіе уходили на вторую линію, въ блиндажи. Нѣкоторые изъ блиндажей, на-скоро устроенные, доставляли прикрытіе только отъ ружейныхъ пуль, а въ случаѣ паденія на нихъ большихъ снарядовъ обрушивались. Въ свободное послѣ-обѣденное время, матросы собирали въ сосѣдствѣ укрѣпленій пули, за которыя имъ щедро платили, и сами иногда приплачивались жизнью или кровью; нѣкоторые изъ нихъ представили въ штабъ до 20-ти пудовъ собранныхъ ими пуль. Но когда подвезли въ Севастополь значительное количество свинцу, то былъ запрещенъ этотъ опасный промыселъ. Пища матросовъ варилась на батареѣ, причемъ ихъ кухня, общая со всѣми офицерами, состояла изъ неглубокой ямы, вырытой у одного изъ траверсовъ, съ кое-какъ сложенною печью и маленькою плитою. Солдатамъ же приносили утромъ и вечеромъ готовую кашицу изъ ротныхъ артелей, помѣщавшихся въ городѣ и Корабельной слободкѣ. На батареяхъ постоянно имѣлись нѣкоторые запасы, и въ томъ числѣ нѣсколько куръ. Въ особенности же нравилось солдатамъ держать пѣтуховъ, которые, среди боевой суеты, напоминали своимъ крикомъ спокойствіе и безмятежность деревенской жизни. На редутѣ Шварца, у одного изъ моряковъ-офице-

ровъ, былъ пѣтухъ, совершенно ручной, любимецъ всего населенія батареи, котораго матросы прозвали „Пелисеевымъ“ (Пелисьѐ). На 6-мъ бастіонѣ, сравнительно наиболѣе безопасномъ, въ казематѣ, имѣлся рояль и иногда устроивались музыкальные вечера, съ помощью скрипача и флейтиста, приходившихъ съ другихъ бастіоновъ ([9]).

Съ 7-го (19-го) по 28-е іюня (10-е іюля), въ Севастопольскомъ гарнизонѣ выбыли изъ строя: 1 генералъ, 5 штабъ-офицеровъ, 60 оберъ-офицеровъ и 3,160 нижнихъ чиновъ ([10]).

Со стороны же непріятеля выбыли изъ строя 1,484 Француза и 226 Англичанъ ([11]).

28-го іюня (10-го іюля) былъ смертельно раненъ доблестный защитникъ Севастополя, адмиралъ Нахимовъ.

Въ этотъ день непріятель производилъ усиленную канонаду противъ 3-го бастіона и лѣваго фаса 4-го бастіона. Командующій Охотскимъ полкомъ, полковникъ Малевскій послалъ къ Нахимову, испрашивая его разрѣшенія по какому-то дѣлу. „А вотъ сейчасъ я самъ къ нему пріѣду“—отвѣчалъ адмиралъ, и не болѣе какъ черезъ полчаса уже былъ на 3-мъ бастіонѣ. Тамъ онъ сѣлъ на скамью у блиндажа начальника 3-го отдѣленія, вице-адмирала Панфилова; кругомъ его стояло нѣсколько флотскихъ и пѣхотныхъ офицеровъ; толковали о служебныхъ дѣлахъ. Вдругъ раздался крикъ сигналиста: „бомба!“ Всѣ бросились въ блиндажъ, кромѣ Нахимова, который, безпрестанно твердя своимъ подчиненнымъ о благоразумной осторожности и самосохраненіи, самъ остался на скамьѣ и не пошевельнулся при взрывѣ бомбы, осыпавшей осколками, землею и камнями то мѣсто, гдѣ прежде стояли офицеры. Когда миновала опасность, всѣ вышли изъ блиндажа, разговоръ возоб-

новился; о бомбѣ и въ поминѣ не было. Отдавъ приказанія на 3-мъ бастіонѣ, адмиралъ поѣхалъ на своей сѣренькой лошадкѣ на лѣвую сторону оборонительной линіи; по пути, матросы, которымъ онъ запрещалъ отдавать ему честь, посылали за нимъ вслѣдъ крестныя знаменія, какъ-бы стараясь оградить его отъ опасности ([12]). Когда онъ взъѣхалъ на Малаховъ курганъ, тамъ, передъ вдѣланнымъ снаружи въ стѣну башни образомъ, присланнымъ Императрицею Александрою Ѳеодоровною защитникамъ Севастополя, наканунѣ дня Св. Апостолъ Петра и Павла, шла вечерняя служба. Капитанъ 1-го ранга Кернъ, видя, что адмиралъ, сойдя съ лошади и ставъ на самомъ опасномъ мѣстѣ, въ обычномъ своемъ костюмѣ, сюртукѣ съ эполетами и бѣлой фуражкѣ, служилъ цѣлью непріятельскимъ стрѣлкамъ, сказалъ ему, что „Передъ образомъ идетъ служба и не угодно ли будетъ послушать ее“.—„Я васъ не держу-съ“—отвѣчалъ Павелъ Степановичъ. Но Кернъ, волнуемый какимъ-то предчувствіемъ, остался при адмиралѣ. Спустя нѣсколько минутъ, Нахимовъ уже хотѣлъ отойти отъ бруствера, когда одна изъ нашихъ бомбъ, брошенныхъ съ кургана, попала въ ближайшую непріятельскую траншею, разорвалась тамъ и вскинула вверхъ двухъ растерзанныхъ ею человѣкъ. „Экъ ихъ знатно подбросило“—закричалъ сигнальщикъ. Нахимовъ, уже сошедшій съ банкета, вернулся назадъ и сталъ смотрѣть въ трубу. Въ это время непріятельская пуля попала въ земляной мѣшокъ около того мѣста, гдѣ стоялъ адмиралъ. „Мѣтко стрѣляютъ, канальи!“ сказалъ онъ, и въ ту самую минуту, когда стоявшій возлѣ него лейтенантъ Колтовской замѣтилъ ему, что въ него цѣлятъ, онъ былъ пораженъ пулею въ високъ. Капитанъ Кернъ съ нѣсколькими офицерами снесъ адми-

рала въ блиндажъ, для поданія ему первой помощи (13).

Вѣсть о смертельной ранѣ Нахимова быстро разнеслась по бастіонамъ и въ городѣ. И моряки, и прочія войска, поражены были сразившимъ его ударомъ. Не одинъ матросъ, не одинъ флотскій офицеръ, спѣшили развѣдать о немъ сперва на Малаховъ курганъ, а потомъ на Сѣверную сторону, куда перевезли раненаго адмирала. Пролежавъ въ безсознательномъ состояніи около двухъ сутокъ, онъ скончался, 30-го іюня (12-го іюля), въ 11 часовъ утра. Тѣло Нахимова, перевезенное на Южную сторону, въ его квартиру, и покрытое тѣмъ самымъ истрѣлляннымъ въ бояхъ флагомъ, который развѣвался на кораблѣ *Императрица Марія* въ славный день побѣды при Синопѣ, было выставлено для посмертнаго прощанія. На столахъ лежали ордена; со стѣны какъ будто бы смотрѣлъ на изможденное страданіями лицо покойнаго портретъ Лазарева; кругомъ гроба тѣснились моряки, офицеры и солдаты всѣхъ родовъ оружія, всѣхъ вѣдомствъ, и даже въ числѣ пришедшихъ взглянуть на усопшаго вѣчно героя было нѣсколько дамъ, несмотря на грозную обстановку города.

На слѣдующій день, 1-го (13-го) іюля, было назначено отпѣваніе покойника. Модлинскій баталіонъ, моряки и полевая батарея построились противъ квартиры адмирала, собрался весь штабъ многострадальнаго Севастополя. Гробъ вынесли: самъ главнокомандующій, графъ Сакенъ, генералъ-адъютантъ Коцебу и другіе высшіе чины, могшіе отлучиться съ боевой работы. Одни изъ нихъ плакали; другіе, въ суровой думѣ, смотрѣли на бренные останки неусыпнаго борца, котораго дѣятельность прекратилась лишь смертью. Торжественно было послѣднее

шествіе побѣдителя при Синопѣ, среди рядовъ войскъ, въ сопровожденіи его сподвижниковъ. Его снесли въ могилу на Городской высотѣ и положили вмѣстѣ съ незабвенными для каждаго изъ Русскихъ адмиралами: Лазаревымъ, Корниловымъ и Истоминымъ. Суда, стоявшія на рейдѣ, спустили флаги; раздались салюты съ корабля „Великій Князь Константинъ". Во все продолженіе печальной церемоніи непріятель не сдѣлалъ ни одного выстрѣла, какъ будто бы уважая наше горе и постигшую насъ потерю ([14]).

Оборона Севастополя выказала Россіи и всему свѣту доблесть многихъ людей, которая не моглабы проявиться въ обстоятельствахъ не столь чрезвычайныхъ; но потеря Нахимова все-таки была невознаградима. Его мужество, дѣятельность, самоотверженіе—не имѣли предѣла. Ежедневно объѣзжалъ онъ опаснѣйшіе пункты оборонительной линіи съ хладнокровіемъ, доходившимъ до равнодушія къ жизни, до презрѣнія къ смерти. И все это дѣлалось просто, скромно, безъ желанія произвести какой-либо эффектъ, съ высокою цѣлью поддержать духъ своихъ подчиненныхъ. „Берегите Тотлебена и Васильчикова, говаривалъ онъ, когда ему напоминали о необходимости беречь себя—а такихъ, какъ мы съ вами, найдется довольно". Будучи самъ фаталистомъ, вѣря слѣпо въ неизбѣжность судьбы, онъ поселилъ свое убѣжденіе въ защитникахъ Севастополя до того, что матросы и солдаты считали его какъбы застрахованнымъ отъ всевозможныхъ опасностей. Въ продолженіи девяти мѣсяцевъ, онъ являлся въ огнѣ, подъ пулями мѣткихъ стрѣлковъ, неизмѣнно въ костюмѣ, отличавшемъ его отъ всѣхъ прочихъ офицеровъ гарнизона, и во все это время ни разу не ложился спать раздѣтымъ. Строгій къ самому себѣ, неумолимый врагъ всякаго педантства и бю-

рократической дѣятельности, Павелъ Степановичъ былъ привѣтливъ и простъ въ обхожденіи съ своими подчиненными, но требовалъ отъ нихъ точнаго исполненія служебныхъ обязанностей, и потому, порою, казался крутымъ и суровымъ, несмотря на доброту своего характера. Наблюдая и поддерживая собственнымъ примѣромъ дисциплину, онъ отдавалъ справедливость рыцарскому характеру князя Горчакова и боевымъ заслугамъ графа Остенъ-Сакена и безусловно во всемъ поддерживалъ Тотлебена и князя Васильчикова, уважая въ первомъ интеллектуальную силу обороны Севастополя, а въ другомъ—цѣня благородство души и то, что Васильчиковъ—князь, случайный человѣкъ, пріѣхалъ въ осажденный городъ и подвергалъ себя опасностямъ наравнѣ съ простыми солдатами.

Адмиралъ Нахимовъ, справедливо считая дисциплину душою благоустроеннаго войска, не ограничивалъ ея соблюденіе внѣшними служебными обрядами чинопочитанія, а требовалъ, чтобы каждый изъ военныхъ чиновъ былъ готовъ всегда кинуться на явную гибель по приказанію начальника. Тѣмъ не менѣе случалось и ему отступать отъ строгаго соблюденія военныхъ законовъ. Однажды на 3-мъ бастіонѣ вдругъ исчезъ отличный комендоръ. Заподозрить его въ дезертирствѣ—никому не пришло въ голову; всѣ сослуживцы комендора приписывали его отсутствіе какому-то чуду. Прошло нѣсколько дней; внезапно бравый комендоръ снова появляется на *своемъ* бастіонѣ. „Гдѣ это ты пропадалъ?" —спрашиваютъ его и начальники, и товарищи.—„А вонъ тамъ!"—отвѣчаетъ онъ, указавъ на англійскую батарею.—„Да какъ ты попалъ туда?"—„А вотъ видите ли какъ. Здѣсь, у насъ, мнѣ сдѣлалось такъ скучно, что, пожелавъ отвести душу, я, выйдя съ

бастіона, побрёлъ, куда глаза глядятъ, и очутился на англійской батареѣ".—„Что же ты дѣлалъ тамъ?"—„Меня заставили присягнуть Викторіи, потомъ велѣли стать къ орудію".—„И ты стрѣлялъ?"—„Стрѣлялъ, да такъ, что меня хвалили Англичане".—„Да вѣдь ты, дуракъ, стрѣлялъ по своимъ!"—„Что же дѣлать? Я и самъ разсудилъ, что дѣло плохо, да и ушелъ къ вамъ". Само собою разумѣется, что раскаявшійся бѣглецъ подлежалъ разстрѣлянію, но Нахимовъ судилъ иначе и, обругавъ его, приказалъ ему снова идти на бастіонъ; тамъ онъ уже болѣе не скучалъ, и, спустя нѣсколько дней, былъ убитъ ([15]).

Раненые и больные пользовались особеннымъ покровительствомъ и заботами адмирала объ ихъ нуждахъ. Во время осады Севастополя, какой-то поэтъ прислалъ Нахимову стихотвореніе, въ которомъ воспѣвалъ его подвиги. „Если этотъ господинъ хотѣлъ сдѣлать мнѣ удовольствіе—сказалъ Нахимовъ—то лучше бы ужъ прислалъ нѣсколько сотъ ведеръ капусты для моихъ матросовъ". Здѣсь кстати замѣтимъ, что Павелъ Степановичъ, котораго душа была проникнута поэзіей, (если поэзія есть выраженіе всего выходящаго изъ тѣснаго круга обыденной жизни), нерѣдко говорилъ, что ненавидитъ поэзію: это говорилъ тотъ самый человѣкъ, который, во время болѣзни Тотлебена, удовлетворяя благородныя побужденія своего нѣжнаго сердца, постоянно заботился, чтобы постель раненаго защитника Севастополя была окружена живыми цвѣтами ([16]).

Безкорыстіе Нахимова равнялось его щедрости. Не имѣя семейства, живя съ простотою и умѣренностью философа, онъ употреблялъ свое, довольно умѣренное, содержаніе на пособіе страждущимъ и часто прибѣгалъ къ кошельку своихъ адъютантовъ, для пособія матросскимъ семействамъ. Подъ градомъ

бомбъ, при гнётѣ многоразличныхъ служебныхъ занятій, онъ находилъ досугъ посылать раненымъ офицерамъ разныя лакомства, которыя не легко было доставать въ Севастополѣ. Когда, послѣ штурма 6-го іюня, Нахимовъ удостоился получить значительную аренду, онъ сказалъ: „теперь намъ бомбы нужнѣе денегъ“ (17).

Отдавая должную справедливость мужеству и самоотверженію защитниковъ Севастополя, нельзя не сознаться, что эти доблестныя качества отчасти возбуждались и поддерживались примѣромъ Нахимова. Будучи, въ продолженіи осады, произведенъ въ адмиралы, онъ, въ приказѣ по Черноморскому флоту, выразилъ увѣренность, что Севастополь вскорѣ будетъ освобожденъ, и что тогда флотъ выйдетъ въ море. Такъ писалъ онъ офиціально, но въ дѣйствительности не имѣлъ надежды на счастливый исходъ осады и не скрывалъ своего убѣжденія. Если кто-либо изъ моряковъ, утомленный тревожною жизнью на бастіонахъ, заболѣвъ и выбившись изъ силъ, просился хоть на время на отдыхъ, Нахимовъ осыпалъ его упреками: „Какъ-съ, вы хотите-съ уйти съ вашего поста-съ—говорилъ онъ—вы должны умирать здѣсь; вы часовой-съ, вамъ смѣны нѣтъ-съ и не будетъ; мы всѣ здѣсь умремъ-съ; помните-съ, что вы черноморскій морякъ-съ, и что вы защищаете родной вашъ городъ-съ; мы непріятелю здѣсь отдадимъ-съ одни наши трупы и развалины; намъ отсюда уходить нельзя-съ; я уже себѣ выбралъ могилу-съ, моя могила ужъ готова-съ; я лягу подлѣ начальника моего-съ, Михаила Петровича (*); Корниловъ и Истоминъ уже тамъ лежатъ-съ; они свой долгъ исполнили-съ; надо и намъ его исполнить-съ“. Когда начальникъ одного

(*) Лазарева.

изъ бастіоновъ, при посѣщеніи его части адмираломъ, доложилъ ему, что Англичане заложили батарею, которая будетъ поражать бастіонъ въ тылъ, Нахимовъ отвѣчалъ: „Ну, что-жъ такое? Не безпокойтесь, мы всѣ здѣсь останемся“. Узнавъ о намѣреніи главнокомандующаго—устроить мостъ на рейдѣ, Павелъ Степановичъ, опасаясь, чтобы это не поселило въ гарнизонѣ мысли объ оставленіи Севастополя, сказалъ И. П. Комаровскому: „Видали вы подлость? Готовятъ мостъ чрезъ бухту“.—„Ни живымъ, ни мертвымъ отсюда не выйду-съ“—повторялъ онъ—и сдержалъ слово ([18]).

Почти одновременно съ кончиною Нахимова, англійская армія понесла чувствительную потерю. 16-го (28-го) іюня, скончался старый вождь ея, бывшій сподвижникъ Веллингтона, лордъ Рагланъ. Мѣсто его занялъ генералъ-лейтенантъ Симпсонъ. Вскорѣ затѣмъ оставили армію генералы Броунъ и Пеннефазеръ. Начальство надъ легкою дивизіей принялъ Кодрингтонъ, надъ второю—Барнаръ, надъ четвертою—послѣ Джона Кемпбеля, убитаго на штурмѣ 6-го (18-го) іюня—Бентинкъ. Впослѣдствіи, когда Барнаръ былъ назначенъ начальникомъ штаба англійской арміи, 7-го (19) іюля, командовалъ второю дивизіей Маркгамъ. Изъ всѣхъ дивизій только въ одной третьей остался прежній начальникъ Инглендъ, да и тотъ, въ концѣ іюля (въ началѣ августа), передавъ команду Эйру, отправился въ Англію. Многіе изъ англійскихъ офицеровъ, по болѣзни или за ранами, также получили разрѣшеніе возвратиться въ отечество и были замѣнены другими, прибывшими изъ Англіи ([19]).

Послѣ штурма 6-го (18) іюня, холера развилась съ ужасающею быстротою въ Союзной арміи, и особенно въ сардинскомъ корпусѣ. Еще въ началѣ (въ

половинѣ) мая, едва успѣли высадиться въ Крымъ Итальянцы, погибъ начальникъ 2-й дивизіи, братъ главнокомандующаго, Александръ Ла-Мармора. Одною изъ главныхъ причинъ опустошенія, нанесеннаго холерою сардинскому корпусу, была плохая экипировка солдатъ, которые не имѣли при себѣ никакой одежды, кромѣ полотняныхъ кителей, весьма удобныхъ при дневномъ знoѣ, но подвергавшихъ неминуемой простудѣ въ холодныя туманныя ночи. До исхода мая (начала іюня) сардинскій корпусъ уже потерялъ отъ холеры 900 человѣкъ, т.-е. около $^1/_{16}$ части наличнаго числа людей. Не менѣе былъ уронъ Англичанъ; напротивъ того, Французы, пользуясь опытностью, ими пріобрѣтенною въ Алжиріи, терпѣли менѣе, а также и Турки, умѣренные въ пищѣ и привыкшіе къ южному климату ([20]).

Въ нашей арміи холера появилась съ наступленіемъ теплой погоды, но распространеніе эпидеміи было предупреждено гигіеническими мѣрами, и въ особенности немедленнымъ врачебнымъ пособіемъ при первыхъ признакахъ болѣзни. Въ продолженіи времени съ мая по августъ, въ севастопольскомъ гарнизонѣ заболѣвало холерою всего отъ 6-ти до 10-ти человѣкъ въ день и выздоравливала изъ нихъ половина. Многіе полагали, что пальба изъ большихъ орудій и пороховой дымъ, очищая воздухъ въ Севастополѣ, уничтожали холерную эпидемію ([21]).

„Со смертью адмирала Нахимова—говоритъ одинъ изъ защитниковъ Севастополя—хотя не было никакихъ громкихъ выраженій печали, потому что тогда демонстраціи еще не были въ обыкновеніи, но всѣмъ чувствовалось, что недостаетъ той объединяющей силы и той крѣпости убѣжденія въ необходимости

держаться до крайности. Хотя оставались еще весьма почтенныя и уважаемыя личности, но онп не могли замѣнить Нахимова. Тотлебенъ былъ сильно раненъ; князь Васильчиковъ и Хрулевъ пользовались большою популярностью—первый болѣе между офицерами, а послѣднiй и между офицерами, и между солдатами: но ни популярность эта, ни ихъ значенiе и влiянiе не имѣли такой всеобщности, какъ влiянiе Нахимова" ([22]). Какъ ни велико было одушевленiе защитниковъ Севастополя, они были утомлены продолжительною, нескончаемою борьбою и поддерживались только чувствомъ долга. Самъ Тотлебенъ пишетъ, что, „обороняющимся упущено было самое дорогое время, которымъ гораздо лучше успѣлъ воспользоваться нашъ противникъ", и что „на всей линiи отъ 3-го до 1-го бастiона, для противодѣйствiя осаднымъ батареямъ, въ шесть недѣль (съ 29-го iюня [11-го iюля] по 5-е [17-е] августа), было прибавлено только 11 орудiй, между тѣмъ какъ атакующiй возвелъ 8 батарей и поставилъ на нихъ не менѣе 80-ти орудiй, для дѣйствiя по этой части оборонительной линiи" ([23]). Одинъ изъ участниковъ обороны Севастополя писалъ: „Хотѣлось бы дожить скорѣе до зимы, чтобъ отдохнуть немного душою. Постоянный бой, не прекращающiйся ни днемъ, ни ночью, вѣчныя бомбы и ядра, начинаютъ дѣйствовать на нервы. Душа невольно жаждетъ покоя, отдыха, а тутъ впереди еще 3 мѣсяца такого существованiя. Не трудно, что готовъ атаковать не только Ѳедюхины горы, но самый адъ, чтобы окончить это неестественное положенiе. Конечно, еслибъ Греки, вмѣсто Ахиллеса, имѣли хоть одну 7-ми-пудовую мортиру, то Троя не держалась бы и 10-ти дней"... ([24]).

Противъ Городской стороны, дѣйствiя атакующаго заключались, почти исключительно, въ усиле-

ніи артиллерійскаго огня; траншейныя же работы его здѣсь были остановлены мѣткимъ огнемъ съ оборонительной линіи и нисколько впередъ не подвинулись. Противъ Корабельной же стороны, непріятель, сооружая новыя батареи, приблизился къ оборонительной линіи. На Зеленой горѣ, Англичане продолжали устраивать участками 5-ю параллель, по окраинѣ высотъ, обращенной къ Южной бухтѣ, а изъ 4-й параллели начали выводить ходъ впередъ двойною сапою. На Воронцовской же высотѣ, они распространили 4-ую и 5-ую параллель до Докова оврага. Къ началу (къ половинѣ) августа было заложено въ обѣихъ англійскихъ атакахъ нѣсколько батарей, для дѣйствія по Пересыпи и по 3-му бастіону.

Французы приблизились тихими сапами отъ каменоломень, а также отъ 6-й параллели и Киленъ-балки, къ Малахову кургану и 2-му бастіону. Затѣмъ, устроивъ обширный плацдармъ, въ разстояніи 75-ти саженъ отъ бастіона, они продолжали подвигаться изъ него впередъ двумя подступами, изъ которыхъ правый былъ остановленъ нашимъ огнемъ, 12-го (24-го) іюля, въ разстояніи 60-ти саженъ отъ бастіона, а голова лѣваго подступа, къ 5-му (17-му) августа, находилась въ 42-хъ саженяхъ отъ контръ-эскарпа. Головныя траншеи непріятеля находились тогда же въ разстояніи около 50-ти саженъ отъ Малахова кургана. На скатахъ высоты Камчатскаго люнета были возведены новыя батареи, для дѣйствія по Малахову кургану и 2-му бастіону, а за Киленъ-балкою три батареи, вооруженныя 15-ю большими мортирами и 2-мя двадцати-четырехъ-фунтовыми (нашими) пушками, для дѣйствія по Сѣверной сторонѣ, по рейду и противъ 1-го бастіона. Всего же, съ конца іюня (съ 10-го іюля) по 5-е (17-е) августа, на

осадныхъ батареяхъ прибавилось болѣе 60-ти (по другимъ свѣдѣніямъ—80) орудій ([25]).

Главное вниманіе обороняющагося, въ этотъ періодъ осады, было обращено на внутреннюю оборону укрѣпленій. На Городской сторонѣ, во 2-й линіи, между Язоновскимъ и Чесменскимъ редутами, возведена батарея на двѣ 18-ти-фунтовыя пушки-карронады. На высотѣ 4-го бастіона, построены двѣ батереи, вооруженныя вмѣстѣ семью орудіями, для фланкированія 3-го бастіона. На корабельной сторонѣ, сооружены ретраншаменты на Малаховомъ курганѣ и на 2-мъ бастіонѣ, и усилена внутренняя оборона линій между 1-мъ и 3-мъ бастіонами установкою нѣсколькихъ орудій. Кромѣ того, позади батареи Никонова устроенъ ретраншаментъ, обращенный къ Южной бухтѣ (совершенно безполезный, по мнѣнію Тотлебена), и заложена траншея отъ Докова оврага по направленію къ Александровскимъ казармамъ, которая, нисколько не усиливая обороны, мѣшала свободному движенію войскъ ([26]).

Въ половинѣ (въ концѣ) іюля, было приступлено къ постройкѣ моста на Большой бухтѣ, съ цѣлью упрочить сообщеніе Севастополя съ арміею и безостановочное снабженіе города боевыми и жизненными припасами и инженерными матеріалами. Князя Горчакова уже давно озабочивала мысль о необходимости такого моста, но адмиралъ Нахимовъ и другіе опытные моряки полагали, что всякій мостъ, на Большой бухтѣ, открытый вѣтрамъ съ моря, не могъ устоять при сильномъ волненіи. Напротивъ того, начальникъ инженеровъ арміи, генералъ-лейтенантъ Бухмейеръ поддерживалъ мнѣніе о возможности построенія моста, доказывая, что оно не представитъ особенныхъ техническихъ затрудненій, и что, въ случаѣ сильнаго волненія, всегда можно будетъ разве-

сти мостъ и притянуть его къ берегу. Главнокомандующій, окончательно убѣжденный этими доводами, утвердилъ 23-го іюня (5-го іюля) проектъ, представленный Бухмейеромъ. Для постройки моста избрано мѣсто между Михайловскою и Николаевскою батареями, равно удаленное отъ непріятельскихъ батарей у Киленъ-балки и у Карантинной горы, тамъ, гдѣ ширина бухты не превышала 450 саженъ. Предположено было устроить мостъ изъ 86-ти плотовъ, каждый изъ 13-ти шести-саженныхъ бревенъ, расположенныхъ съ промежутками и выдвинутыхъ концами попеременно, то въ одну, то въ другую сторону, такъ, чтобы плоты были 8 саж. длины и 4 саж. ширины. Каждый плотъ удерживался на мѣстѣ двумя якорями. Промежутки между ними назначены въ одну сажень, а ширина проѣздной части въ $2\frac{1}{2}$ сажени. По утвержденіи проекта, немедленно приступлено къ заготовкѣ матеріаловъ. Лѣсъ былъ купленъ на днѣпровскихъ пристаняхъ и доставленъ въ Севастополь бо́льшею частью на фурахъ 2-го осаднаго и 4-го понтоннаго парковъ и вновь сформированной 14-й полубригады подвижнаго магазина; остальная часть привезена на вольныхъ подводахъ. Тогда же сдѣланы распоряженія о сформированіи рабочихъ командъ, о пріемкѣ отъ морскаго вѣдомства якорей, желѣза и канатовъ, объ изготовленіи въ походныхъ кузницахъ оковокъ и объ устройствѣ пристаней. Работы производились, подъ личнымъ руководствомъ генерала Бухмейера, 4-го сапернаго баталіона подполковникомъ Мичуринымъ и подпоручикомъ Градовскимъ, а постройка пристаней и мостоваго укрѣпленія на Южной сторонѣ—командиромъ севастопольской инженерной команды, полковникомъ Герцыкомъ. Для работъ сформированы постоянныя команды, именно: для вязки плотовъ—40 плотниковъ изъ са-

перъ и 60 отъ пѣхоты, а для наводки плотовъ и закидыванія якорей—100 матросовъ. При безостановочной подвозкѣ лѣса, можно было бы окончить постройку моста въ нѣсколько дней, но движеніе въ Крымъ 4-й и 5-й пѣхотныхъ дивизій замедлило доставку строительнаго матеріала и только лишь 15-го (27-го) августа, въ день Успенія Пресв. Богородицы, мостъ былъ освященъ и открытъ для сообщенія ([27]).

Непріятельская артиллерія въ это время вообще дѣйствовала слабо, дѣлая ежедневно около 1,500 выстрѣловъ. Сосредоточивая огонь то противъ одного, то противъ другаго пункта оборонительной линіи, атакующій, вмѣстѣ съ тѣмъ, обстрѣливалъ изъ большихъ орудій городъ, рейдъ и Сѣверную сторону, бросая туда и конгревовы ракеты. Чтобы успѣшнѣе направлять огонь на тѣ пункты, гдѣ было собрано наиболѣе войскъ и рабочихъ, у непріятеля были устроены оптическо-телеграфическіе сигналы на флагманскомъ англійскомъ кораблѣ, стоявшемъ близъ устья Большой бухты. Съ палубы и марсовъ этого корабля можно было ясно видѣть передвиженія нашихъ командъ въ городѣ и въ тылу верковъ Корабельной стороны, и подавать о томъ особенные простые сигналы, которые передавались, также по телеграфу, осаднымъ батареямъ. Затѣмъ, съ батарей, отъ которыхъ можно было ожидать наиболѣе успѣшное дѣйствіе, открывался живой огонь. Въ продолженіи мѣсяца (съ половины іюля до половины августа), на оборонительной линіи подбито 40 орудій, взорвано два погребка на 4-мъ бастіонѣ и на батареѣ Жервè, произведено въ городѣ нѣсколько пожаровъ, разбитъ куполъ Михайловскаго собора, во время происходившей въ немъ службы, и повреждены нѣкоторыя изъ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ. Въ это время, несмотря на соблюдаемую нами эко-

номію въ порохѣ и снарядахъ, ежедневно выпускалось среднимъ числомъ съ оборонительной линіи около 3,500, а съ батарей Сѣверной стороны—около 2,000 зарядовъ. Въ атакѣ противъ Городской стороны, непріятель не успѣлъ нисколько приблизиться ни къ 5-му бастіону, ни къ люнету Шварца. Когда же, 4-го (16-го) іюня, получено было отъ перебѣжчика свѣдѣніе, что за Херсонесомъ устроены Французами пороховые погреба, начальникъ артиллеріи генералъ-маіоръ Шейдеманъ направилъ туда огонь ближайшихъ орудій и, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, тамъ замѣченъ былъ взрывъ пороховаго погреба. Не менѣе успѣшно дѣйствовала наша артиллерія Корабельной стороны. Съ 29-го іюня (11 іюля) по 4-е (16-е) августа, въ продолженіи пяти недѣль, Французы подвинулись впередъ къ Малахову кургану только на 50, а къ 2-му бастіону—на 90 саженъ, приближаясь въ сутки среднимъ числомъ къ первому на 1½, а къ послѣднему—на 2½ сажени. Близость непріятельскихъ подступовъ и дѣйствіе атакующаго съ передовыхъ траншей, изъ малыхъ подвижныхъ мортиръ, заставило насъ сформировать на обоихъ флангахъ оборонительной линіи по одной подвижной батареѣ, каждую въ 10 полупудовыхъ и 8-ми-фунтовыхъ мортиръ, которыя переносились съ одного укрѣпленія на другое и, вмѣстѣ съ постоянными батареями, сосредоточивали навѣсный огонь, по мѣрѣ надобности, на различные пункты непріятельскихъ работъ. Ружейный огонь съ оборонительной линіи постоянно былъ силенъ, особенно по ночамъ. Для сбереженія штуцерныхъ патроновъ, стрѣльба производилась преимущественно изъ гладкоствольныхъ ружей, дѣйствіе которыхъ на близкомъ разстояніи было вполнѣ удовлетворительно. Ежедневно расходовалось до 15 тыс. патроновъ ([28]).

Чтобы увеличить потери непріятеля, заставляя его держать въ подступахъ сильные траншейные караулы, подъ близкимъ нашимъ огнемъ, съ 25-го іюня (7 іюля) по 1-е (13) августа, было произведено одиннадцать большихъ и малыхъ вылазокъ, которыя хотя и стоили намъ дорого, однако замедляли работы атакующаго и отчасти уравновѣшивали уронъ, наносимый гарнизону огнемъ непріятельскимъ (29).

Подземная война продолжалась безъ важныхъ результатовъ впереди 4-го бастіона и началась, въ концѣ іюля (въ первой половинѣ августа), передъ люнетомъ Шварца и 5-мъ бастіономъ. Впереди же Малахова кургана, къ устройству контръ-минъ приступлено нѣсколько ранѣе. Здѣсь работы были возложены на штабсъ-капитана фонъ-Клугена, съ одною ротою 4-го сапернаго баталіона и 450-ю человѣками отъ пѣхоты (30).

Въ продолженіи времени съ 28-го іюня (10-го іюля) по 4-е (16-го) августа, гарнизонъ потерялъ, какъ отъ огня, такъ и при вылазкахъ, 9,097 человѣкъ, а у непріятеля выбыло изъ фронта 5,044, изъ числа коихъ 3,945 Французовъ и 1,099 Англичанъ (31).

Въ составѣ гарнизона, во весь періодъ съ 6-го (18-го) іюня по 4-е (16-е) августа, произошли немногія перемѣны: 20-го іюня (2-го іюля) выведены изъ Севастополя на Инкерманскія высоты Одесскій и Украинскій полки, а взамѣнъ ихъ введены въ городъ три полка 15-й резервной дивизіи: Модлинскій, Прагскій и Люблинскій, въ трехъ-баталіонномъ составѣ. 6-го (18-го) іюня, введенъ въ Севастополь Волынскій полкъ, а 22-го и 23-го іюля (3-го и 4-го августа), 7-я пѣхотная дивизія, которая, однакоже, 2-го (14-го) августа, переправлена на Сѣверную сторону, и тогда же введенъ въ городъ Замосцскій полкъ (32).

Многіе изъ полковъ, находясь въ Севастополѣ продолжительное время, были разстроены и ослаблены понесеннымъ урономъ, что̀ заставило переформировать нѣкоторые изъ нихъ, именно: Забалканскій (Черниговскій), Полтавскій, Алексопольскій, Сѣвскій и Брянскій—въ двухъ-баталіонный и Муромскій—въ одно-баталіонный составъ ([33]).

Въ теченіи этого времени, подвезено въ Севастополь изъ Измаила, Хотина, Бендеръ, Ростова-на-Дону, Кіева и Шостенскаго завода, до 40 тыс. пудовъ пороха и до 100 тыс. снарядовъ ([34]).

29-го іюня (11-го іюля), на мѣсто адмирала Нахимова, назначенъ помощникомъ начальника гарнизо̀на по морской части, военнымъ губернаторомъ Севастополя и командиромъ порта контръ-адмиралъ Панфиловъ, съ самаго начала осады безотлучно командовавшій 3-мъ отдѣленіемъ; а 21-го іюля (2-го августа), командиромъ севастопольскаго порта и военнымъ губернаторомъ назначенъ вице-адмиралъ Новосильскій, а Панфиловъ сохранилъ только званіе помощника гарнизона по морской части. На мѣсто же Панфилова поступилъ начальникомъ 3-го отдѣленія капитанъ 1-го ранга Перелешинъ 1-й.

Командиромъ 6-го корпуса, на мѣсто князя П. Д. Горчакова, былъ назначенъ, въ началѣ (въ половинѣ) іюля, генералъ-лейтенантъ Липранди.

Начальникомъ войскъ на Городской сторонѣ назначенъ, 23-го іюня (5-го іюля), генералъ-лейтенантъ Семякинъ, а помощникомъ его — начальникъ 1-го отдѣленія генералъ-маіоръ Хрущовъ. Начальникомъ войскъ на Корабельной сторонѣ оставался генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, а помощникомъ ему назначенъ, 24-го іюля (5-го августа), генералъ-маіоръ Лисенко.

Войска 2-го отдѣленія находились подъ началь-

ствомъ генералъ-маiора Шульца; 3-го подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Павлова; 4-го—генералъ-маiора Буссау; 5-го — генералъ-маiора Сабашинскаго.

Помощниками начальниковъ отдѣленiй оборонительной линiи были назначены: 1-го—сперва капитанъ-лейтенантъ Стеценковъ, а потомъ капитанъ 1-го ранга Микрюковъ; 2-го—командиръ Тобольскаго полка полковникъ Зеленый; 3-го—капитанъ-лейтенантъ Юрьевъ; 4-го—капитанъ 2-го ранга Андреевъ; 5-го—капитанъ-лейтенантъ Ильинскiй ([35]).

Послѣ 6-го (18-го) iюня, въ продолженiи двухъ мѣсяцевъ, вооруженiе осадныхъ батарей было усилено вообще 113-ю орудiями, именно: на Киленъ-балочныхъ высотахъ и между Киленъ-балкой и Доковымъ оврагомъ—86-ю, на Воронцовской высотѣ и на Зеленой горѣ — 26-ю и противъ Городской стороны—однимъ орудiемъ. Всего же къ 4-му (16-му) августа осадныя батареи, не считая подвижныхъ батарей, были вооружены 700-ми орудiями, изъ коихъ: 186 французскихъ, на правой атакѣ, противъ Корабельной стороны; 186 англiйскихъ и 328 французскихъ, на лѣвой атакѣ, противъ Городской стороны. Изъ этихъ орудiй были назначены: 638 для дѣйствiя по укрѣпленiямъ оборонительной линiи; 56—противъ города, рейда и Сѣверной стороны, и 6 — для отраженiя вылазокъ. Кромѣ того, у Союзниковъ было въ запасѣ до 250-ти орудiй и въ непродолжительномъ времени они ожидали присылки 400 большихъ мортиръ.

Обороняющiйся, въ то же время, усилилъ вооруженiе оборонительной линiи 135-ю орудiями, изъ коихъ прибавлено: на 1-мъ и 2-мъ бастiонахъ и на Малаховомъ курганѣ—71; на 3-мъ бастiонѣ и смежныхъ укрѣпленiяхъ—43; на укрѣпленiяхъ Городской

стороны—16 и на внутреннихъ батареяхъ 5 орудій. Но изъ всего числа ихъ только 40 могли противодѣйствовать осаднымъ батареямъ, прочія же 95 были назначены для обстрѣливанія мѣстности впереди укрѣпленій, а также для фланговой и внутренней обороны. Къ 4-му (16-му) августа, на сухопутныхъ укрѣпленіяхъ Южной стороны находилось 1,259 орудій, изъ коихъ было назначено: 586—для дѣйствія по осаднымъ батареямъ, 421—для обстрѣливанія мѣстности и фланкированія укрѣпленій и 252—для внутренней обороны.

Слѣдовательно, для артиллерійской борьбы атакующій имѣлъ перевѣсъ на 52 орудія. На сторонѣ его было огромное превосходство въ навѣсномъ огнѣ, именно 205 мортиръ противъ 69-ти обороняющагося; къ тому же, изъ числа послѣднихъ, 39 двухъпудовыхъ мортиръ не могли дѣйствовать по неимѣнію снарядовъ.

Изъ сравненія числа орудій, дѣйствовавшихъ съ осадныхъ батарей, съ числомъ орудій, отвѣчавшихъ имъ съ оборонительной линіи, оказывается, что: на Городской сторонѣ наша артиллерія была равносильна съ непріятельскою, а на 4-мъ бастіонѣ мы имѣли даже нѣкоторый перевѣсъ; на Корабельной же сторонѣ число орудій, дѣйствовавшихъ прицѣльно, было почти одинаково; но непріятель имѣлъ впятеро больше мортиръ и могъ дѣйствовать навѣсно вдесятеро сильнѣйшимъ огнемъ.

Осадныя батареи были снабжены 350—450-ю готовыми зарядами, которые безъ затрудненія наполнялись изъ значительныхъ запасовъ непріятеля. На оборонительной линіи, по распоряженію генерала Сакена, должно было состоять: на каждое длинное орудіе, дѣйствовавшее по осаднымъ батареямъ, 140; на каждое длинное орудіе, дѣйствовавшее въ случаѣ штурма—

70 и на каждую мортиру — 60 зарядовъ. Впрочемъ, на многихъ батареяхъ, число зарядовъ, сохраненныхъ батарейными командирами, было гораздо болѣе. Всего же на сухопутныхъ укрѣпленіяхъ Южной стороны было до 150-ти тысячъ, а на береговыхъ батареяхъ около 12,500 зарядовъ, и, кромѣ того, въ общемъ запасѣ 21,500 пуд. пороха. Въ разрывныхъ зарядахъ чувствовался недостатокъ: бомбъ 5-ти-пудовыхъ имѣлось только 2,300; 68-ми-фунт. около 2-хъ тысячъ; 2-хъ-пуд. не было вовсе; гранатъ: ½-пуд. — 8 тысячъ; ¼-пуд. — 5 тысячъ и 3-хъ-фунт. — 14 тысячъ ([36]).

Въ послѣднихъ числахъ іюля (въ началѣ августа) прибыли на Качу 4-я и 5-я пѣхотныя и 7-я резервная дивизіи, вмѣсто которыхъ въ составъ Перекопскаго отряда поступили орловское и тульское ополченія, а 17 дружинъ курскаго ополченія были направлены въ Крымъ. Тогда же 2-я и 3-я гренадерскія дивизіи, стоявшія у Балты и Ольвіополя, двинулись къ Перекопу.

Государь Императоръ, извѣщая князя Горчакова объ отправленіи въ Крымъ значительныхъ подкрѣпленій, требовалъ, чтобы 4-я и 5-я пѣхотныя дивизіи не были дробимы по частямъ, а образовали резервъ, для нанесенія рѣшительнаго удара, или, въ случаѣ неудачи подъ Севастополемъ, для встрѣчи непріятеля въ полѣ ([37]).

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XX.

---

(1) Составъ французскихъ войскъ: *1-я дивизія генерала Канробера:* 1-я бригада, генерала Эспинасса: 1-й стрѣлковый баталіонъ, полки: 1-й Зуавскій и 7-й линейный; 2-я бригада, генерала Винуа: 1-й отборный баталіонъ (bataillon d'élite) иностраннаго легіона, 9-й стрѣлковый баталіонъ, полки: 20-й и 27-й линейные; *2-я дивизія генерала Боске*: 1-я бригада генерала д'Отмара: алжирскій стрѣлковый баталіонъ; полки: 3-й Зуавскій и 50-й линейный; 2-я бригада генерала Буà: 3-й стрѣлковый баталіонъ, полки: 7-й легкій и 6-й линейный; *3-я дивизія принца Наполеона:* 1-я бригада, генерала Монè: 19-й стрѣлковый баталіонъ, полки: 2-й Зуавскій и 3-й морской (infanterie de marine); 2-я бригада генерала Томà: 20-й и 22-й легкіе полки; *4-я дивизія генерала Форе:* 1-я бригада генерала Лурмеля: 5-й стрѣлковый баталіонъ, полки: 19-й и 26-й линейные; 2-я бригада генерала д'Ореля: 39-й и 74-й линейные полки, всего пѣхоты 25,200 человѣкъ. *Кавалеріи* по одному эскадрону спаговъ и африканскихъ конно-егерей, въ числѣ 150-ти человѣкъ. *Артиллерія:* 12 батарей.

(2) Составъ англійскихъ войскъ: *легкая дивизія генерала Броуна:* 1-я бригада, генерала Кодрингтона: 7-й, 23-й и и 33-й пѣхотные полки; 2-я бригада, генерала Буллера: 2-й стрѣлковый полкъ двухъ-баталіоннаго состава (прочіе же всѣ англійскіе полки одно-баталіонные), 19-й, 77-й и 88-й пѣхотные полки; *1-я дивизія герцога Кембриджскаго:* 1-я бригада, генерала Бентинка: гвардейскій гренадерскій, Coldstream и гвардейскій Шотландскій стрѣлковый полки; 2-я бригада, генерала Коллинъ-Кемпбеля: 42-й, 79-й и 93-й пѣх. полки; *2-я дивизія, генерала Леси-Эванса:* 1-я бригада, генерала Пеннефазера: 30-й, 55-й и 95-й пѣх. полки; 2-я бригада генерала Адамса: 41-й, 47-й и 49-й пѣх. полки; *3-я дивизія генерала Инглеида:* 1-я бригада, генерала Джона Кемпбеля: 1-й, 38-й и 50-й пѣх. полки; 2-я бригада, генерала Эйра: 4-й, 28-й и 44-й пѣх. полки; *4-я дивизія генерала Каткарта:* 1-я бригада, генерала Гольди: 21-й, 46-й и 57-й пѣх. полки; 2-я бригада, генерала Торренса: 20-й, 63-й и 68-й полки. *Кавалерія, подъ*

начальствомъ лорда Кардигана: 17-й уланскій, 8-й и 11-й гусарскіе, 4-й и 13-й легкіе драгунскіе полки, двухъ-эскадроннаго состава, всего въ числѣ 1,100 человѣкъ. *Артиллерія:* 9 батарей шести-орудійнаго состава.

(3) Союзная армія, вмѣстѣ съ турецкими войсками, считала въ рядахъ отъ 59-ти до 60-ти тысячъ человѣкъ. Niel. Siége de Sebastopol. 7—9.—A. Du Casse. Précis historique des opérations militaires en Orient. 102—104.—У генерала Тотлебена число Союзныхъ войскъ показано 62,223 человѣка.

(4) G-l Niel. Siége de Sebastopol. 8.—Тотлебенъ.

(5) A. Du Casse. 103—104.

(6) Bazancourt. L'expédition de Crimée. Marine. I. 219—220.

(7) A. Du Casse. 107—110.

(8) A. Du Casse. 111—112.—Kinglake. The invasion of the Crimea, Leipzig. 1863. III. 178—182.—Ch. Fay. Souvenirs de la guerre de Crimée, 1854—1856. 48.

(9) Guérin. Histoire de la dernière guerre de Russie (1853—1856). I. 222.—Тотлебенъ.—По свидѣтельству же Кинглека (III. 193), Англичане успѣли высадить, 2-го (14) сентября, всю свою пѣхоту и часть артиллеріи.

(10) A. Du Casse. 112.—113.—Bazancourt. Marine. 231—232.—Kinglake. III. 193.—194.—Shrimpton. L'armée anglaise et miss Nightingale.—Ch. Fay. 50—52.

(11) Донесеніе князя Меншикова, отъ 2-го сентября 1854 года.

(12) Донесеніе князя Меншикова, отъ 6-го сентября 1854 года.

(13) Составъ русскихъ войскъ, собранныхъ 1-го (13) сентября (наканунѣ непріятельской высадки) въ окрестностяхъ Севастополя.

На р. Алмѣ у селенія Бурлюкъ:

Владимірскій пѣхотный полкъ	4	батал.
Суздальскій „ „	4	„
16-й бригады батарейная батарея № 1 . . .	12	орудій.
„ „ легкая батарея № 1	12	„

На р. Качѣ:

Гусарскій Е. И. В. Николая Максимиліановича (Кіевскій) полкъ	8	эскадроновъ.
Конная легкая батарея № 12	8	орудій.

Между р. Бельбекомъ и Севастопольскимъ рейдомъ:

Бородинскій егерскій Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полкъ	4	батал.
Тарутинскій егерскій полкъ	4	„
6-й стрѣлковый баталіонъ	1	„
17-й бригады легкая батарея № 4	8	орудій.
„ „ „ „ № 5	8	„
Донская конно-легк. батарея № 4	8	„

Въ Севастополѣ и по южную сторону города:

Волынскій пѣхотный полкъ.	4 батал.
Минскій „ „	4 „
Брестскаго пѣх. полка рез. баталіоны. . .	2 „
Бѣлостокскаго пѣх. полка рез. баталіоны .	2 „
Литовскаго егерскаго полка рез. баталіоны.	2 „
Виленскаго „ „ „ „ .	2 „
Сводный морской баталіонъ	1 „
6-й саперный баталіонъ	1 „
Донскаго № 39-го полка	3 сотни.
14-й бригады легкая батарея № 3	8 орудій.
„ „ „ „ № 4	8 „

У Симферополя:

Егерскій Е. И. Выс. Михаила Николаевича (Казанскій) полкъ	4 батал.
Гусарскій Гроссъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго (Ингерманландскій) полкъ . .	8 эскадроновъ.
16-й бригады легкой батареи № 2	6 орудій.

На пути отъ Перекопа къ Симферополю:

Углицкій егерскій полкъ.	4 батал.
16-й бригады легкой батареи № 2	6 орудій.
Донскихъ казачьихъ полковъ №№ 57 и 60. .	11 сотенъ.
Донская конно-бат. батарея № 3	8 орудій.

(14) М. Енишерловъ. Описаніе сраженія на р. Алмѣ.

(15) В. Бейтнеръ. Дѣйствія Московскаго полка въ сраженіи при Алмѣ. (Рукописи о Севастопольской оборонѣ, представленныя Государю Наслѣднику Цесаревичу).

(16) В. Стеценковъ. Крымская кампанія. Воспоминанія и разсужденія. (Рукописи о Севастопольской оборонѣ).

(17) Ch. Fay. 49.

(18) М. Енишерловъ.

(19) В. Стеценковъ. — А. Розинъ. Очерки изъ Крымской войны. (Рукописи о Севастопольской оборонѣ).

(20) Bazancourt. L'expédition de Crimée. L'armée française. I. 200. При наступленіи отъ Булганака къ Алмѣ, французскія войска, для охраненія отъ атакъ нашей кавалеріи, были построены въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ сраженіи при Исли, именно: пѣхота въ видѣ ромба, углы котораго были составлены изъ дивизій, построенныхъ въ баталіонныя колонны къ атакѣ; въ этомъ ромбѣ, обращенномъ однимъ изъ угловъ впередъ къ сторонѣ русской арміи, батареи каждой изъ дивизій были расположены въ интервалахъ между колоннами, а кавалерія и обозы двигались внутри ромба.

(21) Kinglake. III. 267—269.

(22) Guérin. I. 232—233.

([23]) Kinglake. III. 261—265.

([24]) Составъ дивизіи генерала Боскè: 10 баталіоновъ, рота саперъ, двѣ батареи (12 орудій).—Bazancourt. I. 340.

([25]) Guérin. I. 237—238.

([26]) Bazancourt. L'armée française. I. 215.—Kinglake. III. 269—270.

([27]) Енишерловъ.

([28]) В. Стеценковъ.—Панаевъ. (Русская Старина. 1877. II).

([29]) В. Бейтнеръ.

([30]) Письмо генерала Кирьякова къ редактору „Русскаго Инвалида", отъ 31-го мая 1856 года.

([31]) Енишерловъ.

([32]) В. Бейтнеръ.—Guérin. I.239—240.

([33]) Kinglake. III. 272—273.

([34]) Енишерловъ.—Въ сочин. генерала Тотлебена сказано: „Бывшія на лѣвомъ берегу Алмы въ цѣпи двѣ роты 6-го стрѣлковаго баталіона могли бы нанести вредъ дивизіи Канробера, при переходѣ ея чрезъ рѣку, но, не имѣя патроновъ и не отыскавъ своихъ патронныхъ ящиковъ, находившихся гдѣ-то за правымъ флангомъ, они отступили, когда войска Канробера только-что начинали подниматься на плато".

([35]) Guérin. I. 241—242.

([36]) Бейтнеръ.—Енишерловъ.

([37]) Kinglake. III. 277—283.

([38]) Енишерловъ.—Kinglake. IV. 39—40.

([39]) Енишерловъ.—Kinglake. IV. 46—60.

([40]) А. Розинъ. Очерки изъ Крымской войны. (Дневникъ очевидца).—Воспоминанія Н. А. Горбунова.—Kinglake. IV. 79—91.

([41]) Kinglake. IV. 91—92.

([42]) Н. Горбуновъ. Воспоминанія объ участіи при защитѣ города Севастополя. (Рукописи о Севастопольской оборонѣ).

([43]) Письмо генер.-лейт. Квицинскаго редактору „Русскаго Инвалида", отъ 15-го марта 1856 года.—Kinglake. IV. 167—183.

([44]) А. Розинъ.

([45]) Енишерловъ.—Kinglake. IV. 207.

([46]) Енишерловъ.—Guérin. I. 250.

([47]) Kinglake. IV. 213—215 and 229.—Guérin. I. 250—Shrimpton.

([48]) Енишерловъ.

([49]) Guérin. I. 251 .

([50]) Енишерловъ.

([51]) Bazancourt. L'armée française. I. 242.—Kinglake. IV. 241—242

Союзныя арміи въ Крыму.

I.

Французская армія.

Пѣхотные полки состояли каждый изъ двухъ баталіоновъ. Въ пѣхотныхъ дивизіяхъ находилось по четыре полка и по два, либо по три стрѣлковыхъ баталіона.

Кавалерія, при высадкѣ въ сентябрѣ 1854 года, состояла всего изъ двухъ эскадроновъ.

Батареи были въ шести-орудійномъ составѣ.

Войска, высадившіяся въ Крымъ.

			Батал.	Число люд.
1-я дивизія генерала Канробера.	бригада генерала Эспинасса.	1-й стрѣлковый баталіонъ . .	1	7,062
		1-й полкъ зуавовъ	2	
		7-й линейный полкъ	2	
	бригада генерала Винуа.	9-й стрѣлков. баталіонъ. . .	1	
		20-й линейный полкъ. . .	2	
		27-й » » . . .	2	
		Иностраннаго легіона . . .	1	
2-я дивизія генерала Боскѐ.	бригада генерала д'Отмàра.	Алжирскіе стрѣлки	2	6,870
		3-й полкъ зуавовъ. . . .	2	
		50-й линейный полкъ. . . .	2	
	бригада генерала Буà.	3-й стрѣлковый баталіонъ. .	1	
		7-й легкій полкъ	2	
		6-й линейный полкъ. . . .	2	
3-я дивизія принца Наполеона.	бригада генерала Монѐ.	19-й стрѣлковый баталіонъ .	1	6,106
		2-й полкъ зуавовъ . . .	2	
		3-й полкъ морской пѣхоты .	2	
	бригада генерала Томà.	20-й легкій полкъ	2	
		22-й » »	2	
4-я дивизія генерала Форѐ.	бригада генерала Лурмеля.	5-й стрѣлковый баталіонъ . .	1	5,158
		19-й линейный полкъ. . . .	2	
		26-й » » . . .	2	
	бригада генерала д'Орéль.	39-й линейный полкъ . . .	2	
		74-й » » . . .	2	
Спаги и африканск. конн. егеря 2 эскадр.				150
12 батарей, 68 орудій				1,968
Инженерный корпусъ				909
Итого 40 батал., 2 эскадр., 68 орудій. . .				28,223

II.

Англійская армія.

Пѣхотные полки, почти всѣ, находились въ одно - баталіонномъ составѣ.

Кавалерійскіе полки—въ двухъ-эскадронномъ составѣ.

Батареи—въ шести-орудійномъ составѣ.

Войска, высадившіяся въ Крымъ.

легкая дивизія генерала Броуна.	бригада генерала Кодрингтона.	7-й пѣхотный полкъ	1	6,000
		23-й » »	1	
		33-й » »	1	
	бригада генерала Бутлера.	19-й пѣхотный полкъ	1	
		77-й » »	1	
		88-й » »	1	
		2-й стрѣлковый полкъ	2	
1-я дивизія герцога Кембриджскаго.	бригада генерала Бентинка.	гвардейскій грен. полкъ	1	4,500
		Coldstream » »	1	
		гвардейскіе шотл. стрѣлки	1	
	бригада генечала Коллинъ-Кемпбеля.	42-й пѣхотный полкъ	1	
		79-й » »	1	
		93-й » »	1	
2-я дивизія генерала Леси-Эванса	бригада генерала Пеннефазера.	30-й пѣхотный полкъ	1	4,500
		55-й » »	1	
		95-й » »	1	
	бригада генерала Адамса.	41-й пѣхотный полкъ	1	
		47-й » »	1	
		49-й » »	1	
3-я дивизія генерала Ингленда.	бригада генерала Джона-Кемпбеля	1-й пѣхотный полкъ	1	4,500
		38-й » »	1	
		50-й » »	1	
	бригада генерала Эйра.	4-й » »	1	
		28-й » »	1	
		44-й » »	1	
4-я дивизія генерала Каткарта.	бригада генерала Гольди.	21-й пѣхотный полкъ	1	4,500
		46-й » »	1	
		57-й » »	1	
	бригада генерала Торренса.	20-й пѣхотный полкъ	1	
		63-й » »	1	
		68-й » »	1	
	легкая бригада лорда Кардигана.	17-й уланскій полкъ.	2 эскадр.	1,100
		8-й гусарскій »	2 »	
		11-й » »	2 »	
		4-й легк. драгун. полкъ	2 »	
		13-й » » »	2 »	

Девять полевыхъ батарей 6-ти-орудійнаго состава.

Итого 32 баталіона, 10 эскадроновъ, 54 орудія, въ числѣ до 27-ми тыс. человѣкъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXI.

(¹) А. Жандръ. Матеріалы для Исторіи обороны Севастополя и для біографіи В. А. Корнилова. 194—199.—В. Стеценковъ. Крымская кампанія. Воспоминанія и разсужденія. (Сборникъ рукописей, представленныхъ Е. И. Выс. Государю Наслѣднику Цесаревичу о Севастопольской оборонѣ Севастопольцами. I.).

(²) Корабли, расположенные вдоль берега бухты: Ростиславъ, Великій Князь Константинъ, Ягудіилъ, Двѣнадцать Апостоловъ, Парижъ, Святославъ, Императрица Марія, Чесьма, Храбрый, Гавріилъ.

(³) Суда, затопленныя у входа въ большую бухту: корабли: Три Святителя, Уріилъ, Селафаилъ, Варна; портовой корабль Силистрія; фрегаты: Сизополь и Флора.

(⁴) А. Жандръ. 202—204.—Г. Чаплинскій. Воспоминанія о Севастопольской оборонѣ. (Сборникъ рукописей о Севастопольской оборонѣ. II.).

(⁵) B-n de Bazancourt. L'expédition de Crimée. L'armée française etc. I. 248.

(⁶) Приказъ 11-го сентября 1854 года, за №40.

(⁷) Сформированы, 11-го (23) сентября, изъ моряковъ: 4 дессантные, на прежнемъ основаніи; 1 рекрутскій — также; 5 нумерныхъ: 29-й, 32-й, 34-й, 42-й и 45-й, изъ экипажей затопленныхъ кораблей; 2: 44-й и Сизопольско-Флорскій; изъ фрегатскихъ командъ, и 5 морскихъ: 1-й, съ кораблей Ягудіилъ и Храбрый; 2-й, съ кораблей Чесьма и Ростиславъ; 3-й, съ кораблей Парижъ и Гавріилъ; 4-й, съ кораблей Двѣнадцать Апостоловъ и Святославъ; 5-й съ кораблей Императрица Марія и Великій Князь Константинъ.

(⁸) Резервные баталіоны полковъ: Брестскаго, Бѣлостокскаго, Литовскаго и Виленскаго полковъ и 2-й стрѣлковый баталіонъ.

(⁹) А. Жандръ. 214—215 и 218.

(¹⁰) Тотлебенъ. Описаніе обороны города Севастополя.

(¹¹) Kinglake. The invasion of the Crimea. Leipzig. 1868. V. 13—15.

(¹²) Kinglake. V. 16. — Guérin. Histoire de la dernière guerre de Russie. 1853—1856. I. 267—268. — Bazancourt. L'armée française etc. I. 245.

(13) Kinglake. V. 22—23.

(14) Записки генерала Бургоэна, отъ 21-го сентября н. ст. 1854 г.

(15) Kinglake. V. 31—36.

(16) Жандръ. 213 и 216. Письмо Корнилова къ женѣ его, отъ 13-го сентября.

(17) Составъ авангарда: 15 баталіоновъ, 8 эскадроновъ, 9 казачьихъ сотенъ, съ 38-ю орудіями.

(18) Тотлебенъ.

(19) Kinglake. 87—88, 93 and 101—102.—Bazancourt. I. 253—259.—Guérin. I. 272.

(20) Bazancourt. I. 262.

(21) Тотлебенъ.—Kinglake. 103—104 and 178—179.—Guérin. I. 278—279.

(22) Флотскіе баталіоны, перевезенные на Южную сторону, 14-го (26-го) сентября: 1, 2, 3 и 4 дессантные, 4, 5, 29, 32, 34, 45 и Сизопольско-Флорскій.

(23) Подъ начальствомъ генералъ-маіора Аслановича: 5 и 6 Брестскіе, 5 и 6 Бѣлостокскіе, 6 Виленскій и 6 Литовскій баталіоны.

(24) Подъ начальствомъ вице-адмирала Новосильскаго: морскіе баталіоны: 29, 32, 34, 44, 45, Сизопольско-Флорскій, 1 и 2 сводные.

(25) Подъ начальствомъ контръ-адмирала Истомина: баталіоны: 1 2, 3 и 4 дессантные, подъ командою капитана 1-го ранга Варницкаго, и 4 и 5 морскіе, подъ командою капитана 1-го ранга Юрковскаго.

(26) Диспозиція по оборонѣ города Севастополя, 14-го сентября 1854 года.

(27) Жандръ. 227.

(28) Тотлебенъ.

(29) Тотлебенъ.

(30) Тотлебенъ.

(31) В. Зеленковичъ. Статья, помѣщенная въ «Сѣверной Пчелѣ» 1855 г. № 113.—Kinglake. V. 103—109.

(32) Bazancourt. I. 274—279 et 299.

(33) Жандръ. 225—229.

(34) Стеценковъ. Крымская кампанія. Воспоминанія и разсужденія. (Сборникъ рукописей о Севастопольской оборонѣ. I.).—Жандръ. 231 и 234—235.

(35) Г. Чаплинскій. Воспоминанія о Севастопольской оборонѣ. (Сборникъ рукописей и проч. II.).—Тотлебенъ.

(36) Тотлебенъ.

(37) Kinglake. V. 224—225.

(38) Тотлебенъ.

(39) Жандръ. 232.

(40) Kinglake. V. 244—245.

(41) Записка генерала Бургоэна, отъ 20-го ноября, и Мемуаръ его же, 30-го декабря 1854 года.

(42) Kinglake. V. 277—279 and VI. 1—3.

(43) Kinglake. VI. 28—30.

(44) A. Du-Casse. Précis historique des opérations militaires en Orient, de mars 1854 à octobre 1855. 144 et 147.

(45) Жандръ. 238—239.

(46) Подробное росписаніе войскъ для обороны Севастополя, по диспозиціи 1-го (13) октября 1854 года:

Городская сторона.

1-е отдѣленіе: на береговой батареѣ № 10-го двѣ роты 6-го Литовскаго баталіона; на Александровской батареѣ полроты 6-го Литовскаго баталіона; на береговой батареѣ № 8-го полроты 6-го Литовскаго баталіона; на 7-мъ бастіонѣ 6-й Бѣлостокскій баталіонъ; между 6-мъ и 7-мъ бастіонами 6-й Виленскій баталіонъ; на 6-мъ бастіонѣ 6-й Брестскій баталіонъ; между 5-мъ и 6-мъ бастіонами 5-й Брестскій баталіонъ; на 5-мъ бастіонѣ 5-й Бѣлостокскій баталіонъ; на редутѣ № 1-го (Шварца) полроты 6-го Литовскаго баталіона; въ резервѣ 1-го отдѣленія, за бараками 5-го бастіона, Минскій полкъ, 33-й экипажъ и дивизіонъ артиллеріи 13-й бригады.

2-е отдѣленіе: между редутомъ № 1-го (Шварца) и 4-мъ бастіономъ 29-й экипажъ; на 4-мъ бастіонѣ 2-й Черноморскій баталіонъ; на бульварѣ 34-й экипажъ; въ резервѣ 2-го отдѣленія, за каменнымъ погребомъ, 3-й Тарутинскій баталіонъ и за бараками 4-го бастіона, 32-й и 37-й экипажи; главный резервъ Городской стороны: на Театральной площади: 1-й, 2-й и 4-й Тарутинскіе, 6-й Волынскій и 6-й Минскій баталіоны и на Николаевской площади: легкія №№ 4-хъ батареи 14-й и 17-й артиллерійскихъ бригадъ.

Корабельная сторона.

3-е отдѣленіе: у казармъ морской артиллеріи 45-й экипажъ; въ траншеѣ между казармами и 3-мъ бастіономъ 3-й Московскій баталіонъ; на 3-мъ бастіонѣ 40-й и 41-й экипажи; въ траншеѣ между 3-мъ бастіономъ и батареею № 3-го (Будищева) 4-й Московскій баталіонъ; въ траншеѣ между садомъ и Доковымъ оврагомъ 38-й экипажъ; въ резервѣ 3-го отдѣленія, между морскимъ госпиталемъ и Доковымъ оврагомъ, 1-й и 2-й Московскіе баталіоны.

4-е отдѣленіе: у Доковаго оврага 44-й экипажъ; на Малаховомъ курганѣ 36-й экипажъ; между курганомъ и 2-мъ бастіономъ 1-й Бутырскій баталіонъ; на 2-мъ бастіонѣ 1-й Бородинскій баталіонъ; между 2-мъ бастіономъ и Киленъ-бухтою Черноморскій баталіонъ № 8-го; въ резервѣ 4-го отдѣленія, за Малаховымъ курганомъ, 35-й и 39-й экипажи; въ главномъ резервѣ Корабельной стороны: въ морскихъ казармахъ: 2-й, 3-й и 4-й Бородинскіе баталіоны и легкая № 5-го батарея 17-й артиллерійской бригады и въ Ушаковой балкѣ: 2-й, 3-й и 4-й Бутырскіе баталіоны.

А. Жандръ. 276—278.

(47) Подробности устройства и вооруженія севастопольскихъ укрѣпленій заимствованы изъ сочин. генер. Тотлебена: Описаніе обороны города Севастополя.

(48) Du Casse. 148—151.—Bazancourt. I. 307—312.—Жандръ. 268—273, 280—282 и 286—287.

(49) Kinglake. VI. 98—99.

(50) Kinglake. VI. 72—75 and 136.

(51) Жандръ. 292.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXII.

(¹) Kinglake. The invasion of the Crimea. Leipzig. 1868. VI. 102.

(²) Тотлебенъ. Описаніе обороны города Севастополя.

(³) Жандръ. Матеріалы для Исторіи обороны Севастополя. 292—293.—Воспоминанія Георгія Чаплинскаго.—Воспоминанія капитана 1-го ранга Реймерса. (Сборн. рукоп. и пр.).

(⁴) Эта батарея, построенная по берегу Карантинной бухты, на двухъ выдающихся мысахъ, занимала протяженіе въ 200 саженъ. Она состояла изъ двухъ исходящихъ закругленныхъ частей, соединенныхъ ломаною куртиною, и вообще была довольно слабой профили (отъ 16 до 20 футовъ). Съ сухаго пути окружала батарею низкая земляная насыпь полевой профили, съ бревенчатымъ палисадомъ, въ которомъ были прорѣзаны бойницы. Кавальеръ, съ тремя полупудовыми единорогами, служилъ для горжевой обороны, а бревенчатый капониръ—для обстрѣливанія рва двумя небольшими карронадами. Бабенчиковъ. „День и ночь въ Севастополѣ“. Военный Сборникъ. 1875. № 8.

(⁵) Тамъ же.

(⁶) Тотлебенъ. — Guérin, Histoire de la dernière guerre de Russie 1853—1856. I. 314—315.

(⁷) Воспоминанія Георгія Чаплинскаго.

(⁸) Донесенія князя Меншикова.

(⁹) Жандръ. 293—300.

(¹⁰) Тотлебенъ. — Воспоминанія Георгія Чаплинскаго.

(¹¹) Guérin. I. 319—320.

(¹²) Тотлебенъ. — Bazancourt. L’expédition de Crimée. La marine française. I. 399—401.

(¹³) По свидѣтельству Кинглека (VI. 152 and 153), французско-турецкая эскадра, бомбардировавшая Севастополь 5-го (17) октября, состояла изъ 13-ти кораблей съ 600 орудій одного борта.

(¹⁴) „Британія“ (120 орудій), „Трафальгаръ“ (120 ор.), „Вендженсъ“ (84 ор.), „Королева“ (116 ор.), „Беллерофонъ“ (78 ор.) и „Родней“ (90 ор.).

(15) „Агамемнонъ" (90 ор.), „Сапъ-Парейль" (68 ор.) и „Лондонъ" (90 ор.).
(16) Тотлебенъ.
(17) Свѣдѣнія, сообщенныя бывшимъ комендантомъ 10-й батареи А. Н. Андреевымъ.
(18) Guérin. I. 320—321.
(19) Бабенчиковъ. Военн. Сборн. 1875. № 8.
(20) Kinglake. VI. 178—182.
(21) Kinglake VI. 182—194.
(22) Тотлебенъ.
(23) Тотлебенъ.—Жандръ. 302.—Свѣдѣнія, сообщенныя бывшимъ комендантомъ 10-й батареи, А. Н. Андреевымъ.
(24) Тотлебенъ.—Kinglake. VI. 208—209 and 235—236.—Niel. Siége de Sebastopol. 65.
(25) Бабенчиковъ. Военн. Сборн. 1875. № 8.
(26) Тотлебенъ.
(27) Kinglake. VI. 209—210.
(28) Г. И. Бутаковъ. Изъ артиллерійскихъ замѣтокъ на Севастопольскомъ рейдѣ.
(29) Тотлебенъ.—Guérin. I. 328.
(30) We are told, indeed, that the Emperor has still the resources of an inaccessible territory, and an indomitable will, and that he may retire behind his steppes to preserve, somewhere between Moscow and Kasan, the palladium of his dynasty. Kinglake. VII. 25.
(31) Kinglake. VII. 35.
(32) Тотлебенъ.
(33) П. Алабинъ. Походныя записки въ войну 1853—1856 годовъ. II. 208.
(34) Тотлебенъ.
(35) Тотлебенъ.
(36) Донесеніе Государю князя Меншикова, отъ 11-го (23) октября 1854 года.—Guérin. I. 330—331.
(37) Тотлебенъ.
(38) Письма Государя князю Меншикову, отъ 11-го и 16-го октября 1854 года.
(39) Изъ письма Государя, отъ 17-го октября 1854 года.
(40) Собственноручное Высочайшее повелѣніе, отъ 12-го октября 1854 года, и Высоч. повелѣніе министру финансовъ.
(41) Высочайшій рескриптъ 14-го октября 1854 года.
(42) Высочайшій рескриптъ, 15-го октября 1854 года, за подписью Императрицы Александры Θеодоровны.
(43) Дополненіе къ Высочайшему приказу, 12-го октября 1854 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXIII.

---

(1) Составъ подкрѣпленій, прибывшихъ къ французской арміи: *бригада д'Алонвиля:* 1-й и 4-й полки Африканскихъ егерей; *дивизія Левальяна:* бригада ла-Мотружа: 21-й и 41-й линейные полки; бригада Кустона: 5-й легкій и 42-й линейный полки; *бригада Базена:* 1-й и 2-й полки Иностраннаго легіона.

(2) Du-Casse. Précis historique des opérations militaires en Orient. 160.

(3) Journal of the siege of Sebastopol.

(4) Kinglake. The invasion of the Crimea. Leipzig. 1863. VII. 105, 124—125 and 143.

(5) Составъ Чоргунскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Липранди: *пѣхота:* пѣхотные полки Азовскій и Днѣпровскій; егерскіе полки Украинскій и Одесскій; 4-й стрѣлковый баталіонъ, *всего 17 баталіоновъ, въ числѣ до 13-ти тыс. челов. Кавалерія:* гусарскіе полки Его Высочества Николая Максимиліановича (Кіевскій) и гроссъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго (Ингерманландскій), 14 эскадроновъ; Сводный уланскій полкъ, 6 эскадроновъ; казачьи полки: Уральскій № 1-го, 6 сотенъ, и Донской № 53-го, 4 сотни, *всего 20 эскадроновъ и 10 сотенъ, въ числѣ 2,500 чел. Артиллерія:* 12-й артилл. бригады четыре батареи, 48 орудій; батареи: конно-легкая № 12-го и Донская батарейная № 3-го, по 8-ми орудій, *всего 64 орудія.*

(6) Составъ колонны генералъ-маіора Гриббе: Днѣпровскаго полка 3 баталіона, 4-го стрѣлковаго баталіона одна рота, 12-й артилл. бригады батарейной № 4-го батареи 4 и легкой № 6-го батареи 6 орудій, Сводный уланскій полкъ, Донскаго № 53-го полка одна сотня.

(7) Составъ колонны генералъ-маіора Семякина: лѣвый эшелонъ: Азовскій полкъ, Днѣпровскаго полка одинъ баталіонъ, 4-го стрѣлковаго баталіона одна рота, 12-й артилл. бригады батарейной № 4-го батареи 4 и легкой № 6-го 6 орудій; правый эшелонъ: Украинскаго полка 3 баталіона, 12-й артилл. бригады батарейной № 4-го батареи 4 орудія и легкой № 7-го батареи 4 орудія.

(8) Составъ колонны полковника Скюдери: Одесскій полкъ, 4-го стрѣлковаго баталіона одна рота, Донскаго № 53-го полка 3 сотни, 12-й артилл. бригады легкой № 7-го батареи 8 орудій.

(9) Составъ кавалеріи генералъ-лейтенанта Рыжова: гусарскіе полки: Кіевскій, 8 эскадроновъ, и Ингерманландскій, 6 эскадроновъ, шесть сотенъ Уральскаго № 1-го полка, двѣ конныя батареи.

(10) Составъ резерва: Украинскаго полка одинъ баталіонъ, 4-го стрѣлковаго баталіона одна рота, 12-й артилл. бригады легкая № 8-го батарея.

(11) Составъ отряда генералъ-маіора Жабокритскаго: Владимірскаго пѣхотнаго полка 3 баталіона; Суздальскій пѣхотный полкъ; 6-го стрѣлковаго баталіона 2 роты; Черноморскихъ пластуновъ одна рота; гусарскаго гроссъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго (Ингерманландскаго) полка 2 эскадрона, Донскаго № 60-го полка 2 сотни; 16-й артилл. бригады батарейной № 1-го батареи 10 орудій и легкой № 2-го батареи 4 орудія.

(12) Kinglake. VII. 119.

(13) Тотлебенъ.—Kinglake. VII. 125—130.

(14) Тотлебенъ.—Guérin. Histoire de la dernière guerre de Russie (1853—1856) etc. I. 338.

(15) Тотлебенъ.—Kinglake. VII. 145—150.

(16) Н. Ушаковъ. Описаніе атаки русскихъ войскъ на Кадикіойскія высоты, 13-го (25) октября 1854 года.

(17) Составъ бригады генерала Скерлета: полки: Iniskillen, 4-й и 5-й гвардейскіе драгунскіе, драгунскій Королевы и Шотландскій сѣрый, всѣ двухъ-эскадроннаго состава.

(18) Корибутъ-Кубитовичъ. Воспоминанія о балаклавскомъ дѣлѣ, 13-го октября 1854 года.—Ст. Кожуховъ. Изъ Крымскихъ воспоминаній о послѣдней войнѣ.—Kinglake. VII. 156—244.

(19) Kinglake. VII. 72—84.

(20) Kinglake. VII. 254—257.

(21) „Cavalry to advance and take advantage of any opportunity to recover the heigts. They will be supported by the infantry which have been ordered (to) advance on two fronts". Kinglake. VIII. 5—6.

(22) „Lord Raglan wishes the cavalry to advance rapidly to the front, follow the enemy, and try to prevent the enemy carrying aiway the guns. Troop of horse artillery may accompany. French cavalry is on your left. Immediate". Kinglake. VIII. 19—20.

(23) Kinglake. VIII. 11.

(24) Н. Ушаковъ.—Kinglake. VIII. 3 and 14—15.

(25) Kinglake. VIII. 19—46.

(26) Тотлебенъ.—Корибутъ-Кубитовичъ.

(27) Тотлебенъ.—Корибутъ-Кубитовичъ.

(28) Guérin. I. 346—347.

(29) Guérin. I. 347.—Kinglake. VIII. 178—179.

(30) Kinglake. VIII. 182—183.

(31) Тотлебенъ.

(32) Донесеніе князю Меншикову генералъ-лейтенанта Липранди, отъ 14-го октября 1854 года, за № 1076-мъ.

(33) Изъ донесеній Государю князя Меншикова и князю Меншикову генералъ-лейтенанта Липранди.

(34) Kinglake. VIII. 177.

(35) Kinglake. VIII. 170.

(36) Kinglake. VIII. Appendix VIII and IX.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXIV.

---

(1) Донесенія Государю князя Меншикова, отъ 17 и 22 октября 1854 г.

(2) Guérin. Histoire de la dernière guerre de Russie. I. 352 — 353.

(3) Составъ англійскихъ войскъ, собранныхъ на позиціи у почтовой дороги: дивизія Леси-Эванса, 6 баталіоновъ съ 12-ю орудіями; гвардейская бригада Бентинка, 3 баталіона; стрѣлковый полкъ дивизіи Каткарта, 2 баталіона; дивизіи Броуна 6 орудій.

(4) Тотлебенъ.—Guérin. I. 353—354.

(5) Тотлебенъ.

(6) Guérin. I. 358—360.—Bazancourt. L'expédition de Crimée, L'armée. II. 46—47.

(7) Составъ войскъ на 2-мъ отдѣленіи: *между редутомъ Шварца и 4-мъ бастіономъ:* въ 1-й линіи: 1-й Волынскій и Черноморскій казачій № 2-го баталіоны правѣе и лѣвѣе Балаклавской дороги, а въ интервалѣ между ними, на дорогѣ, штуцерные Волынскаго полка; во 2-й линіи: 2-й Волынскій баталіонъ. *На 4-мъ бастіонѣ:* 4-й Волынскій баталіонъ и двѣ роты 6-го стрѣлковаго баталіона. *На бульварѣ:* 3-й Волынскій баталіонъ и штуцерные Екатеринбургскаго полка. *Въ строеніяхъ ниже Грибка:* штуцерные Тобольскаго полка.

(8) Тотлебенъ.

(9) Составъ главнаго резерва на Городской сторонѣ: полки Екатеринбургскій и Тобольскій, 8 баталіоновъ; 6-е резервные баталіоны Волынскаго и Минскаго полковъ; флотскіе экипажи: №№ 29-го, 34-го 35-го и 26-го; легкая № 4-го батарея 17-й артиллерійской бригады.

(10) Составъ войскъ на Корабельной сторонѣ. 3-е отдѣленіе: *на батареѣ Никонова* 45-й экипажъ; *на траншеѣ влѣво отъ 3-го бастіона* 3-й Московскій баталіонъ; *на 3-мъ бастіонѣ* 40-й и 41-й экипажи; *въ траншеѣ между 3-мъ бастіономъ* и Доковымъ оврагомъ 4-й Московскій баталіонъ и 38-й экипажъ; въ резервѣ 3-го отдѣленія, между морскимъ госпиталемъ и бухтою: 1-й и 2-й Московскіе, 2-й и 4-й Углицкіе баталіоны. 4-е отдѣленіе: у Доковаго оврага 44-й эки-

пажъ; на Малаховомъ курганѣ 36-й экипажъ; между курганомъ и 2-мъ бастіономъ 3-й Углицкій баталіонъ; на 2-мъ бастіонѣ 1-й Бутырскій баталіонъ; между 2-мъ бастіономъ и Киленъ-бухтою Черноморскій № 8-го баталіонъ; въ резервѣ 4-го отдѣленія, за Малаховымъ курганомъ: 35-й и 39-й экипажи и 1-й Углицкій баталіонъ. Въ главномъ резервѣ Корабельной, въ морскихъ казармахъ: 2-й, 3-й и 4-й Бутырскіе баталіоны и легкая № 5-го батарея 17-й артиллерійской бригады.

(11) Составъ Союзной арміи вообще:

Французовъ:	56 батал.	12 эск.	72 пол. ор.,		86 ос. ор.	всего		41,798 челов.			
Англичанъ:	31	»	20	»	96	»	73	»	»	24,530	»
Турокъ:	8	»	—	»	6	»	16	»	»	4,907	»
всего же:	95	»	32	»	174	»	175	»	»	71,235	»

(12) Расположеніе осаднаго корпуса: между скатами Сапунъ-горы и верховьями Киленъ-балки 2-я дивизія Леси-Эванса, въ составѣ 6-ти баталіоновъ, силою въ 3,427 человѣкъ; далѣе—до Воронцовской дороги легкая дивизія Броуна, 7 баталіоновъ въ 3,422 человѣка; между Воронцовскою дорогою и Делагардіевою балкою 4-я дивизія Каткарта, 6 баталіоновъ въ 3,958 человѣкъ; между Делагардіевою и Сарандинакиною балками 3-я дивизія Инглепда, 6 баталіоновъ въ 3,929 человѣкъ; позади дивизій Леси-Эванса и Броуна, близъ мельницы, 1-я бригада 1-й дивизіи герцога Кембриджскаго (Бентинка): 3 баталіона въ 1,711 человѣкъ; лѣвѣе Сарандинакиной балки стояли 3-я дивизія принца Наполеона, 9 баталіоновъ въ 6,532 человѣка, и 4-я дивизія Форе́, 9 баталіоновъ въ 5,907 человѣкъ, а за лѣвымъ флангомъ дивизіи Форе́ 5-я дивизія Левальяна, 14 баталіоновъ въ 6,129 человѣкъ. Всего же въ осадномъ корпусѣ было: Англичанъ 28 баталіоновъ, силою въ 16,447 человѣкъ, и Французовъ 32 баталіона, силою въ 18,568 человѣкъ.

(13) Расположеніе обсерваціоннаго корпуса, подъ начальствомъ Боске́: 1-й баталіонъ алжирскихъ стрѣлковъ, бригады д'Отмара, въ 400 человѣкъ, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ у редута Канробера; 1-й баталіонъ 6-го линейнаго полка, бригады Бурбаки, въ 400 человѣкъ, и четыре роты 3-го баталіона пѣшихъ егерей, той же бригады, 343 человѣка, по скату Сапунъ-горы, до Воронцовской дороги; далѣе остальныя войска дивизіи Боске́ и бригада Эспинасса, въ составѣ 16-ти баталіоновъ, силою въ 12,109 человѣкъ; правѣе—турецкая дивизія, 8 баталіоновъ въ 4,907 человѣкъ; близъ деревни Кадикіой 5 баталіоновъ бригады Винуа̀, силою въ 2,778 человѣкъ; 12 эскадроновъ французскихъ, въ числѣ 1,966 человѣкъ, и часть англійской кавалеріи стояли позади турокъ и бригады Эспинасса; другая часть англійской кавалеріи была расположена позади бригады Бентинка, у верховій Лабораторной балки; всей же англійской кавалеріи было 20 эскадроновъ, силою въ 1,976 человѣкъ. Впереди Балаклавы находилась 2-я бригада 1-й англійской дивизіи, подъ начальствомъ Колинъ-Кемпбеля, 3 батал. въ 1,912 человѣкъ. Всего же въ обсерваціонномъ корпусѣ было: Французовъ 24 баталіона и 12 эскадроновъ, числомъ въ 17,996

человѣкъ; Англичанъ 3 баталіона и 20 эскадроновъ, силою въ 3,888 человѣкъ, и Турокъ 8 баталіоновъ въ 4,907 человѣкъ.

(14) Тотлебенъ.

(15) Письмо лорда Раглана къ генералу Канроберу, отъ 3-го ноября н. ст. 1854 года.

(16) Guérin.—I. 365.

(17) Составъ отряда генерала Соймонова; 10-й пѣхотной дивизіи полки: Екатеринбургскій пѣхотный, Томскій и Колыванскій егерскіе, 12 баталіоновъ; 16-й пѣхотной дивизіи полки: Владимірскій и Суздальскій пѣхотные, Углицкій егерскій, 12 баталіоновъ; 17-й пѣхотной дивизіи Бутырскій пѣхотный полкъ, 4 баталіона; 6-го стрѣлковаго и 6-го саперпаго баталіоновъ по двѣ роты; 10-й артиллер. бригады батарейная № 2-го батарея, 12 орудій; 16 артиллер. бригады батарейная № 1-го батарея, 10 орудій; 17-й артиллер. бригады легкихъ батарей №№ 4-го и 5-го по 8-ми орудій; одна сотня Донскаго № 67-го полка.

(18) Составъ отряда генерала Павлова: 11-й пѣхотной дивизіи полки: Селенгинскій и Якутскій пѣхотные, Охотскій егерскій, 12 баталіоновъ; 17-й пѣхотной дивизіи: Бородинскій и Тарутинскій егерскіе, 8 баталіоновъ; 4-го стрѣлковаго баталіона двѣ роты; 10-й артиллер. бригады батарейная № 1-го и легкія №№ 1-го и 2-го батареи 11-й артиллер. бригады батарейная № 3-го и легкія №№ 3-го и 4-го батареи; 17-й артиллер. бригады батарейной № 3-го батареи 8 орудій; Донскія легкая № 2-го и резервная № 4-го батареи, 16 орудій.

(19) Составъ отряда князя Горчакова: 12-й пѣхотной дивизіи полки: Азовскій и Днѣпровскій пѣхотные, Украинскій и Одесскій егерскіе, 16 баталіоновъ; драгунскіе полки: Наслѣдника Цесаревича (Московскій); Вел. Князя Константина Николаевича (Каргопольскій) и Вел. Князя Михаила Николаевича (Кинбурнскій), 30 эскадроновъ; гусарскіе полки: Его Импер. Высоч. Николая Максимиліановича (Кіевскій) и гроссъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго (Ингерманландскій), 16 эскадроновъ; Сводный уланскій полкъ, 6 эскадроновъ; казачьи полки: Донской № 53-го, 4 сотни, и Уральскій № 1-го, 6 сотенъ; 12-й артиллер. бригады: батарейная № 4-го и легкія №№ 6, 7 и 8-го батареи, 48 орудій; конно-батарейныя № 21-го, 22-го и 23-го, конно-легкая № 12-го и Донская батарейная № 3-го, 40 орудій.

(20) Диспозиція отъ 23-го октября 1854 года.

(21) Тотлебенъ.

(22) Воспоминанія Георгія Чаплинскаго.—Алабинъ. Походныя записки въ войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годовъ. II. 63.

(23) Въ письмѣ Государя князю Меншикову, отъ 19-го октября 1854 года, находимъ слѣдующія достопамятныя строки:

«Вѣроятно, дѣти Мои прибудутъ еще во время, чтобъ участвовать въ готовящемся; поручаю тебѣ ихъ; надѣюсь, что они покажутся достойными своего званія; ввѣряю ихъ войскамъ въ доказательство Моей любви и довѣренности; пусть ихъ присутствіе среди васъ замѣнитъ Меня».

(24) Алабинъ. II. 64.

([25]) Диспозиція на 24-е октября 1854 года, за подписью генерала-отъ-инфантеріи Данненберга.

([26]) Герсевановъ. Нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ Крыму, въ 1854 и 1855 годахъ, 46.—Алабинъ. II. 67.

([27]) Изъ рапорта генералъ-адъютанту князю Меншикову генерала-отъ-инфантеріи Данненберга, отъ 23 октября 1854 года, за № 1522-мъ.—Предписаніе генерала Данненберга Соймонову, отъ 23-го октября 1854 г. за № 1521-мъ.

([28]) Guérin. I. 370—371.

([29]) Guérin. I. 376.—Донесенія князя Меншикова и генерала Данненберга.—Тотлебенъ.

([30]) Донесенія князя Меншикова и генерала Данненберга.—Тотлебенъ.

([31]) Донесеніе генерала Данненберга.—Тотлебенъ.—Guérin. I. 377.

([32]) Тотлебенъ.—Guérin. I. 378—380.

([33]) Тотлебенъ.

([34]) Guérin. I. 381.

([35]) Guérin. I. 372—373.—Le Spectateur militaire. 62 Livrais. p. 189.—Тотлебенъ.

([36]) Донесеніе князя Меншикова.

([37]) Батарейныя батареи: 10-й бригады № 1-го 12 орудій, 11-й бригады № 3-го 12 орудій и 17-й бригады № 3-го 8 орудій.

([38]) Guérin. I. 380 et 382.—Тотлебенъ.

([39]) Guérin. I. 383—385.—Тотлебенъ.

([40]) Тотлебенъ.

([41]) Guérin. I. 388—389 et 396—399.—Тотлебенъ.

([42]) А. Розинъ. Очерки изъ Крымской войны (дневникъ очевидца).

([43]) Алабинъ. II. 88.

([44]) А. Розинъ.

([45]) Стеценковъ. Крымская кампанія. Воспоминанія и разсужденія.—Тотлебенъ.

([46]) Bazancourt. L'expédition de Crimée. L'armée. II. 76.

([47]) Донесеніе генерала Тимофѣева, отъ 26-го октября 1854 года.—Guérin I. 391—395.—Тотлебенъ.

([48]) Тотлебенъ.

([49]) Тотлебенъ.

([50]) Воспоминанія Георгія Чаплинскаго. Онъ говоритъ, будтобы въ одной 17-й дивизіи было показано выбывшими изъ фронта лишнихъ 2,500 человѣкъ; но въ дѣйствительности вся потеря дивизіи въ сраженіи подъ Инкерманомъ простиралась до 2,378-ми человѣкъ.

([51]) Рапортъ генерала Канробера, отъ 7-го ноября н. ст. 1854 года.

([52]) Донесеніе лорда Раглана.

([53]) Guérin. I. 386—387.

([54]) Воспоминанія Георгія Чаплинскаго.

([55]) Описавъ послѣднія минуты жизни своего брата, де-Кама́ оканчиваетъ разсказъ о томъ въ слѣдующихъ словахъ: „Въ продолженіи боя сражавшихся колоннъ, Русскіе возвратились на то мѣсто, гдѣ лежалъ полковникъ де-Кама̀. Впослѣдствіи тамъ нашли его мертвымъ, но—что Русскіе добили его штыками или прикладами—это ложь. Мнѣ сказывали то же самое, но я видѣлъ тѣло моего брата и

удостовѣрился, что единственною причиною его смерти была прострѣлившая его насквозь пуля". Bazancourt. II. 69.

(56) Изъ письма Государя князю Меншикову, отъ 31-го октября 1854 года.

(57) Изъ письма Государя князя Горчакову, отъ 1-го ноября 1854 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ XXV.

(¹) Guérin. Histoire de la dernière guerre de Russie (1853—1856). II. 1 et 4.

Составъ бригады Майрана: 6-й стрѣлковый баталіонъ; 23-й легкій и 28-й линейный полки: всего 5 баталіоновъ.

(²) Тотлебенъ.

(³) Алабинъ. Походныя записки въ войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годовъ. II. 108—109.—Guérin. II. 7—13.—Bazancourt. L'expédition de Crimée. La marine. I. 353—371.

(⁴) Алабинъ. II. 112—116.

(⁵) Алабинъ. II. 118—119.

(⁶) Изъ письма князя Меншикова военному министру князю Долгорукову, отъ 1-го декабря 1854 года.

(⁷) Тотлебенъ. — Вейгельтъ. Перев. Безака, Осада Севастополя. 91—82.

(⁸) Эти постройки, получившія названіе *литерныхъ батарей*, были вооружены 23-мя морскими и 22-мя полевыми орудіями. Тотлебенъ.

(⁹) Тотлебенъ.

(¹⁰) Тотлебенъ.—Вейгельтъ. 83—84.—Bazancourt. L'armée. II. 123.

(¹¹) Тотлебенъ.

(¹²) Тотлебенъ.—Guérin. II. 18—19.

(¹³) Тотлебенъ.

(¹⁴) Алабинъ. II. 136—137.

(¹⁵) Bazancourt. L'armée. II. 164—165.

(¹⁶) Тотлебенъ.

(¹⁷) Тотлебенъ.

(¹⁸) Вообще же на укрѣпленіяхъ праваго фланга оборонительной линіи, въ первой (во второй) половинѣ декабря, находилось слѣдующее число орудій:

На 5-мъ бастіонѣ: пушка бомбовая 68 ф. одна, пушекъ 24—36 ф. 15, единороговъ 1 пуд. одинъ; пушекъ-карронадъ и карронадъ 10, мортиръ 22, *всего 49 орудій*.

На люнетѣ Бѣлкина: пушка бомбовая 68-ф. одна; пушекъ-карронадъ 8, мортиръ 3, *всего 12 орудій.*

На 6-мъ бастіонѣ: пушекъ бомбовыхъ 3-пуд. 3; пушекъ 14, единороговъ 6, мортиръ 5-пуд. 2, *всего 25 орудій.* Тотлебенъ.

(19) Въ концѣ ноября (въ первой половинѣ декабря) на Малаховомъ курганѣ находились: пушка бомбовая 68-ф. одна; пушекъ 36-ф. 16; единороговъ 1-пуд. 3; пушекъ-карронадъ 24-ф. 23. Тотлебенъ.

(20) Тотлебенъ.

(21) Составъ отряда подъ начальствомъ войсковаго старшины Головинскаго.

Черноморскаго казачьяго № 2-го баталіона, подъ командою сотника Щербы и есаула Вербовскаго, 380 челов.

Матросовъ, подъ командою лейтенанта Батьянова 1-го и мичмана Батурина, 80 челов.

Саперъ съ инженеръ-поручикомъ Дельсалемъ 5 челов.

(22) Донесенія князя Меншикова.—Bazancourt. L'armée. II. 134—135.—Guérin. II. 24—25.

(23) Guérin. II. 25—26.

(24) Рапортъ вице-адмирала Нахимова, отъ 24-го ноября 1854 года.—Bazancourt. Marine. I. 381—383.

(25) Составъ отряда лейтенанта Бирилева: Охотскаго егерскаго полка, поручикъ Герсдорфъ и прапорщикъ Цируковъ съ 75-ю человѣками Охотскаго егерскаго полка; прапорщикъ Семенскій съ 75-ю человѣками Волынскаго пѣхотнаго полка; прапорщикъ Каписскій съ 75-ю человѣками резервнаго баталіона Волынскаго пѣхотнаго полка; мичманъ Сахновскій съ 25-ю человѣками 45-го флотскаго экипажа.

(26) Донесеніе князя Меншикова, отъ 23-го января 1855 г.—Приказъ князя Меншикова, отъ 2-го февраля 1855 г.—Guérin. II. 84—86.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXVI.

(¹) Алабинъ. Походныя записки въ войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годовъ. II. Прилож. 48—49.—Guérin. Histoire de la dernière guerre de Russie (1853—1856). II. 45—47.

(²) Guérin. II. 28, 48—49 et 69—71.

(³) Изъ письма Императора Николая Павловича, отъ 27-го ноября 1854 г.

(⁴) Изъ письма Императора Николая Павловича, отъ 5-го января 1855 г.

(⁵) Изъ письма Императора Николая Павловича, отъ 29-го ноября 1854 г.

(⁶) Тотлебенъ.

(⁷) Тотлебенъ.

(⁸) Ѳ. Затлеръ. Записки о продовольствіи войскъ въ военное время. II. 30—32.

(⁹) И. Л—скій. Впечатлѣнія военнаго врача въ крымскую кампанію. (Русск. Вѣстн. 1873. № 7).

(¹⁰) Ѳ. Затлеръ. Записки о продовольствія и проч. II. 32—35.—Его-же. Описаніе распоряженій, по снабженію Крымской арміи въ войну 1854—1856 г. продовольственными и огнестрѣльными припасами. 78—80.

(¹¹) Н. Соловьевъ. Скорбные листы Крымской кампаніи. (Русск. Вѣстн. 1872. № 9).

(¹²) Ѳ. Затлеръ. Записки о продовольствіи и проч. I. 253—259.—Его же. Описаніе распоряженій и проч. 88—89.

(¹³) Ѳ. Затлеръ. Описаніе распоряженій и проч.

(¹⁴) Х. Гюббенетъ. Очеркъ медицинской и госпитальной части русскихъ войскъ въ Крыму, въ 1854—1856 годахъ. 2.

(¹⁵) Х. Гюббенетъ. 3.—Ѳ. Затлеръ. О госпиталахъ въ военное время. 209.

(¹⁶) Ѳ. Затлеръ. О госпиталяхъ. 210—213.

(¹⁷) Х. Гюббенетъ. 7.

(¹⁸) Н. Соловьевъ.—Ѳ. Затлеръ. О госпиталяхъ. 217.

(19) Изъ донесенія Высочайше учрежденной коммиссіи по госпитальному дѣлу.
(20) Х. Гюббенетъ. 6—9.
(21) Х. Гюббенетъ. 18—19.
(22) Х. Гюббенетъ. 19—21.
(23) Х. Гюббенетъ. 33 и 35—37.
(24) Ѳ. Затлеръ. О госпиталяхъ. 214.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXVII.

(¹) Письмо Государя, отъ 31-го января ст. ст. 1855 года.

(²) Составъ войскъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Хрулева.

	батал.	человѣкъ.
Пѣхотн. полкъ графа Забалк. (Черниговскій) . . .	4	2,801
» » » » (Полтавскій) . . .	4	2,775
Егерск. » » » (Алексопольскій) . .	3	1,658
» » » » (Кременчугскій) . .	4	2,845
Пѣхотн. » » » (Азовскій)	4	3,157
Резервные баталіоны Подольск. егерскаго полка .	2	1,505
Баталіонъ греческихъ волонтеровъ	1	634
всего пѣхоты .	22	15,375

	эскадр.	челов.
Уланскій полкъ эрцг. Австр. Леопольда (Украинскій) .	8	1,140
» » » » » (Новоархангельскій) .	6	1,207
Драгунск. полкъ Наслѣдника Цесаревича (Московскій) .	10	836
всего кавалеріи .	24	3,183

Казачьихъ полковъ 61-го и 55-го . . . . . 5 сотенъ, 325 человѣкъ.
8-й артиллер. бригады четыре батареи . . . . 48 орудій.
14-й » » легкія №№ 3-го и 4-го батареи . . 16 »
11-й « » легкая № 4-го батарея . . . . . 8 »
11-й и 12-й артиллер. бригадъ батарейныя орудія . . . 4 »
Конно-батарейная № 21-го батарея . . . . 8 »
Конно-легкія №№ 19-го, 20-го и 23-го батареи . . . . . 24 »

Всего же въ отрядѣ Хрулева, не считая прислуги артиллеріи, 18,883 человѣка съ 108-ю орудіями.

(³) Тотлебенъ.

(4) Составъ арміи Омера-паши.

Турецкая дивизія Мехмеда-паши.	21,000 человѣкъ.	
» » Ибрагима паши		
Египетская дивизія Селима-паши		
Два эскадрона Искендеръ-бея	200	человѣкъ.
Двѣ полевыя турецкія батареи	400	»

(5) Донесеніе князю Меншикову генерала Хрулева, отъ 6-го февраля 1855 года.—А. Лавр—ъ. Степ. Александр. Хрулевъ.—Guérin. II. 101—103.—Показанія очевидцевъ.—Дислокація 10 февраля 1855 года.

(6) Донесеніе генерала Хрулева.

(7) Донесеніе Омера-паши.

(8) Bazancourt. L'expédition de Crimée. L'armée. II. 179—182.

(9) Письмо Государя Наслѣдника Цесаревича (нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора), отъ 15-го февраля ст. ст. 1855 г.

(10) Письмо князя Меншикова князю Долгорукову, отъ 17-го февраля 1855 года.

„Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья, видя необходимость мою отлучиться отсюда въ Симферополь, для пользованія отъ тяжкаго недуга, предложили мнѣ выразить Ген.-Ад. князю Горчакову, что если онъ сочтетъ возможнымъ отлучиться въ Крымъ, то прибытіе его сюда было-бы весьма полезно. Мысль эту я передалъ кн. Горчакову частно, отъ имени Ихъ Высочествъ.

„Поставляя Ваше Сіятельство объ этомъ въ извѣстность, считаю долгомъ присовокупить, что, сдавая между тѣмъ начальство надъ войскомъ. Ген.-Ад. Барону Остенъ-Сакену, я передалъ ему къ исполненію образъ дѣйствій, изложенный въ докладной всеподданнѣйшей запискѣ моей", и проч.

(11) Изъ письма Государя Наслѣдника къ генералъ-адъютанту князю Горчакову, отъ 16-го февраля ст. ст. 1855 года.

(12) Депеша графа Нессельрода князю А. М. Горчакову, въ Вѣну, отъ 17-го (29) іюня 1854 года.

(13) Письмо французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Друэнъ де-Люи къ барону Буркеней, въ Вѣну, отъ 23-го іюня н. ст. 1854 года.

(14) Письма прусскаго министра барона Мантейфеля графу Бернсторфу, въ Парижъ, и графу Бранденбургу, въ Лондонъ, отъ 24-го іюля н. ст. 1854 года.

(15) Депеша австрійскаго министра графа Буля къ австрійскимъ резидентамъ въ Парижѣ и Лондонѣ, отъ 29-го іюля н. ст. 1854 года.

(16) Актъ Германскаго Союза, отъ 24-го іюля 1854 года.

(17) Депеша графа Нессельрода къ князю А. М. Горчакову, въ Вѣну, отъ 14-го (26) августа 1854 года.

(18) Нота князя А. М. Горчакова къ графу Булю, отъ 28-го ноября н. ст. 1854 года.

(19) Нота графа Буля къ князю Горчакову, отъ 30-го ноября н. ст. 1854 года.

(20) Трактатъ между Англіею, Франціею и Австріею, 2-го декабря н. ст. 1854 г.

([21]) Военная конвенція, 26-го января н. ст. 1855 года. — Guérin. Histoire de la dernière guerre de Russie (1853—1856). II. 39.

([22]) Депеша барона Мантейфеля графу Арниму, въ Вѣну, 5-го января н. ст. 1855 года.

([23]) Изъ письма, отъ 5-го (17) января 1855 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXVIII.

---

(1) Bazancourt. L'expédition de Crimée. L'armée. II. 178.—Du-Casse. Précis historique des opérations militaires en Orient, de mars 1854 â septembre 1855. 228—332.—Weigelt. Die Belagerung von Sebastopol. 1854—1856. Переводъ Безака. 100. — По свидѣтельству же Герена, французская армія, въ концѣ января 1855 г. состояла въ числѣ 71,326 человѣкъ.

(2) Guérin. Histoire de la dernière guerre de Russie (1853—1856) II. 70.

(3) Записки генерала Бургоэна (14-го и 30-го декабря н. ст. 1854 г.). Journal of the operations conducted by the corps of Royal Engineers. I. 140 and 145.

(4) Niel. Siége de Sebastopol. Journal des opérations du génie. 135—140.

(5) Weigelt. Перев. Безака. 121—122.

(6) Ch. Fay. Souvenirs de la guerre de Crimée. 1854—1856. 193 et 195.

(7) „Les Russes avaient pris d'excellentes précautions pour préserver leur nouvel ouvrage". Guérin. II. 110.

(8) Журналъ военныхъ дѣйствій къ Крыму, съ 1-го марта 1855 по 1-е января 1856. — Алабинъ. Походныя записки въ войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годовъ. II. Прим. стран. 52—53.—Guérin. 109—113.

(9) Тотлебенъ.

(10) Тотлебенъ.

(11) Тотлебенъ.

(12) Письмо къ князю Меншикову генералъ-адъютанта Остенъ-Сакена, отъ 24-го февраля 1855 г.

(13) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.—Тотлебенъ.

(14) Тотлебенъ.

(15) Guérin. II. 125.—Тотлебенъ.

(16) Guérin. II. 125—127.—Тотлебенъ.

(17) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.—Guérin. II. 127—128.

(18) Алабинъ. II. 184—186.

(19) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.—Guérin. II. 131.

(20) Weigelt. Перев. Безака. 121—124.—Тотлебенъ.

([21]) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.—Guérin. II. 126—127.

([22]) Изъ письма къ Государю князя Горчакова, отъ 13-го марта 1855 г.

([23]) Изъ письма князя Горчакова, отъ 30-го марта 1855 г.

([24]) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.—Донесеніе князя Горчакова, отъ 13-го марта 1855 г.—Guérin. II. 131—137.

([25]) Journal du corps de siége.

([26]) Guérin. II. 137.

([27]) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.

([28]) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму. — Тотлебенъ. — Алабинъ. II. 192—193.

([29]) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.

([30]) Тотлебенъ.

([31]) На 5-мъ бастіонѣ, для обороны его внутренности, былъ устроенъ возвышенный ретраншаментъ, вооруженный 4-мя 18-ти-фунтовыми пушками-карронадами.

Для усиленія огня по непріятельскимъ работамъ впереди 4-го и 5-го бастіоновъ поставлены на смежныхъ батареяхъ одна 5-ти-пудовая и 4-ре 2-хъ-пудовыя мортиры.

Для обстрѣливанія площадки между 4-мъ бастіономъ и Язоновскимъ редутомъ, на переднемъ фасѣ редута насыпаны барбеты для полевыхъ орудій.

Батарея Сталя, на Пересыпи, вооружена 21-мъ орудіемъ.

На батареѣ правѣе 3-го бастіона насыпаны барбеты для полевыхъ орудій.

Правѣе Малахова кургана поставлена за особымъ эполементомъ одна 2-хъ-пудовая мортира.

([32]) Тотлебенъ.

([33]) Тотлебенъ.

([34]) На счетъ числа осадныхъ орудій, дѣйствовавшихъ по Севастополю во второе усиленное бомбардированіе, показанія различны: у Вейгельта — 541; у Герена — 511; у Дюкасса — 500; у Тотлебена— 444 большихъ и 38 малыхъ орудій.—Ch. Fay. 216.

([35]) Weigelt. Перев. Безака. 146—147.

([36]) Тотлебенъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXIX.

(1) Алабинъ. Походныя записки въ войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годовъ. II. 211—212.—Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера. Е. Р. Ш—ова. 91—92.—Со словъ очевидцевъ.

(2) Тотлебенъ.

(3) Guérin. Histoire de la dernière guerre de Russie (1853—1856).

(4) Bazancourt. La marine française. II. 39—41.

(5) Тотлебенъ.

(6) Донесеніе князя Горчакова, отъ 30-го марта 1855 года.—Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму съ 1-го марта 1855 по 1-е января 1856 года.

(7) Тотлебенъ. — Niel, Siége de Sébastopol. Journal des opérations du génie. 518.

(8) Guérin. II. 146.

(9) Донесеніе князя Горчакова, отъ 30-го марта 1855 г.

(10) Guérin. II. 148.—Niel. 198—199.

(11) Журналъ военныхъ дѣйствій.—Тотлебенъ.—Niel. 518.

(12) Тотлебенъ.

(13) Тотлебенъ.—Guérin. II. 148—149.

(14) Журналъ военныхъ дѣйствій.—Тотлебенъ.—Niel. 518.—Guérin. II. 148—149.

(15) Донесеніе князя Горчакова, отъ 3-го апрѣля 1855 года.—Воспоминанія доктора Пфлуга.

(16) Bazancourt. L'armée française. II. 224—228.—Guérin. II. 150—153.

(17) Журналъ военныхъ дѣйствій.—Тотлебенъ.

(18) Niel. 518.

(19) Журналъ военныхъ дѣйствій.—Тотлебенъ.

(20) Журналъ военныхъ дѣйствій. — Niel. 205 et 518. — Тотлебенъ

(21) Weigelt. Die Belagerung von Sebastopol, 1854—1856. Переводъ Безака. 155—156.

(22) Донесеніе князя Горчакова, отъ 7-го апрѣля 1855 г.—Журналъ военныхъ дѣйствій.—Тотлебенъ.

(23) Тотлебенъ.—Воспоминанія командира 4-го бастіона Реймерса.
(24) Журналъ военныхъ дѣйствій.—Niel. 518.
(25) Тотлебенъ.
(26) Тотлебенъ.
(27) По показанію профессора Гюббенета, общая убыль нашей арміи, во время втораго усиленнаго бомбардированія, простиралась до 7,378 человѣкъ. Но какъ многіе изъ раненыхъ и контуженныхъ оставались въ рядахъ, либо возвращались вскорѣ на службу, то дѣйствительная потеря была гораздо менѣе временной. Гюббенетъ. Очеркъ медицинской и госпитальной части русскихъ войскъ въ Крыму, въ 1854—1856 годахъ. 77—78.
(28) Гюббенетъ. 78—81.
(29) Пироговъ. Историческій обзоръ дѣйствій Крестовоздвиженской общины.
(30) Тотлебенъ.
(31) Bazancourt. L'armée française. II. 240.
(32) Guérin. II. 158.
(33) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму, съ 1-го марта 1855 по 1-е января 1856 года.—Тотлебенъ.
(34) Тотлебенъ.
(35) Въ постройкѣ ложементовъ впереди редута Шварца участвовали: инженеръ-поручикъ Фащевскій и подпоручикъ Домерщиковъ, 4-го сапернаго баталіона подпоручикъ Тржетржевинскій и юнкеръ Бениславскій, съ саперною командою.
(36) Журналъ военныхъ дѣйствій.—Служебная дѣятельность А. П. Хрущова. (Сборникъ рукописей о Севастопольской оборонѣ, представленныхъ Е. И. В. Государю Наслѣднику Цесаревичу).
(37) «On crut que c'etait fini pour cette nuit; mais on se trompait fort, et le matin du 25 avril les Français, à leur grande surprise, virent les embuscades rétablies; il y en avait même trois de plus». Guérin. II. 162.
(38) Niel. 214.—Guérin. II. 161.
(39) Журналъ военныхъ дѣйствій.—Ch. Fay. 229 (Изъ донесенія генерала Боскè, отъ 30-го апрѣля н. ст.).
(40) Составъ французскихъ колоннъ въ ночь съ 19-го на 20-е апрѣля (съ 1-го на 2-е мая): *лѣвая колонна*, бригаднаго генерала Базена: 6 ротъ 1-го полка Иностраннаго легіона; 8 ротъ 43-го и 10 ротъ 79-го линейныхъ полковъ; *средняя колонна*, бригаднаго генерала Ла-Моружа: 2 баталіона 46-го линейнаго полка полковника Го (Gault); *правая колонна*: 9-й стрѣлковый баталіонъ и 2 роты 42-го линейнаго полка.
(41) Niel. 240.—Guérin II. 176—177.
(42) Тотлебенъ.—Служебная дѣятельность А. П. Хрущова.
(43) „Les Russes, dont les officiers montraient un superbe courage, ne reculèrent pas sur le champ et soutinrent une lutte opiniâtre". (Русскіе, которыхъ офицеры оказали превосходное мужество, не вдругъ подались назадъ и продолжали сражаться упорно). Guérin. II. 183.
(44) Тотлебенъ.
(45) Weigelt. Переводъ Безака. 172.—Niel. 245 et 265.
(46) Тотлебенъ.—Алабинъ. II. 233—36 и 239—241.
(47) Журналъ военныхъ дѣйствій.

(48) Тотлебенъ.

(49) Работы по укрѣпленію вагенбурга, начатыя въ концѣ декабря 1854 года, окончены въ іюнѣ 1855 года. Это укрѣпленіе, расположенное по обѣ стороны рѣки Салгира, имѣло видъ неправильнаго шестиугольника и состояло изъ 4-хъ бастіоновъ, 4-хъ полу-бастіоновъ при входѣ и выходѣ Салгира и 4-хъ флешей передъ куртинами, для прикрытія выходовъ. Внутреннее пространство укрѣпленія заключало въ себѣ около 60-ти тыс. квадр. саженъ и могло вмѣщать до 3-хъ тысячъ повозокъ съ лошадьми. Для соединенія обѣихъ частей укрѣпленія былъ устроенъ мостъ. Какъ Салгиръ лѣтомъ иногда пересыхаетъ, то было устроено 8 колодцевъ и сооружена запруда. Въ этотъ вагенбургъ были отправлены всѣ обозы, находившіеся не при своихъ частяхъ, и полевыя батареи, оставшіяся безъ лошадей. Тотлебенъ.

(50) Составъ русскихъ войскъ въ Крыму, въ началѣ (въ половинѣ) мая 1855 года.

I. На южной сторонѣ Севастополя.

6-й пѣхотн. дивизіи	Муромскій пѣхотн. полкъ	4	батал.
8-я пѣхотн. дивиз.	Пѣхотный графа Дибича-Забалканскаго (Черниговскій)	4	»
	Полтавскій пѣхотн	4	»
	Алексопольскій егерскій	4	»
	Кременчугскій	4	»
9-й пѣхотн. дивизіи	Егерскій князя Варшавскаго (Орловскій) полкъ	4	»
10-я пѣхотн. дивиз.	Екатеринбургскій пѣхотн. полкъ	2	»
	Тобольскій	4	»
	Томскій егерскій	4	»
	Колыванскій	2	»
11-й пѣхотн. дивиз.	Охотскій егерскій	2	»
	Камчатскій	2	»
14-я пѣхотн. дивиз.	Волынскій пѣхотн. полкъ	1	»
	Минскій	2	»
	Подольскій егерскій	4	»
	Житомирскій	4	»
16-я пѣхотн. дивиз.	Владимірскій пѣхотный полкъ	2	»
	Суздальскій	2	»
	Углицкій егерскій	2	»
	Егерскій Великаго Князя Михаила Николаевича (Казанскій) полкъ	2	»
Резервная бригада 13-й пѣхотной дивизіи.	Сводные баталіоны изъ 5-хъ и 6-хъ баталіоновъ Брестскаго и Бѣлостокскаго пѣхотныхъ полковъ	2	»
	5-й и 6-й баталіоны Литовскаго егерскаго полка	2	»
	6-й баталіонъ Виленскаго егерскаго полка	1	»

Резервной бригады 14-й дивизіи 6-е баталіоны Волынскаго и Минскаго пѣхотныхъ полковъ	2	батал.
4-й стрѣлковый баталіонъ	1	»
Двѣ роты 3-го сапернаго баталіона	$1/2$	»
4-й саперный баталіонъ	1	»
Три роты 6-го сапернаго баталіона	$3/4$	»
10-й артиллерійской бригады легкой № 2 батареи	8	орудій
11-й артилл. бригады легкая № 3	12	»
11-й артилл. бригады » № 5	12	»
При резервной бригадѣ 13-й пѣхотной дивизіи	4	»
Донскаго казачьяго № 39 полка	2	сотни.

II. На Сѣверной сторонѣ Севастополя:

9-й пѣхотной дивизіи Брянскій егерскій полкъ	4	батал.
Селенгинскій пѣхотный полкъ	2	»
Якутскій	2	»
Резервн. бригады 13-й дивизіи 5-й батал. Виленскаго егерскаго полка	1	»
Одна рота 6-го сапернаго баталіона	$1/4$	»
10-й артилл. бригады легкой № 1 батареи	8	орудій.
» № 2	4	»
11-й артилл. бригады батарейной № 3 батареи	8	»
легкой № 4 батареи	10	»
Донскаго казачьяго № 39 полка	2	сотни.
» » № 42	3	»

III. На Инкерманскихъ и Мекензіевыхъ высотахъ, у селенія Чоргуна, на Бельбекѣ и въ Байдарской долинѣ.

6-й пѣхотн. дивизіи Нижегородскій пѣхотный полкъ	4	батал.
12-я пѣхотн. дивиз. Азовскій	4	»
Днѣпровскій	4	»
Украинскій егерскій	4	»
Одесскій	4	»
17-я пѣхотн. дивиз. Московскій пѣхотн. полкъ	4	»
Бутырскій	4	»
Тарутинскій егерскій	4	»
Лейбъ-егерскій Бородинскій Его Величества полкъ	4	»
6-й стрѣлковый баталіонъ	1	»
Греческій легіонъ Императора Николая	$1\frac{1}{4}$	»
Гусарскаго князя Николая Максимиліановича (Кіевскаго) полка	6	эскадр.
Донской казачій № 9 полкъ	6	сотенъ.
Донскаго казачьяго № 53 полка	1	»
» » № 56 »	3	»
Донской казачій № 57 полкъ	6	»

9-й артиллер. бригады	Батарейной	№ 1	батареи .	8	оруд.
	»	№ 2	» .	8	»
10-й артиллер. бригады	Батарейная	№ 3	батарея .	12	»
	Легкой	№ 3	» .	6	»
	»	№ 4	» .	6	»
16-й артиллер. бригады	Батарейной	№ 1	батареи .	8	»
	Легкой	№ 1	» .	8	»
	»	№ 2	» .	8	»
17-й артиллер. бригады	»	№ 4	» .	6	»
	»	№ 5	» .	6	»

IV. На южномъ берегу, у Ялты и Алушты.

Греческаго Балаклавскаго баталіона	2	роты.
Донскаго казачьяго № 53 полка .	3	сотни.

V. Въ Общемъ резервѣ.

А) У Симферополя и въ Бахчисараѣ.

резервн. бригады 14 пѣх. дивизіи	5-й и 6-й баталіоны Подольскаго егерскаго полка	2	батал.
резервн. бриг. 17-й пѣх. дивизіи.	5-е и 6-е баталіоны Лейбъ-Бородинскаго Его Величества и Тарутинскаго егерскихъ полковъ.	4	»
	Таврическій внутр. гарниз. полу-баталіонъ	½	»
	Черниговскій резервн. линейн. баталіонъ	1	»
2-й драгунск. дивизіи.	Рижскій драгунскій полкъ	10	эскадр.
	Финляндскій	10	»
	Донскіе казачьи №№ 22 и 60 полки.	12	сотенъ.
	Крымско-Татарскій полуэскадронъ.		
14-й артилл. бригады.	Легкой № 3-го батареи	2	орудія.
	» № 4-го »	2	»
	Конно-батарейная № 4-го батарея .	8	»
	Подвижные артиллерійскіе № 7 и № 12 и летучій № 9 парки.		

Б) Между Симферополемъ и Карасубазаромъ.

	Драгунскій принца Эмилія Гессенскаго (Казанскій) полкъ.	10	эскадр.
12-й артилл. бригады.	Батарейная № 4 батарея	12	орудій.
	Легкая № 6 батарея	12	»
	» № 7 »	12	»
	» № 8 »	12	»
	Конно-легкая № 25 батарея . . .	8	»

В) На Качѣ.

6-й пѣхотн. дивизіи.	Низовскій егерскій полкъ	4	батал.
	Симбирскій.	4	»
	3-й стрѣлковый баталіонъ	1	»
	Гусарскаго, Князя Николая Максимиліановича (Кіевскаго) полка. . .	2	эскадр.
6-й артилл. бригады.	Батарейная № 4 батарея.	12	орудій.
	Легкая № 6 »	8	»
	» № 7 »	8	»
	» № 8 »	8	»
8-й артилл. бригады.	Батарейная № 3 батарея	12	»
	Легкая № 3 »	6	»
	» № 4 »	8	»
	» № 5 »	8	»
9-й артилл. бригады.	Легкой № 7 батареи	8	»
	» № 8 »	8	»
	Донская батарейн. № 3 батарея .	8	»
	Донская легкая № 3 » .	8	»

VI. Въ общемъ вагенбургѣ, у сел. Бакшая.

10-й артилл. бригады.	Батарейной № 1 батареи	4	орудія.
	» № 2 »	4	»
	Легкой № 1 »	4	»
8-й артилл. бригады.	Легкой № 3 »	2	»
	» № 4 »	2	»
	» № 5 »	2	»
11-й артилл. бригады.	Батарейной № 3 батареи	4	»
	Легкой № 4 »	2	»
17-й артилл. бригады.	Батарейной № 3 батареи	8	»
	Легкой № 4 »	2	»
	» № 5 »	2	»

Подвижные артиллерійскіе парки: №№ 8 и 15 и половина № 11.

VII. Въ отрядѣ подъ Евпаторіей.

А) Авангардъ у Сакъ.

Драгунскій Великаго Князя Михаила Николаевича (Кинбурнскій) полкъ .	10	эскадр.
Донской казачій № 55 полкъ . . .	6	сотенъ.
Конно-легкая № 23 батарея . . .	8	орудій.

Б) Лѣвое крыло блокаднаго корпуса.

1-й драгунск. дивизіи.	Лейбъ-драгунскій Его Величества (Московскій) полкъ.	10	эскадр.
	Драгунскій Великаго Князя Константина Николаевича (Каргопольскій) полкъ.	10	»

	Уральскій казачій № 1 полкъ. . . .	6 сотенъ.
	Конно-легкая № 21 батарея	8 орудій.
	» № 22 »	8 »
	1-й конно-піонерный дивизіонъ . . .	2 эскадр.

В) Правое крыло блокаднаго корпуса.

Резервн. уланск. дивизіи.	Уланскій Эрцг. Австрійскаго (Украинскій) полкъ	8 эскадр.
	Новоархангельскій уланскій полкъ .	8 »
	Уланскій принца Александра Гессенскаго	8 »
	Уланскій Великой Княгини Екатерины Михаиловны (Елисаветградскій) полкъ.	8 »
	Донской казачій № 61 полкъ	6 сотенъ.
	Уральскаго казач. № 2 полка	4 »
	Конно-легкая № 19 батарея.	8 орудій.
	» № 20 »	8 »

Г) На Тарханкутѣ и по берегу моря.

	Уральскаго казачьяго № 2 полка . .	2 сотни.

Д) Между Симферополемъ и Евпаторіею.

9-й пѣхотной дивизіи.	Сѣвскій пѣхотный полкъ	4 батал.
	Елецкій » »	4 »
9-й артилл. бригады.	Батарейная № 4 батарея	12 орудій.
	Легкая № 6 батарея	8 «

VIII. Въ Перекопѣ.

Резервн. бригады 17-й пѣхотн. дивизіи.	5-й резервный баталіонъ Московскаго пѣхотнаго полка	1 батал.
	5-й и 6-й резервные баталіоны Бутырскаго пѣхотнаго полка	2 »
5-й артилл. бриг.	резервной легкой № 3 батареи. . . .	4 орудія.

IX. У Чонгарской переправы.

	6-й резервный баталіонъ Московскаго пѣхотнаго полка	1 батал.
	Донской казачій № 62 полкъ	6 сотенъ.
8-й артилл. бриг.	легкой № 3 батареи	2 орудія.

X. Въ восточной части Крыма.

Гарнизонъ Ѳеодосіи, подъ начальствомъ ѳеодосійскаго коменданта генералъ-маіора Хршановскаго: Таврическаго баталіона внутренней стражи 2 роты; инвалидная команда; ѳеодосійской карантинной стражи 1 рота; таврической пограничной стражи 1 рота, всего 527 человѣкъ.

Ѳеодосійскій подвижной отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Вагнера: Черноморскіе линейные баталіоны № 5-го и № 15-го;

Черноморскій казачій пѣшій № 6-го баталіонъ; 17-й артиллерійской бригады легкая № 3-го батарея, 8 орудій, всего 2,605 человѣкъ.

Кавалерійскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Сухотина.

Гусарскій гроссъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго (Ингерманландскій) полкъ. . . . . 8 эскадр.

Донскіе казачьи №№ 65 и 67 полки. . . . . 12 сотенъ.

Сводный Черноморскій казачій полкъ . . . . 4 »

Донская конно-легкая резервная батарея . . . . 8 орудій.

Всего 3,036 человѣкъ.

Керченскій отрядъ, подъ начальствомъ артиллеріи полковника Карташевскаго.

Керченскіе полубаталіоны внутренней и карантинной стражи. . . . . 1 батал.

Рота Керчь-Еникальской полубригады пограничной стражи . . . . 1/4 »

Черноморскій казачій пѣшій баталіонъ № 5-го, съ ракетною батареей . . . . 1 »

Черноморскій казачій пѣшій баталіонъ № 9 . . . . . 1 »

Гренадерская рота Черноморскаго линейнаго № 9 баталіона . . . . 1/4 »

Черноморской казачьей конно-артиллерійской № 11 батареи . . . . 4 орудія.

Всего 2,682 человѣка.

(51) Тотлебенъ.

(52) Niel. 228—229.—Bazancourt. L'armée française. II. 242—247 et 264—271.

(53) Guérin. II. 191—177.

(54) Niel. 231—235.—Rüstow. Der Krieg gegen Rüssland. I. 286—287.

(55) Rüstow. I. 287—289.

(56) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму, съ 1-го марта 1855 по 1-е января 1856 года.—Тотлебенъ.

(57) Guérin. II. 202.

(58) Журналъ военныхъ дѣйствій. — Тотлебенъ.—Bazancourt. II. 291—300.—Niel. 519.

(59) Приказаніе по войскамъ севастопольскаго гарнизона, 11 мая 1855 года.

(60) Журналъ военныхъ дѣйствій.—Weigelt. Переводъ Безака. 185.

(61) Тотлебенъ.

(62) Niel. 257.

(63) Донесеніе князя Горчакова, отъ 15 мая 1855 года.

(64) Изъ письма отъ 19-го мая 1855 г.

(65) Guérin. II. 214.—Weigelt. Переводъ Безака 183—184.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXX.

---

(1) Тотлебенъ.—Rüstow. Der Krieg gegen Russland. I. 293—295.

(2) Тотлебенъ.

(3) Составъ отряда въ восточной части Крыма показанъ въ Приложеніи къ предъидущей главѣ.

(4) Составъ Союзныхъ войскъ, участвовавшихъ въ экспедиціи: французская дивизія генерала д'Отмара (полки: 19-й, 26-й, 39-й и 74-й линейные, 5-й стрѣлковый баталіонъ; три полевыя и одна ракетная батарея), въ числѣ до 7,000 человѣкъ съ 18-ю орудіями; англійская бригада шотландскихъ горцевъ генерала Камерона съ полуэскадрономъ гусаръ и одною батареей, въ числѣ 3-хъ тысячъ человѣкъ съ 6-ю орудіями; турецкая дивизія Решидъ-паши, въ числѣ 5-ти тысячъ человѣкъ. Guérin. II. 229.—Weigelt. Die Belagerung von Sebastopol Перев. Безака. 201.

(5) Составъ войскъ, собранныхъ у Камышъ-Буруна: Керченскаго баталіона внутренней стражи 2 роты; Черноморскій казачій № 5-го баталіонъ—4 роты; Черноморскаго казачьяго № 9-го баталіона—3 роты; Черноморской казачьей № 11 батареи—4 орудія.

(6) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.

(7) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.—Rüstow. I. 298—299. Guérin. II. 231—232.

(8) Журналъ военныхъ дѣйствій.—Тотлебенъ.—Rüstow.

(9) Guérin. II. 235—236.

(10) Журналъ военныхъ дѣйствій.

(11) Донесенія подполковника князя Лобанова-Ростовскаго.

(12) И. Красновъ. Оборона Таганрога и береговъ Азовскаго моря въ 1855 году. Военн. Сборн. 1862, № 8. Стран. 251—254.

(13) Донесенія генерала Краснова и подполковника князя Лобанова-Ростовскаго.—Журналъ военныхъ дѣйствій.

(14) Донесенія генерала Краснова.—Guérin. II. 239.—241.—И. Красновъ. 257—259 и 261—262.

(15) Guérin. II. 241—242.—И. Красновъ. 268—270.

(16) Bazancourt. L'expédition de Crimée. Marine. II. 116.
(17) Тотлебенъ.
(18) И. Красновъ. Оборона Таганрога и береговъ Азовскаго моря. 270—272.
(19) Журналъ военныхъ дѣйствій.
(20) И. Красновъ. 280—289.
(21) И. Красновъ. 291—299.
(22) Журналъ военныхъ дѣйствій.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXI.

---

(1) Bazancourt. L'expédition de Crimée. L'armée française. II. 311—312.—Guérin. Histoire de la dernière guerre de Russie. (1853—1856). II. 247.—Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.

(2) Guérin. II. 248—249.

(3) Составъ колоннъ *дивизіи Майрана*: правая, Лаваранда: половина 19-го стрѣлковаго баталіона; полки 2-й Зуавовъ и 4-й морской; лѣвая, Фальи: половина 19-го стрѣлковаго баталіона; 95-й линейный полкъ, 1-й баталіонъ 97-го линейнаго полка и баталіонъ гвардейскихъ жандармовъ; всего 9 баталіоновъ.

(4) Составъ *дивизіи Дюлака*: бригада Сенъ-Поля: 17-й стрѣлковый баталіонъ, 57-й и 85-й линейные полки; бригада Биссона: одинъ баталіонъ 61-го линейнаго полка и 10-й линейный полкъ.

(5) Составъ *дивизіи Каму*: бригада Вимпфена: полки: 50-й линейный, 3-й Зуавовъ и алжирскихъ стрѣлковъ; бригада Верже: 3-й стрѣлковый баталіонъ, 6-й и 82-й линейные полки.

(6) Составъ *дивизіи Брюне*: бригада Кёра (Coeur): 4-й стрѣлковый баталіонъ, 86-й и 100-й линейные полки; бригада Лафонъ де-Вильера: 49-й и 91-й линейные полки.

(7) Guérin. II. 249—250.—Rüstow. Der Krieg gegen Russland. I. 361—365.

(8) Тотлебенъ.

(9) Рапортъ начальнику севастопольскаго гарнизона графу Остенъ-Сакену генералъ-лейтенанта Жабокритскаго, отъ 19-го мая 1855 г. Диспозиція войскъ на оборонительной линіи города Севастополя, 22-го мая 1855 г.

(10) По показанію самихъ Французовъ, нашими войсками захвачено въ плѣнъ 7 офицеровъ и 275 нижнихъ чиновъ. Guérin. II. 558.

(11) «Les Russes furent culbutés et chassés de nouveau de la redoute, d'ou, cette fois, les Français n'eurent garde de descendre». Guérin. II. 258.

(12) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.—Тотлебенъ.

([13]) Рапортъ генералъ-лейтенанту Хрулеву командующаго Полтавскимъ пѣхотнымъ полкомъ подполковника князя Урусова, отъ 30-го мая 1855 г.—Рапортъ генер.-лейтенанту Хрулеву командующаго егерскимъ князя Варшавскаго (Орловскимъ) полкомъ подполковника Краевскаго, отъ 1-го іюня 1855 г.—Тотлебенъ.

([14]) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.

([15]) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.

([16]) Алабинъ. Походныя записки въ войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годовъ. II. 321.

([17]) Niel. Siége de Sébastopol. 296.—Guérin. II. 260.

([18]) Niel. 301.

([19]) Guérin. II. 261.

([20]) Тотлебенъ.

([21]) Guérin. II. 261.

([22]) Тотлебенъ.

([23]) Письмо Государю князя Горчакова, отъ 27-го мая 1855 г.

([24]) Письмо Государя князю Горчакову, отъ 4-го іюня 1855 г.

([25]) Вейгельтъ. Осада Севастополя. Перев. Безака. 205—207.

([26]) Вейгельтъ. 209.

([27]) Вейгельтъ. 209.—Тотлебенъ.—Guérin. II. 265.

([28]) Тотлебенъ.

([29]) Тотлебенъ.

([30]) Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера. 167—168.

([31]) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.

([32]) Тотлебенъ.

([33]) Тотлебенъ.

([34]) Описаніе отбитія штурма отъ города Севастополя, 6-го іюня 1855 г. (При журналѣ военныхъ дѣйствій въ Крыму).

([35]) Число войскъ обѣихъ сторонъ выведено изъ наиболѣе достовѣрныхъ показаній.

([36]) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.

([37]) Описаніе отбитія штурма 6-го іюня 1855 г.

([38]) Тотлебенъ.

([39]) Guérin. II. 273—276.—Rüstow. I. 391—398.

([40]) Bazancourt. L'armée française. II. 347.

([41]) Рапортъ князю Горчакову генералъ-адъютанта графа Сакена, отъ 20-го іюня 1855 года.—Тотлебенъ.

([42]) Рапортъ князю Горчакову генер.-адъют. Сакена, отъ 20-го іюня 1855 года.

([43]) Составъ колоннъ *дивизіи Майрана:* правая, Сорена: половина 19-го стрѣлковаго баталіона, полки 2-й Зуавовъ и 4-й морской; лѣвая, деФальи: половина 19-го стрѣлковаго баталіона, 95-й и 97-й линейные полки; *въ резервѣ:* два баталіона 1-го полка гвардейскихъ стрѣлковъ (Voltigeurs). Всего 11 баталіоновъ.

([44]) Составъ колоннъ *дивизіи Брюне:* штурмовая колонна, Кёра: 4-й стрѣлковый баталіонъ, 86-й и 100-й линейные полки; резервъ, Лафонъ де-Вильера: 49-й и 91-й линейные полки. Всего 9 баталіоновъ.

([45]) Составъ колоннъ *дивизіи д'Отмара:* штурмовая колонна Ніоля:

5-й стрѣлковый баталіонъ, 19-й и 26-й линейные полки; резервъ Бретона; 39-й и 74-й линейные полки. Всего 9 баталіоновъ.

(46) Niel. 312—314.—Guérin. 276—277.

(47) Rüstow. I. 394—397.

(48) Нѣкоторые изъ французскихъ историковъ пишутъ, будтобы Майранъ принялъ за сигналъ къ штурму нѣсколько бомбъ, пущенныхъ съ батареи близъ редута Викторіи.

(49) Niel. 314—315.—Guerin. II. 279—285.

(50) Описаніе отбитія штурма 6-го іюня.—Niel. 315—317.—Guérin. II. 285—287.

(51) Тотлебенъ.

(52) Описаніе отбитія штурма 6-го іюня.—Niel. 316.—Guérin. II. 287—288.

(53) Описаніе отбитія штурма 6-го іюня.—Niel. 317.—Guérin. II. 291—295.

(54) Описаніе отбитія штурма 6-го іюня.—Воспоминанія Александра Гана.—Guérin II. 288—289.—Rüstow. I. 413—415.

(55) Описаніе отбитія штурма 6-го іюня.—Guérin. II. 295—296.—Rüstow. I. 415—416.

(56) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.

(57) Воспоминанія Георгія Чаплинскаго.

(58) Алабинъ. Походныя записки въ войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годовъ. II. 275—276.

(59) Вейгельтъ. Перев. Безака. 217.

(60) Описаніе отбитія штурма 6-го іюня.

(61) Niel. 318—319.—Guérin. II. 296—297.—Auger. Siége de Sébastopol. I. 329.

(62) Изъ письма военному министру князю Долгорукову князя Горчакова, отъ 7-го іюня 1855 года.

Кромѣ помянутыхъ здѣсь, въ числѣ наиболѣе отличившихся, въ донесеніи о штурмѣ были показаны:

Начальникъ штаба войскъ, расположенныхъ въ Крыму, генералъ-лейтенантъ Коцебу.

Начальникъ пѣхоты на Корабельной сторонѣ, генералъ-лейтенантъ Павловъ.

Командующіе войсками: на 3-мъ отдѣленіи генералъ-маіоръ Лысенко и на 5-мъ генералъ-маіоръ Юферовъ; начальники отдѣленій: 4-го—капитанъ 1-го ранга Кернъ и 5-го—капитанъ 1-го ранга Перелешинъ 2-й; начальникъ артиллеріи 4-го отдѣленія капитанъ 1-го ранга Перелешинъ 1-й.

Командиры полковъ и командующіе полками: Селенгинскаго—генералъ-маіоръ Сабашинскій, Якутскаго—генералъ-маіоръ Бялый, Суздальскаго—полковникъ Дараганъ, Кременчугскаго — подполковникъ Сербенинъ, Орловскаго—подполковникъ Краевскій, Владимірскаго—подполковникъ Жерве́, Полтавскаго—подполковникъ князь Урусовъ, Камчатскаго—полковникъ Голевъ, Брянскаго—полковникъ Ганъ, Охотскаго полка—полковникъ Малевскій.

Начальникъ батарей на Пересыпи флигель-адъютантъ капитанъ 1-го ранга Кислинскій, начальникъ батарей Никоновъ.

Помощникъ начальника штаба полковникъ, Козлянииовъ и оберъ-квартирмейстеръ гарнизона полковникъ Циммерманъ.

(63) Изъ письма Государя Императора, отъ 15-го іюня 1855 г.

(64) Изъ письма князя Горчакова, отъ 7-го іюня 1855 г.

(65) Изъ письма князя Горчакова, отъ 15-го іюня 1855 г.

(66) Изъ письма князя Горчакова, отъ 15-го іюня 1855 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXII.

---

(1) Тотлебенъ.
(2) Тотлебенъ.
(3) Тотлебенъ.—Вейгельтъ. Осада Севастополя, 1854—1856 годовъ. Перев. Безака. 250—251.
(4) Guérin. Histoire de la dernière guerre de la Russie (1853—1856). II. 322.
(5) Вейгельтъ. 247.
(6) Тотлебенъ.—Вейгельтъ. 252—253.
(7) Тотлебенъ.—Вейгельтъ. 229—234.
(8) Тотлебенъ.
(9) Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера. 217—218 и 222—225.
Алабинъ. Походныя записки въ войну 1853, 1854, 1855 и 1856 г. II. 280.
(10) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.
(11) Тотлебенъ.—Niel.
(13) Алабинъ. II. 284.
(14) Слышано отъ капитана 1-го ранга (нынѣ вице-адмирала Ѳ. С Керна).
(14) Алабинъ. II. 284—286.—Гюббенетъ. Очеркъ медицинской и госпитальной части въ Крыму, въ 1854—1856 годахъ. 130.
(15) Слышано отъ моряковъ-Севастопольцевъ.
(16) Гюббенетъ. 133—134.—Замѣтки одного изъ Севастопольцевъ (А. Ц.).
(17) Слышано отъ лицъ, состоявшихъ при адмиралѣ Нахимовѣ.
(18) Стеценковъ. Крымская кампанія. Воспоминанія и разсужденія.—Замѣтки одного изъ Севастопольцевъ.—Слышано отъ капитановъ 1-го ранга (нынѣ вице-адмираловъ) П. В. Воеводскаго и Ѳ. С. Керна.
(19) Rüstow. Der Krieg gegen Russland. I. 438—439.
(20) Rüstow. I. 439—440.
(21) Гюббенетъ. 86—87.
(22) Стеценковъ. Крымская кампанія.

(23) Тотлебенъ.

(24) Письмо къ генералъ-адъютанту Безаку генералъ-маіора Крыжановскаго, отъ 19-го августа 1855 года.

(25) Тотлебенъ.—Вейгельтъ.

(26) Тотлебенъ.

(27) Тотлебенъ. — Севастопольскія воспоминанія артиллерійскаго офицера. 247.

(28) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.—Тотлебенъ.—Вейгельтъ.

(29) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.

(30) Тотлебенъ.

(31) Тотлебенъ.—Ніель.

(32) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.

(33) Тотлебенъ.

(34) Тотлебенъ.

(35) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму.—Тотлебенъ.

(36) Тотлебенъ.

(37) Изъ письма Государя Императора, отъ 2-го іюля 1855 года.